

МЕМОАРЫ
ВЫСТУПЛЕНИЯ
ИНТЕРВЬЮ
ПУБЛИЦИСТИКА

**Дважды
Француз
Советского
Союза**

Никита Кривошеин

Никита Кривошеин
Дважды
Француз
Советского
Союза

Никита Кривошеин

**Дважды
Француз
Советского
Союза**

Мемуары
Выступления
Интервью
Публицистика

Нижний Новгород
ООО Издательство
«Христианская библиотека»
2016

УДК 271.2
ББК 86.372.24-3.81
К 19

Никита Кривошеин

К 19 **Дважды Француз Советского Союза** : Мемуары, выступления, интервью, публицистика. — Нижний Новгород : Издательство «Христианская библиотека», 2016. — 416 с., илл. ISBN 978-5-905472-44-2

Воспоминания Никиты Кривошеина дороги тем, что это взгляд на мир глазами русского европейца. От них веет добротой, смиренным принятием всего того, что пришлось пережить. Это мужественное, честное и в то же время доброе и деликатное свидетельство о тех страницах истории России и русского народа, которые пропаганда — и советская, и нынешняя — стремится вычеркнуть из нашей памяти. В этих воспоминаниях есть цельный образ прошлого, которому дана нравственная оценка. Так можно без стыда подводить итог своей жизни. Сохранение исторической памяти невозможно без нравственного усилия, без воспитания души. К этому нас и побуждает чтение воспоминаний Никиты Кривошеина.

УДК 271.2
ББК 86.372.24-3.81

Допущено к распространению Издательским Советом
Русской Православной Церкви, ИС Р14-414-1348

Художник-оформитель — Сергей Трофимов

© Н.И. Кривошеин, 2014
© ООО Издательство
«Христианская библиотека», 2014

ISBN 978-5-905472-44-2

Предисловия

* * *

Почему старый друг Никита попросил меня написать нечто вроде предисловия или «после-словия» к своему сборнику «Дважды Француз Советского Союза»?

Потому ли, что в начале октября 1956 года, в самый первый день моего пребывания в СССР, был стук в дверь моего «блока» на Ленинских горах (зона Г, комната 636) и я услышал два голоса: «а где он, новый французик?» Это были Никита Кривошеин и Андрей Волконский. Два «дважды француза», два репатрианта не по своей воле (как герой Мольера)... Для меня этот стук в дверь был подарком судьбы: два друга, два инопланетянина, две России...

Я познакомился с родителями Никиты, с Игорем Александровичем и с Ниной Алексеевной. Строгий рыцарь в очках и добрая, смеющаяся хранительница очага... Но какого очага?! Читая её мемуары «Четыре трети нашей жизни» (намного позже), я понимал, как можно выползти из сложного лабиринта победительницей, шутницей и запевать *Magnificat* жизни, хотя жизнь щедро сеяла парадоксы, расставляла капканы, злые шутки.

Игорь Александрович был человеком сдержанным, я бы сказал самодержавным. Владел собой, как целой державой. И ронял в разговоре детали из трёх, четырех частей жизни. Сколько можно иметь жизней за свою жизнь? Мне кажется, что весь род Кривошеиных нам задает этот вопрос. А мы, скромные обладатели одной всего на всего жизни – рот разеваем.

От огромного особняка Кривошеиных до барака в Дахау, от Шарашки из «Круга первого» под Москвой, до крохотной веранды на Николиной Горе и до квартирки

в Париже, в XIII округе – сколько было комнат в этой анфиладе, сколько просцениумов для этой пьесы? А герой был один, не меняющийся, не вращающийся по ветру. Говорят, что т. Сталин шестнадцать раз смотрел «Дни Турбиных» Михаила Булгакова. Что же его завораживало в этих врагах народа? Героизм тучного капитана Най-Турса? Или попросту честь, вдохновляющая обитателей этого дома?

Конечно честь! Хотя слово это, которым и Никита Игоревич объясняет прямизну некоторых судеб при всех изгибах история может только изгладить. Честь, как и соль, может разбавляться.

Судьбы русской эмиграции, её увлечения евразийством, Казем Бекон (русским Дуче), Сталиным, Родиной... её противоречивые жестикюляции, её «укрытия» в мизерных квартирках Булонь или на нарах лагеря в Германии, где погибает Мать Мария (Скобцова), колебания эмиграции перед зазывалой советского кафешантана – все это великолепиие в отрешках, вся эта приличность порой смешанная с мишурой – мелькают на страницах взрослого летописца Никиты.

Во взрослом Никите Игоревиче осталось многое от мальчика Никиты. Его ирония, его остроумие и шутовство, его озорство чуть притупились, но искренность суждений и даже удивления – остались.

Мальчуган оккупированного Парижа, обитатель Ульяновска в нищие сталинские времена, молодой советский студент с «буржуазным воспитанием», который постучал в мою дверь в МГУ – прошел столько школ, что он мог оплатить свой членский билет многим ассоциациям ветеранов.

Но главная школа – другая. Её называют Лубянка. И тут повеяло другим ветром, новым декабризмом что ли, мушкетерами, но не втроем, а в одиночестве... «дал ли Никита на кого-нибудь показания?» – спросил отец у адвоката нового декабриста. «Нет, не дал». Читал Кипплинга и Мал-

ларме, выписанных из сказочно богатой библиотеки этого «вуза» нового типа.

О нем, о его «университетах», о Мордовии (не балаганного Депардьё), а о всех друзьях узника, о русском Париже, о малой парижской Москве – здесь читатель узнает многое. Иногда автор вещает как Сорбонский учитель, но, слава Богу, ненадолго, и над собой смеётся.

Да, кстати, и о Боге здесь много интересного. Племянник замечательного Архиепископа Василия, не мог обойти эту тему... Да и «внутренний голос» говорит здесь не меньше, чем славная унаследованная традиция. Религиозные споры всегда чреватые терроризмом. И это даже случается на святой Горе – автор не афонский монах и не аскет – подвижник, но и тут, хотя он иногда близок к опасной черте, его охраняет Всевышняя Рука. Наверное, помогает святыня-ладанка с мощами Преподобного Серафима. Медальон этот был передан дедушке Никиты, от Императрицы Александры Федоровны...она с супругом была на канонизации св.Серафима в Дивеево в 1903 году. Был там и молодой Боря Бугаев (Андрей Белый), он и его матушка молились святому и своему новому петербургскому другу Александру Блоку, Борис написал : «Серафим! Серафим! Только там мир, где тигры и леопарды лапастя, усмиренные у ног, только там счастье, Серафим, где пунцовый огонек твоей лампадки».

Вот чудная и чудная лампадка, и хорошо, что она светится и в интервью, и в лекциях для молодой публике старившегося мальчика Никиты.

А Французик из Клермон-Феррана, чей отец упомянут в фильме «Грусть и сочувствие»*, когда Никита с матерью

* Отец Жоржа Нива — один из персонажей фильма «Грусть и сочувствие», режиссёр Марсель Офюльс («Le Chagrin et la Pitié» 1971 г.), французский фильм об оккупации 1940–41гг., запрещенный во Франции к прокату.

отправляются в СССР вслед за Игорем Александровичем (высланным из Франции) ещё очень мало знал о России, но читал афиши наклеенные на стенах города о великих чистках 1937 года в Москве, и отчаянно спорил с товарищами- марксистами. То было время скандальной книги Виктора Кравченко «Я избрал свободу».

Избрать свободу... легко сказать, трудно сделать.

Избрать родину... легко сказать, мучительно сделать.

А избрать и свободу и родину...

Жорж Нива,

французский филолог, славист,
профессор Женевского
университета.
Франция

* * *

Воспоминания Никиты Кривошеина, переводчика-синхрониста, в 1957-60 гг. узника Дубравлага, охватывают тот период истории, о котором мы, казалось бы, знаем вполне достаточно. О России во второй половине XX века рассказано, написано, и снято очень много... Только помогает ли это нам понять свою страну и свой народ?

Историческую память в начале XXI века формируют свидетельства тех, кто смотрит на жизнь Советской России с фасада и предпочитает не уклоняться от шаблонов и идейных установок советской пропаганды – здесь и тоска по империи, и гордость за успехи, и счастливое детство, и многое-многое... Другие воспоминания, тех, кто «не был, не участвовал, не состоял», сегодня тоже не малочисленны, но они сразу попадают на дальние полки и не составляют реальной альтернативы тому, что воспитывает ностальгию по советскому.

Воспоминания Кривошеина из тех, что сразу будут поставлены на те дальние полки. В образе страны, который читатель увидит в этой книге, нет ни капли сочувствия к советскому. Никита Игоревич говорит как свидетель и участник событий, которые могут показаться странными, нетипичными. Но здесь необходимо сделать важную оговорку: это только сегодня так кажется. Все современники прекрасно понимали, что аресты, допросы, тюрьмы не были чем-то неожиданным или исключительным. Так жила вся страна не только в 30-е, но и в 40-е, и в 50-е годы.

Все эти десятилетия Советская Россия жила за «железным занавесом», однако в воспоминаниях Никиты Кривошеина тесно переплетаются судьбы тех, кто жил не

только в России, но и во Франции. И даже так: кто жил и в России, и во Франции. Его семья оказалась среди обманутых Сталиным эмигрантов, поверивших в возможность вернуться на Родину. Его семья вернулась из Франции в Советский Союз в 1947. Назад во Францию он уехал в 1971. За эти годы и он сам, и его отец узнал, что такое ГУЛАГ.

«Время истекшее придает большую добавочную стоимость любым воспоминаниям о встречах с матерью Марией», – замечает Никита Игоревич, когда говорит о монахини Марии (Скобцовой). Эти же слова можно приложить и ко всем его воспоминаниям. Бережное, трепетное в чем-то даже «священное» отношение автора к образам прошлого дает читателю возможность увидеть ценность, особенную «добавочную стоимость» тех из них, что хранятся не в папках, коробках или фотоальбомах, а в сокровенной глубине сердца.

В воспоминаниях Никиты Игоревича есть удивительное чувство истории. Несколькими штрихами он тонко очерчивает характер эпохи, и делает это убедительно и ярко, как умелый рассказчик. Вереницей проходят образы замечательных русских людей, которых сегодня, увы, уже невозможно встретить. Их имена по большей части забыты, но рассказчик призывает: надо помнить и о них, надо найти для них мест в нашем сердце, в нашей памяти. Епископ Василий (Кривошеин), монахиня Мария (Скобцова), протоиерей Андрей Сергиенко, священник Вячеслав Якобс, католический священник Станислав Кишкис, Константин Андроников, Вадим Козовой – множество разных людей проходит перед читателем. Такой калейдоскоп встреч и расставаний, мимолетных впечатлений, как будто бы случайных деталей создает удивительно целостную картину жизни.

Лишь в одном случае автор публикует документы – письма епископа Василия (Кривошеина) в связи с арестом и высылкой из Советского Союза Александра Исае-

вича Соложеницына. В этих письмах, охватывающих короткий период февраля-мая 1974 года, и возмущение позицией митрополита Крутицкого и Коломенского Серафима (Никитина), выражавшего полный «одобрямс» действиям властей, и увещание к митрополиту Антонию (Блуму) не уходить в связи с этим с поста экзарха, и более широкие размышления о «церковном и политическом» в контексте своей эпохи.

Думаю, так говорить могут лишь те, кто изгнал из своей жизни страх. Память – это достояние свободных людей. Тот, кто не свободен, вынужден довольствоваться идеологическими штампами, мифами или долгим молчанием.

Бывая в разных странах, общаясь с самыми разными людьми, я часто слышал один и тот же вопрос: каким был Советский Союз? как в нем жили люди, почему сегодня одни продолжают любить советское прошлое, а другие от него стремятся отвернуться, преодолеть?

Эти вопросы долгое время ставили меня в тупик. Слишком уж разный у нас с собеседниками опыт – культурный, социальный, политический... В двух словах о таком не расскажешь.

Но однажды мне показалось, что я нашел ключ к ответу на этот вопрос. Я рассказываю простую и понятную историю о том, что значит прожить всю жизнь в страхе и молчании.

Мои бабушки никогда ничего мне не рассказывали ни о своей жизни до октябрьского переворота, ни о своей жизни после. Практически ничего. В годы перестройки, когда я уже был студентом, я задавал эти вопросы, но ответом было как правило молчание или, в лучшем случае, короткие фразы, напоминавшие строки из краткой автобиографии.

Я расстраивался, выжидал, через некоторое время подходил и задавал эти вопросы снова... и бабушки снова молчали. Со временем я понял, что это было намеренное молчание. Они боялись. Но боялись уже не за себя. Они

боялись за меня. Боялись, что я узнаю что-то такое о «прошлой жизни» своей семьи, что может помешать моей жизни в будущем. Лучше меньше знать. Молчание было проявлением заботы о слишком любопытном внуке.

Мои собеседники после этого рассказа тоже погружались в молчание. И действительно, трудно себе представить, в какие глубины души проник страх в советское время.

Я мечтаю о том, чтобы у моих детей и их сверстников были такие «общие дедушки», как Никита Игоревич Кривошеин. Они умеют и любят вспоминать прошлое и, глядя детям в глаза, рассказывать о том, какой была Россия в XX веке.

Люди, свободные от страха, были редким исключением в Советской России. Их голос в общем хоре свидетельств о послевоенной России звучит тихо и очевидным диссонансом... Но можно сказать и наоборот: хор поет слишком громко и слишком плохо, но можно услышать отдельные красивые голоса.

Воспоминания Никиты Кривошеина дороги тем, что это взгляд на мир глазами русского европейца. В контексте нынешних общественных дискуссий эти слова звучат странно и, возможно, для кого-то подозрительно. Однако и ширь, и глубина подлинной русской культуры раскрывается только в ее соположении с Европой, ее историей и культурой, ее людьми, а теперь и «ее» русскими.

От воспоминаний Никиты Кривошеина веет добротой, смиренным принятием всего того, что пришлось пережить. При чтении меня не покидало чувство глубокой благодарности автору за это мужественное, честное и в то же время доброе и деликатное свидетельство о тех страницах истории России и русского народа, которые пропаганда – и советская, и нынешняя – стремится вычеркнуть из нашей памяти.

Зачем забывать прошлое? Ответ на этот тяжелый и печальный вопрос прост: за ненужностью. За нынешней

свободной слова скрывается прагматизм, диктующий жесткое идеологизированное отношение к прошлому. Он может рухнуть лишь тогда, когда прекращается атака в лоб, противопоставление одних аргументов и фактов другим... Так может продолжаться до бесконечности. Из этого порочного круга можно вырваться только через личное свидетельство. И это свидетельство не может быть только на словах. Оно должно быть самой жизнью: страданиями и радостями, утратами и приобретениями, солидарностью и дружеской поддержкой, молитвой и надеждой.

Христианское мироощущение пронизывает и связывает все воспоминания. Венцом жизни, в которой было место радости и печали, надежде и разочарованию, становятся слова примирения – слава Богу за всё. Человеческая память так устроена, что помнить хорошее – это естественно, а плохое естественно забывать. Но помнить следует разное. Только так происходит воспитание души.

В этих воспоминаниях есть завершенность, цельный образ прошлого, которому дана нравственная оценка. Так можно без стыда подводить итог своей жизни. Сохранение исторической памяти – это необходимый труд для вочеловечивания нашей истории. И его невозможно совершить без нравственного усилия, без воспитания души. К этому нас и побуждает чтение воспоминаний Никиты Кривошеина.

Сергей Чапнин

* * *

Камерная молитва

(от автора)

С чего начинается моё христианство? С заучивания наизусть (задолго до освоения грамоты) главных молитв, с повторения их вслух перед образами утром и вечером, с каждовоскресного стояния на обедне в парижской церкви на улице Дарю со знаменитым хором регента Афонского, с книги «Мой первый учебник Закона Божьего» с ятями и твёрдыми знаками. Годам к десяти у меня сформировался навык постоянной молитвы в одиночестве. Я бесконечно благодарен родителям за такое детство, ставшее опорой всей дальнейшей жизни.

Внутренний мир для меня всегда был куда более неприкосновенен, чем интимные чувства. Что Жан Жак Руссо со своей «Исповедью», что Бердяев с его «Самопознанием»! Для меня это скорее откровенничество, чем откровение.

В августе 1957 года я послал неподписанную статью в газету «Монд» — о венгерских событиях. И вскоре оказался во Внутренней тюрьме КГБ СССР. Там, в центре Москвы, я прожил восемь месяцев, из них более шести в одиночке, правда с книгами — по три на десять дней. Как только сошёл нервно-физический шок от ареста и первых чуть ли не суточных допросов с убедительными угрозами, сама по себе вернулась способность молиться — почти как в детстве. Лубянка не Афон, но тихая сосредоточенная молитва возможна была и здесь — при ранней побудке, за чтением, на получасовой прогулке... В коммунистической Москве молитвы из памяти тоже ни-

когда не уходили, наоборот, закреплялись на редких литургиях, которые я до ареста посещал у Иоанна Воина на Якиманке.

Не обозначить как, но очень скоро я оказался в состоянии почти бесстрашия, почти полноценной внутренней умиротворенности и странной, противоестественной уверенности, что я оборонён и вне опасности. Большой храбрости по ходу следствия я не проявил, но ни один человек из-за моих протоколов не пострадал. Моя поныне убежденность: только Господь — никто и ничто иное — даровал мне в эти дни кротость и мудрость, спасшие меня от предъявляемых хотя и лживых, но ловко сфабрикованных обвинений в шпионаже. Хэппи энд (только 3 года лагеря) я воспринял не как чудо (каким оно для меня было), а как нечто естественное...

Вот так Господь помог, благодаря родителям, почувствовать христианство, а благодаря Внутренней тюрьме укрепиться в нём.

В Мордовском лагере той интенсивной молитвенности уже не было. Зато были долгие беседы с литовским, великого богословского образования, мучеником Советов, каноником Станиславом Кишкисом, были исповеди и тайное причастие у святящегося молодого священника, отца Вячеслава Якобса, ныне митрополита Таллинского и Эстонского Корнилия...

Отдельно я еще расскажу о моем дяде, владыке Василии, чьи «Богословские труды» недавно вышли в издательстве «Христианская библиотека». Он был совершенной духовной личностью, а потому и человеком органичной, внешне незаметной, естественной скромности.

Почти полные 25 лет, прожитые мною в СССР, я был достаточно зряч, чтобы чётко видеть уродства, искажавшие не суть, но облик Церкви, — следствие её порабощения большевиками и полуколлаборационизма. Но выбор

моего дяди был для меня весом и значим, так как был определён его благодатной надеждой на возрождение живой церковной жизни. Уверен, что на небесах он радуется и объединению двух ветвей Церкви (РПЦ и РПЦЗ), которое произошло в 2007 году.

Что касается меня, то я чувствую себя человеком двух-культурным и двуязычным, «русским французом» — по слову профессора Швейцера, гениального кабинного переводчика. Формированию этого самосознания, его укоренению, конечно же, определяющим образом способствовала полувековая практика синхронного перевода, синхронного сосуществования во мне двух языковых и культурных миров и чередование жизни в двух странах.

Там, где я есть, в родном Париже, хоть малую пользу в деле декоммунизации России мне приносить удаётся. Вместе с супругой Ксенией мы ведём франкоязычный православный сайт-блог «Parlons d'orthodoxie»*. Удаётся писать, принимать посильное участие в конференциях. Но всё реже совершаю кругосветные путешествия, в которых я провёл всю свою профессиональную жизнь.

Никита Кривошеин

* «Поговорим о православии» (фр.).

Мемуарная проза

В своих новеллах я попробовал рассказать не столько о себе, сколько о своей эпохе, то есть о нескольких светлых людях, которых мне послал Господь встретить в лагерные годы: священниках, поэтах, правозащитниках, художниках, самых простых, замечательных и честных людях... Таких, как отец Станислав. Таких, как Владимир Тельников и его подельник по Ленинградскому делу 1957 года Виктор Трофимов. Таких, как Марат Чешков и его подельники по Московской группе Краснопевцева. Таких, как полуграмотный двадцатипятилетний западный украинец, получивший срок за недонесение на отца, участвовавшего в убийстве секретаря райкома партии... Всех не перечислить. Но по выходе на свободу мы продолжали дружить, и эта связь сохраняется до сих пор — с теми, кто ещё жив.

Никита Кривошеин.
Москва, 1953.
Институт

Быть русским в 1956 году*

Каждое утро во время получасовой прогулки по забетонированной площадке на крыше Лубянки я смотрел, как из трубы вылетали куски горелой бумаги... Задачи историка и судей окажутся не простыми.

Будет ли историкам полезен мой рассказ, разрозненные воспоминания подростка, парижанина «белогвардейского» толка, оказавшегося в 1948 году на родине Ленина, в Ульяновске? В 1952 году я стал, вопреки положению советских вещей, студентом одного столичного института (сталинский аппарат бывал несовершенен даже на пике своего всемогущества). Моя субъективность несомненна: к тому, что оставалось у меня от лица Жансон и школы Сен-Жорж, в 1949 году прибавился приговор моего отца к десяти годам лагерей за «сотрудничество с международной буржуазией» (он узник Дахау, награжден французской медалью Сопротивления). С пятнадцати лет я, понятно, питал к коммунизму осмысленную ненависть, четкое и продуманное отвращение; лукавое понятие «сталинизм» мне представлялось очевидным. Именно всё это определяет поле моего зрения, направляет взгляд и память.

Публичное чтение

Весна 1956 года, Москва, одна из аудиторий Института. По расписанию — лекции по диалектическому материализму, но вдруг вместо этого появляется декан факультета, в руках у него брошюра с красной обложкой. Лекция, заявляет он, заменяется прослушиванием секретного

* Этот текст написан по просьбе парижского журнала «Эспри» («Esprit») вскоре после моего выступления на вечере в парижском зале «Мютюалитэ», посвященном двадцатилетию венгерских событий. На вечере собралось около двух тысяч человек. Председательствовал академик Раймон Арон, среди выступавших были также Наталья Горбаневская, Леонид Плющ...

документа, содержание которого не подлежит обсуждению. Записи категорически запрещены.

Текст длинный, студенты-добровольцы читают по очереди. Присутствуют все преподаватели кафедры научного коммунизма. Доклад называется «О культе личности и его последствиях». Голоса у чтецов вначале трубные, с литургическими интонациями, как у дикторов московского радио. Но постепенно они становятся невнятными, слабеют, лица бледнеют и... краснеют. Под конец трехчасового чтения несколько обмороков. Декан уходит, чтобы вернуть брошюру в партком, который отправит ее с вооруженным фельдъегерем в другие высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты, конструкторские бюро и лаборатории.

Это последняя стадия процесса, начавшегося в день смерти Сталина. До этого были разные симптомы, много сигналов. Надо ли перечислять? Публикация «Оттепели» Эренбурга, злые языки называли эту книгу «Слякотью»; светлые прямоугольные пятна на стенах, остававшиеся от содранных ночью изображений Уса; поступление в продажу журнала «Польша», а в нём рисунки, которые не очень соответствовали социалистическому реализму, и т. п. Словом, коммунистическая вера была серьёзно, но ещё не неизлечимо, больна. Берия, самый искусный её целитель, был поспешно ликвидирован своими подручными: они не ошибались, когда опасались за собственное здоровье. Наиболее правдоподобная гипотеза: Политбюро думает, что частичное признание, начало операции «Доверие» (и какая радость ослу пнуть мёртвого льва!) возвратят былую славу социалистической утопии и вернут к жизни коллективный гипноз. Статистически расчет оказывается верным. И сегодня массы, чье состояние так хорошо описал Хедрик Смит*, не пе-

* См.: *Smith Hedrick. Les russes. La vie de tous les jours en Union soviétique. Paris. Belfond. 1976. (Хедрик Смит. «Русские: повседневная жизнь в Советском Союзе».) (Ред.)*

рестают устало сокрушаться: «Эх, проживи Ленин еще хотя бы несколько лет!»

Вернемся к слушателям «Доклада», имевшим уши, чтобы слышать. Оставим в стороне тех, кто по простоте душевной забывался в привычной аполитичности, одновременно циничной и покорной, в изнурительной нищете либо в алкоголе. И, что очень существенно, не забудем о дарвиновской способности номенклатуры к выживанию и самовосстановлению, о точности её выбора, когда речь идет о кооптации собственной смены. Важное отступление: молодая комсомольская интеллигенция ничего не знала о масштабах Архипелага. Ей ничего не известно о восстаниях в лагерях задолго до XX съезда и о танках, которые прошли по заключенным Норильска, Воркуты, Караганды (танки те же, что в Будапеште и Праге). И мятеж 17 июня в Восточном Берлине, обозначенный как «неонацистская провокация», тоже остался незамеченным.

Помогая колхозникам собирать урожай, эти молодые люди, видя египетское рабство и нищету, сравнимую с нищетой беднейших стран, думали: «Помогаем труженикам сельского хозяйства!»

От ревизионизма до сопротивления

Время между мартом и октябрём 1956 года. Снятие Молотова накануне приезда Тито. «Коммунист», ежемесячник ЦК, помещает теоретическую статью Карделя* о самоуправлении предприятий. Рождается миф о «человеческом лице коммунизма». В него, как это ни парадоксально, верят молодые люди, ищущие единого *Weltanschauung*** в двух крайностях социалистического лагеря:

* Эдвард Кардель (Kardelj, 1910–1979) — старейший, все еще бывший при власти, соратник маршала Тито. Автор многочисленных трудов о югославском национальном «пути» к социализму, самоуправлению и политике неприсоединения. (Ред.)

** мировоззрение, мироощущение (нем.?).

в Белграде (самоуправление, почти отсутствие цензуры) и в Пекине, где заложен сад «ста цветов» (урожай соберут позже, да ещё как!). Из ГУЛАГа возвращаются первые реабилитированные. При освобождении их заставляют подписывать обязательство о неразглашении пережитого. Но они ищут, находят друг друга, и у них появляются слушатели. Матисс и Сезанн возвращаются на свои места в Пушкинском музее, откуда были вытеснены постоянной выставкой подарков трудящихся всего мира к семидесятилетию товарища Сталина.

Атмосфера эйфории. Но уже пробивается нетерпение, перемены кажутся чересчур медленными. Воля мыслить «реалистично, как Ленин», становится все упорнее. До сих пор бывшие рупором американского империализма зарубежные радиостанции становятся достойными если не доверия, то, по крайней мере, внимательного вслушивания.

Время с марта по октябрь 1956 года было из самых опасных: единственный для социалистической утопии реальный шанс сохраниться в модификации «с человеческим лицом». Ещё хочется надеяться, — и люди начинают заново открывать для себя труды молодого Маркса, последние статьи Ленина... Это даже не Фронда, а Реформация. Естественным было искушение довериться коллегиальному руководству партии, которое не скрывало бы, что само пребывает в поисках путей возврата к «суровости Ленина и холодной чистоте Дзержинского». По крайней мере, во время этого краткого затишья никто, насколько мне известно, не арестовывался КГБ по идеологическим мотивам.

Конец октября — начало ноября я провел в прибалтийских республиках, где, благодаря своим французским корням, часто оказывался первым москвичом, переступившим пороги домов. Реакции моих балтийских хозяев и мои собственные совпадают. Постоянно включено радио. Мы вновь обретаем надежду, свою надежду. Трясло в Польше. Теперь венгерское землетрясение. В Каунасе

в День поминовения усопших на кладбище первая массовая манифестация. В город вводят войска (два года спустя одного из ораторов я встретил в Дубравлаге). Из сообщений Би Би Си мы понимаем, что происходит нечто большее, чем просто косметический ремонт. Наконец люди восстали. Второго ноября вижу слезы литовцев, только что оттянувших десять лет в Сибири. Нам кажется ясным то, что за этим последует. Танки не заставляют себя ждать.

Однако цель этих строк в том, чтобы попытаться определить истоки сопротивления в русской метрополии. Политбюро взяло себя в руки. Люди в КГБ теперь знают, какая судьба будет уготовлена их венгерским коллегам.

Я вижу, как лекторы Агитпропа, направленные в общежитие, где я живу, наталкиваются на молчание аудитории. В кинотеатрах показывают документальный фильм об ужасах венгерской контрреволюции. Успех таков, что через десять дней его с экранов снимают. Я встречал многих людей, которые по три-четыре раза ходили любоваться зрелищем разборки статуи «Гуталина» и с едва скрываемым удовольствием поглядеть на поверженных чекистов...

Возврат к «нормальной жизни» брутален. На приеме в китайском посольстве Хрущев воздает хвалу Сталину: «Его ошибки не должны заслонять его достижений в построении нового общества. Он был верным и настоящим марксистом-ленинцем».

Партократия ощутила, что угрозе подвергается само ее существование. В начале 57-го выходит директива КГБ: не дать людям утратить павловский рефлекс спасительного страха. Необходимы аресты и процессы во всех городах, начиная с областных центров. Весь Союз оказался в результате представлен в контингенте зэков мордовских лагерей. На несколько месяцев их популяция была сведена до малого числа настоящих военных преступников и сотен тех, что до сих пор не дождались реабилита-

ции. Полит. з/к скоро станет более полутора десятков тысяч. Восстановился микромир концлагеря! И там мы поделимся нашими тюремными воспоминаниями. Каждому из нас следователь КГБ задавал один и тот же вопрос: «А в Будапеште вы были бы по какую сторону баррикад?»

Для молодых интеллигентов, оказавшихся на распутье, — это Венгрия, сигнал к действию. Так как отправная точка большинства — ортодоксальный марксизм, действие это, естественно, ревизионистское, ленинское, очищающее и антибюрократическое, доля «западников» доброй русской традиции, с уклоном, скорее всего, в американофилию. Подпольные собрания, дискуссионные кружки (самиздат еще не родился), кустарные листовки. Пока это время «словесной агитации и пропаганды». Будапешт для них все еще представляет собой Зло. Чтобы защитить страну от этой заразы, нужны перемены.

Две представительные группы: московская, Краснопевцева (научные сотрудники, комсомольские работники, историки, востоковеды, инженеры — десятка полтора человек), и ленинградская, Трофимова (литераторы, филологи...). Распространение листовок, попытки установления контактов на предприятиях, теоретические дискуссии, разработка программ, самые либеральные из которых — и это было экстримом — близки к социал-коммунистической программе, которая, как мы имеем удовольствие видеть, предлагается сегодня, в 1976, во Франции! (В 1981 с избранием Миттерана надолго, и разрушительно, побеждает альянс коммунистов и социалистов.) Одновременно возрождаются национальные движения: балтийское, украинское, еврейское, армянское, православный и католический прозелитизм. Индивидуальные действия: листовки, письма в руководящие инстанции, попытки организовать забастовку. Обе упомянутые, друг другу не знакомые группы Краснопевцева и Трофимова после чтения приговора поют «Интернационал».

В ГУЛАГе (1957)

В ночь на 25 августа 1957 года меня приглашает в гости Лубянка — за помещенный в «Le Monde» ответ французскому писателю Веркору, в репортажах этой ежедневной газеты восторгавшемуся новыми садовниками социалистического рая*.

Сосредоточение сопротивленцев в лагерях и их соединение воедино было трагической ошибкой (говорю это обдуманно) рыцарей Дзержинского. Мы, наконец, сошлись. Местом нашей встречи стал Архипелаг. Без Венгрии, блуждания ревизионизма и даже троцкизма еще бы долго бытовали.

Прибалты и украинцы рассказывают нам о своей послевоенной партизанской жизни; о колодцах, которые Внутренние войска МВД заполняли детьми. Ветераны-лагерники вспоминают о пытках и массовом уморении; свидетели Иеговы являют пример активного непротивления; репатрианты и похищенные в Европе советские перебежчики объясняют, что такое свобода; католический каноник ведёт курс томистской философии; меня просят вспомнить творчество Камю. Череда наказаний учит выявлять стукачей; между нами происходит отбор. Лагерь — школа молчания и подполья.

Я утверждаю, что из того «отборного клуба», каковым были мордовские лагеря начала шестидесятых, никто (за редчайшими исключениями) не вышел перевоспитавшимся носителем коммунистической утопии. Доказательство тому то, что затем последовало. За колючей проволокой Сосновки, в больничной зоне Барашево, под вышками Яваса зародилось движение за права человека, жестко усвоена была терпимость к тем, кто верит или мыслит иначе (поначалу нередко случались и потасовки на идеологической почве; я их помню из-за над-

* См. об этом в рассказе «Сурдокамера», с. ???.

бровной дуги, рассеченной за отсутствием аргументов одним ленинцем; сегодня он подумывает об эмиграции). 23 октября* стало знаменательной датой. Эффект от сообщения в «Правде» о казни Имре Надя был огромным.

Нас было человек тридцать в столыпинском вагоне, направляемом из Москвы в те места, про которые в тюремной присказке говорится: «Кто не был, тот побудет, кто был, тот не забудет». Среди пассажиров — совсем молодой парень с типично русским, деревенским лицом. Рассказывали о себе, подошла его очередь: родом из глухой деревушки, в армии сделали танковым стрелком. Его полк входит в Будапешт. Командир экипажа определяет цель и приказывает открыть огонь. «Товарищ лейтенант, ошибка. Там перед магазином люди». Приказ повторяется. Рядовой Женя Милин по переговорному устройству унизительно отзывается о матери офицера.

Десять лет строгого режима за невыполнение!

В лагере он ни разу не пожалел о том, что сделал, говорил только о своей родной деревне, газет не читал. И такой он был не один.

Париж, 1976

Перевод с французского
Г. Делятицкого

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНЕШНИХ ДЕЛ

Управление
Секция
10 февраля 1960

Выдан паспорт с личными данными
СЕРИЯ № АЖ
СПРАВКА № 183393

Выдана гражданину Кривошеину
Никите Царевичу
год рождения 1934, национальность русский
уроженцу город Булонь (Франция)

осужденному в трибуналом Чехословацкого
Военного Округа
20 марта 1958, по ст. 58-101 УК РФ
к 3 годам лишения свободы
имеющему в прошлом судимости не судим.

в том, что он отбывал наказание в Служба МВД
25 августа 1947 по 10 февраля 1960
отпущен освобожден по определению Верховного
суда Чехословакии, от 8.2.1960 года
условно-досрочно на 6 месяцев и
15 дней.

Начальник Управления (подразделения)
Министерства
(подпись)
Инициалы отчества (части),
секретарь Управления
(подпись)

Москва 1961 г. Июля, мес 31 дня. Первая
Московская Государственная Нотариальная контора
свидетельствует вность и точность фото-копии.
Взыскано госуд. пошлины 10 коп. ФОТО-копия
30 коп.

Нотариус Ильин Реестр ф. № 2153

Справка об освобождении
Никиты Кривошеина
от 10 февраля 1960 г.

* 23 октября 1956 года — дата Будапештского восстания. (Ред.)

Сидят слева-направо:
Никита Кривошеин, Марат Чешков,
Анатолий Парташников.
Стоят слева-направо:
Родион Гудзенко, Анатолий Рубин,
Анатолий Фельдман.
Явас, 1959.

Блаженный Августин

Жизнь, — шепчет он, остановясь
Средь зеленеющих могил, —
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок...
Андрей Белый

На одиннадцатый ОЛП (Отдельный лагерный пункт) Дубравлага, станция Явас Мордовской АССР, меня доставили 28 апреля 1958 года не слишком затяжным, но довольно многочисленным этапом с Большой Лубянки и Красной Пресни. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы довольно скоро понять, что мы оказались в тюрьме народов.

Этап был достаточно большой, чтобы ради него открыли ворота, а не через вахту впускали по одному. Первое из удивившего — аллея с цветниками и клумбами. Через гравиевую дорожку два очень больших красных кумача со словами: «Семилетке — нашу энергию, наш разум, наш труд!» (довольно быстро большинство из нас научилось делать ровно наоборот) и «Как партия сказала — так и будет!». Надеюсь, авторы этого призыва и этого утверждения дожили до того времени, когда и им стала неопровержимо очевидной ошибочность сочиненного!

Совсем близко, менее чем двести километров к северу, — Арзамас-16, там при охране в десять раз крепче лагерной изготовляли, изготовляют и теперь, атомные и термоядерные заряды к ракетам. Совсем недалеко и лежавшие тогда в развалинах здания Дивеевской обители. О самом существовании этих двух противоположных друг другу объектов не подозревал никто из этапников.

Эта зона была наиболее населенной в Управлении; она считалась головной и соседствовала с его штабом. Проживали в ней не менее 2000 з/к з/к (повтор аббревиатуры — не описка, а обозначение множественного числа:

не один заключенный, а двое или больше, — так во всех ГУЛАГовских документах и разнарядках. — Н. К.).

Литовцев, латышей, эстонцев в этом безродном космополитическом скопище насчитывалось приблизительно по 200 на каждый из трех этносов. Украинцев, галичан и белорусов — куда более. Прибавить тех, кто с Северного Кавказа, из Закавказья, большое количество евреев — «сионистов» и так называемых «экономических вредителей» — вот и получалась тюрьма народов. Да и немцев большая группа... Всех этих инородцев и иноверцев сложить вместе — выходит, русских в относительном расчете — меньше всего.

Не причислять же к ним русскую почти на все сто лагерную администрацию (был, правда, там украинец, старшина Корнель, многим запомнившийся садист, разжалованный из офицеров за лишние нарушения соцзаконности в недавние сталинские времена).

Весной 1958-го в Явас (и другие зоны Управления) привозили в неделю по два, а то и больше этапов свежесужденных. После Будапешта, положив конец почти двухлетнему мораторию на аресты, ГБ сажало очень широко и щедро.

Забирали людей в столицах, в провинции, в деревнях, в национальных окраинах: группы вузовцев-«ревизионистов», отдельно взятых анекдотчиков, болтунов и авторов анонимных писем «руководству», грузинского девятиклассника, привязавшего фотографию Хрущева к хвосту колхозной свиньи, студентов и прочих, кто при переходе границы попался, всамделишных антисоветчиков и антикоммунистов, кого за связь с иностранцами, второсрочников за военные преступления по «вновь открывшимся обстоятельствам» (этот контингент ничего общего с власовцами не имел), блатных, сознательно схлопотавших пятьдесят восьмую, дабы скрыться от картонных долгов и правил в своих зонах, агентов иностранных спецслужб — реальных и сфабрикованных сле-

дователями, трех московских глухонемых по 58-10, за болтовню и по доносу такого же, как они, увечного, немало коммунистов марксистской, ленинской, а также и сталинской окраски и, наконец, в укомплектование экипажа уродливого ковчега, десяток с лишним чекистов — «бериевцев», «абакумовцев» и «багировцев» за «незаконные методы ведения следствия»...

Баракы одиннадцатой зоны, малонаселенные по недавнем окончании двухлетней кампании реабилитаций, заполнялись лавинно и к осени 58-го вернулись к обычному для них состоянию скученности и безвоздушной, особенно по ночам, вони.

Привезенные эзки, отойдя от тюрьмы, погружались в бурную и сложную светскую жизнь зоны: откуда, по какой статье, один ли сел, где подельники, кто был следователем, кто донес, кто свидетели, кто судил, была ли кассация, кто защищал, какой прокурор...

Новые знакомства, подобно собачьему обнюхиванию, начинались обязательно с этих и еще очень многих перекрестных вопросов, а ответы потом по несколько раз сверялись по концентрическим кругам собеседников, независимо от симпатии-антипатии с первого взгляда.

Главнейший вопрос — «как веруешь?».

Ответы или отсутствие таковых никак не были критерием, по которому «кристаллизовалась» дружба, часто всежизненная. Даже наоборот. Как не удивиться зрелищу марксиста, поклонника «рабочей оппозиции», мирно беседующего со свидетелем Иеговы... Или львовского студента-сиониста, садящегося на перекур из одной пачки сигарет с двадцатипятилетником, оккупационным старостой украинского села; но оба после третьей затяжки в один голос восклицали: «Когда эти сволочи нас отпустят?»

Так у эзков появлялась своя «ниша» (по-французски — «конура») в зонной популяции.

Начертился и у меня свой первый круг.

И слава Богу, я пребыванием в нем остался жив те-

лесно и душой тогда и надолго вперед. Без тех друзей совсем пропасть было просто.

В моем бараке (1-й отряд, начальник лейтенант Фомин, чекистскую службу несший еще с эстонских лесов) было двое студентов-литовцев, Альгимантас и Витаутас. Одному в Каунасе дали два, другому пять по групповому делу профессора Пауляйтиса. Они, как и все новые, стали искать, с кем из сверстников им было бы контактнее.

Из молодых в их непосредственном окружении оказались почти одни столичные «ревизионисты». Бедным литовцам слушать ярые словопрения о том, кто лучше — Бухарин или Каутский, Бернштейн или Плеханов, и кто последовательнее в самоуправлении предприятий в Югославии — Моше Пьяде или Эдвард Кардель, оказалось и не в коня корм, и непонятно-скучно.

Кто из «ревизионистов» духом крепче был — так до хороших сторон реформ Александра II договаривался. Но и это литовцев мало устраивало, они стремились в Литву, какой она была после 1918 года — и свободно в церковь ходить, и чтоб без советско-русских (категории эти у них, как и у огромного большинства других «нацменов», никак, увы, не различались).

Они, как и большая часть прибалтов, попросту ждали «белый пароход»...

Так закодированно, от Нарвы до Ниды, обозначалась года с 1948-го ожидаемая американская высадка. Терпение, оказывается, благотельно — в начале третьего тысячелетия Эстония, Латвия и Литва собираются поднять у себя голубой стяг НАТО. Сорок пять лет тому назад посаженные студенты-прибалты тогда же и запаслись билетами на этот «белый пароход».

Ничего удивительного в том, что я (самому только и думалось о буржуазном Париже, где родился и рос до 14 лет...) для них оказался тем собеседником, с которым беседа (а русским владели они не вполне) шла как бы без переводчика: их желание несоветской Литвы мне было

внятно... Ни они, ни я не надеялись на писания раннего Маркса или позднего Ленина, скорее грезилось о мировом империализме! Беседы с Альгимантасом-Витаутасом постепенно заглохли, их кинули в другие бригады, да и продолжительно говорить не на своем языке им было утомительно. А мне все же с «ревизионистами» было естественнее: и полаяться нескучно, и общие московские воспоминания, и те же книги всеми были прочитаны в библиотеке Внутренней тюрьмы на Лубянке — «Война и мир», «Волшебная гора», да «Разговоры с Гёте» (та библиотека, из одних конфискатов состоящая, была из самых интересных в Москве, правда, доступ в нее ограничен).

К весне 1959-го повезло мне вырваться от Фомина и с пилорама: нарядчик перевел в отряд, где начальником был пенсионер-чекист по кличке «Шапокляк» (наверное, за носимую им в любую погоду фетровую шляпу а-ля Политбюро). Отрядный этот проявлял себя только в самых крайних случаях, и его не то чтобы любили, но вполне терпели.

Работа — в соседней производственной зоне. Звено из десяти эзков, погрузка бутового, не очень тяжелого, камня в подъезжающие каждые четверть часа трехтонки. Погода до начала душного волжского лета стояла замечательная, бригадир — «ты меня не трогай, и я тебя не трону».

Получалось что-то вроде мордовских каникул. Каникулы, правда, не затяжные.

Так вот, для начала огородные квадратики в жилой зоне были запрещены... Стоим мы у барака в ожидании утреннего развода. У стены таких квадратиков несколько. Один платочек-участок возделывается профессором Пауляйтисом, и там зеленый салат, как во Франции. Пауляйтис меня им дважды угощал, где-то достав для приправы подсолнечного масла.

Человек под два метра, военной манеры и выбритости, с лицом скорее германским (как их изображали в мос-

фильмовских картинах о войне!), редким у литовцев. До войны был послом Литвы в Португалии, еще раньше — военным. Как прошла для него советизация 1940 года, не знаю. После занятия Литвы вермахтом скрывался и подпольно печатал газету «I Laysvi» («К Свободе»). Вернулись Советы, он ушел в лес, газету продолжал печатать, да еще и партизанил. Хотя в 1946 году были ему вроде предложения почетно узакониться. Захватили, дали 25. В 1955-м отпустили и даже дали жить в Каунасе.

Там ему повезло устроиться служителем в зоопарке. Свободного времени много, и он — опять за свое! Та же газета в самиздатском варианте, с помощью человек десяти боготворивших его студентов. Длилось это недолго. Студентам дали не очень много, а ему просто восстановили срок, дополнив до прежних 25-ти. По тогдашним созвездиям выйти ему живым не светило никак, не то что салат продолжать выращивать.

Но дотерпел и глубоким старцем вернулся в освобожденный Каунас, где его сильно чествовали. Читал я об этом в литовской газете.

Но вернемся к нашим салатам: четверо «мусоров», главный — помощник начальника режима старшина Костин, — буркнув «не положено», стали вытапывать квадратики с подножной добавкой к пайке. Ни опекуны рассады, ни прочие зэки никак не реагировали. Это было мне больше всего тягостно и удивительно. Так и двинулись на вахту, оставив за собой разворощенную землю. И Пауляйтис по опыту своему ничего не сказал, счел умнее уберечься от БУРа — каждое там пребывание сокращало среднюю продолжительность жизни.

Под гибель салатов состоялся у меня первый, чуть продолжительней, разговор с Пауляйтисом и частым его собеседником на разводах и по вечерам, Станиславом Кишкисом. Был этот разговор несуразным для людей в зэчьих робах, наголо бритых и в кирзовых сапогах: Пауляйтис по-французски сказал: «Permettez-moi de vous

présenter le chanoine Stanislav Kiskis» («Разрешите представить вам каноника Станислава Кишкиса»).

Человек роста небольшого, очень крепкого сложения. И лицо, и вся голова, и осанка — он мог бы быть натурщиком, позирующим для художников-голландцев XV века, изображающих какой-нибудь евангельский сюжет. Чувствовалось, что человек по всем статьям крепкого здоровья.

Не прошло недели, как Кишкис был из сельхозбригады переведен к нам, грузить машины.

Звено человек из десяти или более, почти все деревенские, военные преступники, больше украинцы и белорусы — всё люди неординарные. Отдельно от них был литовец лет тридцати, совсем не в уме (а в спецпсихбольницу администрация его и не думала этапировать). Он только мычал на каком-то языке, и как сел, неизвестно. Был и молодой украинец, Микола, из «западников», анти-Павлик Морозов. Сколько знаю, он был единственным в этой крупной зоне со статьей 58-12, «недоносительство о заведомо совершенных или готовящихся особо опасных государственных преступлениях», по-простому «знал, да не сказал». В данном случае — отца-«оуновца» не заложил. Школы у этого антигероя было класса 3-4 самое большее, он в бригаде только и делал, что продолжал отмалчиваться...

Шофер трехтонки был расконвоированный зэк-бытовик, стройка, куда ехали камни, находилась не близко, антракты между нашими — неспешными — погрузками бывали по щедрому получасу. И вот по ходу махорочных перекуров между машинами о. Станислав стал разворачивать религиозную агитацию, да такую, что она по своей отдаче многих сроков заслуживала.

Именно религиозную, деистическую, никак не конфессиональную, католически помеченную. Метод выбрал он, что называется, сократовского вопрошания. Приемы эти, полагаю, успел он обкатать в прежних своих зонах. Агит-

проп свой разворачивал в четко управляемом темпе, да так, чтобы не надоест и чтобы всякая новая тема была в интерес слушателям. Сравнение, может быть, кощунственное, но получалось вроде как у блатных, тискающих в камерах свои романы, с перебивом «глав», — слушатели умоляют о продолжении.

О «природе собственности», например, — обращаясь ни к кому конкретно, о. Станислав говорил: «А чья эта куча камня? А кому принадлежит земля, на которой камень навален?» Ответы были очевидными: «Никому». Или: «...грёбаным коммунистам или чекистам!», «непонятно кому».

Это было только затравкой, увертюрой. А далее тема разворачивалась очень медленно, темпом шевеления мозгами бригадников. Только после того, как один или несколько выскажутся, отец Станислав вводил следующий свой наводящий вопрос.

Появлялась идея абсурдной «ничейности» всякой собственности. «Ничейность» выводила прямым путем в колхоз. Само по себе отсутствие смысла ужасно, а потому и колхоз оказывался прообразом ада. Что же есть суть ада? А кому это интересно — мы еще вместе подумаем...

Общий разговор исподволь подталкивался к корням собственности, к книге Бытия, — «...и поселил его (Адама) в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его». То есть выходило, что собственность священна, а это и требовалось доказать. К концу темы о. Станислав из собственности хорошей исключал ту, что в кумиры воздвигается и лишает человека свободы.

Венцом этого «мозгового штурма», или семинара, к концу второго или третьего дня появлялась мысль, что первая собственность есть у каждого — его душа, то главное, что у всех у нас хотят конфисковать и коллективизировать, а мы не отдадим!

Два удивительных момента. Никто из звена на эту агитацию «куму» не настучал, а стукач(и) даже в таком малом

контингенте обязательны. Может, понималось, что тут политики нет, и непонятно, как точно доносить.

Очень утрамбованный, по памяти, конспект «занятия» неизбежно обедняет и совсем не полно передает то, как эти разговоры воспринимались людьми мало- или среднеграмотными, часто с приключенческо-трагичными жизнями. По пересказу невозможно, конечно же, оценить неимоверную результативность этих «хирургических психодрам».

Стается только поверить мне: практически все вокруг о. Станислава, каждый сообразно темпераменту и личности, давали себя втянуть в игру-размышление, углублялись в нее, хотели продолжения.

Вторая запомнившаяся тема: «Стоит ли на “хозяина” (по-лагерному — на систему) гнутья?» Русский язык у о. Станислава был очень чистым и правильным, и очень редко он щеголял лагерным словарем.

Первые ответы слушателей были очевидны: «не работаем, а туфтим», «пусть медведь работает», или китайцы — их (это тогда) двести миллионов, или трактор — «она железная», «а то за отказ — в БУР».

Контрапунктное перекидывание этого мячика-темы приводило, конечно, к сопоставлению работы лагерной либо колхозной с вольной, на себя. Из старых зэков, участвовавших в прениях, многие в свое время сами слышали от начальников бытовавшую у них назидательную присказку: «Нам не нужна ваша работа, нам нужны ваши мучения...»

Тут канонику-психотерапевту пришлось высказываться напряженнее и путаннее, чем когда о собственности речь шла. Но получилось привести к тому, что отличает труд как адамово проклятие от труда — главного признака нашего богоподобия. Удалось даже установить правильность, полезность и душеспасительность некоторых, не приносящих ущерба (как распаивание запретки, протягивание колючки, строительство бараков, и т.д.), видов

подневольного лагерного труда.

Чисто теоретическое признание этой установки все же не привело к желанию стать ударной бригадой или качанию прав, чтобы второй грузовик пригнали... Однако есть тут у о. Кишкиса четырехлетний «приоритет» перед описанием счастья, испытанного Иваном Денисовичем при кладке стены по морозу.

Были еще затяжные пленумы с повесткой дня «Семейная жизнь» или «Не сотвори себе кумира».

Были и просто рассказы. Как, например, в конце XIX века под воротами Остробрамской часовни в Вильнюсе, там, где чтимая во всей католической Восточной Европе чудотворная икона Богородицы, шла колонна каторжников из острога на вокзал, и внезапно упали со всех кандалы цепи. Тогдашний губернатор понял чудо правильно и добился для этой партии кому помилования, кому сокращения срока. Эти интермедии зэки любили очень, да и умение рассказывать в лагерях увеличивает шансы выживания.

На обязательный вопрос о теперешней вражде многих православных к Риму отвечаю: нет, философско-агитационные старания католического батюшки не были никак противоправославным миссионерством.

Все то, что еще отличает Западную Церковь от Константинополя, о. Станиславом в его беседах не затрагивалось, — что сама догма, что церковный строй, что обряд.

Отдельно со мной (а вопросы всегда от меня исходили) о. Станислав толковал римские догматы — непорочного зачатия Пресвятой Богородицы, рациональной доказуемости бытия Божьего, папской непогрешимости. Исключительно в порядке разбора и истории, а не «приоритетности», полемичности или опровергательства. Ёрничать же по поводу линии «митрополитбюро» и многого еще в жизни тогдашней РПЦ было, право, нетрудно...

Объективности ради добавлю, что близких отношений

между о. Станиславом и православным духовенством не сложилось. Почему? Толковать не берусь. А несколько замечательных русских священников тут отбывали наказание. Один молодой, взятый в Вологде, ему суждено было стать светлым и заметным иерархом. Сложилось так, что кафедра его — в той же Прибалтике...

Зонный нарядчик укомплектовал звено так, что в нем отсутствовали незарегистрированные баптисты, или, по-другому, «штундисты», Свидетели Иеговы, Истинно Православная Церковь, Истинно Православные христиане, пятидесятники и адвентисты. Тем лучше: при их наличии схоластический «сходняк» просто не состоялся бы. Одно их неучастие, одно их молчание были бы так высокомерно-презрительны, что «глухарям» («простым людям» — другого перевода с лагерного, как бы глупо-условно он ни звучал, не знаю) было бы несподручно при сектантах давать себя втягивать в метафизическую игру! Не то чтобы сектанты зла хотели, ничуть. Но у каждого из них в нагрудном кармане, предназначавшемся для ношения ложки, как бы торчала путевка в кущи райские, поближе к Всевышнему.

Одно наличие этого билета, уверенности незыблемой в спасении собственном и его отсутствии у всех других было бы сильной помехой стараниям нашего гуру и привело бы к параличу его малое стадо.

Затесался, правда, среди погрузчиков один татарин-мусульманин, из военных преступников, но ему все эти разговоры были до лампочки, и он больше хлопотал, чтобы ему хоть две затяжки махорочной самокрутки оставили докурить. Перекурочный семинар действовал при мне несколько месяцев не потревоженный, несмотря на немалую ротацию слушателей. Окормляющий, как говорится по-церковному, грузчиков бутового камня о. Станислав отстраивал смену ритма, тем, пауз, вызовов к доске и просьб подумать так, чтобы обеспечить надежную, почти безотказную «обратную связь».

Политическая аудитория оказалась для проповеди публичкой не менее идеальной, чем медведь для преподобного Серафима или птицы для святого Франциска Ассизского!

Не бывает класса без противного отличника. Эту функцию взял на себя рабочий какого-то макрозавода из Горького. Из пяти вопросов три задавались им, и отвечал он не реже. Ему очень хотелось разобраться в происшествии, случившихся под райской яблоней, понять: откуда в первотворении взялось Зло?

Забавен был «крутой маршрут», приведший в Дубраваг этого начинающего философа.

Как-то ему приснилось, что Булганин набил морду Маленкову. В курилке цеха он поспешил это недоуменно изложить. Спустя несколько ночей прочно поддавший Ворошилов с матом приставал на улице к прохожим. Увенчался ночной телесериал показом Хрущева, уводящего жену у Кагановича.

Зритель этих сновидений приходил с каждым из них всё в большее смущение и просил коллег-работяг в цеху, столь же недоумевающих, как и он, помочь разобраться.

Встретясь он раньше с Кишкисом, ему стало бы ясно, что сны ему нечистая сила наводит, что от такой чертовщины есть простое средство — молитва. Но искушаемый упорно искал объяснений и даже утешений на родном заводе.

После четвертого кошмара благодущию и притуплению бдительности органов настал конец, и бедолагу поместили в горьковскую Внутреннюю. Копию его приговора (до того, как эти документы спецчасть стала систематически изымать при шмонах) я держал в руках. Состав преступления: «...использовал форму рассказа якобы снов для систематического ведения в трудовом коллективе злостной антисоветской агитации».

Как и должно, в классе был и двоечник, да и неумелый полемист к тому же. Не переваривший лекций по ист- и

диаматам студент киевского института иностранных языков. Он встревал с соображениями (слабо подражая Сеттембрини из «Волшебной горы») о бесконечности материи и о том, что человек сотворил себе божество по собственному образу и подобию. Словом, «Бога, мол, нет, а есть только плоть. А что если и впрямь существует Господь, то он только есть вид кислорода, вся же суть — в безначалии народа...». Расположенности бригадников киевский студент не сыскал, шестидесятничество (XIX века, конечно) уже сошло на нет! И я не был обделен вниманием о. Станислава, даже удостоивался частных беседований. Он применял начертанный готикой на воротах Бухенвальда лозунг: «Jedem das Seine!» — «Каждому свое!»... Мне бесед — погуще и потенциально попитательней. Хоть, конечно, не нашлось у меня ушей по-настоящему услышать мне говоримое.

Отцу Станиславу же было скорее в удовольствие видеть в моем лице собеседника, побывавшего целых два года учеником братьев иезуитов-униатов в колледже Saint-Georges в Париже, а потом сдавшего на четверку «диалектический материализм» в 1-м Московском государственном институте иностранных языков им. Мориса Тореза.

Так что просто был я о. Станиславу больше «своим», чем Микола с Тарасом, и ничего худого в той выборочности не было.

Чаще это был монолог о. Станислава, а вопросы сложности такой, что предполагали немедленный ответ только для формы; по сути были они замедленного действия, рассчитанные на встречный вопрос через день или позже: курс лекций томистской философии с попутной проверкой на освоение.

Категории для меня были очень новыми, и их последовательность очень сложна. Начиналось с определения понятия «епз» (сущность, суть) и «епз зиттшп», то есть самого Творца. А там и создание, и первородный грех, и

много еще чего. И так изо дня в день, даже часто от каждой машины до каждой машины, и рассказчик порой не замечал, как мое внимание уезжало очень далеко или просто гасло. И проверка на понимание потом плохая.

Странно предваряя на целых пять лет одно из самых заметных «экуменических» и далеко идущих постановлений II Ватиканского собора, о. Станислав внушал мне принцип: «Повинующийся голосу совести слушается гласа Божия». Основой тому было богословское утверждение Тертуллиана «*natura non fallit*» — «природа не ошибается». Система этих построений сводилась к тому, что зло — дело извне привнесенное, а человек сам по себе ему чужд... По той поре эти рассуждения (сознаюсь в непочтении) скорее напоминали мне нашумевшую тогда новомировскую статью Померанцева «Об искренности в литературе» (о том, что, мол, и Фальк — соцреалист, сам того не подозревая).

Проникнуться этими тезисами о. Станислава было тем не проще, что среди его «семинаристов» насчитывалось не менее пяти добровольных и усердных расстреливателей в войну, а систематически возникавший на площадке, где мы грузили машины, старшина был просто очевидной сволочью... Ватиканское постановление, структурно и по смыслу очень похожее на рассуждения Кишкиса, конечно же, меня удивило! Толкователи восприняли этот текст как «реабилитацию» иноверия, может быть, даже и инославия!

Ничего другого, как вспомнить «есть многое на свете, друг Горацио...», я тут не могу. При последней нашей встрече, уже в 1968 году, о. Станислав не удержался напомнить о моей тогдашней «несгибаемости» — по части признания безошибочности голоса совести.

Один из главных томистских выводов всего цикла — и на нем мой экскурсовод по схоластике настаивал — состоял в том, что созданного и даже допущенного зла в мире нет, а есть только большее или меньшее отсутствие добра.

Тогда я пытался высказать свои сомнения, и Достоевского при этом вспомнить. Но в этой своей установке каноник Кишкис оставался непоколебим.

Проникаться этим выводом, пребывая в чекистском исправительно-трудовом учреждении строгого режима, да в многочисленном окружении бывших добровольных полицаев, эсэсовцев и зондеркомандовцев, было в несварение...

А в те беседы хоть и были мы зэками, но всё зэчье переставало быть. Все, за редкими исключениями, разговоры наши происходили в рабочей зоне, между машинами, на вахте рабочей зоны, в длительном ожидании съёма.

Вечерами в жилой зоне о. Станислав подолгу гулял по деревянным мосткам между бараками, по нему, по губам иногда, видно было, что он молился. Остальное время он проводил со своими сверстниками-литовцами (был в другом отряде литовец, отец иезуит Маркавьячус, по второму сроку, был офицер-кавалерист Гасюнас, тоже второсрочник). Но в основном — с литовской студенческой молодежью.

Каждое воскресенье утром вокруг койки о. Станислава рассаживались не менее пятнадцати католиков, в основном молодые, и подолгу с закрытыми глазами молчали. То минут на тридцать шла безмолвная литургия с причастием. И расходились литовцы молча. Происходило это настолько незаметно-дискретно, что ни разу засечено старшинами не было. Те литургии остались одним из самых сильных моих лагерных впечатлений. Сосредоточенность, молитвенность этих людей превозмогали разворачивающуюся одновременно партию в «козла» в дальнем конце барака: вопли «рыба» вперемешку с густым матом и проползаниями проигравших под столом.

Помещался я рядом с литовским майором Гасюнасом. От моего соседа исходило всяческое бессловесное поприцание Кишкису — за ласковое ко мне отношение. Для

него, человека очень симпатичного, ничего хорошего в русскоговорящем Назарете быть не могло.

* * *

Отец Станислав очень охотно рассказывал мне о своей жизни, и на этот рассказ понадобился не один день, потому что был он с большими подробностями, в особенности когда речь шла о его детстве. Родился он в Петербурге, в семье больничного фельдшера-литовца. Детей в семье было много, но умирали они рано, только один мальчик остался. Когда возникла новая беременность, мать о. Станислава про себя решила (только много позже рассказала), что предстоящему родиться назначено служить Богу. Отец Станислав говорил: «Меня надо было назвать Богдан». После него родился еще один сын.

Лет до 15 учеба в Appenschule, замечательное, с малым акцентом, владение русским языком и — а это среди литовцев было немалым мужеством — нескрываемая всежизненная русофилия.

Первая война. Петербург стал Петроградом. Следующего переименования города семья ждать не стала. Отец умер очень скоро. Мать с детьми сочла за благо немедленно перебазироваться в родную Литву.

Наитие матери оказалось верным. Станислав после окончания гимназии поступил в Каунасскую семинарию. самого начала его церковного поприща не припомню. Кажется, почти сразу преподавание. В начале 1930-х был направлен на длительные «курсы усовершенствования» в Нанси, во Францию. Пробыл там несколько лет, даже на приходе в Лотарингии (для окормления польской рабочей силы?). Отсюда и очень не бедный даже 30 с лишним лет спустя французский язык, увлечение оформлявшимся тогда персонализмом — чтение Маритэна. Этим и объяснялось то, что мне был преподнесен курс

именно неотомистских лекций. Заинтересованность движением *prêtres-ouvriers*, священников, миссионерствующих в недрах рабочего класса, дабы отвоевать умы сами знаете у кого. Рассказы об участии в съездах тогда же создававшейся JOC (*Jeunesse Ouvriers Chrétienne*) — Христианской рабочей молодежи, своего рода антикомсомола, до нового века дожившего и пережившего своего антипода, во всяком случае здесь, во Франции.

Годы, прожитые в стране самой вкусной еды, не оказались прожитыми зря, о. Станиславу о них совсем было не стыдно вспомнить (тому доказательство — ужин, которым он меня кормил в своем пресбитерии* в Каварскасе уже в 1965 году).

А тогда вернулся он в Литву из Франции с повышением по службе. Это было за год-два до прибытия т. Суслова в Каунас и аннексии страны.

Отец Станислав был поставлен в очень большой приход, в Паневежис, стал деятелем и при епископате. Не знаю, преподавал ли он тогда, но точно создавал молодежные объединения типа увиденных во Франции.

Подробно о. Станислав рассказывал о первом аресте, в 1945 году.

Вермахт пересек советскую границу 22 июня и оказался в Паневежисе на третий день блицкрига. Когда отступавшие красноармейцы проходили через центр, несколько горожан стали по ним палить из сподручного оружия. Человек десять раненых остались лежать, были и убитые. Стрелявшие литовцы вышли на улицу с тем, чтобы добить раненых.

* Пресбитерий (ср. лат. *presbyterium*, от греч. *presbyterion* — «совет старейшин») — в раннехристианских храмах — алтарная часть интерьера, несколько приподнятая над полом. Алтарь в таких храмах располагается в средокрестии, и пресбитерий оказывается за алтарем. В православных храмах пресбитерий — это пространство между солеей и алтарем. Однако в современной католической и протестантской практике «пресбитерием» называют место, где живет священник, чаще всего возле храма. (Ред.)

Кому неизвестно, что творилось в Прибалтике целый год после советской оккупации, пусть осуждает этот эпизод.

Наблюдавший за этой сценой из окна своего дома о. Станислав выбежал и чистым уговором да авторитетом человека в сутане не только запретил раненых добивать, но и приказал соорудить носилки и внести в свой пре-сбитерий. Там он устроил посильный лазарет с перевязкой и лечением. Германский же авангард вошел в город буквально в следующие час-два.

Дней через десять немецкая комендатура обустроилась и без труда узнала о самодельном госпитале. К священнику явился комендант, заявил о том, что рассматривает раненых как военнопленных, и потребовал их выдачи. Не подчиниться было невозможно. Немцы красноармейцев вывезли.

По возвращении Советов о. Станислав был арестован. За «предательство советских людей» ОСО ему впаяло червонец. Отбывал в Инте вплоть до десталинизации.

Чтобы читающий не слишком удивлялся кажущейся абсурдности этого вердикта, вот еще два сопоставимых с ним решения тогдашней юстиции.

Русский эмигрант, профессор философии Каунасского университета Василий Сеземан, специалист по Платону, послушный голосу своей православной совести, взялся в годы войны укрывать литовских евреев (технически как — не знаю). Формулировка полученных им в 1948 году десяти лет была «за связь с сионистскими организациями».

Ближайший друг нашей семьи Александр Александрович Угримов* во время войны укрыл и помог переправить в Испанию нескольких английских и американских летчиков, сбитых немцами во французском небе. После

* Александр Александрович Угримов (1906–1974) — в 1922 г. вместе с отцом выслан на «философском пароходе», жил во Франции, в 1948 г. вместе с отцом же вернулся в СССР. См. о нем: А. Солженицын. Бодался теленок с дубом. М., 1996. С. 487–508; Н. Кривошеина. Четыре трети нашей жизни. М., 1999.

войны главнокомандующий союзными войсками генерал Эйзенхауэр выписал ему за это благодарственную грамоту. ОСО же в 1950-м постановило десять лет ИТЛ за «сотрудничество с англо-американскими спецслужбами».

Три эти приговора доказывают превосходство диалектического материализма над неотомизмом.

О первом сроке о. Станислав рассказывал мало. Большим для него шоком в тех зонах было сосуществование с блатными. Говоря о них, он серел. Этой публике почти удалось поколебать представления о. Станислава о природе человеческой. Впрочем, от многих других эзков того периода я слышал подобное о блатных — много и страшно.

Комиссия 1956-го о. Станислава реабилитировала, и он даже сумел закрепиться в Литве. Сразу по освобождении он начинает летать в Красноярский край, оставаясь там каждый раз более чем по месяцу. Поездки согласуются им с церковной иерархией, конечно, негласно. По всей Сибири после депортаций 1940 и 1946-1950 годов в больших городах и поселках бытуют около 300-400 тысяч католиков — литовцев и поляков. Все эти годы спецпоселенцы были лишены всякого церковного окормления, жили без исповеди, причастия, венчания, проповеди, катехизиса, соборования и отпевания. Пользуясь передышкой после XX съезда, римско-католическое духовенство налаживает систематическое посещение ссыльных единоверцев, доставляет им Библии, духовную литературу, предметы культа, проводит церковные служения и организует требы в сподручных помещениях. Налаживается катехизация детей и подростков. Поскольку о «регистрации» местными «уполномоченными» не может быть и речи, вся эта церковная работа ведется нелегально.

Органы честно о. Станислава вызвали и оформили официальное предупреждение о необходимости прекратить антисоветскую деятельность. Тот не внял и снова купил себе авиабилет в Красноярск.

По возвращении из последней своей пастырской командировки прямо в аэропорту был взят и посажен в вильнюсскую Внутреннюю.

Второй арест о. Станислав воспринял трагично. Неизбежный — может быть, до конца дней? — возврат в зоны, с их запахом, едой и контингентом, лишение только что в радость возобновившегося деятельного священства, ощущение провала из-за несовершенной конспирации — так и навалились на человека. «Здесь и сейчас» — одиночка, баланда, сразу же частые и продолжительные допросы с требованиями всё рассказать о сообщниках.

Отцом Станиславом овладели тоска и уныние. Он говорил об этих днях с большим волнением. Росло в нем чувство тщеты и ненужности самого себя и всего вообще...

Когда вначале шла речь о детстве о. Станислава, говорилось о том, что у него был младший брат. Персонаж этот больше никогда им не упоминался. И вот он в повествовании возник вновь. Выяснилось, как в плохом советском фильме «Две жизни, две судьбы», что единственный близкий по крови о. Станиславу человек — давно работающий чекист, и, видимо, не из мелких, коли ему сидящий брат-священник прощался начальством.

На третью бессонную ночь о. Станислав в одно мгновение решил для себя, что произошедшее с ним событие — ему подарок. Это возможность дальнейшим здесь безропотным пребыванием накопить противовес всем неприятностям, обрушенным на людей его братом. В знак принятия происшедшего он поцеловал стену камеры и с того момента вновь обрел мир.

Литовский Верховный Суд, а по таким делам это был суд первой инстанции, проявил большее, чем послевоенное ОСО, милосердие и ограничился четырьмя годами. Вот так мы с о. Станиславом у растаптываемых клумб встретились.

Мне удалось добиться от «бугров» и «нарядил» перевода в «аварийную» бригаду. Зазонная разгрузка приходящих

на базу Управления товарных вагонов — мука (мешки по 50 кг), цемент в рассыпную, соль навалом, сахар-песок (мешки по 100 кг) и т.д. Труд не нормированный ни по количеству, ни по времени — хоть целый состав пригонят! Случалось, везло — два дня подряд без вагона гужуйся в зоне, и на развод не надо, и в столовую не по расписанию!

Но и не везло: когда в ночь под Новый, 1959 год мы не без усилий соединили на столе малость колбасы, рыбных консервов и чая и только приступили, как возник старшина Костин с двумя охранниками и тихо приказал: «Господа (старое ГУЛАГовское обращение к 58-й) — на вагон». Новый год мы встретили со злящимся конвоем за разгрузкой, а когда нас вернули в зону, колбаса с консервами уже со стола нашего, как ни странно, уехали...

Правда, фаустовской расплатой за эту вольницу была не душа, а состояние разных внутренних органов и костяка. Аварийная бригада им нанесла немалый и поныне требующий своего ущерб. На месте об этом не думалось, зато приятно было оставаться лежать, когда барачная радио-тарелка в шесть утра запевала насчет нерушимости Союза, а старшина колотил в рельс... Состав аварийной подобрался из любителей комфортной вольницы, а потому и беседы там велись нескучные.

Философский практикум с прежней бригадой сам по себе прекратился. Партикулярные же наши с о. Станиславом беседы не то чтобы иссякли, но разредились: он по вечерам то расхаживал, молясь, вдоль запретки, то пребывал с молодыми своими соотечественниками.

* * *

Благодарность на всю жизнь, которую я испытываю к канонику Кишкису, не была бы столь крепкой, не произошли события, случившегося вскоре после моего перевода в аварийную.

Каждой бригаде полагалась ежесюидневная баня, в рабочей зоне, обычно после съема. Ничего хорошего в банном бараке не было, и чистоты не было, и мочалка неизвестно из чего сплетена, но посещение его все равно было радостным и ожидаемым. Аварийную водили от-дельно.

Иду я с шайкой горячей воды к скамье и правой ногой ступаю на притаившийся обмылок. Пятка заскользила, нога попала, как в капкан, в пространство, образовавшееся между двумя досками, из которых пол был настлан, одна доска от другой оторвалась. Навстречу мне, идя к кранам, незнакомый мне зэк наступил на верхнюю доску. Два склизко-ржавых гвоздя, призванных эти две доски скреплять, вошли мне в ногу самое меньшее на сантиметр. Я закричал. Из-за нескладности стараний бригады оторвать верхнюю доску и того, что она по скользкости не давалась, пришлось бежать раздобывать ломик, и только так удалось меня высвободить. Может быть, нервных окончаний в этом месте мало — боль, как после укула, почти сразу прошла. На ноге остались две ранки, они тут же перестали кровоточить. Не надо было быть очень санитарно грамотным, чтобы понять, чем гвозди грозили: по возвращении в жилую зону я немедленно пошел в санчасть, еще в этот час открытую.

Прием вела сама начальник части, капитан медслужбы МВД Державина. Зэки ее ненавидели, и за дело. И даже прозвище было: Эльза Кох.

Рассказав о происшедшем, я попросил произвести дезинфекцию. Ответ был в два слова: «Симулянт. Следующий».

Утром — температура за 41°C, опухлость и краснота до пол-икры.

Володя Тельников (в 1997 году в Лондоне скончался) снес меня на руках по барачной лестнице и помог доковылять до санчасти. Державина была на месте. Посещения накануне не вспомнила. «Антибиотиков сейчас у меня

нет. А этап в больничную зону в четверг». Репутация 3-й зоны, больницы Управления, была не очень славной: Бориса Пустынцева там прооперировали опасно (аппендицит) и швы жуткие сделали. Ходили рассказы о том, как у блатных тамошние хирурги из желудка без наркоза вынимали энную проглоченную ложку — диетической пайки ради — так, чтобы впредь неповадно глотать было...

Паника мною овладела большая. Рисовалась ампутация, а то и общая гангрена.

Жар и начинавшееся ощущение сильного ожога сделали свое. Погрузился в полусон-полубред. К концу дня Тельников растолкал: «Быстро, в стационар». В стационаре отлеживались человек десять, не более, совсем хворые. Фельдшером был немолодой флегматичный литовец. Отец Станислав, узнав о происшедшем, пошел в каптерку, взял хранившийся там свой деревянный «угол» (чемодан), в укромном месте раскурочил его и из заначки, двойного дна, изъяс хорошо от ударов защищенные ампулы с пенициллином. Отдал свой НЗ Тельникову и велел меня вместе с ампулами препроводить к земляку-фельдшеру. Тот не просто придурком зонным был, а вполне эскулап, настоящий лагерный лепила-врач, умел производить «блокаду по Вишневскому» (кольцо укулов по периметру очага инфекции). Таких блокад пришлось ему произвести три-четыре. Первые инъекции принесли облегчение, а там и совсем всё сошло. Но не забылось.

Отец Станислав радовался удаче в открытую, смеялся и хвалил себя, что не зря долгие годы за проволокой жил и зэчью науку выживания освоил.

У меня последний год пошел, и конец срока стал светить.

Объявили заранее, со списком, большой этап в Сосновку, на ОЛП 7-1. Кишкис в этапных списках не числился. Созвездья повернулись так, что разумнее было попрощаться, обменявшись адресами. Удалось заварить индийского чаю, сидели мы в бараке, у нар о. Станислава.

Стал ему рассказывать про вольное свое ремесло — переводчик, письменный, устный тоже. Про то, что это ремесло — одно из редчайших, дающих простор жить, и даже хорошо жить, вольным стрелком-поденщиком, оплата сдельная, заказчиков несколько, так что кабалы и зависимости меньше. Нет службы, стенгазеты, трудового коллектива, воскресника-субботника, собраний и взносов в ДОСААФ... Вроде аварийки, но еще лучше. Конкурентов в этой профессии тогда было совсем мало, а нужда большая, так что заказы мог получать хоть враг народа в квадрате! Я был подобен киплингвской кошке, гуляющей сама по себе. Один маленький недостаток этого процветания и бытовой свободы: практически все переводимое — за редкими исключениями художественных или научных текстов — пропаганда и безобразная ложь*. Но ведь переводчик ни при чем, не он все это сочиняет. Даже доктора Шмидта, сверхспособного лингвиста, личного толмача фюрера и фон Риббентропа, союзники денацификации не подвергли и дали открыть свои курсы в Мюнхене. Об этом я уже тогда знал.

Излагал я все это о. Станиславу в лукавой надежде получить на трудоустройство в столичных редакциях если не благословение, то хоть снисходительную наперед индальгенцию...

Не тут-то было! Единственный, пожалуй, раз увидел я Кишкаса в гневе, почти себя не сдерживающим. Возбужденно он объяснял, что изощрения мои тщетны и построения негодны. Даже слово «дерьмо» у него вырвалось по поводу этих публикаций. Перелопачивать такие тексты на другой язык значит способствовать их распростране-

* ТАСС, АПН, «Советская женщина», «Советский экран», «Советская культура», «Новое время», «Московские новости», «Советский Союз», «Советский воин», «Советская литература» — вот неполный список редакций-работодателей, которые я имел в виду. Эти «структуры» выносили на потребу бесполезные поделки на многих языках, в роскошном оформлении и астрономическими тиражами.

нию. То есть помогать их авторам. Отец Станислав закончил, применив латинскую категорию «collaboratio», сотрудничество со злом.

Разговор меня расстроил, он сложился совсем не так, как мне хотелось, когда я его заводил.

* * *

Менее года спустя я вышел за вахту, побыл две недели совсем один в Судаче, прописался в Малоярославце, Калужской области, в дивной семье Трещалиных*. Первый же мой обход столичных редакций на ином языке был более чем удачен — так им тогда недоставало людей двуязычных. Братские партии еще кадров в Москву не посылали, своих подготовлено было мало... Репатрианты, репрессированные, хоть черт в ступе — нарасхват! Начальство скорее констатировало, чем спрашивало: «вернулся» и «готов ли приступить?». Никакого оформления. Контакт минимум, взял, перевел, отвез, получил. Но как измерить вес выпавших в осадок в организме незамысловатого химического состава токсинов: больше половины сводок — о трудовых успехах, остальное — ругань в адрес Запада и нудные изложения коммунистической доктрины.

Мой организм поисками противоядия не утруждался, определился быстро: «красная головка», «Столичная», далее аж до Петушков...

Отцу Станиславу, несмотря на положения тогдашнего строгого режима, мне все же удалось послать почтой несколько кофейно-шоколадно-конфетных бандеролей ве-

* О Бруни, Трещалиных и др. в Малоярославце см.: Игорь Губерман. Штрихи к портрету. Екатеринбург. 1999. С. 250 и след. Оттуда: «...а еще в Ярославце был некий Кривошеин, родившийся во Франции, в Булони, а прибыл со станции Потьма, из Мордовии».

сом не более одного кг. Жиры, сахар, консервы, чай были уже давно запрещены, и если содержались в бандеролях, то изымалось всё скопом. На письма, посылаемые из зоны, было уже возвращено ограничение, так что, пока Кишкис не вышел на «волю» (из «сельхоз», полуинвалидной зоны), ответов пришло от него совсем мало — редкие, сердечные подтверждения получения «подогрева».

По прибытии в Литву о. Станислав сообщил мне свой адрес, потом переехал. Его первое место и следующее были на селе. Регистрации уполномоченный не оформил, но настоятель ближнего костела давал ему не слишком демонстративно служить мессы, самые ранние или самые поздние. О полетах в Красноярск речи уже быть не могло. И о миссионерстве среди молодых тоже.

Году в 1966-м я побывал в Литве, до этого списался с Кишкисом, переночевал у него. Добирался на автобусе из Каунаса. Конечно же, мы были очень рады друг другу.

Литовское, почти безвыездное для о. Станислава село, у меня — Москва и частые поездки на Кавказ; у него отшельничество, усердное чтение, у меня разгульная жизнь. У него заметно начинающаяся, не без хворей, старость — и я, море по колено...

Никакой метафизики в эту нашу встречу не уместилось. И во «фронтовые» реминисценции «а-ля ветераны» мы не пускались, хотя прописка, паспортный режим, степень ощутимого присутствия ГБ в наших жизнях — всё это обязательные разговоры при встречах лагерников. Ватиканский Собор, положение церкви в Литве, «международное положение» — это всё, что успели мы бегло обсудить.

Утром о. Станислав проводил меня на автобус, и ощущения расставания нашего земного ни у него, ни у меня не было. Письмами время от времени мы продолжали обмениваться.

В 1971 году я оказался в Париже со статусом политического эмигранта, о поездках в СССР не было и речи, да

тогда люди и с исправными советскими документами трижды задумывались, прежде чем пускаться в такую поездку.

Убеждение в бесповоротности разлуки с тамошними друзьями помогало чаще писать, пытаться звонить, пользоваться очень редкими тогда okazиями.

Кишкису я старался в письмах рассказывать о том, что и как вокруг и внутри, обстоятельно. По возвращении из поездки в Иерусалим вложил в конверт два засушенных цветка, купленных у Гроба Господня. Они были им получены. Доходили до него и книги, в основном на французском, совершенно невинные. Сменился адрес, моему другу пришлось перебраться в еще большую по литовским масштабам даль, в еще меньшую деревню.

Где-то в 1973-м купил в имковском парижском магазине репринт «Исповеди» Блаженного Августина. Один к одному с издания 1913 года, выпущенного в Сергиевом Посаде. С ерами и ятями.

Послал эту объемистую бандероль заказным с уведомлением о вручении. Знал — при недоставке пени выплачиваются отправителю почтовым ведомством страны получения, и надеялся, что лучше там пропустят «Исповедь», чем расстанутся с 50 тогдашними бюджетными долларами.

Уведомления всё не было. По прошествии двух месяцев на главной почте моего округа подал на розыск бандероли. Еще через два месяца — повестка. Дали расписаться в ознакомлении с ответом вильнюсского почтамта: в соответствии со статьей такой-то Бернской почтовой конвенции книга изъята без выплаты компенсации как представляющая угрозу для государственной безопасности страны получателя.

Совсем скоро после этого ко мне вернулся посланный мною в Литву конверт с пометкой фиолетовыми чернилами «адресат по указанному адресу не проживает». Вот этот последний адрес, и, если кому в том месте этот текст

попадется, очень буду благодарен за рассказ о последних годах о. Станислава:

Литовская ССР, р-н Пренай, п / о Иезнас, ул. Пожелос, 8.

Когда был издан «Архипелаг», я там прочел: «Да подайте мне сюда Блаженного Августина, и я его под 58-ю статью легко подведу...»

2001

Впервые опубликовано в:
«Звезда», 2001, № 7

Борис Пустынцев,
Валерий Мануйлов,
Мордовия

Станислав Кишкис,
1966

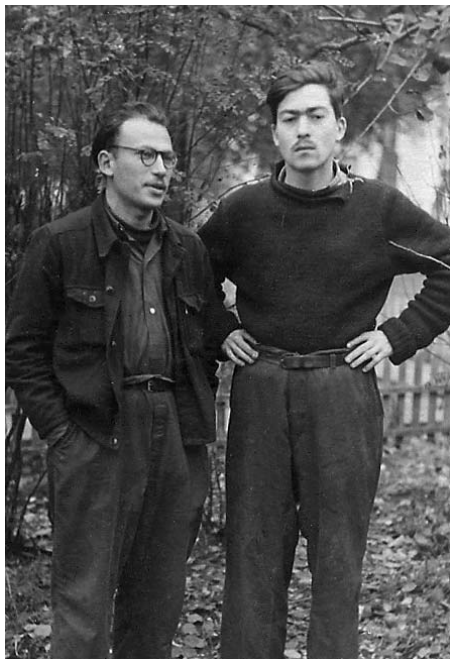
Станислав Кишкис,
1992

Александр Александрович
Угримов с супругой
Ириной Николаевной
(ур. Муравьевой), Москва,
1956

Никита Кривошеин,
Владимир Тельников,
1964

Анатолий Фельдман,
Никита Кривошеин.
Явас, Мордовия, 1959

«Проснулись Игорь и Антон...»*

Начиная с осени 1956-го, стихослагающих зэков органы сосредоточили в постсталинских лагерях немало: Вадимы Делонэ и Козовой, Леонид Чертков (он же по кличке Опоссум), Александр Ярошенко (он же Баклан), Борис Марьян. Несколькими годами позже А. Гинзбург, Ю. Галансков, Е. Кушев, Ю. Даниэль... и чуть позднее — Иосиф Бродский. Этот очень короткий список (первые вспомнившиеся), почти хрестоматийный, конечно, не поминает всех, чьи «домашние», «любительские», «стенгазетные», «литобъединенческие» стихи приносили в качестве авторского удовлетворения «отбытие наказания». Слишком часто единственными их читателями были прокуроры, прокурорские эксперты, да соседи по нарам или столыпиным, когда времени вдоволь и скуки в избыток... Один мой сокамерник по Большой Лубянке, бытовик, оказался там за то, что горланил на катке: «Я ненавижу СССР, страну Советов, ячейку ВКП большевиков...» До Парнаса не близко, а срок он сыскал.

В составе преступления более чем половины этих поэтов писалось: «...изготовление литературы, содержащей призывы такого содержания» (то есть призывы к свержению, ослаблению и подрыву существующего строя). А если листовки редактировались ещё и в рифму, то чаще всего свидетельствовали об «отягчающих обстоятельствах»! Преступная природа вменяемых куплетов устанавливалась тремя независимыми экспертами, назначенными следователями ГБ. Обычно это были доценты и старшие преподаватели местных пединститутов, иногда — штатные сотрудники аппарата Союза советских писателей.

* Заглавие и первая строчка небольшой поэмы Владимира Уфлянда, в описываемое время не опубликованной, но широко ходившей в самиздате. Написана как раз осенью 1956 г. (Ред.)

Вот и спорь с теми, кто говорит: «В России всегда была цензура, а словесность не может быть изящной без революционности!»

Насколько мне известно, обобщающего исследования о лагерной поэзии хрущевско-брежневского периода ещё не написано, кажется, даже нет антологии лагерной поэзии от Гумилёва до Бродского и далее до...

Надо сказать, что отношение к стихам у меня исключительно «потребительское». Мои родители (родившиеся в XIX веке) и все их друзья были того, последнего, поколения, в котором каждый мог легко симпровизировать ироническое четверостишие, и даже сонет.

Так что вспоминаемое мной о Мише Красильникове к поэтике или текстологии отношения иметь не может. Сам же он был человеком настолько значимым и внутренне стройным, что не окажется, надеюсь, сведённым к пяти предваряющим строкам к трем стихотворениям. Хорошо, что уже и в Интернете, и в «Звезде» порядочно напечатано о том, что он сделал, да и его собственные стихи.

Однако вовсе не из-за преступной связи с Музой двухметрового, ширококостного Мишу в вечной солдатской шинели, не стоявшего на ногах и заснувшего, когда его запихивали в машину, допросить ждало самое большое чекистское руководство Ленинграда. А доставили его в Большой дом где-то около полудня 7 ноября 1956 года.

Им было с чего покинуть праздничный стол! Такого ЧП в Городе-герое на Неве не происходило (это они сами потом сказали) с 1928 года... Тогда последний раз колыбель революции огласилась контрреволюционными лозунгами жалкой кучки троцкистских ренегатов.

С тех самых пор ни дурные мысли, ни кухонные шёпоты больше чем трём людям одновременно, просто не были слышны...

Полковникам пришлось довольно скоро разъехаться по домам: задержанный пребывал в состоянии алкогольного опьянения такой глубины, что ни нашатырь, ни

холодный душ не справились с общим весом влитой до ареста водки. Хоть отчёта требовали аж из Смольного и Москвы, пришлось им Мишу довести до камерной койки и уложить в ожидании большей его коммуникабельности. Сам он оценивал часов по меньшей мере в двенадцать этот первый тюремный сон, с просыпанием в непонятном месте...

Что же травмировало охрану на Дворцовой площади? Ведь кто помнит советское время, знает, что именно в дни революционных праздников органы готовились к самым вредным вылазкам, и бдительность их утраивалась...

Вот и дорого яичко к Христову дню, провокация возникла небывалая: запил Михаил Михайлович в канун великого октября (шестого) и продолжал до того момента, когда его повело «влиться» в ряды демонстрантов, направляющихся прошествовать перед трибунами у Зимнего... Какой трудовой коллектив недоглядел в своих «пятёрках» шествующего одетого под солдата верзилу? Но кому-то там наверняка потом пришлось очень плохо. Сам Миша позднее, не то чтобы перед друзьями темнил, или покрывал кого, более чем убедительно излагал по зонам, что не знает и не понимает, как в нём «отрежиссировался» и выплеснулся самоубийственный, но ведь такой симпатичный, «хепенинг» (как раз тогда это слово входило в обиход). Соавторов по сценарию и постановке не было, всё Миша сам.

Следствие первые недели выясняло возможных сообщников, наличие организации, в глазах органов необходимой и не могущей не быть.

Но то были короткие годы возврата к социалистической законности и в протоколах приходилось фиксировать «реальную действительность». Прочёсывание окружения, «зачистка» короткого Мишиного прошлого чётко показали, что на Дворцовой площади действовал одинок и в одиночку...

Начался второй период следствия: сбор процессуально

корректных доказательств для передачи дела в городской суд. Прошло время фабрикаций, и признание обвиняемого перестало быть до поры «царицей доказательств».

Тем более, что и намёка на признание по ходу допросов — жёстких, с угрозами, и ласковых, с обещаниями, — не удалось им запротоколировать ни разу. Подследственный не отклонился от избранного возвращенным сознанием варианта защиты: «Был пьян, не помню»...

Преступление же Миша в то утро совершил по всем признакам особо опасное, государственное. О закрытии дела по недостаточности улик не могло идти и речи.

Приговором было установлено, что, влившись в колонну демонстрантов, в момент прохождения перед трибунами М.М. Красильников голосом более громким и зычным, чем трубы Судного Дня, стал подряд выкрикивать:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДНАЯ РОССИЯ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДНАЯ ЛАТВИЯ!

ДОЛОЙ ХРУЩЁВА И КОММУНИСТОВ!

БЕН ГУРИОНА В НИЛ!

Двенадцать из этих шестнадцати слов (последние четыре как бы не существовали) обошлись четырьмя годами Мордовских лагерей и укорочением Мишиной жизни.

Как тогда после либерального фильма шутилось: «Пять минут, пять минут и потеряна свобода, говорил пять минут, а расхлёбывай три года...»

А демонстранты на площади подумали, что так и надо, и продолжали торжественно, вместе с Мишей, шествовать. Охрана надолго оцепенела, пока начальник не воскликнул: «Слово и дело!»

Из показаний полковника КГБ, ответственного за безопасность проведения парада и демонстрации (протокол был прочитан Мишей при ознакомлении с следственным делом в соответствии с тогдашней 206-й статьей УПК):

«Когда я услышал в толпе демонстрантов кого-то, выкрикивающего *антисоветский* лозунг «*Да здравствует свободная Россия!*», я немедленно принял меры к его задержанию».

Почему полковник остался на свободе — неясно.

Трудящихся для подтверждения, что выкрики реальность, а не галлюцинация охраны, найти оказалось не просто: какой район, когда шёл, какое предприятие, кто на демонстрацию явился?.. И так далее. Несколько граждан было изыскано, и они дали необходимые показания.

Настала стадия следственных экспериментов: было рассчитано относительное положение в пространстве и точное время движения контрреволюционного смутьяна и чуть не соблазнённых им колонн ленинградцев. Могли ли технически все свидетели (не очные, а слуховые) внятно уловить выкрики? Всё это обстоятельно вычислялось и документировалось экспертами, давшими подписку о неразглашении.

И было проведено следственное действие:

...на места свидетелей были расставлены свои понятия, человек «Мишиной» комплекции следовал его маршрутом и кричал во всю глотку. Но не повторять же это святотатство прилюдно...

Лингвисты подобрали созвучные, но безвредные для слуха прохожих слова:

«долгов! кусков! кумысов!» (это вместо «Долой Хрущёва и коммунистов!»).

Остальные Мишины призывы звуковым аналогиям поддавались хуже. Эксперимент позволил установить «дальнобойность» вражьих лозунгов.

Оставалось главное — неопровержимо установить, что преступление совершено именно М.М. Красильниковым. Свидетели, согласившиеся сказать, что ими было услышано, подтвердить, что они видели и узнают смутьяна в арестованном, — категорически отказались! Вызывались на очные ставки многие.

«Не помним, не узнаём».

Дела в суд так не представить...

И всё-таки следствию повезло: секретарь парткома крупного предприятия позвонил, что один из активистов первичной его организации берётся опознать диверсанта, но не в состоянии покинуть дома.

Мишу доставили в невзрачную комнату в коммунальной квартире. Там лежал истощённо-зелёный человек, поражённый общим раком. При следователе, прокуроре и в смертельном испуге пребывающих понятых-соседах ветеран взгляделся, поднял руку и сказал одно слово: «Он».

Когда Мишу собрались уводить, жена агонизирующего ветерана ему поклонилась, сказала: «Прости».

К этой очной ставке Миша, и не потому что именно она для него оказалась как бы роковой — загремел бы он и так — возвращался чаще всего. От рассказа он менялся в лице и его передёргивало.

У Миши было два суда, точно не помню в связи с чем, то ли с прокурорским опротестованием первого приговора, то ли в порядке надзорной жалобы... На обоих процессах прокурор говорил:

«Товарищи судьи, у нас всего один свидетель. Но суд не может не поверить слову умирающего коммуниста».

Единственный же Свидетель буквально через несколько дней после очной ставки преставился.

Суд ему поверил и дал Мише четыре года.

Всё вышеизложенное подводит к тому, что Джордж Оруэлл со своим провидческим «1984» всё равно не дотягивал до будней 1956-го.

Миша ни в молодости, ни оказавшись в среде политзаключённых, «делом общим» («res publica») особо увлечён не был. Да и после лагеря он, во всём оставаясь верным зэчьим дружбам, сам к «политике», если не считать «политикой» (а считалось!) литературу, отношения не имел. В лагере он с Чертковым издавал рукописные сборники «Троя» и «Пятиречие». И после лагеря тоже: сборники Кон-

дратова, в 1977 году, вместе с теми же Ереминым, Виноградовым и Уфляндом (плюс Сергей Куле), поэтическая антология «40». Убеждения его можно определить так: зрячая любовь к России и поразительно чуткое восприятие чужой и своей свободы.

Самого себя засадить за решётку — к эффектной, скорее даже «эпатажной», выходке его и вправду никто не подталкивал — он, скорее всего, не предполагал... О родителях его мы знали мало, он их очень любил и говорил лишь, что отец его был всю жизнь переводящимся из гарнизона в гарнизон рядовым офицером. Так что основной для прочного отвержения Советов (как бы семейных истоков) у Миши, вроде бы, не имелось.

Всполошившее власть событие на Дворцовой показывало уже тогда очень зрелищно, что празднуемая на несчастье Миши годовщина Октября была никчёмной, и что «низы по старому больше жить не могли...»

* * *

Но сводить Мишу Красильникова к блистательному ноябрьскому шоу было бы так же по отношению к нему оскорбительно, как если бы, говоря о Наполеоне, ограничиться эпизодом у Аркольского моста!

Еще при жизни Сталина восемнадцатилетний Миша угодил в фельетон — в самой «Комсомольской правде». Угрозило его с двумя друзьями в годовщину убийства Кирова, 1 декабря 1951 года, о чем в фельетоне писать не решились, обрядиться в вышитые косоворотки и расписными ложками хлебать не то квас, не то щи из горшка в первых рядах студенческой аудитории... Да еще горланить Хлебникова. При всей своей буршевской невинности эта проделка вызвала высокий гнев, повлекла исключение из университета (восстановили уже после смерти вождя), а впоследствии припоминалась прокурором на

суде, как действие, «предваряющее и готовящее преступление».

В ЛГУ Миша близко сошёлся с Леонидом Виноградовым, Михаилом Ерёминим и Владимиром Уфляндом. Кажется, и Саша Кондратов там пребывал. Эти знакомства оказались для Красильникова значимыми на всю жизнь.

Здесь мне, повторю, совсем несподручно переходить к рассказу о стихах, сочинённых Мишей в лагерях. Несколько стихотворений были в рукописных сборниках лагерной поэзии «Троя» и «Пятиречие». В первом помню Мишину строфу: «Я видел этот снег намокший, Таящий ветра терпкий запах, Но та река была не Мокшей. И та река текла на Запад...» Сборники по отрывкам известны, кусками опубликованы, есть и «физическая» судьба у единственного экземпляра «Пятиречия», оформленного в лагере Александром Ярошенко.

Позволю себе предположить, что Миша свои стихи любил и относился к ним трепетно: потому он так трудно соглашался делиться написанным, хоть устно, хоть на бумаге.

Зато не свои стихи читал по первой просьбе, с прекрасной чистой дикцией, без «бель канте» и всякой сценичности, без подвываний, с очень осмысленным ритмом. Любимое его и наше — Уфлянда: «Проснулись Игорь и Антон, прикинули на пальцах — понедельник. Так начинается рассказ о том, как почему-то вдруг не стало денег...» Стихотворение длинное, и в нем есть некая неопределимая лагерность. В зонной замкнутости, это ещё Шаламовым отмечено, когда часто ничего печатного нет, устное выражение становится и библиотекой, и театром, и кино. Вокруг Миши эти декламации собирали по многу эзков, и никто из других (не забытых) лагерных поэтов, что Чертков, что Козовой, так читать не могли и не умели.

То был короткий период в лагерном режиме, когда эзки могли с воли получать посылки, хоть и с большими ограничениями по весу и содержимому. Красильникову, вплоть до отмены этой великой льготы, раз в месяц приходили из

Москвы фанерные ящики с любовно и по делу продуманным их составом, а чернильным фиолетовым карандашом на упаковке стоял адрес отправителя: Ландау.

Какая требовалась решительность и смелость в то время от учёного с мировым именем, чтобы нести на почту провиант, предназначенный для политзаключённого!* У Миши было несколько друзей из физиков, и с ними тоже продолжалась переписка.

Незаметно, без показухи, он много читал авторов, нас удивлявших, немецких философов, например. Выудил в «Иностранной литературе» стихотворение Чезаре Павезе и не мог с ним расстаться... Оно, помню, кончалось: «Купи мне билет на поезд, на поезд куда-нибудь...»

Отбывал он срок очень легко, не попадая в БУР, не осложняя для себя и других и так тяжёлого быта и отношений.

Тяжёлыми зимами, когда в бараках зябко, часами в каптёрке «бацал мячика» (блатная разновидность чечётки) на пару с Родионом Гудзенко, хорошим ленинградским художником, тоже уже покойным.

Зонная администрация его игнорировала, и это было лучшей долей тогдашнего з/к. Никому из обитателей зоны не подумалось его обижать — самые агрессивные знали, что он не один.

Присутствие его за коллективным «распитием», несколькими кружками крепкого чая, эзками отвоёвывалось, оно было гарантией того, что разговор уйдёт вглубь...

* Из книги Льва Лосева «Солженицын и Бродский как соседи»: «Немного о юном Мише рассказывала в последние годы Татьяна Патера, коллега-славист из Монреаля, дочь известного ядерного физика Шальникова. Насколько я понимаю, Миша за ней в юности ухаживал. Таня прислала мне ксерокопии нескольких десятков Мишиных писем к ней из лагеря... Я послал Тане воспоминания из "Даугавы". Она написала в ответ, что Мишин товарищ по лагерю ошибается — великий физик Ландау Мише посылки в лагерь не посылал. Но знакомы они были. Ландау отдыхал у Шальниковых на Рижском взморье. У Тани хранится фотография: Ландау сидит, поставив себе на голову ведро, а Миша сверху в это ведро плюет».

* * *

Не знаю как, но после лагеря ему удалось прописаться в Риге. Там он пребывал в «окололитературной среде», как советские фельетонисты презрительно обозначали вроде бы пишущих, но Союзу писателей не близких. Материальная жизнь оказалась зависящей от перевозок: сперва вагонов с мороженой селёдкой (через всю страну!), по две недели в теплушке с буржуйкой. Это было его болдинской осенью, в вагонах хорошо изобретались стихи. Прислал моей маме длинную рифмованную открытку, она кончалась строкой «вагон идёт в Чехословакию, но мне не миновать Сибири...» Когда заезжал к нам в Москву, долго отмывался от рыбы в нашей коммунальной ванне. Спустя несколько лет стал перевозить людей для рижского турбюро и тоже в дальние экскурсии... Как редко кому посчастливилось из бывших лагерников, он замечательно женился на коренной рижанке Эрне, она была экскурсоводом.

Стал жить сколь можно счастливо. В начале 1990-х оvoidел, последние годы — одиночество, для анестезии — запои... «Проснулись Игорь и Антон, прикинули на пальцах — понедельник...»

«Когда накрыта спящими земля.

Когда я сплю. Когда я угол занял.

Когда трамваи спят. Трамваев спит семья.

Трамваи спят с открытыми глазами» — последние слова поэмы.

2001

Впервые опубликовано в:
«Даугава», 2001, № 6

Михаил Красильников,
Валерий Мануйлов,
Георг- Дагестаский?????.
Явас

Вадим Козовой

Леонид Чертков, 1952

a gauche Родион
Гудзенко, incopnu Юрий
Букарев? Михаил
Красильников,
Валерий МануйловMicha
Krassilnikov Valeri
Manouliov
Georges le Tat Daghestan.
Мордовия
НАДО ПРАВИЛЬНО
ПОДПИСАТЬ!!!

Никита Кривошеин. «Арестное фото».
Москва, Лубянка. 26 августа 1957

«Долг памяти», или «Смотри, жидёнка приморили...»

...И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем
должником нашим...

Из текста молитвы Господней*

«Долг памяти»

«Долг памяти» («devoir de mémoire») — словосочетание приблизительно пятнадцатилетней давности, изобретено левой французской интеллигенцией, а потом перенято остальной Европой и Америкой.

«Долг памяти» — антоним «прощения», ведь один из синонимов слова «простить» есть «помочь себе забыть»...

«Долг» в этой идиоме понимается как *школьное задание, урок* — тот, который задаётся вы зубрить на дом учителем, и тот, что получает оброчный от десятника.

«Долг памяти» в Европе привел к сверхпроизводству учебно-вспомогательных пособий в виде полиграфической, электронной, театральной и кинематографической продукции на тему геноцида еврейского народа в период гитлеризма.

Сейчас третья неделя февраля 2002 года, несколько дней как Франция отвлечена от готовящихся президентских выборов. Парижане под шоком от повсеместно расклеенной афиши фильма французского левого режиссёра Коста-Гавраса «Аминь». Это экранизация пьесы

* За эпиграф квазикошунственный простите, но он важен для меня: добродетель прощения мне всю жизнь — и до сих пор — чрезвычайно трудна. Особенно на китайский манер исповеди-самокритики. Вторая часть заглавия — восклицание по моему поводу одного эзка в Явасе, в 1960 году.

немецкого драматурга Рольфа Хоххута «Викарий». Кинематографически посредственная лента трактует о равнодушном умалчивании, приписываемом папе Пию XII по отношению к нацистским лагерям истребления. Автор говорит, что «Новозаветная Церковь есть пособница национал-социалистов». О чём в девяностые годы даже появилось несколько монографий, устанавливающих, что корни гитлеровского антисемитизма следует искать в средневековом христианстве! Архивы тех лет намечены Ватиканом к полному открытию в 2005 году — тогда и станет возможным серьёзное исследование политики Святого Престола в этом вопросе*.

Автор афиши фильма «Амен» — художник, очень известный, прославился рядом вызывающе-кощунственных рекламных плакатов итальянской текстильной фирмы «Бенеттон». Он изобразил силуэт молодого эсэсовского офицера, сливающийся с профилем молодого ксендза, его двойника, на фоне большого распятия, графически переходящего в свастику. Несколько французских церковных организаций, поддержанных епископатам страны, представили иск, жалуюсь на оскорбление чувств верующих. Процесс они проиграли. Даже в напрочь секулярной Франции, где католицизм стал как бы ритуально-атавистическим, шок очень сильный! Ни в Ирландию, ни в Польшу, Испанию или Италию (не говоря о России) богохульники со своим дрянным плакатом не сунулись бы...

Многолетняя кампания по заучиванию «Долга памяти» закончилась введением обязательным предметом в программу французских гимназий «Истории Шоа (Холокоста)». Из нее выводится резюме, своего рода аксиома: *нацизм по своим установкам был Империей Зла, коммунизм же, хоть и густо наошибался, был по сути своей очень к людям благорасположен...*

* К 2013 г. эти папки опубликованы почти полностью.

Сам я, покоя ради, годами просил у собственной памяти списывания накопленных ею по отношению к обеим Империям Зла долгов и контрибуций. Каким бы я ненадёжным должником не был, но афиша на соседней авеню «лагерным пеплом», восточных, а не западных, крематориев, застучала в моё сердце. Я всегда старался избегать займов, но «долг памяти» востребовал своего, и настали сроки хоть малыми долями начинать отдавать...

Десяти лет возраста, в начале осени 1944 года встретил я в Париже любимого отца, неделю перед тем освобождённого из Дахау американцами. Вместо человека статного, элегантного, военной выправки, каким он был всегда, из машины вышел неустойчивый на ногах беременный скелет с тусклыми глазами. Эта травма привела меня к длительной антигерманскости, от которой понадобились годы избавления.

Но вот, в 1974 году отца, только что выехавшего, на сей раз окончательно, из СССР, удалось повезти в Берлин. Там, в тогдашнем французском секторе, на русском кладбище в Тегеле покоится мой дед Александр Васильевич Кривошеин. На второй день пребывания я спросил отца, как он себя ощущает в стране, где последняя его побывка была не столь счастливой. «Никита, мне так приятно быть в свободной и богатой Германии!»

Сука Вышла Погулять

Как в театре Погодина, как в повестях Макаренко система советских политлагерей шестидесятых годов не исключала возможности перековки-покаяния своих подшефных: корявыми плакатами и выцветшими транспарантами она призывала погрязших в «болоте антисоветчины» граждан выходить на «свободу с чистой совестью». Так как социализм есть учёт, то могу допустить, что в архивах ГУЛАГовских НИИ можно обнаружить разбивку по группам, возрастам, срокам и статьям всех его насельни-

ков. А, следовательно, и политзэков, вставших на «путь настоящего исправления», то есть попросту ссучившихся.

Я числился в лагере п/я ЖХ 385-11, посёлок Явас Мордовской АССР, по масти «молодых». Приехал я туда 1 мая 1958 года.

Из нас меньше всего получилось дневальных, придурков, стукачей, певчих, шрифтовиков, малюющих транспаранты, и авторов для лагерной периодики. Увы, были из «молодых» и быстро зашагавшие по пути к «исправлению», вплоть до того, что зачислились в «секции внутреннего порядка». Расшифровывались эти три слова зэками весьма выразительно — «Сука Вышла Погулять». Это был внутрилагерный аналог «дружин общественного порядка»: «красноповязочники» или «советы коллектива» при лагерной администрации (в нацистских «кацетах» подобных типов звали «капо»).

Здесь я имею в виду и нескольких членов «Краснопевцевской группы» (нашумевшее дело «историков» МГУ, 1957 г.). Отчасти именно этой группе я обязан драке, о которой позднее.

Сразу же после 4 ноября 1956 года, дня формирования в Венгрии Временного рабоче-крестьянского правительства Яноша Кадара, во всём СССР пошла прожорливая кампания гебешных репрессий.

В воскресенье 25 августа 1957 года, в 22 часа, на меня с криком «Этот человек государственный преступник, его разыскивают органы государственной безопасности!» кинулись и вцепились в плечи и руки четыре человека, несмотря на лето одетые в ватники. Это произошло у стен Донского монастыря в Москве. Одиннадцать месяцев спустя меня, снабжённого сроком, доставили в Дубравлаг, в Мордовию.

Первый этап. Сильные ощущения.

Воронок с красной надписью «Мясо» по бокам (совсем как в последних фразах «В круге первом») увёз из ком-

фортной — как мы позднее поймём — Внутренней тюрьмы на Большой Лубянке четырёх приговорённых: моего однокамерника Марата Чешкова, ревизиониста и востоковеда, Николая Обушенкова, историка и ревизиониста, одного безликого московского Пенсионера, сгинувшего потом в лагерном море, — он где-то лишнего наговорил, — и меня.

Во всех лагерных воспоминаниях, что я читал, говорится о сухом пайке на дорогу. Как заведено, полбуханки чёрного и в бумаге немалый ломоть солёной сельди получил под расписку и я. Как и другие «сочинители-лагерники», я не подозревал, что негаданный гастрономический презент заготовлен для того, чтобы съевший его по пути мучился жаждой. Из бокса нас вывели корпусной старшина и конвойный сержант. Старшина прочитал напутственную «молитву», придётся потом её слушать не одну сотню раз:

«Вы перешли в полное распоряжение конвоя, все распоряжения конвоя выполнять». Это всего лишь реферат «молитвы», в полном варианте есть стих «прыжок вверх считается попыткой к бегству» и ещё другие заклинания...

Покидать насиженную, как её ещё обозначить, тюрьму, ехать в заведомо страшное место, было нам в большой стресс, и мы этого друг от друга не могли скрыть, а Пенсионеру всё успело стать до лампочки... Полоски света только через две щели, повороты, ожидания у светофоров, задний ход.

Потом остановка во дворе Краснопресненской пере-сылки: очень много людей сажают в камеры на колёсах — заднюю, что попросторнее, и в боковые совсем маленькие одиночки. Их вид, их речь были для моих благополучно московских попутчиков шоком с последующим длительным окаменением. Ведь дальше осенней студенческой картофельной кампании они не ездили. Мне сразу вспомнилось моё месячное пребывание в фильтрационно-пересыльном лагере Люстдорф под Одес-

сой в 1948 году, тогда мне было 14 лет. Но наши новые попутчики были куда страшнее люстдорфских насельников.

Оказывается, Гойя с Босхом — плоские академисты, ни в какие бездны подсознания им ездить за своими персонажами не приходилось: к нам в воронок из Краснопресненской пересылки вогнали тех, кто вполне мог бы стать «натурщиками» их фантазмов! Кому по силам было бы взяться за составление словесного портрета этих людей, стал бы императором криминалистов, заслужил бы Ленинскую премию первой степени по литературе, или же снискал преогромные тиражи по части научной фантастики...

— Выходи, по пятеркам построиться, взяться за руки!

...Стоим в грязи по щиколотку. Потом узнали, что оказались в подконвойной зоне Казанского вокзала. Вот прибывает ещё два воронка из Бутырки, с блатными на борту, чтоб вагон не убыл порожняком. От нас они выстроены подале, женщины отдельно. По одному в «столыпин» и первая для нас переключка:

— Я буду называть фамилию, отвечайте инициалы полностью (с подлинным верно), год рождения, статью, срок! Чешков Эм. А.

— Марат Александрович, 1933 года, 58-10-11, восемь лет.

— Проходи!

Уже не на «Вы», как учтивые лубяньские старшины, говорят, они на «Вы» и на расстрел вели. Кроме наших четырёх скромных ответов (58-10), все к нам подсаженные с махорочными голосами: фамилии больше украинские, белорусские, прибалтийские, возраст пятьдесят и более, статья 58-1-б, 25 лет. Ввергающий в ужас вид, неведомая нам статья, не поддающиеся воображению сроки... И мы им сродни! Состояние тогдашнего изумления было таким сильным, что память и теперь в состоянии его восстановить, наподобие тому, как она способна зафиксировать

острую боль. Только постепенно для нас наполнились значением эти цифры и буквы, их носители не стремились сами о себе повествовать.

Метафора «сельди в банке» и просто слово «тесно» к удушающей утрамбованности не подходят. И солёная рыба с черняшкой, и жажда, и хотение в уборную. «Ссы в валенок!» Почти весь путь молча.

Конвойные, меняясь по двое — по трое, подолгу стояли у решётки нашей клетки-купе и всматривались, как школьники на экскурсии в зоопарке. Призванные служить совсем недавно, они впервой везли политических, о десталинизации что-то смутно слышали. Одну из четырёх-пяти просьб попить или быть выведенным они выполняли. На энный час вояжа соседние купе с блатными стали орать: «Фашистам воды, фашистам поссать, нас на сосаловку!..» — и так очень громко и очень долго. В первый раз от тех блатных мы узнали, как нас кликать. Частичное равноправие в режиме вагона начальник восстановил и нам стало дискомфортнее. Потом попривыкли, и даже сложились куплеты на мотив «Первым делом, первым делом самолёты...» с рефреном: «А почему, потому что мы фашисты, лагерь стал для нас родимый дом...» (остальные строки не привожу по социально-политическому приличию). Забавно, но уголовники были правы. Этап с Пресни на девять десятых на самом деле состоял из всамделишных фашистов, а вовсе не метафорических. Мы были скорее готовы к встрече с живым кентавром, чем с этой разновидностью человеческой породы.

Но здесь повествование пристало вписать в исторический, а не в мифологический, контекст.

По ходу контрнаступления, после 1942 г., взятые в плен с оружием в руках «власовцы» расстреливались на месте или арестовывались. В городах и деревнях «коллаборантов» и «пособников», не сумевших уйти в обозе Вермахта, судили показательно, часто вешали прилюдно с обяза-

тельным присутствием населения, в том числе школьников, а казни снимали для кинохроники — так было, например, в Киеве.

Сразу после войны англо-американские союзники провели в Германии несколько выдач «перемещённых лиц» Советам. Есть две очень обстоятельные английские книги на эту тему — лорда Николаса Бэтела и графа Николая Толстого.

Пленных, остарбайтеров обоёго пола, и тех, что скрывались от заслуженного наказания, задержанных на территориях, занятых советскими частями, направляли в фильтрационные лагеря, по большей части в Тульские. В результате фильтрации признанным виновными давали кому двадцать пять, кому десять. В тот же период советские репатриационные комиссии в Западной Германии, Франции и других странах уговорами и похищениями старались «подобрать» и увезти «в страну» остатки этих контингентов.

Существенный момент: с 1946 по 1950 год в СССР была отменена смертная казнь, что спасло многие жизни. К весне 1953 года «популярно» ГУЛАГа Конгресс США оценивал в более пятнадцать миллионов. В этой никогда не опровергнутой статистике было больше всего «за войну», «повторников» и, позднее, масса посаженных по ходу новой волны террора 1949 года. Атомный конец света был не за горами, а в лагерях стали даже говорить: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца».

Что касается пленных немцев, то их положение в это время тоже в корне ухудшилось и уже мало в чём определялось Женевскими конвенциями (Советским Союзом, в отличие от Рейха, ратифицированными). Большая часть офицерского состава, немало унтер-офицеров и солдат вызывались из лагерей военнопленных, подвергались быстротечному следствию и проходили через конвейерные заседания Военных трибуналов, паяющих им мега-срока за несовершенно военные преступления.

В страшном Озерлаге, в Тайшете, вермахтовский капитан рассказывал моему отцу, как после десятиминутного судоговорения председательствующий, не удалившись на совещание, вынул из папки приговор-полуфабрикат и огласил. Уставший за долгий день военный толмач обернулся к капитану и буркнул: «Фюнф унд цванциг». Приговорённый был в недоумении: 25 дней не бывает, 25 недель — странно, 25 месяцев — много... Заметив вопросительное выражение, переводчик пояснил: «Фюнф унд цванциг ярен», чем вверг неискующего немца в обморок. Десятками тысяч обычные пленные пополняли систему ГУЛАГа.

Пятого марта 1953 года Господь смилостивился над миром и Россией. В бытовых зонах сочинили куплеты о т. Сталине, ничего общего не имевшие с позднейшими интеллигентскими стилизациями:

Жил в железной башне Джугашвили,
Псы его цепные сторожили.
Без суда и без закона
Он убил три миллиона,
И его живые полюбили.
Братцы, что я вижу, что я слышу,
Мудрый Ус залез к себе на крышу
И кричит всему народу:
«Х.. тебе, а не свободу».
Что ты скажешь этому уроду?
Но всему приходит свой конец,
Умер наш Учитель и Отец.
По нему поминки были,
Сутки трупы хоронили,
Тихо спи, за идеал борец.

Очень быстро, через полтора года после того, как Ус «хвост откинул», в Москву был приглашён канцлер Конрад Аденауэр. За три дня его пребывания в Первопрестоль-

ной произошло дипломатическое признание Федеративной Германии и было заключено неопубликованное соглашение о возврате по домам немецких пленных.

Почти сразу после отбытия канцлера вышла так называемая «аденауэровская» амнистия. В отличие от поспешно-топорной «бериевской» амнистии июня 1953 года, её положения были хорошо продуманы и очень точно сформулированы. Независимо от неё уже началась репатриация пленных, не отнесённых к категории военных преступников. Очень многие из них не забыли потом русского языка и сохранили на всю жизнь благодарность к русскому народу — за поданный им на ходу, украдкой хлеб (сам видел, как такая милостыня свершалась в Ульяновске в 1950 г.), за незверское отношение. Чтоб не только иностранцам на пользу, под действие амнистии попадали и власовцы, и лица, сотрудничавшие с оккупационными властями, и вывезенные на работу в Германию. Последний пункт Указа определял те категории осуждённых, которые исключались из его действия: *«лица, виновные в издевательствах, расстрелах и предательстве советских людей».*

Именно этот контингент был из всего ГУЛАГа свезён в Мордовию, он же делил с нами купе в ээквагоне!

Сразу же после амнистии управления ГБ по всей стране взялись (а привычных занятий им тогда не хватало) за повторную проверку дел освобождённых. «По вновь открывшимся обстоятельствам» в зоны было возвращено немало только что амнистированных — доотбывать первоначальные срока. Сперва для того, чтобы себя занять, позднее в соответствии с политическими установками, органы (в их структурах были сформированы специальные подразделения) стали на основе архивов, свидетельских допросов и очных ставок усиленно изыскивать и предавать суду бывших старост, полицейских и полицейцев, фельд-жандармов, сотрудников гестапо и оккупационных управ, добровольно записавшихся в айнзатц-

группы и тех, кто служил в охране нацистских концлагерей...

Таким образом, к невыпущенным по амнистии прибавлялись повторно посаженные и вновь изысканные, масса немалая. А с конца пятидесятых условия для этой категории стали намного круче: отношения между советским правительством и «германскими реваншистами» сильно испортились, пошли упрёки в перевооружении, провокациях против дела Мира и первого в мире государства рабочих и крестьян на немецкой земле. Уже готовилось строительство берлинской стены. Одним из существенных поводов по ходу мощной антиэфергешной кампании была безнаказанность нацистских преступников, более того — их прямая причастность к Федеральной власти. Главным объектом для Кукрыниксов стал баварский министр Глобке — его изображали, как в своё время Тито или Франко — с топором, плахой и виселицей. В нескольких немецких городах для вящей радости «Правды», «Известий» и «миролюбивой общественности» произошли ночные осквернения еврейских кладбищ. Много лет спустя выяснилось, что осквернители действовали по заданию генерал-полковника ПГУ КГБ Агаянца! Эта придумка и её осуществление оказались из самых зрелищных и успешных «активных мероприятий» советской внешней разведки*.

В Советском Союзе один за другим проводились широко освещаемые СМИ показательные процессы, шедшие по целой неделе над «своими» полициями и нацистскими приспешниками. Из наиболее запомнившихся — виновники провала Молодой Гвардии в Краснодаре. Заключительные репортажи о судах чаще всего кончались словами «...к высшей мере наказания, расстрелу. Зал встретил приговор аплодисментами». Казнили людей, по-

* См. второе издание монографии Дж. Баррона «КГБ» (John Barron. Enquête sur le K. G. B. Paris, Fayard, 1984).

рой судимых уже в третий раз по одним и тем же эпизодам, пробывших очень долго за колючкой. Сам видел, как выглядящих стариками двадцатипятилетников вызывали срочным этапом на «пересуд», как они укладывали свой скарб и суеверно прощались.

Справка эта была бы морально неустойчивой и политически неграмотной, если не пополнить её, вселенского равновесия ради, тем, что в наших зонах содержалось и немало (около двух дюжин) коммунистических палачей и пытателей, так называемых «бериевцев». Это были чекисты, выжившие по процессам Абакумова и Меркулова, Рюмина, Кабулова и других. Первые лица среди них — Судоплатов, Эйтингон и др. — содержались более почётно, во Владимирской «крытке». В семидесятые годы многие из них стали заметными деятелями секции детской литературы Союза Советских Писателей. У тех, кто оказался нашими соседями по баракам, сейчас стареющие дети и внуки, так что пофамильно перечислять их не буду. Единственное, что рознило этих зэков от их нацистских «клонов» — это то, что зонное начальство осознало — колесо истории набрало обороты: сегодня здесь, а завтра там! Все бериевцы (в большинстве вполне пенсионных лет) получали придурочные места, индивидуальные «кибитки» для жилья в лагере и массу других льгот и вольностей. Кроме брезгливости и желания держаться от них как можно дальше, они ничего в нас не вызывали.

Жуков

Кроме статистически главного костяка «за войну», в зоне были и вполне оформленные немалочисленные сообщества националистов всех стран (разве что без среднеазиатских республик), сектантов разных деноминаций, сидевших «за религию» (не сектантов) или просто «за язык», авторы анонимных писем власти и т.п. С исследованиями лагерной социологии надо торопиться, чтобы не только по

архивам работать. Социальные структуры германских лагерей изучены увлекательно и полно. Пока ясно одно: образовательная, национальная, имущественная разбивки заключённой популяции достоверно отражали то, что существовало в «большой зоне», а там, где была гипертрофия, намечался будущий слом...

Молодёжь, ставшая прибывать из всех краёв и весей СССР после Будапешта и Фестиваля за мир и дружбу 1957 года, держалась вместе, во всяком случае, поначалу. В глазах тех, кто сидел «за войну», они не были первыми ласточками чего-либо хорошего, ни, тем более, — борцами против Советов. Напротив, эта молодёжь виделась детьми тех самых активистов, что порушили родные сёла их родителей, тех, из-за кого в отрочестве их настиг украинско-белорусский голод. Сидевшие «за войну» нашу масть обозначили «комсюками». Какие тут возникают эмоциональные обертоны — понятно. Взаимно презрительно, но НИЧЕГО поначалу не понимая в их жизнях, мы их окрестили в свою очередь «глухарями». Несколько было случаев, когда у «глухарей» былые и настоящие чувства истерически выплескивались: «Мне бы автомат, я бы <...> вас!» Или: «Попадись вы мне в сорок втором...»

Отчасти по невыбитой крестьянской любви к труду, отчасти по освоённой за десятилетия отсидки науке выживать, из-за крестьянской же привязанности к порядку, «глухари» были и нарядчиками, и раздатчиками, и поварами, и дневальными бараков, и бригадирами, и учётчиками, и в культурно-воспитательной части. Им было приятно наблюдать, как белоручки-аспиранты, совбарчуки гнутся на пилораме, в сушилках или в раскроечном цехе... Лагерная администрация к сидящим «за войну» привыкла, как бы и сроднилась — много схожего. А к нам офицеры и старшины эмвэдэшники относились в целом так же, как «глухари» — «чего им ещё надо было, только учись». Часто наши родители были куда достаточнее и благопо-

лучнее, чем они, практически сами всю жизнь прожившие хоть и не в, но при лагерях.

Одним из обязательных симптомов становления «на путь исправления», чтобы затем отправиться «на свободу — с чистой совестью», была подключённость к самодеятельности. Каждые две недели проводились выступления хора, по праздникам, ноябрьским или майским, в присутствии лагерного офицерства, в лучших мундирах и в первых рядах. С ними несколько то ли жён, то ли женщин из политотдела — платья в обтяжку. Эти дамы и были для нас гвоздём программы! Певчие — кто из зондеркоманд, кто из старост, кто из СС. Все, как говорилось, «светятся» — так долго сидели, что прогнили и фосфоресцируют. Репертуар — «Вьётся дорога длинная, здравствуй, земля целинная...», «Партия — наш рулевой» и, конечно же, «Бухенвальдский набат». Под занавес — коронный номер: «Будет людям счастье, счастье навсегда, у советской власти сила велика». Хормейстер, ими «регентовавший», был из православных провинциальных священнослужителей, получивший срок за излишне ретивые проповеди. В зоне его осенило и он опубликовал в многотиражке Управления «За отличный труд» (мы называли «За отличный труп») некороткую статью о том, что Бога нет и что он всю жизнь обманывал трудящихся. Это сочинение принесло ему завидную и не пыльную туфту — руководить хором. Покажи сейчас в кино такой концерт — скажут, режиссёр с сатирой переусердствовал... У меня реакция отторжения по отношению к этим людям оказалась, может быть, сильнее, чем у сверстников.

Впрочем, правы были передвижники, хотя бы во всё той же пенитенциарной теме: «Всюду жизнь». Это к тому, что по взаимному любопытству, порой и по простой симпатии, контакты с теми, кто сидел «за войну», появились и разговоры завязались.

Мой сосед по «вагонке», очень симпатичный эстонец, «повторник» (вторая посадка — за начало писания вос-

поминаний о первой), стал рассказывать, какой он хороший. Его по возрасту мобилизовали в немецкую армию и послали в оцепление варшавского гетто. «Другие были плохими, евреи им давали золото, чтобы уйти, они пропускали и стреляли в спину. А я, когда брал, давал уйти».

Украинец, бригадир в сушилке, обстоятельно вспоминал с нами, и явно было, что впервые из него это выходит, как он много месяцев в Ужгороде провёл в смертной камере, как его ночью повели объявлять помилование и как он потерял сознание. Три года он проработал в немецкой полиции.

Иногда к нам подсаживался послушать наши споры бывший учитель математики из Орла, не расстававшийся со своей мягкой, а ля Политбюро, шляпой. Когда ему казалось, что в разговоре возникала ошибка, он вежливо уточнял, а если с ним начинался спор, его коронным аргументом было: «Даю вам честное слово следователя Гестапо». Последние два года войны он возил при себе еврейскую девочку и скрывал — может быть, заранее готовил себе смягчающие обстоятельства...

Были рассказы о тодтовских частях* и о французских женщинах. Мужики с тремя классами говорили мне, что выучили французский, строя Атлантический вал, и подтверждали фразой: «Боку манже, боку буар, боку безе» («много есть, много пить, много трахаться»). Помню, как мне становилось досадно, что это единственное, что запомнилось о моей Франции. Были истории о восстании власовских формирований в Праге против эсэсовцев. Что немцы, что Советы для них оказались одним чёртом, одним злом. А ещё рассказывали о многом почти для всех нас АБСОЛЮТНО неизвестном и часто очень страшном: о «сучьей войне» или о лагерных восстаниях 1953-го, когда стукачей по уборным топили.

* По имени генерала Фрица Тодта, командующего строительными частями Вермахта. Эти части наполнялись преимущественно советскими военнопленными. (Ред.)

Нам хотелось понять мотивы ужасного поведения во время войны наших непостижимых сосидельцев. Тех из них, у кого дар речи присутствовал в большей степени, мы со временем стали расспрашивать. Мальчиками и подростками, молодыми людьми они под флагом коллективизации видели депортацию своих родителей, близких, соседей — «за лошадь». Сваливание крестов с церковей, превращение их в склады МТС и клубы, аресты священников. Эти подвиги творились «пятидесятитысячниками», призванными партией «работать» на селе. Доля евреев среди этих городских коммунистов была очень велика, и умалчивать об этом было бы лицемерием, и никчёмной самоцензурой. По всем полученным нами ответам эти воспоминания и стали двигать будущими военными преступниками, как только им представилась возможность того, что они понимали как месть.

(В замечательной книге «Хранить вечно» один из самых добрых встреченных мной людей, Лев Зиновьевич Копелев — он же Рубин из «В круге первом», — единственный, сколько я знаю, вспоминает со стыдом о том, как, поехав по деревням из Харькова, внедрял там коллективные хозяйства. И кается в происшедшем.)

Нашему общению с «глухарями» были свои чёткие пределы, да и всякая охота общаться с ними часто исчезала. Так произошло после внутрилагерного суда, рассмотревшего ходатайство о досрочном освобождении по 2/3 отбытого срока одного из самых жёстких «бугров» (бригадиров). Вроде это даже был последний такой суд: очень скоро вступили в силу «Основы исправительно-трудового законодательства СССР», пропали «зачёты», а режим стал — и это много лет подряд — ухудшаться и ухудшаться. Присутствие наше на этом заседании в столовой (она же актовый зал) было обязательным как воспитательное. Судили — председательствующая, молодая женщина из местных, и две женщины-заседательницы, вроде из учителей. Начальник отряда лейтенант Фомин, большой са-

дист, получивший ранение в перестрелках с эстонскими «лесными братьями», огласил сверхположительную трудовую и политическую характеристику и попросил досрочно освободить производственника такого-то. Председательствующая вчиталась в приговор, он фигурировал в переданной ей папке. Закраснелась и не удержалась спросить: «Но как вы (имярек) смогли самолично расстрелять так много людей?» Не продумав от волнения ответа, бригадир удивлённо воскликнул: «Гражданин судья, це же не люди, це жиды!» Конфуз получился немалый, но всё равно освобождение состоялось...

Отношение ко мне сидевших «за войну» складывалось далеко не прямолинейно. Учитывались и унаследованная от матери картавость (про Ильича помнили), и частое книгочтение, и — главное — дружба почти только со сверстниками, из коих энное число — евреи: кто из возродившегося тогда сионистского движения, кто марксизм-ленинизм ревизовал, кто наговорил не того и не там... Уже через несколько недель после прибытия бригадники стали как бы между прочим, обыденно спрашивать: «Ты какой нации?» На мои ответы — «я русский» — хмыкали. Один из моих друзей случайно услышал, как «глухари» довольно обстоятельно обсуждали между собой вопрос моей этнической принадлежности. Украинский учитель заключил: «Никита имя русское, отчество Игоревич у него поддельное, а фамилия Кривошеин — может быть и так, и так». Прибалт, прошедший в эсэсовских частях ускоренные курсы френологии, добавил, что нарочно встал за мной в очереди за баландой и изучал мой бритый наголо череп. «Сейчас ещё не видно, но лет через двадцать станет понятно, кто он есть». Так сомнения эти и остались не развеянными. Как-то на очередной вопрос о нации я довольно резко ответил: «Считайте меня евреем, так вашу мать». На этом расспросы прекратились...

В начале 1960-го этапом прибыл из Севастополя первокурсник по фамилии Жуков, двадцатипятилетний по

58-1-б («Измена родине в военное время, переход на сторону врага»). Довольно для этой категории молодой, лет пятидесяти, образование три класса, по профессии шофёр, водил грузовики на крымских стройках. Большая семья. Не берусь его описать, но очень был он не сродни своим коллегам и по виду, и по манере, и по повадкам. Не матерился, был со всеми ровен, не проводил весь и так короткий вечер, забывая козла с пролезанием под стол. Жил ожиданием писем от своих, читал их и перечитывал, мучительно отвечал, по часу на ученическую страничку крупными буквами. Бывало, получаемые письма читал почти по складам вслух, но ни к кому не обращаясь. В нескольких из них был отдельный листок, направленный ему от его собаки — с описанием новостей из ее собачьей жизни. Не скрою, это во мне вызывало чувства, похожие на умиление. Он оказался со мной в одной разгрузочной бригаде, — не проявлял ни стахановства, ни отлынивания. Часто мы с ним вдвоём перекуривали, болтая о лагерной диалектике. Задавать другому вопросы о его деле, сроке и т.д., если человек сам не заговорит, было не принято.

Не могу объяснить чем, но этот человек выделялся человечностью своего присутствия, не только среди военных преступников, но во всей зоне вообще. Если бы я сумел, то изготовил бы его портрет, и он оказался бы в одном ряду с Платоном Каратаевым, солдатом Благодарёвым из «Августа Четырнадцатого», дворником Спиридоном («Волк не прав, волкодав прав...») из «В кругу первом» или тургеневским Герасимом. Что-то неопишимо русское. Ведь такая категория существует, или существовала, и отличается, даже очень, от других национальных категорий. Что-то чуткое и беззлобное, малость себе на уме, но как бы и не во вред. Всегда оставался физически опрятным, а это в лагере ценимо. Простите за нечеткость, но этот человек не целиком принадлежал «Мёртвому дому», в отличие от большинства з/к той же масти. Для

окружающих он был вполне незаметен, волны не гнал, и относились к нему, что начальство, что лагерники, — никак.

Получилось так, что довольно скоро я стал общественным писцом своего барака приблизительно в сто душ. Рано по возрасту, в Ульяновске, позднее в столице, мне пришлось ходатайствовать и хлопотать за посаженного отца. Это привело к довольно обстоятельному чтению юридической литературы сталинских лет, начиная с кодексов. А когда, уже студентом, стал зарабатывать переводами, издательство «Иностранная литература» обнаружило у меня относительное понимание правовой терминологии и стало заказывать переводы текстов по этой части. В лагере эта правовая грамотность применились, и я инстинктивно начал действовать в соответствии с принципом, который стал позднее программным в человекоправном движении: «Исполняйте собственные законы!» Малограмотный сосед попросил меня помочь ему сочинить жалобу о неправильной конфискации и чудом добился части искомого. Просьбы стали возникать помногу, чаще всего не по сути приговора, а либо по режимным вопиющим нарушениям (отказы в свиданиях, лишение переписки...), иногда требование вызвать свидетеля. Из десяти приблизительно кляуз — они опускались после переписывания самим жалобщиком в «Ящик для писем и заявлений» на стене помещения спецчасти — поступало более половины ответов, и, может быть, два или три удовлетворяющих. Результаты для того времени вполне почтенные. Знали ли «мусора» о моём хобби? Вряд ли, а коли да, то им было наплевать. Мне же время, проведённое за изготовлением этих кляуз, было в коварное удовольствие...

Однажды в воскресенье утром подходит к моей «вагонке» тургеневский Жуков и мнётся. В руках помятые листки — видно, что пятый фиолетовый экземпляр под копирку. Тогда ещё по ходу барачных обысков копии при-

говоров не отбирались, и многие сумели сохранить. Протягивает мне бумагу и говорит: «Напиши жалобу».

По мере её чтения у меня душа всё более цепенела и стал пробирать ужас невыразимый. Приговор приблизительно читался так:

«Именем Российской Федерации в такие-то числа (процесс шёл дня три) Смоленский областной суд в составе таком-то, при прокуроре Н., адвокате Н. рассмотрел дело Жукова, обвиняемого в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1-б УК РСФСР... Были опрошены свидетели (много народа), зачтены архивные документы (в большом количестве)... Жуков признал себя частично виновным. Судом установлено, что Жуков (менее 20 лет отроду) добровольно в 1942 г. пошёл работать в отряд Н. полиции такой-то комендатуры. Такого-то числа, с такими-то ворвался в избу такого-то жителя, вывел из погреба спрятанную там семью Вейнтрауба Соломона Яковлевича в составе (далее список человек из семи, заканчивающийся перечислением детей, последний совсем маленький) и во дворе при свидетелях автоматными очередями всех расстрелял. (И ещё подобных эпизодов с полдюжины, довольно тесно во времени.) О дальнейшем участии Жукова в вооруженных операциях, и вообще о военной его более поздней участи — ни слова (вроде, сумел в 1943 г. зачислиться в Советскую армию, где оставался до конца войны).

В соответствии со статьями такими-то УПК РСФСР срок — 25 лет ИТЛ строгого режима плюс 5 лет ссылки, плюс 5 лет поражения в правах «.

Я перечёл дважды, взял себя в руки, спрашиваю:

— Может, это на тебя ГБ наволокло? (У них водилось нераскрытые дела на удобного человека списывать.)

— Нет. Тут всё как было.

— Тогда скажи спасибо, что ты так поздно был найден, а попался бы до 49-го, тебя бы как есть расстреляли. И за дело было бы! Зачем ты так действовал?

Отвечает: «Война была».

Я вернул ему приговор. От моей реакции Жуков поседел лицом, видимо большие, хоть и бессмысленные, надежды возлагал на моё изложение, а что вообще откажу, он в голову не брал. Вернулся к своим нарам, перестал со мной общаться, перекуривать, будто меня нет. Во мне же двукратное чтение папиросных страничек с продырявленными «о», совсем таких же, как много позднее буду читать пятый экземпляр «Хроники текущих событий», осело ужасом. Одно дело слушать и догадываться, другое — читать. Что-то меня удерживало рассказывать друзьям о прочтённом.

Драка

Где трое русских — там четыре политические партии. К политическому лагерю эта прописная истина применима в квадрате. А где четыре партии, там — политическая потасовка. Так оно и случилось на 11-м ОЛПе (Отдельном лагерьном пункте) в Явасе.

Возвращаюсь к началу моего повествования о «Краснопевцевской группе» и о том общении, которое с ними вышло. Органы не отказывались ни на день от привычки сажать, и это независимо от того, какой политический климат на дворе. Ровно в день закрытия XX оттепельно-громового съезда киевский городской (или областной?) суд вклеил немалые срока по украинской ст. 58-10-11 четырём молодым людям за антисоветскую, — в их случае социал-демократическую — агитацию. Действовали они несколько лет подряд, а начали ещё... ПРИ ЖИЗНИ СТАЛИНА!

Алик Фельдман (он же Аякс) и Анатолий Парташников (он же Парт) из этой четверки были киевские студенты, причудливо сочетавшие поклонение Каутскому с прекрасным знанием Евангелия от Иоанна. Они стали первыми, кто обеспечил смычку в замедлившемся конвейере арестов.

Но приведу сначала отрывок интервью журналиста Сергея Романова с Марком Соломоновичем Гольдманом, членом «Краснопевцевской группы», из рязанского журнала «Карта» (№ 17-18):

«Кстати, с пилорамой у меня памятный эпизод связан <...> И вот однажды подходит ко мне слесарь, Гришка его звали, из поволжских немцев, и кричит: «Ну, ты, жид воючий! Я тебе сколько раз говорил — опускай «рябуху»! Я ему: «Ты что сказал? Повтори!» Он повторил. Я ему с левой к-а-а-к двину! Он отлетел, упал на конвейер, к счастью, тот стоял. Смотрю, он руками шарит. Ну, думаю, схватит сейчас железку и вмажет мне, лагерник он старый. А он, оказывается, шапку искал. Подхватил её и ходу. Я стою, перевариваю, а тут подходит Никита Кривошеин — примечательная такая личность. Внук царского министра земледелия (продолжателя дела Столыпина), сын штабс-капитана белой армии, родился в 33-м, в Париже, полиглот, знаток поэзии Бодлера, эстет. Подходит, вынимает изо рта трубку и говорит: «Нехорошо бить человека старше себя». -»А ты знаешь, за что я его ударил? Ты спроси!». Он спросил. «А за то, говорю, что он меня назвал так-то и так-то». А Никита в ответ: «Так ты ему мало дал!» <...> А потом так получилось, что я Никиту был вынужден ударить.

Сложилась такая ситуация, что стали про нас сплетни распускать. Что, дескать, мы снюхались с администрацией, стучим, и т. д. и т. п. Пошли мы с Краснопевцевым поговорить с ними и решили, что если не получится по-хорошему, то придётся дать по пощёчине. А заводилами там были Кривошеин и Фельдман из Киева. Приходим — сидят. «Давайте поговорим». — «Нам не о чем с вами разговаривать!» Переглянулись мы с Лёвой (Краснопевцевым), и он Фельдману, а я Никите — хлоп! Да попал я как-то неудачно, кожу рассёк. Мне его так жалко было <...> А потом он очень быстро освободился, я с ним даже помириться не успел. В Москве, после лагеря, тоже увидеться не при-

шлось. А вскоре он эмигрировал во Францию, живёт теперь на родине в Париже...»

Что ни страница, то слон, то львица!

О «Краснопевцевской группе» накопились обильные мемуарные и исследовательские публикации, телевизионные передачи... Пополнять не буду. В необходимой для разворачивания этого текста цитате — два проявления рукоприкладства. Члены этой группы, будучи работниками аппарата ВЛКСМ, довольно высоко для своего возраста стояли в ихней номенклатуре и потеряли внутренние ритмы из-за шоковой десталинизации. Как результат — не по адресу применили комсомольскую романтику и оказались в исправительно-трудовых учреждениях. Дурным манерам тут удивляться не приходится. Поводом к их драчливому проявлению было осуждение с нашей стороны недавнего обращения Краснопевцева и его друзей в ЦК КПСС с предложением не то чтобы дружить, а хотя бы прислушиваться друг к другу... Эта дружба с Центральным Комитетом у них и произошла, но через несколько лет! В результате чего они обогатили собой лагерные Советы Коллектива, Секции Внутреннего Порядка, редакции стенгазет... то есть «Суку, которая вышла погулять».

Кулак не есть орудие пощёчины. Попал Гольдман даже очень удачно: литовец фельдшер в санчасти мне произвёл в надбровной дуге (а не щеке) несколько швов столь неумело, что производство новых клеток в организме только спустя лет двадцать шрам пригладило. Заросло окончательно в том Париже, где я оказался после Мордовии, но не так уж быстро, как говорит Гольдман. Упущение в рассказе: с нами в момент драки был мастер бокса Белоруссии Анатолий Рубин, который безобразным марксистам дал сходу такой п...., что и их зашивать понадобилось!

Восьми лет возраста, в 1942 г., Рубин юркнул в кусты, скрылся, а потом был спрятан хорошими людьми. Его семья и он сам шли по дороге в еврейской колонне, ко-

торую эсэсовцы вели на расстрел, и из кустов казнь видел... Более чем вероятно, кто-то из военных преступников в нашей зоне мог быть среди палачей той колонны... Приехал Рубин в Мордовию по вполне ложному и достаточно киношному обвинению (ст. 58-8 через 19) в намерении умертвить Генерального секретаря ЦК партии, — когда брали Рубина, того ждали с визитом в столице Белоруссии. Пребывал при нашей с Краснопевцевым политической беседе и репатриант из Франции, армянин Ваган, но он едва почуял, каким руслом пошёл переговорный процесс, драпанул.

Ваган по-русски знал три слова, армянский у него был какой-то особенный, для соотечественников малопонятный. Так что этот добротный скучный заключённый по мере сил стремился находиться там, где я: мог перемолвиться. Когда случалось, я ему давал минут десять на французскую декламацию — поэм Виньи, или Гюго, он их знал на вес — и удовольствие у него от художественного чтения получалось.

При том, что мне всегда трудно прощать, перестать плохо вспоминать о Марке Гольдмане мне было нетрудно. Он воистину не ведал, что творит.

Когда солдат на вышке увидел в зоне кулачные действия, то стал пускать автоматные очереди в воздух и звонить на вахту. Старшины прибежали оперативно. После привала в санчасти выписали четырём участникам потасовки с нашей стороны (Марат Чешков, Анатолий Рубин, Анатолий Фельдман и я) по семь суток ШИЗО без вывода на работу.

Хуюр

В камере — помост очень большой дощатый, как «сцена для публики», оставлен совсем узкий проход у двери, только до параши кособоко пробраться. Дневного света — тесный квадратик. С собой только бушлат. На помосте

— весёлый сюрприз — один только персонаж, Царствие Небесное, славной памяти Володя Тельников, ленинградский студент из группы Трофимова. Цвет лица грязно-белёсый, основательная небритость, вес — половина того, к которому мы привыкли. Натура себе на беду вспыльчивая, из ШИЗО не вылезал, а закончил Владимирской крыткой. На сей раз оказался с нами, потому что дал по морде заведомому стукачу П. От нашего появления Телуга рассмеялся, усилие оказалось таким непомерным, что из носа пошла кровь. В такой кондиции Володя был, потому что за день до этого вышел из «тюрьмы в тюрьме», карцера ШИЗО, цементного шкафа с ввинченной табуреткой на пол-ягодицы, туда его на три дня упекли за неправильный ответ старшине. На маленьком пальце левой ноги аккуратным бантиком завязана тонкая красная лента. «Вчера вышел отсюда глухарь, его на работу выводили, он из посёлка принёс кусочек ленты с гроба пятилетней девочки, которую там хоронили».

Выходили мы «со сцены» на 15 минут в сутки, во двор на оправку. С утра по 300 граммов (это номинал) чёрного, через день по кружке подслащённой воды. Лубянка, да и любая Внутренняя тех лет, по сравнению, что гостиница «Националь». Инстинктивно придерживались давнего лагерного принципа — абсолютный запрет на кулинарную тематику. Занимали друг друга пересказами книг и снов, конкурсами на то, кто что помнит, умными играми: у кого удачнее получится вприпрыжку проскакать через весь просцениум, квакая лягушкой. Из приличия мне пришлось от описания своего главного сновидения, с третьей ночи начиная, воздержаться: навязчиво, стоп-кадром, в яркой цветопередаче, еда, в основном столик в ресторане «Арагви», сплошь накрытый грузинской закуской. Ближе к концу семи суток у меня получилось сильно развеселить своих сокамерников, начал день с твёрдого заявления: «Хочу назад в Париж». Смеялись надо мной долго и повсячески.

Из форточки-амбразуры был виден малый участок запертки и более ничего. Вижу, по проборожденной земле ползёт большой уж. У его головы стая воробьев. Каждые 30 секунд змея подымает голову и шипит, птицы отлетают и тут же снова собираются вокруг ужа. И тут из соседней форточки раздалась прочеканенная фраза: А он их в р.. е..т». Тельников мне объяснил, что в соседней камере двое эзков, они не так давно попытались уйти в побег. Оставалось им срока совсем мало. Сели они рядом с водителем грузовика в рабочей зоне, приставили к нему пику (нож) и приказали переть тараном на забор, выскочили по ту сторону. Пешком дошли по главной улице посёлка к железнодорожной станции. Навстречу пожилой старшина, даже не из худших, кинулся к ним: «Назад, что вы делаете?» Они его несколькими ударами ножа зарезали и пошли дальше к вокзалу. Метров через сто их схватили. Был суд, приговоривший обоих к расстрелу, которого они и ждали в ШИЗО.

К журналу, в котором мы должны были расписаться всякий раз идя на оправку и возвращаясь с неё, была прикреплена инструкция «О порядке вывода приговорённых к ВМН» (высшая мера наказания). Ближе физически к смертной казни я никогда не приближался. Кроме ещё одного раза в тюрьме. В камере справа от нашей содержался в одиночке под следствием кандидат сельхознаук Вандакуров. Его несостоявшийся побег был куда менее бессмыслен. Удалось ему перед съёмом бригады с работы, забраться в шкаф, готовый для отправки из производственной зоны (у лагеря была дополнительная функция мебельной фабрики). Конвой обстучал груз деревянными молотками, и локомотив выкатил его из Дубравлага на просторы родины чудесной. Вандакуров переживал, потом сумел высвободиться из своей мебельной тары и plombированного вагона. Получилось у беглеца добраться на перекладных аж до Ташкента, где проживал его самый близкий родственник. Родной дядя

встретил племянника радушно, предложил помыться, и сказал, что пока пойдёт в магазин, принесёт, чем отпраздновать событие. До пиршества не дошло: вызволенная дядей опергруппа подоспела до начала трапезы и голодного племянника препроводила назад в Мордовию. Теперь он ждал второго срока, а наказанные из-за него конвойные показали ему, как в побег ходить, и был он весь опухший и в синяках.

Семидневное наше заключение за то, что нам не по делу набили морду, закончилось как раз в выходной, в воскресенье утром. Выпустили нас в жилую зону сразу после того как закрылись хлебозерка с раздаточной. Тельникову оставалось доотбыть 30 суток, это вся карцерная катушка.

Через несколько лет впервые прочёл великого Варлама Шаламова. При выходе из ШИЗО я был не так уж далёк от описанных им доходяг. Простите за мегаломанное сравнение. Не дошагал, а добрёл до барака, стараясь держаться за всё, что под руку попадалось. Эзки уже вошли в ритм воскресного утра, — бритвё, писание-чтение-отсыпание и шумное «забывание в козла».

Нары мои были у самой двери, улёгся, появление моё было незамеченным. В голове было пусто, у тела исчез собственный вес, в ушах — постоянный шум, как гудок. Слышу над собой: «Смотри, жидёнка приморили». Стоит Жуков. Я смолчал, и это мне никакого усилия не стоило. Потом возникает снова, протягивает около полпайки и грамм в сто ломоть солёного сала! Откуда такое сокровище? Моих сомнений — не более того, чтобы он не оставался долго с протянутой рукой. Взял. И не только от изголодалости желудочной. Сказал: «Спасибо».

В это время, как обычно по воскресеньям, литовский священник, каноник Станислав Кишкис, уже начал в другом углу барака служить «тихую мессу» для своих молодых единоверцев-католиков.

Ваган

Невольного свидетеля драки, приведшей нас в ШИЗО, Вагана посадили в Ереване через три дня после ареста самого близкого ему человека, репатрианта Жанно, тоже из Лиона. Оба они были бессемейными. Жанно, который наказание отбывал в моём бараке, отличала жуткая внешность, совсем маленький рост, урод осанкой и лицом. Если ему польстить, — немного походил на карликов Веласкеса. На «гражданке», как и Ваган, был ремесленником. У Вагана была присущая ещё началу XX века вера в науку, в искусства, прекрасное слово, образование и во всё позитивное. Прочёл книг, сколько жизнь ему позволила это сделать, но всё хаотично и не собранно. Его друг Жанно, наоборот, был не по части книг. О чём они часами беседовали с Ваганом по-армянски — не ведомо. Русский язык у обоих сводился к двадцати словам. У Жанно была в зоне и шутовская функция — не зря карлик... Стоило его один раз попросить, он охотно вставал в позу и громким козлетоном начинал горланить подряд песни Монтана и Беко... А просили его разные кружки — и часто. Была у него и сохранившаяся с отрочества слабость — вести дневник. Они жили в Ереване, оба работали в одной кооперативной артели и однажды их погнали на ноябрьскую демонстрацию. Жанно плюс ко всему и болтал непомерно. Доболтался до того, что такие же, как он, репатрианты на языке Мольера настроили на него кляузу в ГБ. Уродца забрали вместе с его корреспонденцией и тетрадями дневников. Чекисты сходу засели во всей этой писанине разбираться. На третий день попали на запись: «Сегодня были с Ваганом на ноябрьской демонстрации. Он мне сказал, когда мы проходили перед трибунами: “Они празднуют свою 41-ю годовщину, но 42-й им не видать”». Тетрадь с дневниками чекисты отложили, сели в «Волгу» и поехали за Ваганом. Позднее обоих привезли к нам. Ваган по доброте успел

простить своему другу произошедшее с ним заключение.

Как-то при мне заходит Ваган к нам в барак, подходит к нарам Жанно, тот сидит и корпит над ученической тетрадью. «Что ты делаешь?» — «Дневник пишу». Представьте себе ягнёнка, охваченного бешенством: то был Ваган в эти мгновения. Он побагровел, выхватил и разодрал тетрадь, вопя что-то по-армянски, выбежал. Обещал, что убьёт друга Жанно.

Вот и я, и нет на меня Вагана... Опять, будто сижу за лагерной тумбочкой, черню тетрадь. Чтобы испытанное пребывало в памяти не как зазубренное «Пятикнижие», не как невнятные вопросы-ответы из катехизиса в приходской школе, не как конспект четвёртой главы «Краткого курса истории ВКП(б)», а жило бы само по себе в нас и для нас....

2002

Впервые опубликовано в:
«Звезда», 2003, № 4

Виталий Борисов («Колобок») и Анатолий Фельдман («Аякс»)

Москва, 1963

В своем рвении обогнать Америку 12 апреля 1961 года СССР осуществил первый пилотируемый полет в космос. Литавры и фанфары: тогда еще не был читан «В круге первом» с пророческим утверждением: «Первыми на Луне будут американцы». Предсказанное сбылось 20 июля 1969-го.

Незадолго до полета Гагарина я вернулся из Дубравлага. Арендовал комнату в Хлебном переулке, в квартире скорее однокомнатной, чем двухкомнатной, прямо напротив посольства Бельгии. В январе, целых две недели, сидеть с переводами за машинкой мне мешали студенты и трудящиеся: они охотно сходились (все лучше, чем на работу) у моих двух окон и скандировали: «Руки прочь от Лумумбы!»

Двенадцатого же апреля на соседнем, еще не совсем порушенном Арбате толпа была иного свойства, не нарочная, разная и подлинно радостная. Радиоточка за тонкой перегородкой, отделявшей меня от хозяйки, гремела медными трубами. Варвара Васильевна Нечаева была дочерью директора гимназии, некогда размещавшейся в двухэтажном доме, который Советами был разделен на десяток коммунальных жилищ. Варвара Васильевна была живым доказательством того, что террор силен бессистемностью и невозможностью вычислить его ходы. Власть Советов никогда ничем ее не потревожила, ей дали доживать в пятнадцати метрах, щедро оставленных при нарезке дома, даже со своим ключом и без соседей. Это не было наградой за какую-нибудь подлость, оставили просто так, непонятно почему. Старушка была человеком доброжелательным и ко мне, несмотря на вечерние, совсем не тихие пьянки, относилась очень ласково. На пике трубных раскатов она постучалась и с порога сказала: «Вот человек где побывал! Теперь, наверное, ему

квартиру дадут». Не знаю, как было на самом деле, вероятнее всего, Гагарин был награжден не только пятиконечным золотом, но и орденом на отдельное жилье...

Трудоустройство после освобождения обошлось мне в три телефонных звонка: в «Новое время», АПН и «Издательство литературы на иностранных языках». Ответ на звонки был: «Приходите». На фоне космической борьбы за мир во всем мире и налаживаемого мирного сосуществования двух систем пропагандистские ведомства получили неограниченное финансирование и, имея кураторов из ЦК, пользовались большой самостоятельностью.

Московское радио выходило в эфир с передачами на многих языках, в том числе на суахили и идише. Ежемесячники «Военный вестник» и «Советская женщина» выпускались на шести наречиях. И так далее. К разорению страны пропаганда наверняка не менее причастна, чем космонавтика, но вторая дотянула до нашего времени. От рассказов же о счастливой жизни на целине и памяти не осталось: ни у авторов, ни у читателей, ни у переводчиков этой комбикормовой жвачки. Авторы стояли в очереди с поделками из тридцати меняющихся местами слов, а вот переводчиков их опусов на иностранные языки в СССР в те годы и Диогену с фонарем было найти непросто. Даже в Армении, где для массы злосчастных репатриантов английский и французский были родными. Даром что понять они так и не могли: что скрывается за русскими словами «мир, труд, май».

Так что многочисленные филиалы отдела агитации и пропаганды ЦК шли на наем любой годной к употреблению переводческой рабочей силы, хоть и в полузакрытые структуры. В основном брали на аккордную работу, такая форма давала возможность обойтись без заполнения шести-страничных анкет — от их чтения стошнило бы даже самого благодушного или потерявшего бдительность кадровика.

Решение позвонить в «Новое время» и К°, вне сомнения, было знаком моей политической проституции. Смяг-

чающих обстоятельств больше, чем отягчающих: переводы статей о бесплатной медицине для всех позволяли либо вовсе не ходить в присутствие, либо бывать там по полтора дня за пятidineвку. Никаких лекций, кружков, профсоюзных собраний да субботников, никакого трудового коллектива: только милые и почтительные редакторши. О гонорарах почти стыдно вспоминать: при не очень стахановских усилиях они в совокупности достигали суммы, превышающей оклады замминистра и члена-корреспондента, вместе взятые. Месячный доход составлял где-то около 600 рублей. Так что вполне оставался досуг кутить и безобразничать. Или неделями ходить с рюкзаком по Северному Кавказу. Испанский афоризм (а в этой стране прошла во многом схожая с русской гражданская война) «подлинный аристократизм состоит в том, чтобы продаваться только задорого» наверняка учитывался при установке расценок на людей, без которых не обойтись.

Откажись я тогда от переводов — сразу же из Москвы был бы выгнан. Милиция закрывала глаза на почти постоянное мое в столице пребывание, несмотря на зафиксированное в паспорте административное ограничение. Я был не один такой (это я себе в утешение) из так называемых «бывших» (тогда они еще оставались), отсидевших или избежавших ареста, реабилитированных и нереабилитированных. Линию поиска бытового удобства гнули многие десятки до- и послевоенных репатриантов из Франции и Северной Америки. Было еще несколько застрявших в СССР сотрудников аппарата Коминтерна и спецов-добровольцев, приехавших на стройки социализма в 1930-е. С тех пор их и не выпускали. День за днем они сидели по домам за шумными пишущими машинками «Olympia» или «Westinghouse», перекладывая на иноземные языки, например, речь Шолохова на Съезде советских писателей. Каждое третье воскресенье часть воинов идеологического фронта ходила к обедне в стремлении

отмыть душу. Вечерами надирались, понося режим и обмениваясь самиздатом.

Милосердие не позволяет приводить поименный список этих узников совести. Тут и приехавшая из Парижа по зову дяди племянница советского баснописца; и барышни из более чем благородных семейств; и верующий сын репатрианта — преподавателя саратовской семинарии; и сверходаренный стилист-переводчик, родители которого были убиты НКВД в 1940-м, почти сразу по прибытии из Парижа в Москву вместе с Эфроном и Цветаевой; и всамделишный, не ильф-петровский, грузинский князь; и автор этой истории, сын и племянник врангелевских офицеров.

Как бы для смеха мы повторяли про себя слышанные в разное время от разных гэбистов слова: «Вы жалкие недобитки, недобитое сословие...» Осенью 2010-го один московский историк это определение остроумно откорректировал как «добитое»... Каждые два-три года менялась группа откомандированных в московские «иноредации» молодых французов, членов КПФ. Поначалу они нас чувствовали, а к концу стажировки, измученные дефицитом и советским качеством жизни, доверялись: «Во всем виновата отсталость населения, передовое общество надо было начинать с Западной Европы, а не в такой темной стране...» Прозрение, если оно им и давалось, то еще болезненнее, чем их советским товарищам. Знаю лишь одно исключение из этого правила — супругов Кехаян, марсельских армян. В самом конце 1970-х, возвратившись домой, они перестали платить взносы в КПФ и опубликовали полную самой «злостной клеветы» книгу о Советском Союзе.

Все мы стали политическими проститутками: работодатели в «Пропаганда-штаффель» (в основном неудачливые партаппаратчики и проштрафившиеся мидовцы) нас иначе как продажных и не воспринимали и обращались с нами с брезгливой учтивостью. Первого такого *завреда*

я встретил в 1953 году, почти сразу после поступления в издательство. Это был пониженный в должности за неурочное пьянство советник посольства СССР во Франции Борис Николаевич Годунов, автор книги «Де Голль — агент гестапо» (Госполитиздат). После начала «дела врачей» он проявил «звериный антисемитизм» и грубо избавился от переводчиков и редакторов евреев (их было немало — из бывших коминтерновцев или из застрявших французских коммунистов).

Ниже какой-то черты опускаться все-таки не хотелось, а посему дважды, в период накала хрущевских гонений на Церковь, я отказывался переводить тексты, авторы которых изыскивали новые доводы в пользу того, что Бога нет. Удивительно, но мой отказ не вызывал никакой реакции у начальства, разве что пожимание плечами. Работу передавали другим.

Все это я к тому, что в потоке тусклой жвачки много пришлось переводить в 1961-м и последующих годах об отборе и подготовке космонавтов, и эти материалы были очень интересными.

В отроческие парижские годы я пристрастился к Жюлю Верну, так что рассказы о технологии моделирования невесомости в самолете или бассейне с соленой водой, об имитации перегрузок на центрифуге, наблюдении за псами, побывавшими вблизи Луны, и т.д. — все это мною переводилось старательно и с гораздо большим удовольствием, чем переложение на французский будды о перевыполнении плана поставок зерна государству!

Гагарина вскоре после полета привезли в здание АПН, за кинотеатром «Россия». Космонавт еще не был затаскан по границам и по передовым коллективам. Его осанка, короткий рассказ и улыбчивость впечатляли и радовали. Я очень жалел о его гибели через пару лет.

В методике подготовки к полетам было и пребывание будущих Героев Советского Союза (кто будет отобран) по несколько недель, одному или вдвоем, в сурдокамере.

Смысл опыта: поместить будущего кандидата (кандидатов) на межпланетный полет недель на шесть в не пропускающий звуки куб с ровным постоянным светом, лишить часов, то есть всех признаков времени, кормить какой-то безвкусной едой, а потом посмотреть, что станет с его внутренним миром (а если их двое, то и с их взаимоотношениями).

Не знаю, проводились ли такие эксперименты на мысе Канаверал при тренировке американских астронавтов. Что-то есть в самой идее очень советское. Сколько знаю, никто из побывавших в искусственном заключении потом не рассказывал, каковы оказались результаты. Наверное, это военная тайна.

Меня по ходу перевода осенило: да ведь сурдокамера — это Внутренняя тюрьма КГБ при СМ СССР. Аналогия не надуманная. Вряд ли в камерах лондонского Тауэра и в темницах опричнины шла шумная жизнь. А король Людовик XI (по многим параметрам аналог Ивана Васильевича Великого) придумал держать врагов в клетках, прозванных *les fillettes* (девчурки): их объем был рассчитан так, что ни сесть, ни встать, ни лечь. Тоже без развлечений, естественно.

Так что несколько поколений администрации Внутренней не могут претендовать на патент метода эмоционального голода, применяемого для управления психикой. Но метод этот они очень конструктивно применяли, что на Лубянке, что в Лефортово и тем более в Суханове. Существовал и обратный прием: незакозыренные окна камер сухумской Внутренней с видом на близкий пляж — с утра до вечера подследственные наслаждались видом детских игр и пьющих вино купальщиц. Что хуже?

Что именно соединило в голове условия пребывания в тюремной камере с тренировками в Звездном городке, не скажу. Но открывшееся подобие — реально.

Описывать процедуру приема во Внутреннюю после

рассказа об Иннокентии в «Круге первом» было бы пустым делом. Солженицын в этой главе (она заканчивается улыбающейся кошкой на кружке), не зная только что изобретенных французскими писателями методов «нового романа» и «литературного вещизма», — применил их успешнее любых Роб-Грийе и Натали Саррот.

«Люди-куклы» Лубянки (как сказано у Солженицына) обращались со мной в боксике и говорили, будто начитавшись рассказов о самих себе. Разве что не скупилась на слова в бумагах: опись предметов, найденных при личном обыске, содержит «спички ломанные — две (2)». На мое замечание: «Да выкиньте» — отреагировали твердой фразой: «Вы здесь не в церкви, здесь не крадут».

За почти девять месяцев общения с лубянскими старшинами только дважды я слышал от них фразы не двусложные, а более или менее развернутые. Поздно вечером по возвращении из Военного трибунала МВО на Арбате молоденький надзиратель спросил: «Сколько дали?» На мой ответ: «Три» — заключил: «На параше пересидишь». А при свидании с отцом в Лефортово (на Лубянке свиданий не было) привезшие меня конвоиры вдруг стали неудержимо хохотать. Поведение беспрецедентное, возможное только после начала «оттепели». На вопрос моего отца: «В чем дело?» — главный ответил: «Да вот, смешно — то отца к сыну возим, то сына к отцу!» (отец, Игорь Александрович, освобожден в 1954-м).

И еще об «оттепели»: режим содержания и обращение с подследственными в 1957-м, если знать, что было при т. Сталине, можно сравнить с жизнью в трехзвездочной гостинице. Передачи. Ларек. По три книги в десять дней.

Гостиница гостиницей, но бронировать там комнату мне не стоило. Передав в феврале 1957-го статью (без подписи) о событиях в Венгрии для публикации в парижской газете «Монд», я все равно что позвонил в КГБ справиться, остаются ли у них еще свободные камеры...

Подобным «звонком» меня на полгода опередил москвич Леонид Чертков, мой сверстник. И камеру ему предоставили. Мы с ним дружили с 1952 года. Свои стихи, поначалу помеченные образами и стилистикой Гумилева, он вслух читал в курилке самой большой русской библиотеки на Моховой (обозначать тогдашним наименованием не хочется). Мы находились в досамиздатовской эре, и ни о каких «Эрика» берет четыре копии» и речи не было. У Гумилева Чертков перенял не только интонации, но и отвержение большевизма. В его стихах об этом говорилось обильно. Его арест в январе 1957-го меня травмировал (ведь еле заканчивалось время массовых возвращений из лагерей!) и снял самосохранительные тормоза. Такой же «провокацией», в клиническом смысле слова, послужили очерки французского передового прозаика Веркора «Colloques moscovites»: несколько месяцев после интервенции в Венгрии он воспевал зарю свободы и ростки социализма с человеческим лицом.

Переезд Черткова на Лубянку вкупе с цинизмом-наивностью Веркора и толкнули меня на путь свершения особо опасного государственного преступления. Я изготовил недлинный газетный текст — о том, что Будапешт погасил эйфорию, вызванную десталинизацией и массовым возвратом выживших обитателей ГУЛАГа. И что режим снова взялся за свое, то есть за посадку. Текст появился в буржуазной газете «Монд», его автора органы не замедлили найти.

Народу, что образованному, что без дипломов, так хотелось конца Советов, что первый раз они приняли желаемое за случившееся в 1945-м: «братья и сестры», открытие церквей, роспуск Коминтерна, тост за великий русский народ... Да и война подарила жертвы и страдания осмысленные и по совести. В то, что Сталин перерядился в доброго, хоть и строгого царя, поверили и соблазнились этим (плюс память о «Единой и Неделимой») только и мечтающие о сладком обмане белоэмигранты (тогда и мои

папа-мама кинулись в Париже за советскими паспортами). Этой лабудой прониклись и такие почтенные и давно потерявшие невинность люди, как Пастернак и Твардовский, да и масса тогдашней интеллигенции. В тени Сталина Жданов с Абакумовым уже год-два спустя все вернули на свои диалектические места.

Второй раз хеппи-энд почти настал в начале марта 1953-го, когда Ус хвост откинул. Прекращение «дела врачей» в Великую Пятницу 1953-го, лавина освобождений, доклад Хрущева... Вот-вот пойдет дальше... «Оттепель» обозначу календарно точно: от марта 1956-го — XX съезд — до 23 октября того же года. Мало кто помнит, что уже летом на приеме в посольстве КНР Хрущев утешил китайцев, ласково вспомнив т. Сталина. Это окно времени было окном всамделишного счастья.

Вторжение в Будапешт, скорое повешение Имре Надя и пропагандное обрамление этого позора не только мне, но и многим сверстникам показало, что антракт закончен. Всех тогда перешедших к действию не назвать... Вот по делу покойного Виктора Трофимова посадили и студента Ленинградского иняза покойного Владимира Тельникова. В Большом доме на Литейном по-молодому дерзко он напоминал собеседникам об участии их венгерских коллег-чекистов. Тридцатью пятью годами позже он, живя в Лондоне, помогал Александру Исаевичу в архивных изысканиях... Так что к прорицателям судьбы следует относиться скептически.

После Венгрии с переменным успехом проявлявшееся «шестидесятничество» было, по-моему, лишь «нас возвышающим обманом». Режим с фрондой стерпелся, сажал по-прежнему, жестко, но статистически умеренно. А в конце 1980-х сам себя изжил, стал обваливаться и обрушился. Венгерские семена дали всходы.

Национальным праздником РФ, конечно же, должно быть 21 августа, день провала ГКЧП!

Отвлекся от рассказа и дал слово внутреннему голосу, как и в камере это происходило...

На дефицит эмоций после ареста и в первые недели-месяцы сетовать не приходится. Наоборот — смятение чувств почище, чем у Стефана Цвейга. Вглядывание и вслушивание мобилизуют тотально, ведь включен инстинкт самосохранения в противовес пониманию, что самосохраниться невозможно.

И поначалу как для зрения, так и для слуха — квота потребления непомерная. Тускло-серо-оливковые стены камеры напрягают зрение. Изводит тщетное желание расшифровать выражение лиц и настроение надзирателей — а их просто не существует. Свербит мысль: что прячется за гофрированным стеклом окна и между козырьками, прикрывающими форточку? А ничего. Что означают частые громкие крики старшин: «Даешь?» — «Даю!»? Позвякивание ключами о металлическую пряжку ремня и громкое цоканье? А то же, что красно-зеленый светофор у поворота коридора: элементы отлаженной системы, обеспечивающей невстречу между собой «постояльцев». Для этого же через каждые двадцать шагов устроены раздевалочные шкафы — туда тебе приказывают войти, как только раздаются встречные лязг-цокание... Стоишь, пока мимо не прошагают чужие шаги, тогда тебя выводят и — дальше по коридору. Громкая, на весь двор, «молитва» часового при смене караула — «если я услышу шум и треск...», только этот ее стих и запомнился.

Постижение тюремного мира занимает у новичка все время.

«Но жизнь, как тишина осенняя, подробна... Великий бог деталей...» — это у Пастернака. Проявления «внешнего» мира много времени спустя оказались лишь громоздкой упаковкой происходящего у тебя «внутри». Никогда так четко демаркационная линия между «вне» и «в» у меня не прорисовывалась. Все чувственное восприятие зэка есть

сумма подробностей и мелочей, это многожды описано: сколько обстоятельных рассказов о приручении камерной мышки или о педантичной бухгалтерии проделанных шагов.

Расположение моей камеры давало возможность после известной тренировки вычислить, который час, по ударам часов на Спасской башне. После отбоя (три коротких мигания никогда не гаснувшей лампочки за решеткой над дверью), когда все вокруг затихало, извне хотя и редко, но было слышно движение автомобилей по улицам Москвы. В ночь на первое января такое подсчитывание курантов окрашивалось томящей ностальгией.

Возникали и «внеплановые» звуки: на третью или четвертую ночь моего «вселения» были очень громкие крики-вопли-стоны явно молодого человека, прерываемые возгласами: «Начальник, не надо, начальник, больше не буду...» И долго очень. Только много времени спустя мне стало ясно, что избиения в камере быть не могло, а если бы человек сам по себе стал так орать, то ему тут же убедительно посоветовали бы заткнуться. Встретившись в Мордовии с си девшими в последние дни августа 1957-го, опять услышал рассказы об этих криках, это не было моей галлюцинацией. Объяснение нашли одно: в предыдущие дни десять, почти сразу после окончания VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, по стране, в основном в столицах, прошла волна арестов той самой молодежи и студентов (всего около 10 000 человек за полтора года). Лубянка была набита до отказа. Более чем вероятно, что инсценировка понадобилась для того, чтобы доходчиво объяснить свезенным в узилище молодым людям специфику места. Такие записи воплей, позднее квалифицированные как пытка, применялись в израильских СИЗО.

Еще из шумов «несистемных»: курлыкание голубей за окном, постукивание клювов расположившихся рядом ворон. Лубянский двор привлекал сонмы птиц, остатки

тюремной кухни им явно нравились. Неслучайно появилось выражение «зловещая птица»: древние гадали по их полету, по их внутренностям. Пернатые знали, где собираться. Именно с тех пор они вызывают у меня совсем не те умильные чувства, что у персонажей безобразной передвижнической картины «Всюду жизнь».

Самому прибегать к услугам голосового аппарата приходилось лишь на допросах: долго они были ежедневными, многочасовыми, по стандартной методике сначала как бы благожелательными («Как вы себя чувствуете?»), чаще brutальными («Если вы отделаетесь двадцатью пятью годами, считайте себя счастливым!»). Полковник И. Т. Панкратов легко мог себе это позволить: дело на меня фабриковалось по ст. 58-1а УК РСФСР: «Измена Родине, шпионаж (мне клеили не просто честное «распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», а именно шпионаж, да ни много ни мало — атомный...), совершаемый гражданским лицом в мирное время».

Обстоятельные беседы в следовательских кабинетах бередили, и по возвращении в камеру уходило немало времени на их переваривание.

Счет времени стал невозможен, время стало вязким, веками ему были не то отбой, не то количество прочитанных страниц.

Составить опись совокупности факторов, определивших счастливый, даже чудесный результат, а именно: те три года, те, что молодой старшина прочил мне «пересидеть на параше», — можно, лишь обратившись за подробностями в Архивное управление ФСБ и прочитав там три весомых тома, сочиненных на меня за более чем полгода. И то бутылка понадобится. В итоге от фабрикации аля 1949 год (как было у моего отца) и молекулы не осталось. А ведь доходило до попыток упрекнуть меня в проникновении в неведомые мне «почто вые ящики» за

Уралом! Эти сценарные бредни исчезли, «яко тает воск пред лицом огня». Не удержусь сказать, что из-за меня не пострадал ни один человек.

«Дал ли Никита на кого-нибудь показания?» — первый вопрос, который задал отец моему адвокату Василию Александровичу Самсонову после его встречи со мной. Нет чтобы полюбопытствовать: «Как Никита выглядит?»

Обвинение по моему делу рассматривалось 19–20 марта 1958 года закрытым заседанием Военного трибунала Московского военного округа, а в кассационном порядке два месяца спустя — Военной коллегией.

19 августа 1958 года, на второй день слушаний в Военном трибунале, Самсонов, обращаясь к помощнику Главного военного прокурора СССР полковнику И. А. Петрову, дерзнул воскликнуть: «Доводы моего процессуального противника глупы, а порой абсурдны!» Попробуй он такое в те годы выкнуть в обычном суде... Всплывшая в десталинизацию взаимная неприязнь армия — ГБ оказалась мне тогда в помощь. Инспирировано мое дело было гэбистами, а судил меня военный суд.

«Развенчание культа» (того самого, что и нынешним ветеранам, в основном не из боевых, служит эликсиром молодости) помогло военнослужащим вспомнить о том, что, в отличие от граждан, они вооружены. Недозволенная тема армейского предвоенного холокоста присутствовала теперь на первых полосах: Блюхер, Якир... Убийца генерал-полковник Ульрих, председатель Военной коллегии, вызывал у большинства офицерства чувства иные, чем капитан Гастелло или защитники Брестской крепости. Ульрих, как многие из этих господ, был долгожителем и получал персональную пенсию чуть ли не до перестройки. Покоится в могиле с красивым памятником на Новодевичьем. Недалеко от Вышинского.

Именно военная юстиция оказалась на передовой реабилитаций, наравне с аналогичной комиссией ЦК. Надо отдать должное многолетнему заместителю Председа-

теля Военной коллегии хрущевских лет генерал-майору Д. Терехову: он способствовал ускоренному пересмотру дел, а позднее — началу доступа к архивам и первым публикациям. Он же, как я позднее узнал, помог тому, что Военная коллегия отклонила прокурорский протест («мало дали!») по моему делу. Мосгорсуд залепил бы мне червонец за полдня.

А чтобы читатель мне, двадцатитрехлетнему, посочувствовал, приведу до словно заключительную фразу обвинительной речи Петрова: «Хочу отбить хлеб у защиты и попросить судей применить к обвиняемому статью о смягчающих вину обстоятельствах. Они очевидны: Кривошеин получил буржуазное воспитание, в силу чего не смог правильно понять нашу действительность. Поэтому прошу ограничиться к нему минимальной, с учетом содеянного, мерой наказания — только десятью годами лишения свободы».

Синтез великого множества факторов, приведший к детскому сроку, в сочетании с нестыдом за себя был прост и по ходу дела мне стал очевиден: Небо помогло. Помогло вопреки юношеской неопытности знать, что и как говорить, а о чем молчать.

А в камере, где молчать приходилось всегда, единственный, с кем удавалось общаться, был внутренний голос. Герой столь многих анекдотов. Голос здравого смысла был с кляпом во рту, ошарашенный театром абсурда, в который его затащили. Голос совести зато был говорлив и красноречив, и, конечно же, мучителен. Никакой диктофон тогдашнего моего внутреннего голоса не выдержал бы. Но он, компенсируя обеззвученность тюрьмы, нашел «время и место выговориться». Если хоть как-то моя личность начала складываться, то только благодаря его тогдашним речам.

Живые же собеседники были в дефиците. Допросы ведь общением не назовешь. Но я нашел способ безнаказанно, хотя и тихо, производить звуки: однажды осе-

нило свистеть в прогулочном дворике на тюремной крыше, куда доставляли на тридцать минут в лифте с встроенным в него боксиком. Надзиратель был в застекленном проходе сверху и свиста не слышал. Мотивами своей музыки я выбрал два рефрена: кусочек «Марсельезы» (уж очень тянуло перебраться в Париж) и известную теперь в России «Песнь партизан», написанную в Лондоне в начале войны русской эмигранткой Анной Марли*. Бравурный и простенький репертуар помогал самовзбадриванию и добросовестно исполнял свои функции. Однажды за толевой перегородкой, увенчанной ключкой, раздалось ответное насвистывание государственного гимна Франции. Праздник.

Тогдашний режим чтения поражал щедростью: три книги в десять дней, с выбором по каталогу. Рекомендую историкам советского периода запросить (библиотека Лубянки была перебазирована в Лефортово) машинописный каталог тех лет, последние его страницы были латиницей.

На титульной странице каждой книги штамп: помарки, пометки запрещены и наказываются карцером. На изданиях, в основном довоенных, фамилии редактора, художника, переводчика, автора предисловия часто были замараны фиолетовыми чернилами и замарывание заверено печатью «Внутренняя тюрьма ГУГБ НКВД СССР», то есть печатью ежовских структур. Классиков марксизма-ленинизма в каталоге не было: враги народа их труды своим чтением могли бы сглазить. Основной набор книг

* Анна Юрьевна Смирнова-Марли, рожд. Бетулинская (Marly; 1917–2006) — французская певица и автор песен. После расстрела большевиками в 1918 г. отца, семья из Петрограда через Финляндию переехала во Францию. Во время Второй мировой войны в Англии написала по-русски «Песню партизан», ставшую неофициальным гимном французского Сопротивления (переведена на французский Морисом Дрюоном и Жаком Касселем). «Песня партизан» достигла такой популярности, что по окончании войны её предлагали сделать национальным гимном Франции. (Ред.)

(не считая произведений, отмеченных Сталинской премией) — конфискаты, наверняка у тех несчастных, фамилии которых замазывались. Много изданий «Academia» в красной обложке. Киплинг и Малларме в подлиннике (революционные лондонские и парижские издания), «Эпос о Гильгамеше», «Сага о Волсунгах», «В поисках потерянного времени». Окультуривайся — не хочу!

Взятые сразу по вселении в тюрьму «Письма к брату» Ван Гога оказались хорошей энергетической подпиткой. «Война и мир», где-то в середине побывки, — единственная книга, уведшая в успешный побег: отрываясь от ее страниц, удивлялся, что нахожусь в камере.

И о тождественности тюремных потребностей: большинство сосидельцев, каждый сам по себе, без наводки, выбирали «Волшебную гору» Томаса Манна. И почти все по ходу чтения находили аналогию между альпийским санаторием с иезуитом Нафтой и Внутренней: замкнутость и думы все об абстрактном. И еще, но это уже из области юнговских архетипов, почти все рано или поздно видели один и тот же, с незначительными вариациями, сон: ты в городе, вроде бы на улице, непонятно почему, то ли освободили, то ли совершил побег, приятно это или страшно, тоже не ясно. Но к определенному часу необходимо вернуться в камеру, и страх опоздать превращает сон в жуткий кошмар.

Нина Константиновна Бруни, задолго до того, как меня упрятали, научила афоризму: «Одиночество хорошо, когда есть кому о нем рассказать». За неделю до окончания следствия, когда держать в одиночке стало бессмысленно, мне в камеру внедрили напарника — получилась сурдокамера на двоих.

Виталий Карякин, восемнадцати лет, три класса образования, несколько сроков за мелкое воровство в колониях для малолеток. Притащив его в отделение с катка, где он задирался (по настоянию матери завел себе девушку — «лучше бы ты женился»; из-за девушки на катке

и повздорил), милиционеры стали его бить. А он не нашел ничего умнее, как вспомнить слышанные на этапах слова: «Фашисты, гестаповцы, придет дедушка Трумэн, и мы вас будем вешать». Ему влепили пятнадцать суток, а по их завершении поместили в черную «Волгу», ждавшую у отделения, и прямоком ко мне в камеру. Виталику Лубянка показала иной планетой. А он мне — с его рассказами о бытовых зонах — марсианином.

Узнал позднее, что ему — по причине многих судимостей — дали аж шесть лет. Был Виталик в душе хороший парень.

Не то что второй подаренный в компанию уголовник, уже после суда, когда я сидел вдвоем с востоковедом Маратом Чешковым (дело истфака МГУ). Нам внедрили сутулого, низколобого, туберкулезного господина с проглоченной для получения диетпитания ложкой в желудке. Уходя от карточных долгов на зоне, он сделал из простыни американский флаг. Флаг повесил на лагерном штабе. От лиц, которым он задолжал, его избавили тут же. В красочных подробностях он с удовольствием регулярно рассказывал нам, «фраерам», о четырех совершенных им убийствах.

Наличие собеседников снимало акустическую составную сенсорного голода, да и во многом личностную. Для глаза же оставался тотальный пост: все вокруг серо-оливковое и иногда, как в блатном рефрене, квадратик синего неба во время прогулки. Лица следователей и надзирателей — как бы не лица. Мое зрение плохо переносило этот скучный паек. Лишения терпели и обоняние и вкус: над всем — от начальственных кабинетов с Феликсом Эдмундовичем на стене и до этажных тюремных уборных — витал слабый запах хлорки. От одинакового на все дни пайка не пахло вообще ничем, и тем лучше. Получение редких передач, очень ограниченных по весу и набору, было как Новый год и Пасха. К Пасхе, кстати, отец передал, и их приняли, несколько красных яиц. Они стали по-

водом для третьего развернутого предложения, услышанного мною от обслуживающего персонала тюрьмы. Брэдобрей-библиотекарь-передатчик, больно скобля щеки, спросил: «Яйца съел, а что же тебя Бог не освободил?»

Без физиологии эту историю не закончить, да и истории бы не было.

К концу пятого месяца моего тюремного постоя допросы сократились до нескольких раз в неделю. По возрасту в уборную мне хотелось нечасто, и пять часов проживались незаметно. Раза два, очевидно с перепоя (воды), просился у следователей в туалет, они этих хлопот не любили: приходилось вызывать надзирателей, ждать... Уборная в коридоре Следственного управления была той же серо-оливковой и вполне под стать тюремной.

В один из самых последних допросов, к середине седьмого месяца следствия (я все еще был в одиночке), сильно захотелось не то в уборную, не то перебить принимавший опасный оборот разговор с майором Орловым и старшим лейтенантом Алексаночкиным. «В уборную, пожалуйста». — «А потерпеть нельзя?» Однако позвонили.

Двое старшин: «Руки за спину, вперед».

Всякий, в тех местах побывавший, помнит, как четко фиксируются в моторной памяти все маршруты, длина коридоров, места поворотов и перекрестков. Но вот повели необычно, дальше привычного — то ли из-за ремонта, то ли из желания избежать встречи с другим заключенным — и ввели в непривычный туалет. Большое незарешеченное окно, много света, белые стены. Свершив то, зачем сюда просился, захотел сполоснуть руки. Подошел, открыл кран, закрыл, поднял голову.

На меня в упор уставился незнакомый человек. От шока встречи я оторопел. Незнакомец показался с первого взгляда симпатичным и понравился мне. Сколько ушло секунд на отождествление увиденного с самим собой и

осознание, что в зеркало не смотрелся почти год, не скажу. Было изумление и гипнотическая завороченность. «Что загляделся? Руки за спину, вперед!»

По возвращении в камеру было не до чтения и не до разбора полетов-допросов.

Очень хотелось восстановить в памяти смотревшее на меня лицо. Если метод психоанализа ставит задачей помочь пациенту встретиться с самим собой, то лубянская сурдокамера в этом деле доказала свой эффект. Встреча с самим собой состоялась, и настолько успешно, что то, что принято обозначать «личностью», именно в этот период во мне выкристаллизовалось и оказалось жизнеспособным. Потрясающее же в уборной телесное обличие — всегда казалось, что оно и есть «я», — было отдельно и само по себе.

Метафизический вывод напрашивался: правильно Церковь отказывается объяснить, как произойдет в конце времен «воскрешение мертвых», обещанное в Символе веры... Но предзнание того, что это будет совсем не то, что мы видим, бреясь по утрам, — меня посетило.

Остался нерешенным вопрос: были ли у космонавтов в сурдокамерах зеркальца для бритья? И если да, то что эти предметы говорили им в ответ?

2011

Впервые опубликовано в:
«Звезда», 2011, № 3

Никита Кривошеин.
Дагестан. 1960-е??

В 1969 году повторно был арестован М. В. — очень близкий человек, из круга бывших мордовских лагерников. Годами вместе пили, гуляли, ходили неделями с рюкзаками по Дагестану и Чечне, наносили посильный, малый, конечно, хотя бы словесный, ущерб власти Советов.

Арестован М. В. был, как и большинство эзков того хрущевского поколения, осенью 1957 года в Москве, вскоре после закрытия VI фестиваля молодежи и студентов. Во время этого фестиваля он со своим ныне покойным другом Анатолием сочинил несложное, но перенасыщенное самой что ни на есть злобной клеветой на все передовое, обращение к европейской молодежи в целом и заодно к ЦОПЭ — Центральному объединению послевоенных эмигрантов, структуре, расположенной во Франкфурте и склоняемой советской прессой пуще Уолл-стрита. В обращении-письме дружеская просьба: «Всем им прибыть в советскую столицу и освободить ее от коммунистического ига». За отсутствием оргтехники приглашение было размножено в пяти экземплярах с помощью чернильного карандаша. Одна из копий была вручена на «плешке» (так называли место в Москве между Большим театром и площадью Революции) двум иностранцам, представившимся немцами, которые оказались переодетыми оперативниками. Иностранные гости фестиваля разъехались, а фальшивые немцы сделали оргвыводы. Как забрали М. В., не помню, а соучастник его Анатолий был в шесть утра (начало «светлого времени суток», согласно УПК РСФСР) разбужен человеком, сидевшим на его кровати. Он его тряс за плечо со словами: «Толя, просыпайся, ты арестован».

М. В. и Анатолию к моменту совершения преступления не было 18 лет, и следователи их выдерживали до совершеннолетия, чтобы потом можно было судить полноценно.

Обоим, бесхлопотно, знаменитый тогда председатель Мосгорсуда Громов вклеил по пятернику. Он самого Берию судил.

После выхода из лагеря оба устроились как смогли. Анатолий — в зубную поликлинику старых большевиков на Маяковке, но был вскоре оттуда изгнан: дама — ветеран РСДРП(б) пыталась укусить его за палец, поскольку Анатолий сделал ей больно, а он в ответ ее ударил...

М. В. стал трудиться грузчиком на текстильной фабрике. Сочетание смешного оклада с желанием возмездия за страдания зонные привели М. В. к участию в групповом (с двумя неграмотными коллегами — многодетными отцами) хищении социалистической собственности в особо малых размерах. «Ты здесь хозяин, а не гость: тащи с работы каждый гвоздь!»

Уговаривали мы М. В. завязать с присвоением пакли и ее сбытом — напрасно; говорили: «Что положено Юпитеру, не положено быку» (этот афоризм для знающих, кто такой М. В.). Действительно, то, что сходило с рук работягам, бывшему политзэку не спускалось, каждый мизерный повод вклеить второй срок был для органов праздником.

Друзья «рецидивиста» нашли для него, что по тому времени непросто было, мужественного адвоката Таисию Лемперт. Минут за двадцать судебного разбирательства М. В. получил четыре года. Коллеги-грузчики отделались символическим приговором. Отбывал он срок в страшных, строгого режима, Ерцевских лагерях в Архангельской области.

По ходу следствия и подготовки к процессу я был в постоянном контакте с родителями пострадавшего. Отец его, Вениамин Васильевич, был родом из Рославля Смоленской губернии. Произошедшая на его глазах коллективизация, с высылками и взрывом храма в его родном селе, оставила в В. В. след на всю жизнь.

Но жить-то надо: до войны он получил диплом технического вуза, почти одновременно и партбилет. К концу 1945 года (у него была «броня» на военном предприятии)

райком направил его в «органы». После недолгой профподготовки он стал сотрудником оперотдела Управления МГБ по Смоленску и Смоленской области. Этот труд оказался ему настолько не по нутру, что он сумел по собственному желанию добиться демобилизации и вернулся в промышленность рядовым инженером, что по тем временам было немалым подвигом.

После первого ареста сына в 1957-м Вениамин Васильевич послал в МК КПСС письмо, в котором объяснял, что как бывший сотрудник органов хорошо знает, «какие бывают провокации и как органы дела придумывают». После чего был довольно бесшумно лишен партбилета.

Второй арест единственного сына, да еще и по «бытовой» статье, был для него страшным шоком! Настолько, что, когда он пошел в учетный отдел райотдела МВД получить изъятую у сына при аресте какую-то сумму (это до суда), то, простояв в очереди у кассы, при всех громко обратился к кассирше в погонах — очень гордился своими словами: «Желаю вам дожить до ста пятидесяти лет». — «Почему это?» — удивилась сотрудница. «До восьмидесяти лет нормально, а остальное все время ходить на четвереньках и лаять!» Но то были времена конца хрущевской оттепели-слякоти, и веселая реплика сошла ему с рук.

Избавить свою память от проработанных в органах послевоенных лет Вениамин Васильевич никак не мог. Часто он за семейным ужином с женой и детьми вдруг принимался рассказывать эпизоды тех лет, особенно о том, как они в смоленском оперотделе «разрабатывали» (термин этот поныне остался в чекистском профессиональном языке) того или другого, а «разработав», — сажали. Это слово часто возникало в его занимательных новеллах, так что близкие, а потом и лагерные друзья сына так и стали называть его — «Разработчик».

Вениамин Васильевич проводил часть своих рабочих дней в отдельном закутке на городском базаре, попасть

к нему можно было только постучав в дверь условным стуком. Слово «закуток» — правильное, потому как сюда к нему являлись ранее завербованные сексоты. И стучали: кто что думает и говорит на базаре. Как положено, у каждого осведомителя была кличка. Про одного из них — женщину настолько тощую, что взявший с нее подписку о сотрудничестве чекист окрестил ее Иглой, — Вениамин Васильевич рассказывал так часто и так обстоятельно, что у его родных закралось подозрение: были ли только оперативными их отношения?

Вениамин Васильевич любил пофилософствовать: «Вот говорят, у нас люди в деревнях глупые. Неправда это. Когда после войны на Западе стали воду мутить насчет поляков в Катюни, нас туда группу целую послали с заданием, по деревням. Всех жителей подряд вызываем, спрашиваем: “Что помнишь про поляков и как их не стало?” Поначалу люди отвечали: “НКВД их всех расстреливало”. За такой ответ на следующее же утро за этой семьей заезжали и административной ссылкой — в Казахстан. Сработало, очень скоро сообразили! День на четвертый — с кем ни беседеешь, как один уже отвечают: “Поляки оставались, пришли немцы и ликвидировали их”. Таких мы не трогали, даже колхоз чего-то им стал выдавать. Так что народ у нас смекалистый...»

За неделю перед уже назначенным судом над сыном Вениамин Васильевич места себе не находил, спать не мог. Жил я тогда на Парковой в Измайлове, а он через пять блоков от меня. Я тогда был в квартире один. Он приходил без предварительного звонка, не спрашивал «Не помешал ли?» и шел напрямик усаживаться в кресло в моей спальне. Человек очень крупный, огромная, совсем лысая, сильно бровастая голова, лицо как топором высеченное, бородавок много. Я всегда, глядя на него, вспоминал бюсты римских императоров, да и повадка у него была как бы величавая.

Кресло же я купил у случайно подвернувшейся вдовы советского генерала. Что сейчас стало с этим предметом, не знаю и знать не хочу: было оно карельской березы, с дивными прожилками, с бронзовыми сфинксами на подлокотниках, с неиспорченной обивкой... Стыжусь поныне, что в Москве того времени поддался приобретению этого, явно у кого-то из своих, конфиската. Стыжусь, что поставил эту неуместную красоту в комнате блочного кооператива, где в подъезде властвовал неистребимый запах капусты. Надеялся, что кресло застит внешний ужас. Но и теперь стыдно. Хотя и тогда вид рассевшегося в павловской мебели бывшего чекиста, пьющего из блюдечка заваренный мною чай, был шокирующим. Собеседником ему мне быть не приходилось: речь его лилась потоком сознания. Многое я уже слышал в пересказах его сына. Но были и новые темы.

«Вот в сорок девятом пришла нам директива забрать всех, кто из лагерей вернулись (это была волна массовых арестов “повторников” — всех тех, кому повезло выйти после посадки в 1937 году). Было их по городу около десяти. За старушкой одной вдвоем зашли, взяли ее, машин в управлении не доставало, приходилось пешком в тюрьму вести. А у нее чемодан, готовый на всякий случай, в сенях стоял. Погода жаркая очень, я ее пожалел, взял у нее чемодан и сам до тюрьмы донес...»

А другого такого же надо было “оформить”. Интеллигент, вроде еврей, отбывал в первый раз в ежовщину за принадлежность к троцкистской организации. Приводят его ко мне в кабинет, начинаю его допрашивать, устанавливаю личность, ну и все такое... Потом говорю: расскажите о своей преступной деятельности. А он взял и расплакался. Чего плачешь, спрашиваю? “Я плачу потому, что вы меня не бьете...”».

Нарассказав всего такого, Разработчик возвращался домой. Я же каждый раз после его посещения в одиночку надирался.

При совсем других созвездиях моя мама в Ульяновске чуть не подверглась такому же испытанию, как я с Разработчиком.

Это было в 1951-м, есть нам тогда было совсем нечего, а тут стала захаживать к маме соседка-просвирня из единственной в городе церкви, все с одинаковыми речами. Говорит: «Жить тебе тяжело (а мама ей на «вы»), а вот сосед через два дома, он совсем старый, по ночам не спит и мучается. Пенсия у него большая, и заплатит тебе хорошо, только чтобы ты с ним в его комнате по ночам оставалась, да ты не думай — ничего такого...» Нина Алексеевна полюбопытствовала: «А что с ним?» — «А он, понимаешь, двадцать лет в органах проработал, а теперь у него всё видения да бессонница, и хочет, чтобы компань он в это время был».

Но даже ради вожденной еды Нина Алексеевна не решилась вслушиваться по ночам в фантазии пенсионера «разработчика».

Я же вспоминаю Разработчика без тяжелого чувства, и мне в этом помогает великий принцип Кропоткина — «Люди лучше, чем учреждения», имеющий самое прямое отношение к России... И. С. Тургеневу, коротающему свой век в Баден-Бадене и Буживале, такие отцы и дети, как Разработчик и его сын-десятиклассник, появившиеся в России в результате Гражданской войны, даже не снились.

В исповедальных монологах отца моего друга М. В. личествовало не сформулированное раскаяние. Вспоминаются еще несколько историй, которые свидетельствуют о том, что «империя зла» совершенства не достигла.

30 апреля 1958 года я этапом прибыл в Дубравлаг. Примерно за два месяца до этого в седьмом отделении лагеря в Сосновке на целую неделю развернулась забастовка. На разборку и наказание приезжал известный ГУ-

ЛАГовский генерал, подавлявший восстания в Воркуте и Караганде.

В первой стадии переговоров с забастовщиками принимал участие отрядный начальник, лейтенант Кукушкин, свежий выпускник эмвэдэшного училища. Я смутно помню его внешность — щуплый, тихий. То ли на него произвели впечатление допросы зэков, то ли шок от неожиданных методов дознания, то ли сама служба довела до ручки — факт тот, что Кукушкин проникся и стал помогать. Он выносил письма заключенных за зону, более того — стал получать ответы на свой адрес и приносить их в лагерь; чьим-то родственникам по просьбе заключенных позвонил, кому-то помог с продовольственными посылками. Все это долго продолжаться не могло и, конечно, в конце концов раскрылось! Кукушкина с позором уволили, правда, с поличным не поймали, так что под суд он не попал. Последующие годы он перебивался кое-как и по разным городам навещал освободившихся за эти годы зэков.

И еще примеры.

Покойного Владимира Тельникова, сына сверхначальственного полковника из Главного артиллерийского управления, в 1957-м по делу Трофимова поместили в ленинградский Большой дом, при этом совершенно «ни за что», а случайно, за компанию. Отец сумел быть принятым начальником управления КГБ по Ленинграду и области полковником Мироновым (впоследствии он поднял ся до ни много ни мало заведующего отделом административных органов ЦК КПСС и потом разбился в самолете по пути в Белград). Миронов согласился с непричастностью Володи к группе и, движимый сочувствием к коллеге-просителю, согласился закрыть дело и освободить сына из-под стражи. Случай редчайший.

Володю привели из Внутренней тюрьмы в кабинет Миронова и стали его журить: надо, мол, быть разборчивым в знакомствах, какие сейчас опасные люди завелись во-

круг... Вот выпустим тебя, но учти! Молодому человеку стало страшно стыдно, и не потому, что он был ни при чем, а потому, что оставляет друзей в беде. И он решил съязвить: «А можно я загадку задам? Кто над нами вверх ногами? Вы думаете, муха? Нет, это чекисты на столбах в Будапеште!»

Что было дальше — понятно.

Не забыть мне, как Володя в Явасской зоне, несколько лет спустя, метался от вышки к вышке, лица на нем не было. Отец ему почти не писал, не приезжал. И вдруг открытка — зэк Тельников получил от своего родителя поздравление по случаю сорокалетия ВЛКСМ!

Незадолго до смерти отца он сумел его простить и примириться.

Еще как бы из Тургенева: в нашей «аварийной» бригаде, выводимой из зоны на разгрузку вагонов, был московский востоковед, аспирант, увлеченный марксистским объяснением азиатского метода производства на примере Индокитая. Выводят нас за вахту, где все как в кино: злые псы, злой конвой, пересчет по пятеркам, «бригада, шагом марш!».

У вахты человек, серый плащ, фетровая шляпа, безликий. «Наверное, новый опер прибыл», — заметил один из нас. Длинная пауза, и голос востоковеда: «Это мой отец на свидание приехал»... Отца этого с треском уволили с очень крупного партийного поста за то, что не сумел как нужно воспитать сына. Но арест сына его самого ничуть не перевоспитал, и до самой смерти он на друзей востоковеда по лагерю смотрел волком.

А вот пример как бы наоборот.

Вместе с Тельниковым по делу Трофимова сел сын ведущего конструктора оборонной судостроительной отрасли, высоко ценимого партией и правительством. Ценимого настолько, что он должен был каждый месяц являться в Кремль и докладывать о ходе работы Генеральному секретарю Хрущеву. Конструктор с женой при-

думали: стал он являться на доклады хмурым и вялым. На третий раз Никита Сергеевич озаботился: «Что с вами? Плохо работается?» Конструктор отвечает: «Да вот сын отбывает десять лет по политической статье, виноват, конечно, но нам с женой тяжело».

Партии и правительству так важны были оборонные железки и спецы, что срок сына был тут же сокращен наполовину и главный конструктор смог снова полностью отдать себя конструированию.

И последняя была. К Хрущеву, когда тот приехал в Баку, пробился отец Трофимова, простой рабочий, с письмом. Охрана его подпустила к генсеку, тот взял письмо, а на мольбу пожилого человека «У меня сын по 58-й сидит!» с ходу ответил (факт): «Мы не только кукурузу умеем сажать», и Виктор так и остался досиживать свой срок.

В завершение «тургеневского сериала» расскажу о собственном отце, Игоре Александровиче. Тюрьму он, наверняка по-лысенковски, генетически передал мне. Отец сидел три раза, дядя мой — один раз, дед из-под ареста сбежал, а менее близких родственников — не счесть. Моя посадка отца «исправила»: ушли великодержавные фантазии, приведшие к тому, что «счастья народов надежный оплот» после войны у него стал «Единой и Неделимой». Собственные шесть лет Лубянки, Марфинской шарашки и Озерлага (Тайшет) не привели его к критической оценке репатриации в сталинское лихолетье.

Так вот, приехал отец ко мне на первое свидание в Мордовию, а свидание было «с выводом на работу», я тогда был на пилораме. Встречаемся, у меня бушлат весь в опилках. Хватило жестокости заметить: «Вот, папа, вы все тосковали по березкам, а у меня с ними получилось самое близкое общение...» Игорь Александрович очень помрачнел: «Я хотел в Россию, а попал в Советский Союз».

У нас с ним поколенческих конфликтов не было никогда.

Правило без исключений противно природе, и убедительность его убывает. Так и с квазиевангельской максимой беспокойного князя Кропоткина насчет людей и учреждений.

Исключения: женщина-врач Внутренней тюрьмы, эффектная блондинка, прозванная своими пациентами «Эльзой Кох», была хуже советской медицины.

Секретарь комитета ВЛКСМ Первого московского института иностранных языков Борис Фокин (не стесняюсь обозначить его ф. и. о., так как он давно преставился и, насколько знаю, беспотомственно) был хуже, чем ВЛКСМ. В годы моего проживания в общежитии он почти за каждое опоздание (а их было мало), приходя после комендантского часа, не ленился меня тащить в свой кабинет и обещать, что все сделает для моего выселения. После XX съезда я на семинарах по основам марксизма-ленинизма стал забавляться тем, что задавал преподавателям «нехорошие» вопросы. Фокин созвал заседание возглавляемого им органа с обещаниями исключить меня из вуза. За семестр до диплома! Когда же Следственное управление КГБ, структура, которой была несвойственна научная скрупулезность и избыточное правдолюбие, запросило от института характеристику на меня (так было положено), то, получив ее, само впало в изумление.

«Никита Игоревич, мы видим, что у вас прекрасный диплом. Но скажите, какие отношения у вас были с руководством факультета?» Я что-то промычал невнятное. «Так вот, характеристику, которую на вас прислали, мы не приняли и отослали, такого бреда мы еще не видели(!)». Наверное, Фокин написал нечто вроде «мусаватист, агент английской и многих других иностранных разведок»... Вроде подарка адвокату, к 1957-му они уже снова возникли.

Юного убийцу обоих родителей защищали от гнева приносящих, говоря «пожалейте его, он сирота». Так Фокину, будь я менее злопамятен, можно было бы изыскать смяг-

чающие вину обстоятельства в технологии изготовления характеристики-доноса: он, безвестного происхождения младенец, был до войны отправлен в детдом, затем передан по эстафете Суворовскому училищу, затем по путевке комсомола — в ИНЯЗ. Будучи более чем посредственным синхронщиком и лингвистом, все семидесятые-восьмидесятые годы он оставался ответственным за русскую переводческую секцию в штаб-квартире ООН в Манхэттене. Властную значимость и весомость этой должности — ни словом не сказать, ни пером описать. Словесный портрет: низкорослый, плотный, очень низкий лоб, стрижка под бокс, водянистые глаза и всегда стоптанная обувь. На любом кастинге всякий режиссер ангажировал бы такого человека на самого отрицательно-ничтожного персонажа, какие изобретаются кинематографом.

Словесный портрет в помощь ходу рассказа.

День на пятый после возвращения из Мордовии еду к Пушкинской площади на 15-м троллейбусе. Стою у самого выхода. Тощ телом, голова обрита наголо за неделю до освобождения. Между агентством ТАСС и Пушкинской над моим ухом голос: «Никита, ты вернулся?» Вплотную ко мне — Борис Фокин.

«Знаешь, когда я узнал, что тебя арестовали, я так обрадовался! Подумал — пропал человек из-за своей дури, а вот теперь взяли за него, он исправится и будет правильно жить». Интонация действительно радостная, и тон впервые приветливый. Один из нечастых со мной случаев: на меня накатил вспышка гнева. Физического. Такого, какой описан у Безухова Толстым. Действительно, мое перевоспитание частично состоялось, и самосохранение заставило меня прибегнуть к внутреннему монологу из двух фраз: «Вот сейчас я тебя так е...., что ты с копыт слетишь» и «За тебя, суку, второй срок тянуть...». Очень кстати дверцы троллейбуса раскрылись, и я выскочил.

Через много лет после начала перестройки узнал от московских коллег-переводчиков, что Фокин на партсобраниях поносил Горбачева, проклинал перемены и конец Советов... Его исключили из КПСС, он покинул ряды авангарда, уволился из МИДа, бедствовал и подрабатывал бомбилкой на своем заграничном авто. Может ли последовательность, хоть в изуверстве, быть смягчающим вину обстоятельством?

Вернусь к М. В. и его отцу Разработчику.

Через год после того, как М. В. был эстапирован в Ерцево, мы с лагерным другом Борисом Пустынцевым решили туда поехать и попробовать добиться свидания с второсрочником М. В. Оделись как можно лучше, в глазах начальства это сработало: нехотя дали полчаса разговора... Передачу запретили — только то, что ээк успеет съесть на месте. Так что было больше еды, чем беседы.

Пока во дворе спецчасти Управления мы дожидались, чтобы кто-нибудь появился (пришли слишком рано), — меня сзади больно ударили по спине: шкет восьми-десяти лет, одетый в гимнастерку и галифе, перешитых на него, на голове голубая фуражка войск МВД. В руках наставленный на меня деревянный, очень похоже сработанный автомат, как у конвойных. Эта детская игра в «арест и конвой» мне пришлось крайне не по душе.

Предусмотрительно оглянувшись, чтобы никто не видел, я повернул юного рыцаря Дзержинского спиной и дал ногой такого пинка под зад, что он отлетел далеко, лицом в большую лужу. Обернулся и, не заплакав, дал деру. О себе, конечно, скажу, что «Против овец молодец, а против молодца и сам овца».

Но ни секунды не жалею о своей тогдашней реакции!

Уезжали мы из Ерцево с большой тяжестью на душе, хотелось ее как-то снять, но в ларек вокзальный не пошли, а подумали: Кириллово недалеко, а там и Ферапонтово,

когда еще так близко будем; наверное, поможет. В Кириллово ночевали у старушки в белом платочке, у нее киот — как положено. Кормила очень невкусно и рассказывала, что, когда была молодой, слыхала, как совсем близко от ее дома две ночи подряд расстреливали всю братию Кирилло-Белозерской обители.

На следующее утро мы пошли в местный, очень богатый северными иконами музей. В соседнем зале шла экскурсия местных школьников, на всех красные галстуки, а голос у экскурсовода совсем как в радиопередаче «Пионерская зорька». Мы с Борисом проложили путь по залам так, чтобы от юннатов — подальше. Но музей не такой большой. Экскурсию мы нагнали у иконы «Сошествие во ад». Как часто бывает в северном письме, по бокам и внизу выписан каскад падающих замков и ключей, очень черных на пробеленном фоне. Звонкий голос гида: «Эти разомкнутые замки и падающие ключи показывают, что в те три дня, что Христос пребывал в аду, Он освободил всех живших до него патриархов, пророков и грешников. Об этом говорится в христианском песнопении «Христос воскрес из мертвых»... И произнесла весь текст! Школьники ушли, мы к ней кинулись: «Как вы не боитесь?» — «Да мы от всех далеко. Кто узнает? Стараюсь, как могу».

Напоминаю: на дворе семидесятый год.

Из Ферапонтово мы шли километров восемь пешком, и я затеял глупую игру в машину времени: «Боб, а куда бы ты поехал на такой машине?» Ответ Бориса был быстрее, чем реакция у самого хорошего синхронного переводчика: «В сентябрь семнадцатого, в Разлив, в шалаш с пистолетом — отдай тезисы!»

2012

Впервые опубликовано в:
«Звезда», 2012, № 1

Никита Кривошеин,
Борис Пустынцев.
1967

Друзья Владимир Буковский,
Владимир Тельников,
Англия, 1979
(вскоре после обмена В. Буковского
на Луиса Корвалана)

Анатолий Тыминский, Валерий Мануйлов,
Москва, 1965

Друзья с их женами. Сидят слева-направо:
Эльвира Пустынцева, Люся и Виктор
Трофимовы (дело Трофимова, Ленинград,
1967), Ира Емельянова-Козовая
и Вадим Козовой (стоит).
Париж, 1992

Ксения Кривошеина,
митрополит Таллинский и всея Эстонии
Корнилий (Якобс). Справа – Никита
Кривошеин.
Таллин, 2001

Первая Пасха в «Большой зоне»

Из лагеря Сосновка я вышел в феврале 1961-го, Пасха была недалеко, и я очень ждал Праздника — пойти к Иоанну Воину, что на Якиманке, напротив посольства Франции. Благодаря этому соседству, храм при Советах не закрывался.

«Большой зоной» политические заключенные называли всю территорию СССР. И действительно, кроме пространства прогулки, за исключением режимных городов (ст. 39-40 «Положения о паспортах»), выбора поесть и выпить, не такой уж большой была разница между ОЛПом (Отдельный лагерный пункт) и одной шестой — в ту пору — частью земной суши. Да и выбор книг для чтения (до появления самиздата), что в тюрьме, что на свободе был почти одинаковым.

До тюрьмы

В апреле 1953-го, в Великую Пятницу, Иван Бруни, узнавший утром о прекращении «дела врачей», обнял меня, воскликнув: «Скоро наши вернуться!» У него несколько человек сидело, а у меня — только отец. Я ему не очень поверил, но так и вышло.

При жизни т. Сталина, да и сразу после того, как он сгинул, церковь не была переполнена, а мужчин средних лет, не говоря уж о молодых, было совсем мало. Храм Иоанна Воина, московская квартира Владимира Николаевича Беклемишева и Нины Константиновны Бруни были для меня теми островками нормальности, каждый из которых по-своему служил местом утешения.

Родители В.Н. Беклемишева были владельцами имения, соседнего с кривошеинским (Шклов, под Могилевым), и он рос вместе с моим отцом, с его братом Олегом и с будущим владыкой Василием Брюссельским и Бель-

гийским. Только чудо, а Господь чудеса при Советах проявлял в изобилии, избавило Беклемишева от гибели, на которую обрекала его одна им носимая фамилия. Его ни разу не арестовали. По ходу всех «истребительных волн», может быть, чекистами было учтено, что он триумфатор борьбы с малярией и целесообразнее держать его на воле. Владимир Николаевич оставался истово православным, хоть этого не афишировал. Это был увлеченный натурфилософ, знаток поэзии, и не только русской, сам автор прекрасных стихов. В квартире на Песчаной у него оставались старые книги, гравюры Пиранези. Встречи со мной, а позднее с освободившимся моим отцом и с приехавшим владыкой Василием, он воспринимал как нечто антистатистическое, то есть как чудо. Без его помощи и сердечной любви, всяческой заботы вряд ли бы я доучился до диплома.

У Иоанна Воина настоятелем был отец Игорь, берущий за сердце своими проповедями, по тем временам часто дерзкими. И пели здесь очень красиво, похоже на то, как было в Париже. Мое, хотя и недостаточное по лени, присутствие в этой церкви не вызвало абсолютно никаких реакций в «ИНЯЗе»: внешне я все же не мог быть там незаметен. В Пасхальную утреню 53-го, как и раньше бывало, отец Игорь до выхода Крестного хода попросил мужчин взяться за руки и образовать цепь, таким образом получился как бы коридор. Но даже на Пасху мужчин было легко пересчитать.

Разговлялись на Большой Полянке у Нины Константиновны: были очень необычные, переделанные в птичек яйца и прекрасный кекс «Весенний» (под такой этикеткой продмаги торговали куличами). И все-таки это было началом надежды, и не только пасхальной. Хоть еще и не «праздник пройденных бедствий» — по Салтыкову.

Пост не по своей воле

Пятью годами позже, в 1958-м, я пребывал во Внутренней тюрьме КГБ при Совете министров СССР, на Большой Лубянке. За ходом календаря можно было следить только по датам на протоколах допросов или на квитанциях при получении передач. Ни тут, ни там никакой пасхалии. Тюрьма в тот сезон из-за событий в Венгрии и Московского фестиваля молодежи и студентов «За мир и дружбу» была полным полно. Но были и здесь свои плюсы: отсутствие ночных допросов, очень не скупой библиотечный режим и главное — раз в десять дней почти обильные передачи от близких. Но этого было все равно недостаточно, поэтому я поглощал вечернюю окаменевшую кашу перловку-шрапнель и зловонную баланду в обед. Но сахара, конфет и дозволенного малого веса колбасы все же было достаточно, чтобы утешить желудок. Передачи от родителей были так же узнаваемы, как их почерк. То было время, простите за клише, самой не промозглой оттепели.

Разносом книг, передач и стрижкой-бритьем, болезненным из-за тупости инструмента, занимался Максим, единственный из «людей-кукол» («В круге первом») Лубянки, имя которого знали все постояльцы. Даже мой отец получал от него книги в 1954 году, во вторую свою побывку там на переследствии.

Внутреннюю ликвидировали в середине 1960-х, и Максим с книгами и машинкой для стрижки последовал вместе со всеми в Лефортово, где много лет спустя с ним имел дело и Владимир Буковский. Максим, единственный из надзирателей (ходил он не в форме, а в сером халате), иногда проговаривал полные предложения — предлог, существительное, глагол. Даже доходил иногда до шуток. На вопрос моего сокамерника Вити Карякина: «А что сегодня по телевидению?» — отвечивал: «Ванька-Встанька, вторая серия». Замечу, что ни с кем из его коллег такие перешучивания были просто немыслимы.

Словесный портрет его мне составить исключено, да, наверное, даже современный компьютерный фоторобот не сумел бы. Уверен, что и у других клиентов его парикмахерской получилось бы не лучше: черноволосый, среднего роста Максим был совершенством безликости и безличности. И это несмотря на его способность говорить фразами.

В какой-то из десятых дней Пасхи появляется Максим в камере с бумажным пакетом: «Распишитесь». Передача! Я не берусь восстановить ее ассортимент полностью, но она содержала то, что испытывали родители, собирая ее и стоя в очереди к окошку на Кузнецком для вручения дежурному тюрьмы. Среди съедобного — три красных крутых яйца! Радость, благодарность, перенос себя к Иоанну Воину, молитвам. От той передачи оставалось уже совсем малое, когда неожиданно после баланды надзиратель рывкнул: «Стричься!»

Угловая бесконечная камера была оборудована не табуреткой, а стулом, на полу — тряпка, клочки стриженных волос. Мрачное освещение от зарешеченной лампочки и рифленого стекла маленького окна. Молчаливая стрижка. Пауза, отрыв машинки от скоблмого черепа и вопросы Максима: «Яйца получил? Съел? Почему же тебя твой Бог (писать ли с заглавной в его устах?) не освободил и ты у нас остался?»

Без скромности скажу, что по жизни у меня накопились несколько импровизированных реплик, приводивших собеседника если не к коллапсу, то к длительной паузе. Но метафизика с теодицеей по ходу скобления щек и головы ошарашили так, что я растерялся и ответ мой оказался и никчемным, и неумным. Об этом бритье осталось противное ощущение...

Странно, но о Пасхах в лагере яркого мало что запомнилось. Обычно Пасхалия совпадала с разлуками: отца Вячеслава Якобса и меня разделяло кочевье по разным зонам. Но и до сих пор мы с ним остаемся в самом сер-

дечном контакте. А тогда он был молодым священником из русской эмиграции в Эстонии, арестованным в Вологде за религиозную пропаганду в молодежной среде и получившим десять лет. Отец Вячеслав меня, да и многих других очень утешал, исповедовал тайком и причащал, уговаривал не роптать, а молиться, что я и старался делать, готовясь к празднику. Но навсегда в памяти моей осталось полифоническое, тихое красивейшее пасхальное пение галичан, западно-украинцев, конечно, подальше от надзора. Наверняка лагерное бытие стирает в календаре праздничные дни. И Пасху тоже, хоть и неправильно так говорить. Ведь находясь там, человек лишен всего, подвергнут, если можно так выразиться, очень полным по всем их параметрам постам.

Послелагерная Пасха

Свобода встретила меня в начале февраля в Малоярославце у Трещалиных, родственников Нины Константиновны Бруни, где я получил прописку и смог вскоре уединиться в домике Нины Константиновны в Судаке. Здесь назло Советам я перевел в толстую тетрадку «Письма немецкому другу» Альбера Камю, но в Москве эту тетрадку украл очевидный осведомитель. Этот текст Камю — наилучшее из мне известных определений патриотизма.

Первая Пасха на воле. Еще далеко не в полную силу, но уже начали разгуливаться хрущевские гонения на веру. Великая Суббота мне показала, что страх у людей малость отошел, и в церковь стали ходить мужчины и молодые люди. Но в переулке, ведущем к воротам храма Иоанна Воина, полно пьяни с гитарами, в сторонке — красноповязочники и избытие милиции. После Пасхи при т. Сталине я был потрясен увиденным и услышанным. Все это потом было замечательно рассказано Александром Солженицыным в его крохотке «Пасхальный крестный ход».

Нас с Ниной Константиновной, Ваней и Марьяной Бруни пропустили не придравшись. Внутри храма было очень тесно. Отец Игорь внешне заметно не изменился, та же сила присутствия. Испытанное мной даже попробовать рассказать невозможно! Всякий отпраздновавший первую послелагерную Пасху это знает.

Крестный ход готовится выйти. Как и раньше, отец Игорь с соли просит мужчин взяться за руки и образовать для порядка и прохода цепочку. И я, как прежде, протискиваюсь и беру с двух сторон под локоть молодых людей. До возврата крестного хода думаю: «Как здорово, что молодежь перестала бояться».

Когда у дверей храма слышалось пение, я стал не вполне музыкально, но с душой подтягивать «Христос Воскресе»! Рядом со мной — молчание. Оглянулся. Молодые люди справа и слева смотрели на меня, без преувеличения, с отвисшей от изумления челюстью. То были внедренные в церковь дружинники.

2013

Впервые: <http://prichod.ru/on-the-pages-of-the-history/5074/>

Игорь Кривошеин и Нина Константиновна Бруни.
«Никитинские четверги».
1965

Священники, заключенные в лагере в Мордовии.
Сидит справа – о. Вячеслав Якобс,
будущий митрополит Таллинский
и всей Эстонии Корнилий

Беклемишевы Владимир Николаевич
и Нина Петровна

Бруни Иван Львович

Прислушиваясь к слову и памяти

В своих новеллах я попробовал рассказать не столько о себе, сколько о своей эпохе, то есть о нескольких светлых людях, которых мне послал Господь встретить в лагерные годы: священниках, поэтах, правозащитниках, художниках, самых простых, замечательных и честных людях... Таких, как отец Станислав. Таких, как Владимир Тельников и его подельник по Ленинградскому делу 1957 года Виктор Трофимов. Таких, как Марат Чешков и его подельники по Московской группе Краснопевцева. Таких, как полуграмотный двадцатипятилетний западный украинец, получивший срок за недонесение на отца, участвовавшего в убийстве секретаря райкома партии... Всех не перечислить. Но по выходе на свободу мы продолжали дружить, и эта связь сохраняется до сих пор — с теми, кто ещё жив.

Мать Мария (Скобцова)

Мать Мария в Советском Союзе

Во время войны в ожидании поражения Рейха, а потом в лагере, мать Мария* говорила о том, что хочет вернуться на Родину и странствовать по дорогам Советского Союза...

Этот возвращенческий порыв, словесенный примерно тогда же, когда он стал оформляться, у будущих, послевоенных репатриантов был в корне иным, чем у большинства тех, кто с восторгом приняли «репатриационный» Указ Президиума Верховного Совета от 14 июня 1946 года.

Присущее матери Марии стремление к «справедливости», дискомфорт от собственного благополучия привели её в молодости к близости с социал-революционерами. Позднее, когда революционная утопия стала овеществляться и стал очевиден её ужасный смысл, безраздельное христианство стало естественным местом внутреннего обитания.

Будущая мать Мария (Скобцова) трезво, без младороско-евразийских аббераций, представляла обстановку в стране и анализировала её. Это видно хотя бы по двум её статьям в парижских «Днях» (1928–1929): «Есть ли в поле жив человек?» и «Об истинной революционности».

Так что если многие репатрианты покидали Западную Европу в надежде найти безопасность и достаток на

* Мать Мария (Скобцова; 1891–1945), урожденная Елизавета Юрьевна Пиленко, в первом браке Кузьмина-Караваева. Поэтесса, член партии эсеров. В эмиграции с 1921 г. В 1932 г. после второго развода пострижена митр. Евлогием Георгиевским). Основала и возглавляла «Православное Дело», помогавшее безработным, неимущим и больным русским и располагавшее домом-особняком и Покровским храмом на ул. Лурмель в Париже. Арестована в феврале 1943 г. Гестапо за помощь евреям, погибла в марте 1945 г. в концлагере Равенсбрюк. В 2004 г. мать Мария была причислена к лику святых Священным Синодом КП. (Ред.)

социалистической родине — то, чего им так не хватало в кризисный и послевоенный периоды на Западе, то матери Марии такого рода мотивы — и так всегда ей совсем чуждые — могли бы показаться лишь смешными.

О том, как складывалось общение матери Марии с русско-советскими зэками Равенсбрюка, мы знаем по рассказам С.В. Носович. Наверняка в лагере было преизобилие историй, упраздняющих всяческие сусальные иллюзии. У матери Марии не было и тех химер, которыми прельстились многие репатрианты: закончится эмигрантское прозябание, перестану быть в Европе «чужим».

И ещё одно, главное, предположение, хотя и без сопоставительного тут не обойтись: личность с таким безошибочным чутьём на доброе и красивое не поддавалась бы на дезинформацию, распространяемую после войны во Франции советской пропагандой — кончилась «Власть Советов», восстанавливается «Единая и Неделимая».

И ещё: мог ли человек забыть о быстрой, таинственной и одинокой гибели почти сразу по возвращении в довоенную Москву любимой дочки Гаяны? Более чем досадно, что публикаторам поныне не доступны письма Гаяны матери из СССР.

Но более чем вероятно, что если бы страшный исход в Равенсбрюке миновал, мать Мария воспользовалась бы Указом.

Тут надо (после цепочки допущений и «если») перейти к утверждению: только Божий промысел избавил бы в таком случае её телесную жизнь от конца, быть может, столь же страшного, как тот, что ей было дано принять: в нацистском лагере было «утешение» бесполезной борьбы с чужими — врагами Божиими и родного народа.

В Тайшете или Караганде был бы абсурд гибели от как бы «своих»... Список репатриантов, сразу же по возвращении забранных и бесследно исчезнувших на островах Архипелага, так и не собран... А сколько освобождённых советской армией заключённых Бухенвальда и других

«кацетов», пройдя «фльтрацию» (часто в Тульских лагерях), были эстапированы прямым ходом, кто в Норильск, кто на Колыму?

«Органы» бы воздали матери Марии причитаемое за политическое прошлое, за статейки в эмигрантских журналах и газетах, обязательно пришили бы связь с «сионизмом», а поскольку она выжила в Равенсбрюке, обвинили и в сотрудничестве с Гестапо... Ну а тогдашнее руководство РПЦ и пальцем бы не шевельнуло, чтобы попробовать заступиться за странную монашенку из Франции с обновленческим колёром, к тому же и не канонически странствующую.

Но «репатриация» матери Марии состоялась, состоялась подлинно промыслительно. Она опередила очень многих эмигрантов, возвращённых в Россию «заочно» и «посмертно». Разве что Бунин, единственный, уже в 1954-м, первым стал признанным и издаваемым. В рассказе о возврате матери Марии должен присутствовать раздел, посвященный тем многим, которые разыскивали, хранили и, если давалось, распространяли всё что было возможно о её житии и творчестве.

* * *

Игорь Александрович Кривошеин, насколько мне известно, единственный «живой» репатриант из Парижа, молитвами и стараниями которого во многом состоялось «проявление» матери Марии в Советском Союзе.

В линии жизни И.А. Кривошеина и маршруте матери Марии есть некий параллелизм: уверен в том, что, не по Евклиду, линиям этим в сёнях небесных была найдена точка схождения.

У обоих петербургское отрочество и юность. У каждого по-своему — увлечение искусствами, политикой, у обоих обращённость к мистике. У обоих, тоже разными путями

и не одновременно сложившаяся контрреволюционность (в понимании Уголовного кодекса).

У обоих Бег из Крыма, Париж, оба из лучших «образцов» русских европейцев. Оба, в отличие от многих в диаспоре, по ходу эмигрантских десятилетий болели Россией и за Россию.

И.А. Кривошеин сразу же по его освобождению из Компъевского лагеря в 1941 году «естественно» подключается к работе в «Православном деле». Очень частое тесное общение с матерью Марией впечатлило и «пометило» Игоря Александровича на все его оставшиеся лета.

Нина Алексеевна, его жена, тоже имела свою долю в работе, которая велась на ул. Лурмель. В книге «Четыре трети нашей жизни» она посвятила русскому сопротивлению во Франции и матери Марии отдельную главу, из которой здесь надо привести один абзац: «Я была у ней в каморке раза три-четыре — и вот как-то, пожалуй уже под конец, я сидела и слушала её — как раз про сушение <грибов> — и вдруг что-то вроде шока, и я во мгновение ощутила, что со мной говорит святая, удивительно, как это я до сих пор не поняла!... А вот в памяти осталось только её лицо — лицо немолодой женщины, несколько полное, но прекрасный овал, и сияющие сквозь дешёвенькие металлические очки, незабываемые глаза».

С конца 1943 года у Игоря Александровича совсем другой сопротивленческий путь, от условно говоря филантропической работы он переходит к активной разведывательной деятельности, направленной против штаба вермахта во Франции. Добываемую им, очень богатую информацию он передаёт в Лондон...

Предательство, арест, одиннадцать дней пыток в парижском управлении гестапо, этап — сперва в Бухенвальд, потом в Дахау. Освобождён отец союзниками весной 1945 года в состоянии агонизирующем. Неоднократно рассказывал, что обязан своим спасением молитве услышанной.

Сразу же по возвращении в освобождённый от оккупации Париж, только выйдя из состояния лагерного «доходяги», И.А. Кривошеин уже в 1946 году по странному наитию, может быть, тогда единственный, посвящает себя «кристаллизации и фиксации» произошедшего, за составление некой «хроники текущих событий». В этом ему помогает Нина Алексеевна. Вдвоём они выпускают «Вестник Русских Добровольцев, Партизан и Участников Сопротивления во Франции». Выходят два номера с самыми первыми материалами о деле Музея человека, о Вике Оболенской, о матери Марии, — о ней большое количество материалов. Тогда же Игорем Александровичем создаётся Союз участников движения Сопротивления.

В этом «спасении» для будущего даже не недавних, а буквально вчерашних событий Игорь Александрович не ждёт около полувека для того, чтобы памятью любви передать другим дорогие образы.

Усилие было не тщетным — и сейчас обе тетрадки «Вестника» остаются началом наших знаний о мученичестве матери Марии, о русском Сопротивлении во Франции. «Советский патриотизм» — он Игорем Александровичем был приобретён как зеркало антинацизму и как иллюзорное ощущение того, что вторая война была продолжением первой. А на фронтах первой он успел побывать после Пажеского корпуса, и писал отцу в 1916-м: «Папа, я побывал в деле». Все это и привело к принятию советского гражданства в 1946 году.

Сильно афишированный этот советский патриотизм Игоря Александровича повлек за собой административную высылку из Франции через Германию в ноябре 1947 года. Холодная война начиналась быстро и бурно. Выслана была группа из 25 «советских патриотов», этакий «философский пароход» обратного следования, но с более печальной участью пассажиров (среди них один вполне с «того» парохода, проф. А.И. Угримов, пустился в обратный путь в теплушке!).

В сентябре 1949 года Игоря Кривошеина в Ульяновске арестовывает МГБ. После двух лет на Большой Лубянке ОСО ему даёт 10 лет ИТЛ за «сотрудничество с международной буржуазией». Реабилитируется он в 1954-м «по недостаточности улики».

Немало лет по освобождении уходят на внедрение в жизнь. Мои родители смогли вновь заняться собой по-настоящему лишь в 1961 году — после моего выхода из лагеря.

Где-то в середине шестидесятых годов отец уже начал искать, как вернуть из официального забвения русских Сопrotивленцев в Европе. Происходит конъюнктурно объяснимая встреча «спроса» режима и «предложения» Игоря Александровича.

«Пропаганда-штаффель» тогдашнего ЦК всё более остро ощущала, что «трудящиеся массы» и «трудовая интеллигенция» необратимо охладели к идеям светлого будущего для всего человечества.

Как и в середине войны, образовавшийся вакуум было решено затопить второй волной русского патриотизма, естественно, черпая из ближайшего и неисчерпаемого ресурса русского национализма.

Отец сумел оптимально воспользоваться предоставившейся ему подцензурной трибуной.

Статья в «Журнале Московской Патриархии» о матери Марии* — с неё начинаю, конечно же, неполное, перечисление сделанного в шестидесятые и начале семидесятых годов. Вместе с В.Б. Сосинским хорошо подготовленные выставки и вечера в Библиотеке иностранной литературы, участие статьями в исторических сборниках, встречи с Райт-Ковалёвой, М. Алигер, Д.Е. Максимовым, Е. Богатом, Н. Кальма, А. Горяниным, многими другими писателями и интеллигентами, для которых эмиграция

* И.А. Кривошеин. К 25-летию со дня кончины Матери Марии (Скобцовой) // ЖМП. М., 1970, № 5.

и её история стали в период так называемого «застоя» и кислородом, и заново открываемым увлекательным континентом. Приезды в Москву о. Сергия Гаккеля, расширение его книги*.

Выделить в этом перечне надо собрание Никитинских четвергов, целиком посвящённое матери Марии, Борису Вильде и Анатолию Левицкому. Вечер как бы официозный, но и как бы частный. Очень одухотворённый, на удивление свободный!

На нём присутствовали Лев Копелев (Рубин из «В круге первом»), очень близкий Игорю Александровичу друг, и несколько человек, совсем недавно освобождённых из Дубравлага — знак прямой преемственности нескольких поколений антитоталитарного Сопrotивления! Атмосфера этого вечера хорошо передана фотографией выступающего отца, а рядом с ним — сосредоточенная Нина Константиновна Бруни.

И в то время, и на склоне дней, оказавшись снова в Париже, Игорь Александрович неоднократно говорил, что подаренная судьбой возможность прославить мать Марию и русских Сопrotивленцев была для него утешением от того, что пришлось перестрадать, от болезненного ощущения абсурдности и несвоевременности своей послевоенной ослепленности, наоборот — благословенным утешением и осмыслением.

Вернувшись во Францию в 1974 году, Игорь Александрович не оставляет начатого дела: выступления по французскому радио, активная переписка с увлекшимися жизнью матери Марии москвичами и ленинградцами (А. Шустов, А. Сытова), консультации Евгению Богату, тогдашнему корреспонденту «Литературной газеты» в Париже. Отец пополняет начатую в Москве библиографию публикаций, посвящённых русскому Сопrotивлению во Франции.

* Первое издание по-английски: Sergei Hackel. «One of Great Price. The life of Mother Marie Skobtsova. Martyr of Ravensbrück». London. Darton, Longman and Todd Limited, 1965.

Его даже приглашают в 1980 году в советское посольство на премьеру (тогда «презентаций» ещё не было) фильма «Мадам мэр Мари», показывают по первой программе Всесоюзного телевидения его очень критическое выступление по поводу этого фильма. Но — без звука.

Один из советников стал настойчиво приглашать отца в Москву на премьеру. «Спасибо, я уже раз съездил!..», — парировал Игорь Александрович и добавил несколько слов о только что произошедшей высылке А.Д. Сахарова в Горький.

* * *

Время истекшее придаёт большую добавочную стоимость любым воспоминаниям о встречах с матерью Марией. Поделюсь тем, что имеется у меня: образ и событие в моей уже взрослой жизни.

Во встречах с матерью Марией, описанных моей матерью в её книге, я — восьмилетний — присутствовал по крайней мере два раза. Мама брала меня с собой на улицу Лурмель не для показа сына, просто меня не с кем было оставить в квартире. Никакой «подготовки» по пути не было. Да и в последующие годы, вплоть до шестидесятых, тема матери Марии в разговорах с родителями практически не возникала.

Много курящая женщина в чёрном, дважды или трижды наблюдаемая мной, осталась в моей зрительной памяти и памяти сердца необъяснимо странно навсегда. Физическое тепло, от неё шедшее в нетопленном оккупированном Париже, особенно ощущалось и запомнилось.

Могу легко умственно восстановить и объем кельи в длину, большой киот, стены, целиком увешанные иконами и картинами.

В моей взрослой жизни мать Мария проявила себя спастельно.

В 1965 году я, через три года по освобождении из Мордовских лагерей, был прописан в Малоярославце Калужской обл. Паспорт мой оставался с пометкой: «Выдан на основании статей 39-40». Всякое моё географическое передвижение, каждая побывка в Москве, а там и родители, и источники переводческой работы, были риском попасться милиции. И тогда — нарушение паспортного режима и всё из этого вытекающее...

И родители, и я предпринимали всевозможные демарши для снятия административных ограничений.

Настал срок погашения моей судимости — я на этот момент возлагал большие надежды. Но подача документов на прописку привела к очень резкому отказу 123 отделения милиции, сопровождаённому далеко не глухими угрозами. После чего у меня возникло тяжёлое, близкое к депрессии, состояние, и это очень действовало на моих родителей, и так немо корящих себя за преждевременный возврат в сталинскую Россию с четырнадцатилетним сыном...

Именно в эти недели отцу попался в руки номер журнала «Огонёк» с очерком Риты Корн (Рита Эммануиловна Корнблум, вдова расстрелянного в 1937-м драматурга и РАППовского деятеля В. Киршона), где упоминалась мать Мария. Скорее всего, впервые в советской периодике. Напутано было абсолютно всё, приводилось изображение норвежской почтовой марки с норвежской монашенкой из Сопротивления, преподносимой как мать Мария. И всё так.

Игоря Александровича эта публикация тем не менее обрадовала — прорыв молчания. Он очень быстро через редакцию «Огонька» нашёл автора благоглупого очерка, и они с Ритой Эммануиловной незамедлительно встретились. Между нашими семьями сложилась дружба очень крепкая.

Младший сын Риты Эммануиловны, Юрий, будучи второкурсником литинститута, был, как и многие, посажен в

1949 году за намерение «свершить теракт против Сталина». Плюс ко всему он оказался моим давним другом и частым собутыльником!

Рита Эммануиловна без всякого авторского апломба признала незнание предмета и взялась помочь отцу опубликовать в том же «Огоньке» обстоятельную статью, нашла ему и другие возможности продолжить тему!

Естественно и быстро Игорь Александрович и Рита Эммануиловна обмолвились о судьбах отбывших срока сыновей. Отец упомянул о только что полученном отказе. Она тут же сообщила о своем, возобновившемся после десталинизации, знакомстве с А.И. Микояном. «У него, — объяснила она, — в последний год войны был посажен сын, девятиклассник, за создание антисоветской организации, отбывал на Воркуте*, и его отцу стоило огромных усилий “вымолить” его обратно у Сталина, так что он это всё понимает. Игорь Александрович, напишите ему кратко, а я позвоню и самому передам».

Так и было сделано, а меня в известность не поставили по соображениям понятным.

Второй муж Риты Эммануиловны, если не ошибаюсь, Кузнецов, крупный номенклатурщик, был среди обвиняемых так называемого «Ленинградского процесса» 1949 года, его — как и в своё время В. Кирсона — расстреляли...** Так что к ней полным весом подходят слова «муж расстрелян, сын в тюрьме...» Позволю себе сказать, что при всё-таки определённой общей недалёкости Рита

* Серго Анастасович Микоян (1929–2010) — специалист по странам латинской Америки, в 1943 г., школьником, вместе со своим старшим братом Ваню, был арестован за участие в «антисоветской организации» и выслан на год из Москвы. (Ред.)

** Алексей Александрович Кузнецов (1905–1950) — ближайший помощник А.А. Жданова в Ленинграде, с 1945 г. 1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, ключевая фигура в так называемом «Ленинградском деле». Расстрелян. Его жена Э.Д. Воинова (не Р.Э. Корнблюм), но их дочь Алла была замужем за Серго Микояном, через которого и могла осуществиться связь с А. И. Микояном (Ред.).

Эммануиловна обладала даром редкой, непогасшей от обвала бед доброты деятельной.

Может быть, и получилось именно поэтому так, что она оказалась не слепым «орудием», передавшим мне подарок почти жизнеспасительный.

Как-то прихожу вечером в Измайловский кооператив родителей и застаю их обоих мрачнее тучи.

— Что-нибудь произошло?

— Микоян снят с должности (он был Председателем Президиума Верховного Совета, как раз то место, которое даже формально давало возможность меня прописать).

— Ну, и фиг с ним!

Служебная судьба сталинского приспешника меня занимала меньше прошлогоднего снега, а удрученность родителей по поводу его опалы была в большое удивление.

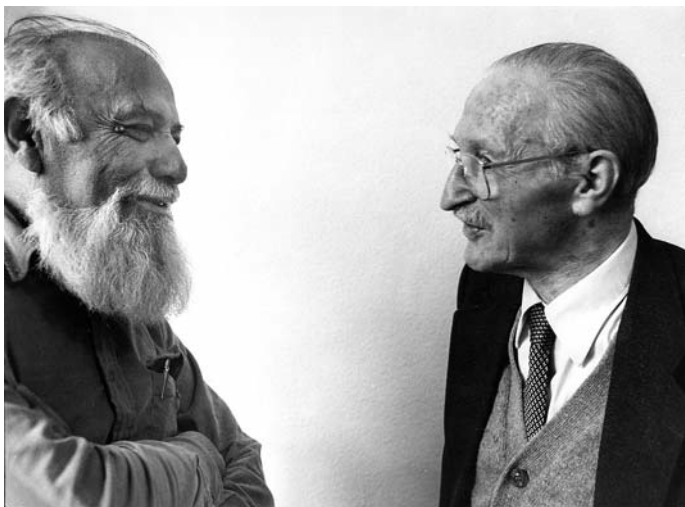
Но... положительная резолюция на отцовской челобитной оказалась одним из последних, если не последним из государственных решений Микояна, об этом узналось недели через две! У этого старательного расстреливателя ежовского времени нашлась на меня под старость лет хоть эта молекула доброты. Это даёт предположить, что могли быть и другие...

Бумага прошла по инстанциям вниз и обернулась повесткой во всё то же отделение милиции. Майор-мурло, не глядя, тиснул мне московский штамп в паспорт. Моя судьба повернулась и вскоре пошла к лучшему. Только тогда родители мне сообщили о предистории события.

Это было с того света улыбкой матери Марии! Помощь и добро её другу по улице Лурмель, сочувствием и состраданием по отношению к встреченному ею незадолго до её гибели в газовой печи мальчику, будущему политическому заключённому, как ей это, может быть, тогда увиделось!

Будущая мать Мария (Скобцова)
со своими детьми
Настей, Юрой, Гаяной

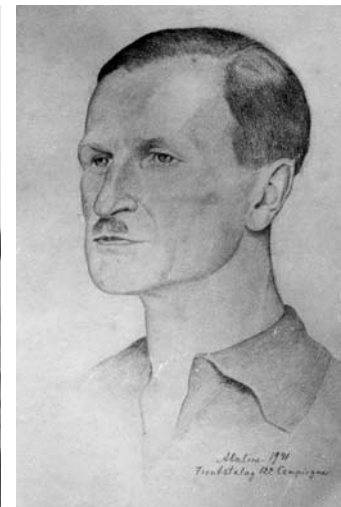
Лев Зиновьевич Копелев
и Игорь Александрович Кривошеин.
1982

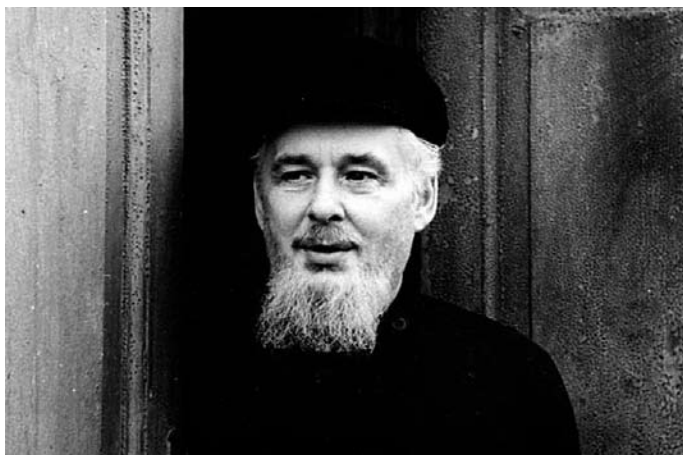
Документ на медаль И.А. Кривошеина
«Сопrotивления» (Medaille de la Resistance)

Игорь Александрович
Кривошеин.
1943

Портрет Игоря Кривошеина
в компенском лагере.
1941

Протоиерей Андрей Сергиенко

Воспоминания об отце Андрее Сергиенко

В первый раз после моего прибытия из Парижа в Советский Союз (1948) я оказался в Ленинграде зимой 1955 года. За шесть месяцев до этой поездки мой отец Игорь Александрович Кривошеин был освобождён из заключения и реабилитирован.

Координаты отца Андрея Сергиенко* мне в Москве дал покойный Николай Алексеевич Полторацкий, тоже репатриант, состоявший в Париже в Братстве Святого Фотия. В СССР его не репрессировали, он преподавал в Одесской духовной семинарии.

В первый же год репатриации бывшие эмигранты чётко разделились на две группы: те, кто, преодолевая страх, стремились наладить взаимные связи, по мере сил и взаимопомощь. И те, кто, осознав тогдашние правила передвижения, отказались от любых контактов друг с другом. Хотя многие и из этой второй группы всё равно поехали в лагерь.

До встречи с о. Андреем мне не пришлось видеться ни с одним из пяти-шести священников-репатриантов.

После того как я представился по телефону, о. Андрей в тот же день пригласил меня поужинать к себе на Об-

* Протоиерей Андрей Александрович Сергиенко (1902–1973), участник Белого движения, как и многие эмигранты в начале 1920-х оказался за границей, в Стамбуле, затем окончил Русский юридический факультет в Праге, а после него Св.-Сергиевский богословский институт в Париже. В сан священника рукоположен в 1928 г. митрополитом Евлогием (Георгиевским). Двадцать лет он был настоятелем храма Св. Иоанна Воина в Медоне. Его прихожанкой была Марина Цветаева, а духовным чадом — её сын Георгий (Мур) Эфрон. С 1946 г. — в юрисдикции МП. С 1948 по 1958 гг. преподавал в Ленинградской семинарии. В 1960 г. отец Андрей становится клириком Свято-Троицкого собора города Александрова (Александровской Слободы), где в 1915–1917 гг. жили сёстры Марина и Анастасия Цветаевы. С 1969 г. — профессор Московской духовной академии. (Ред.)

водный канал, у него была довольно комфортная квартира при духовной академии.

Отец Андрей оказался импозантным, большого роста человеком, по облику напомнившим мне вертикальные панно Дюрера с изображением апостолов.

С матушкой и с ним разговор оказался с первых фраз лёгким и «своим»: ни им, ни мне не был нужен «внутренний переводчик», так часто, увы, необходимый при беседах с «советскими людьми».

В квартире удивляла редкость: в то время, когда домашняя живность (кроме овчарки) считалась пережитком прошлого, в ней расхаживал тридцатикилограммовый чистопородный дог, как и хозяин, приехавший из парижского пригорода Медона, где отец Андрей до войны был настоятелем храма во имя святого мученика Иоанна Воина. (Замечательно, что в Москве храм Иоана Воина на Якиманке стал моим приходом!) В тот единственный день, когда ректор Академии согласился побывать в гостях у опасного священника, дог встретил архиерея, встал на задние лапы и аккуратно снял зубами клубок с его головы. Отношения с церковным начальством от такого инцидента не улучшились.

Подробно рассказывать о моих годах в Ульяновске не пришлось — о. Андрей этот мрак вполне себе представлял, не скрывал, что первые годы он прожил в отчуждении, изгоем, со дня на день ожидая быть взятым... Редкие личные контакты со слушателями, ощущение пользы от преподавания были о. Андрею в утешение.

Несмотря на только начавшиеся реабилитации (ещё не все репатрианты, из не умерших в ГУЛАГе, были выпущены), странно-медленно затихал террор. Месяцев за шесть до моего приезда о. Андрей среди дня почувствовал как бы «веление», непреодолимое, беспричинное желание подняться на чердак и открыть сундук, содержащий привезенные из Парижа вещи. Он поддался «внутреннему голосу» и пошёл посмотреть. Каково было его удив-

ление, что на самом веру в сундуке покоился боевой армейский пистолет с обоймой патронов, даже смазка с нового совсем оружия не была вытерта... Готовившийся, видимо, до смерти Сталина арест не состоялся, а заготовленный «вещдок» — забыт.

У о. Андрея была единственная правильная реакция: предмет оставить, где был, вызвать милицию. Те прибыли, не очень благодарили, обещали разобраться и бесследно исчезли.

После этого у о. Андрея ощущение *неотвратимого* сделалось ещё сильнее. Но эпоха всё-таки сменилась. Скоро (не знаю точно, сколько после нашей встречи, где-то в 1955-м) он был без мотивов уволен, лишён квартиры и прописки. Формального постановления о ссылке не было: кадровики Академии настойчиво порекомендовали ехать жить в Александров Ярославской области.

Там, после какого-то совсем неприкаянного времени, о. Андрея взяли читать курс догматики в бывший Загорск. Мне не довелось больше с ним встречаться. Хорошо его знала и очень любила матушка Сергия, нынешняя игуменья Дивеевской обители.

Для меня, как когда-то, надеюсь, и для отца Андрея, проведённый с ней вместе вечер был необходимым доказательством его не полного одиночества.

2010

Отец Андрей Сергиенко

Встреча Никиты Сергеевича Хрущёва с Шарлем де Голлем. В центре — Константин Андроников

Памяти Константина Ясевича Андроникова

На обложке новой книги «Прислушиваясь к слову», вышедшей в лозанско-парижском издательстве «L'Age d'Homme», — генерал де Голль, рядом его переводчик и друг Константин Ясевич Андроников. Об их дружбе свидетельствует приведённое в сборнике письмо первого ко второму. На фотографии оба удивленно и сурово всматриваются в нечто им неведомое. Это третий персонаж — Никита Сергеевич Хрущёв во французском аэропорту, только что сошедший с трапа самолёта. Книгой этой известный издатель Владимир Димитриевич воздал должное тем долгим годам, что Константин Ясевич свободными вечерами перекладывал на французский язык тысячи страниц отца Сергия Булгакова, труднейшего для внятной передачи Флоренского, работы Бердяева... За кропотливо-эрудированный труд, делавшийся со свойственной всей личности Константина Андроникова кажущейся лёгкостью, он получал лишь оплату машинописи, издатель же шёл на «плановый» убыток. Утешение обоим — большая полнота восприятия православия на Западе.

* Князь Константин Ясевич Андроников (1916–1997), во Франции с 1920 г. Окончил филологический факультет Парижского университета и Св.-Сергиевский богословский институт, иподиакон в Св.-Александро-Невском соборе. С 1945 работал главным переводчиком при Министерстве иностранных дел Франции, был переводчиком у президентов Франции Ш. де Голля и Ж. Помпиду. Основатель Международной ассоциации синхронных переводчиков, позже ее почетный председатель. Член-основатель (1948) и преподаватель Высшей школы синхронных переводчиков. Профессор литургического богословия и методологии Богословского института (с 1971). Переводил на французский язык тексты русских церковных песен, выступал с докладами по истории русской церковной музыки. Перевел на французский язык произведения о. Сергия Булгакова, Н.А. Бердяева, Д.С. Мережковского, П. Флоренского и др. С 1965 выступал по французскому телевидению с религиозными передачами. Главный редактор журнала «La Pensée orthodoxe». Декан Богословского института (1991–1993). Сотрудничал в отделе развития Организации Объединенных Наций (ООН). (Ред.)

Сборник вобрал в себя биографическое время покойного, да и «постбиографическое» тоже: последняя страница — программная молитва на сон грядущий, вольно переделанная Константином для друга из молитвослова на французский. Молитва очень красивая. Вечером, перед тем как отойти к ночному сну, оказавшемуся, как принято говорить, сном вечным, молитву эту — доподлинно известно — Константин повторил про себя и в последний вечер.

В части же биографической сборника — юношеские, слегка выпрениие, стихи, с возрастом ставшие более рациональными... А ещё — послевоенные письма к тётушке Саломее Андрониковой* (К.Я. очень болезненно переживал её афишированное безверие) в Лондон, рассказы о военно-лётном училище, о попытках фермерствования на землях близ Фонтенбло.

Правильно, что все эти тексты включены в книгу — они, как бабушкины отметки роста внука у дверной притолоки, дают увидеть человека в развитии, в возрожденчески полном облике. Не обошлось и без «эпикурейских» эпизодов: один из авторов вспоминает разборчивость покойного в выборе хорошего виски, дорогого вина, другой — любовь к женщинам... Но это «анекдотично» и изящно как раз в пушкинском смысле слова, добавляет житейских, естественных красок.

По мере чтения складывается портрет человека, страдающего до конца дней из-за насильственного отлучения от России, и вместе с тем безраздельного французского патриота, государственного ума советника. В этом качестве Константин Ясевич старался помочь руководителям французской дипломатии лучше понять суть бездны, разделяющей Россию и Советы (здесь нужно выделить

* 11 Саломея Николаевна (наст. отчество Ивановна) Андроникова-Гальперн (1888–1982) — петербургская красавица, героиня стихов Мандельштама, Ахматовой, после революции уехала из Грузии во Францию, затем жила в Англии. (Ред.)

письмо Андроникову генерала де Голля, воспоминания о нем бывшего министра, члена Французской Академии Жана-Франсуа Денио). Эти проблемы Константин Андроников объяснял наглядно и на примерах — пусть эти объяснения и дошли, к сожалению, далеко не до всех.

Герой являет себя в книге тактичным педагогом, находящим счастье в передаче самого себя, своих навыков перевода и истолкования тонкостей государственного протокола (об этом Марии Аруффо-Роменской). В то же время из текстов Николая и Андрея Лосских мы узнаём о чутком духовном поводе в Богопознании своих учеников, слушателей парижского Свято-Сергиевского Института.

Константин Ясевич умело и увлечённо преподавал основы и правила ремесла, им и его русскими сверстниками изобретённого сразу после 1945 года. Синхронный, (кабинный) и последовательный перевод был патентом двуязычных и трехязычных русских эмигрантов. В этой чисто профессиональной части сборника «Прислушиваясь к слову», во многих воспоминаниях коллег Андроникова, синхронистов, очень заметно выявляется тщета переводческого ремесла, когда у человека иного делания в жизни не нашлось... Про переводчиков можно по-пастернаковски сказать: «Мы провода под током...» Но в стихотворении ведь электричество страсти, сердца. Ток же кабинетного стресса проходит через мозг синхрониста чужой и даже часто глупый... Так что, когда ему доводится не переводить, а «проявляться» самому, то частенько получается, как у руководителей КПСС, когда они, выступая, пытались оторваться от бумаги со словами: «А сейчас я скажу от себя...» И... и ничего не получалось.

По части умения переводить и понимания «как это делается» лучше всего отослать в этой книге к гениальному, не преувеличиваю никак, гимну переводческой профессии самого Константина (*Discours à l'École d'interprètes des H.E.C.*)

Заметки К.Я. Андроникова о поездках в СССР, начиная с 1947 г., ужинах с членами Политбюро, — всё это в сборнике будет читателю в большую радость.

Начинать же книгу лучше всего с 82-й страницы («Melanges pour un portrait imparfait»), с «несовершенного эскиза», принадлежащего перу доктора Марка Константиновича Андроникова, талантливого составителя и редактора всей книги. Марк — тот мой друг, о здравии которого беспокоюсь меньше всего. Действительно: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, даёт тебе» (Исход, 20: 12)...

1997

Константин Андроников
в кругу семьи

Константин Андроников

Константин Андроников.
Всегда посередине.
Работа переводчиком

Константин Андроников.
Переводит Джона
Кеннеди

Константин Андроников.
Переводит Леонида
Брежнева

Вадим Козовой.
Москва, 1960–1961

Обиды на Вадима Козового за внезапно-преждевременную смерть — меньше, чем любви к нему. Профессия синхронного переводчика учит услышанное понимать сразу, какими бы ни были выговор, акцент, дикция, и этот ремесленный навык у меня сложился.

Примеры чувствования момента смерти людей близких на большом расстоянии и «в реальном времени» нам всем известны и многим было дано это испытать. Не берусь обозначить ту силу, что мне велела, скоро год тому, пребывая в заграничной гостинице, взять и набрать номер своего парижского автоответчика. В памяти этого устройства была одна лишь запись. Позже установилось, что зафиксирована она была минут за десять до моего прослушивания.

Так что можно говорить о времени реальном настолько, насколько оно таковым может вообще быть.

Обкатанный механизм слухового понимания-догадывания-додумывания услышанного на «ответчике» на этот раз не сработал, потому что не верилось: набирать телефон и переслушивать пришлось трижды. Против воли расшифровались звуки, звучащие как бы голосом Ирины: «Никита, Вадик умер».

Уж очень внезапно, очень условно-досрочно, действительно «по двум третям» отпустил Дубравлаг своего бывшего постояльца (полный срок жизни у Вадима по такому — не гамбургскому — счёту исчислился бы ближе к 90!)...

Долгожителей там и не думали тренировать: любимый Вадимом Алик Голиков захоронился, до шестидесяти не дожив, Виктор Трофимов тоже, Владимир Тельников, Родион Гудзенко, поделщик Леонид Рендель, совсем недавно — такой наш Ростислав Ткачёв... и сколько ещё! Пусть упущенные простят мне неполноту этого синодика.

З/к з/к, севшие очень молодыми, очень молодыми и помирают. Это, конечно, по меркам нынешней демографии.

Вадим когда-то в Явасе и позднее увлекался довольно легкомысленным эзотеризмом да звездочётством. Но поистине неисповедимы пути наши... Какое созвездие, какой кудесник предсказали бы ему последнее упокоение в довольно безликом парижском пригороде, с соседями — французскими военными под своим триколором да замечательным культуроведом Сувчинским, из редких евразийцев, не поддавшихся ни до, ни после войны сов-патриотизму и возвращенчеству?

Кто бы в Сосновке мордовской поверил этому могильному адресу и тому, что Вадима будет отпевать батюшка — православный поляк? Все обиходные данные этой могилы показывают, что в ней покоится подлинный русский европеец. В нашем поколении таких — не густо.

Совсем незадолго до моего спонтанного обращения к автоответчику была новогодняя встреча вчетвером, большое объединение, посередине две бутылки первого класса дорогого бургундского, принесённого Вадимом, проводы друг друга под утро, через день — телефонное повествование о почти забытом состоянии флагманского похмелья...

Это к ещё пуцему удивлению от страшной вести: как нередко бывает, смерть увела Вадима, когда многое в его существовании сложилось на славу.

Не было больше власти Советов, и одного этого ему более чем хватало для радости каждодневной. Стало возможным легко бывать в России, оказаться там и замечательным, и услышанным. Одна за другой, без видимого труда, выходили книги, сборники. Успешная работа очень полезного, всегда по делу в газетах и журналах Парижа разъяснения, рассказа о России. Налаживание франко-русских выставок и изданий.

Был ежегодный облюбленный Лазурный берег, всё более частые посещения красивых мест и городов в Ев-

ропе, рассказы о потрясении, подаренном Фра Анджелико в монастыре Святого Марка, что во Флоренции...

Было в последние годы очень заметное и славное по результатам внутреннее усилие по нахождению как бы соразмерности себя и всего того, что вокруг...

Пабло Пикассо, он ведь тоже поэт и драматург, на старости лет, такое в молодости и в голову не придёт, написал: «Nos morts vieillissent avec nous» («Наши покойники старятся одновременно с нами»).

Вадим со мной одновременно не старится. Прошёл почти год, и всё труднее простить ему его не дружественное, на грани невежливости исчезновение из моего парижского района и жизни.

Господь, однако, применил к Вадиму статью УПК о смягчающих вину обстоятельствах: Вадиму было дано представиться в одночасье. Его, да и нас, миновала многомесячная больничная агония. Ему самому когда-то именно такое предчувствовалось. Постфактум не берусь сказать, как и почему, очень чётко выходит, что иного отхода у Вадима быть не могло... Наверное, мера страданий была исчерпана до того утра.

Вадим лишил меня ещё одного лагерного друга. Часто близость лубянского-мордовская в особом ословеснивании не нуждается, и так крепка.

С Вадимом, он же Глаз (чего стыдится лагерного имени человека?), вышло сугубее — он меня лишил неповторимого, сподручного, самого «синтонного» собеседника.

Воспоминания о злодействе генерала КГБ Филиппа Бобкова, осуждение полевения Ширика, прелесть фильмов «Штрафная площадка», «Ошибка инженера Кочина», «Падение Берлина», американских «чёрных» послевоенных лент, бесконечно о джазе, об амурах молодости и Господе Боге.

О последних думских перипетиях и о том, где лучше покупать чай. И ещё о так многом, не восстанавливаемом, не моделируемом, не пересказуемом. Отсечение этих

долгих, на редкость полнокровных бесед, оставлявших ощущение живого свершения, обмена — невосполнимо никак и никем.

Многие линии, направления, темы так и остались между нами и с нами от своего начала, в зоне 7-1. В этих стенах есть тогдашние собеседники, за большой зелёной кастрюлей «купеческого чая», нелегко изысканного, вот и тема чая до Парижа доехала. Тогда многое из говоримого было обращено в будущее. В Париже многие предложения редактировались нами в прошлом времени — между Мордовией и тринадцатым парижским округом, где мы были долгие годы почти соседями и даже подняли бокалы в последний раз вместе, встречая и провожая этот год, общения в квартире на Потаповском, замечательно воспетой его супругой Ириной Емельяновой, но в этот срединный период преобладало настоящее. Результатом сложения получаются сорок семь лет дружбы. Это ведь много.

1999

Вадим Козовой.
Париж, 1990-е

Николай Васильевич
Вырубов

С чего начинается ветеран

(Вперёд к светлому прошлому!)

Два месяца тому назад в соборе Дома инвалидов, главным собором французской армии, там, где гробница императора Наполеона I, происходило православное отпевание скончавшегося в 95 лет Николая Васильевича Вырубова (одного из двух сыновей Василия Вырубова, товарища министра первого состава Временного правительства). После службы покойному были отданы военные почести, присутствовал представитель президента Франции. Вырубов был одним из первых добровольцев, записавшихся к де Голлю, воевал в Африке, участвовал в высадке в Италии, был ранен в Германии. Только двое россиян, он и полковник Амилахвари, убитый при Эль-Аламейне, были награждены де Голлем орденом Освобождения, высшей французской военной наградой. В своих статьях Вырубов объяснял, что воевал он и за освобождение Франции, и за то, чтобы Россия не была оккупирована Гитлером. Николай Васильевич добровольцем принимал участие в Корейской кампании, какое-то время работал в ООН. Последние десятилетия жизни были посвящены управлению русской благотворительной организацией «Земгор», установке на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа памятника русским участникам французского Сопротивления, заботился он и о тургеневских местах в Буживале.

Только после 1991-го он стал бывать в России. Вырубов был очень успешным собирателем живописи. Передал в дар Петергофскому музею серию прекрасных семейных портретов. За три года до смерти получил российскую военную награду из рук посла А.А. Авдеева. Сказанного достаточно, чтобы стала ясна всегда присутствовавшая в жизни Н.В. Вырубова привязанность к России. Страну он

покинул в отрочестве, в 1928-м (благодаря пешковскому Красному кресту). Так что успел многое увидеть и увиденного не забывал. Сказать, что он не принимал Советов на дух — ничего не сказать. Получись бы ветерана Николая Васильевича лет хоть на десять омолодить, то наиболее вероятное место, где его можно было бы встретить в российской столице, — шашлычная «Антисоветская».

Но по нынешнему сезону и Фаустов эликсир молодости не помог бы. Шашлычной нет («и не будет», как объявляли не дождавшимся желаемого в советских очередях).

А коли люди способны к покаянию и самодезинфекции, мы ещё увидим, как там на троих будут выпивать т. Долгих вместе с секретарём райкома «Наших» и Николаем Сванидзе. Когда буду сам в «Антисоветской» — помяну Николая Васильевича!

Оговорюсь: прекраснодушие — последний из моих недостатков. Но для такого прогноза его и не требуется. Как человек с помощью таблеток или пеших прогулок побеждает в себе «плохой» холестерин в пользу хорошего, так с помощью времени и правды «хорошие» ветераны одолеют «плохих». «Антисоветская шашлычная» после возрождения станет моднее, чем некогда «Арагви»!

Коллективное сознание, душа нации — понятия абсолютно реальные, хоть и антиномичные. От их состояния зависят и зимнее отопление, и целостность гидростанций, и программа концертов в Большом зале консерватории, и 99,97% советских выборов. Позавчерашнее рыхлое маятинское «Мы» растворилось.

Что коммунизм есть вера и религия, повторять не приходится. Понятие «антиутопия» надо понимать как перенесённую в быт веру в будущее. Куплеты «Интернационала» сочинены в будущем времени. Все пятилетки работали на призыве «Вперёд к светлому будущему!». Когда Хрущёв отнимал вторую корову у колхозников, одновременно прозвучала клятва: «Нынешнее поколение

советских людей будет жить при коммунизме». То есть бесплатная столовая на работе и бесплатный троллейбус в городах.

Семьи из трёх поколений, живущие в коммуналках, настолько пропитались состоянием ожидания «хорошей жизни», что смиренно питались капустой и скверной колбасой, искренне утешая друг друга: «Не нам, так детям достанется...» А интеллигенция сумела подыскать себе форму если не ожидания, то утешения: «Вечно это всё не может длиться».

Постепенно кое-кому, а потом обвалью стало очевидно, что взятые партией обязательства по обеспечению светлого будущего накрылись медным тазом. Вместе с партией. Разом исчезло и неумное утешение: «Мы живём плохо, но космос — наш, и Африка с Кубой тоже, мы завоюем всех, и будет мир во всем мире». Отставной полковник, у которого мои родители снимали дачу в Кратово в 1957-м, зная, что они репатрианты из Франции, громко говорил на кухне: «В Берлине я из окон много роялей выкидывал, вот доберемся до Парижа, то же самое сделаю». Не получилось.

Наступил полный крах счастливого детства, отрочества и юности. Признаваться, по Николаю Островскому, в «зря прожитой жизни» — кому охота, у кого есть силы?

Война (Отечественная, а не Вторая мировая), Сталинград, победа и парад Победы, в середине 1960-х, при Брежневле, становились новым фундаментом коллективного сознания. Постепенно сложившаяся НОВАЯ мифология войны («за того парня», например) осталась единственной непререкаемой общей ценностью и смыслом всей жизни. Зыбкость и безверие постсоветской эпохи лишь укрепляли и сакрализовали войну, превращая ее в единственное алиби «неправильно» прожитого, как выяснилось, почти целого века.

Позавчера слышал по радио, как суперсталинский ветеран почтенного возраста в звании генерала утверждал,

«что Россия гордится Лениным, потому что он помог народам освободиться от колониализма, и, понимая это, к красным перешли генерал Брусилев и много царских офицеров!» Такая степень насилия над истиной — греховна.

Может ли великая страна позволить себе, переживая тягчайший экзистенциальный кризис и трагедию вынужденного самопознания, утешаться бегством в прошлое? К тому же уже далёкого. Франция «не встала бы с колен», если бы постоянно переносила себя в Столетнюю войну или битву под Верденом. Англия чтит память адмирала Нельсона, но более озабочена своим нежеланием присоединиться к Лиссабонскому договору. Военных пенсионеров в Англии и Франции чтут, их жизнь хорошо обеспечена, они часто встречаются со школьниками. Но диктовать названия предприятий общепита им в голову не приходит. Или цензурировать СМИ. Благополучно и неглупо живут страны без т.н. великого боевого прошлого — Люксембург, Норвегия, Швейцария...

Не надо ни в коем случае становиться Иваном, не помнящим родства. Стирать из памяти страдания, ужасы и смерть военного времени было бы глупой жестокостью. Но можем ли мы себе представить вышагивающего по Тверской с портретом т. Сталина моего любимого героя из фильма «Летят журавли», гениально сыгранного Баталовым? Мыслимо ли, чтобы подросток из «Иванова детства» стал бы лидером у «Наших»? Чтобы герой «Судьбы человека» или персонажи «Мира входящему» подписывались под судебным иском КПРФ к журналисту Подрабинеку?

Гуманистический советский кинематограф оттепельной поры показал целый ряд жертвенных и подлинно героических русских людей. Как и книги Виктора Некрасова.

Сталиноидный ветеранизм закладывался такими блокбастерами, как «Сталинградская битва» или «Падение

Берлина». Что-то не очень часто это дорогостоящее вранье показывают по ТВ и в кинотеатрах. Герои героями, но не совсем ловко.

Есть и другие ветераны: это очень немолодые люди, одинокие, неимущие з/к, раскиданные по далёким провинциям, которые выживают лишь благодаря помощи «Общественного фонда», учреждённого А.И. Солженицыным. И много других, разных, очень старых жертв коммунизма. Они молчат. И о них молчат.

Реанимированная ложь про войну исчезнет — и скоро, яко тает воск пред лицом огня. Долой светлое прошлое! Да здравствует человеческое будущее!

2009

Николай Васильевич
Вырубов

Выступления, интервью, публицистика

В своих новеллах я попробовал рассказать не столько о себе, сколько о своей эпохе, то есть о нескольких светлых людях, которых мне послал Господь встретить в лагерные годы: священниках, поэтах, правозащитниках, художниках, самых простых, замечательных и честных людях... Таких, как отец Станислав. Таких, как Владимир Тельников и его подельник по Ленинградскому делу 1957 года отный двадцатипятилетний западный украинец, получивший срок за недонесение на отца, участвовавшего в убийстве секретаря райкома партии... Всех не перечислить. Но по выходе на свободу мы продолжали дружить, и эта связь сохраняется до сих пор — с теми, кто ещё жив.

Никита Кривошеин.
Вильмуассон, 1943

Восток – Запад, или Четыре трети нашей жизни

(Интервью Екатерине Богопольской, «Русская мысль»)

Екатерина Богопольская: В сентябре 1999 года на парижские экраны вышел новый фильм Режиса Варнье «Восток — Запад». Можно сказать, что режиссер «Индокитая» и «Французской женщины» остается и здесь верен самому себе: опять романтическая история любви на фоне бурных исторических катаклизмов, опять главная героиня — французская женщина, только действие на этот раз происходит не во французских колониях Юго-восточной Азии, и не в послевоенной Франции, а — совершенно неожиданно — в СССР конца 1940 — начала 1950 годов.

Изначально у Варнье была идея снять вестерн в Центральной Азии — дикая красота бескрайних степей и Катрин Денев в роли западного дипломата, странствующего по степи с тем, чтобы привести в Париж племенного жеребца, подаренного Туркменистаном Президенту французской республики. При ближайшем рассмотрении проект оказался слишком сложным и дорогим, но во время путешествия по трем республикам Средней Азии судьба одаривает Варнье новым сюжетом. Он встречается здесь, в затерянном крае, людей, прекрасно говорящих по-французски. Это дети смешанных франко-русских браков, местом высылки которых часто бывал Казахстан. Среди них и дети репатриантов белой эмиграции, вернувшихся в Россию после сталинского указа 1946 года. Варнье потрясен рассказанными ему историями. Так рождается замысел фильма, посвященного памяти забытых официальной Историей.

Съемки проходят на Украине и в Болгарии. На главные роли Режис Варнье собирает звезд: Сандрин Боннер, Ка-

трин Денев и Олег Меньшиков. Меньшиков, «обольститель, пришедший из степей», как назвал его один французский журналист, воспринимается сегодня на Западе как актер одного уровня с самыми большими именами мирового кино.

Благодаря участию в написании сценария Сергея Бодрова и Рустама Ибрагимбекова «Восток — Запад» во многом избежал упрощенности взгляда, обычно свойственного западным кинематографистам, когда они снимают фильм про Россию.

Хотя условное деление на злых и добрых — Запад как воображаемый рай и Восток, царство тьмы — присутствует в этом фильме с несомненной ясностью. Впрочем, это соответствует жанру не знающего полутонов романтического кино, к которому по стилистике принадлежит фильм Режиса Варнье.

В июне 1946 года Сталин разворачивает крупномасштабную пропагандистскую кампанию: всем бывшим «белоземлякам» во Франции предлагается амнистия, советский паспорт и возможность вернуться на родину. Врач Алексей Головин — один из множества русских эмигрантов, поверивших Сталину, вместе со своей женой, француженкой, и маленьким сыном возвращаются в Россию. Едва спустившись по трапу в Одессе, Головины попадают в атмосферу сталинского террора и постепенно познают все прелести советской жизни — с коммуналкой, доносами, арестами, тотальной несвободой. Внутренний сюжет фильма — попытка прорваться сквозь «стену» обратно, на свободу. У Марии — Сандрин Боннер — он проявляется в романтическом бунте гордой француженки (как и полагается романтической героине, у нее есть свой идеальный рыцарь, Саша — эту роль исполняет Сергей Бодров-младший: вдохновленный Марией, он решается вплавь добраться в открытом море до турецкого корабля, уходящего на Запад); у Алексея — Олега Меньшикова — в чисто русской жертвенности: чтобы спа-

сти из этого ада жену и сына, он согласен на все... «Главная идея сценария, — говорит Варнье, — о которой я никогда бы не додумался сам, принадлежит Сергею и Рустаму: с того момента, когда Алексей осознает всю чудовищность режима, он одержим одной идеей — как спасти свою жену. Но даже с ней он не может поделиться своим секретом: риск слишком велик. И тогда он вынужден врать, выдавать себя за другого, играть роль образцового аппаратчика в ожидании того момента, когда он наконец сможет вернуть ей свободу...»

Фильм «Восток — Запад» рассчитан на эмоциональный шок — такое нагнетание ужасов, страха, что, выйдя после него на залитую светом веселую парижскую улицу, испытываешь радостное чувство облегчения. Но история, рассказанная в фильме, еще долго продолжает держать в напряжении, невольно задаешься вопросом: неужели все это правда? Неужели так было? А если нет, то как было на самом деле? Как складывалась судьба русских эмигрантов, вернувшихся после войны на родину? С этими вопросами я решила обратиться к живущему ныне в Париже очевидцу тех далеких событий Никите Игоревичу Кривошеину.

Никита Кривошеин: Вы говорите, что мало знаете об этом периоде, — так ведь это проблема общая: и в Советском Союзе, и на Западе практически ничего не известно. Сколько уже вышло книг и исследований о выдаче союзниками казаков, перемещенных лиц, военнопленных. История оказалась слепой только по отношению к репатриации белой эмиграции. Было всего несколько оттепельно-пропагандных публикаций. Первая, самая известная, Льва Любимова в «Новом мире», в Саратове вышла книга Дмитрия Мейснера «Миражи и действительность. Записки эмигранта» (1966). В Москве опубликовали Николая Рощина («Парижский дневник. Встречи с прошлым»)... И, кажется, все. Книга моей матери «Четыре трети нашей жизни» — единственная книга воспомина-

ний об этом периоде. А на Западе, до появления картины Режиса Варнье — просто ничего. Репатриация началась после сталинского указа 1946 года, с которого начинается и фильм. Указ распространялся на Францию, Италию и Бельгию. И не надо думать, как это иногда случается, что ехали люди либо прокоммунистически настроенные, либо неудачники, те, кто не сумел внедриться в западную жизнь. Это абсолютно не так. Среди тех людей, что взяли советские паспорта — точной статистики нет — уехало не менее 5-6 тысяч. Почти поехал Бердяев, паспорта взяли и князь Сергей Оболенский*, и Сергей Самарин**. Я достоверно знаю, что мать Мария — сегодня идет речь о её причислении к лику блаженных — после войны собиралась вернуться в Советский Союз и там ходить по дорогам странничать. Долго бы она, как вы понимаете, не проходила. Многие священники вернулись — их-то уж во всяком случае трудно заподозрить в симпатиях к коммунистам. Единственное объяснение этому всему — парадоксальный союз, сложившийся во Вторую мировую войну с Черчиллем и Соединенными Штатами. То есть по логике вещей Сталин и Гитлер, как сиамские близнецы, должны были оставаться вместе, но они передрались и в результате возник союз СССР с Западом. Кроме того, по ходу войны, с тем чтобы за ним пошел народ, Сталину пришлось вернуть погоны, открыть церкви, воззвать к Дмитрию Донскому. Плюс «Единая и Неделимая», за которую когда-то сражалась Белая Армия... А тут — не только в империю возвращена и Польша, и Прибалтика, но

* Князь Сергей Сергеевич Оболенский (1908–1980) — во Франции занимался страховым делом, в 1946 г. взял советский паспорт, сотрудничал в просоветских изданиях, но в 1949 г. публично порвал отношения с СССР. В 1962 г. возглавил парижский монархический журнал «Возрождение». (Ред.)

** Сергей Сергеевич Самарин (Serge Samarine; 1924–1995) — французский писатель, в 1931 г. уехавший с родителями из Москвы, автор романа «L'abolition» (Paris, 1978), переведенного на русский как «Крушение» (СПб., 2012). См. о нем в очерке «Последний репатриант». (Ред.)

еще и больше, чуть проливы не взяли. И газета «Правда» уже выходила не под девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а «За нашу Советскую Родину!», и по радио уже пели не «Вставай, проклятьем заклейменный...», а «Могучая Русь...» Люди подумали, что началась дебольшевизация, и это было закреплено, подтверждено присланными во Францию Симоновым, Эренбурггом, многими киноактерами, изданием газеты, открытием двух кинотеатров. Когда на союзническую конференцию 1946 года приехал Молотов, то с ним обедали адмирал Вердеревский*, князь Оболенский, Ремизов, тот же Бердяев. То есть был такой всеобщий патриотический порыв. И, может быть, этой наивности, почему даже не сказать — глупости, малое утешение то, что в среде советской интеллигенции — и этому есть литературные свидетельства (у Твардовского в последней части «Теркина», во многих текстах Пастернака) — тоже появилась надежда на то, что и этот союз с Западом, и страдания военные, фронтовые приведут к дебольшевизации и возврату к национальному государству. Дальше не стоит рассказывать — все знают, как сложилось на самом деле.

Было несколько выездов, несколько пароходов, в том числе несколько пароходов армянских. Среди взявших советские паспорта была волна насильственно высланных французской администрацией, боявшейся распространения «коммунистической пропаганды». В такую первую волну высылки попал и мой покойный отец — впоследствии французское правительство признает высылку ошибочной и отменит постановление 1947 года.

Но очень быстро Советская власть перестала пускать эмигрантов: люди оставались с советскими паспортами во Франции, часть из них шумно от советского граждан-

* Дмитрий Николаевич Вердеревский (1873–1947) — контр-адмирал, морской министр Временного правительства, с 1918 г. в эмиграции, в Лондоне, с начала 1920-х жил в Париже. (Ред.)

ства потом отказалась, часть так и доживала, избавляясь от них постепенно.

Ек. Б.: Какой был смысл этой акции Сталина?

Н. К.: Смысл был двойкий: выудить из Франции и заманить наиболее активную, политически действенную часть эмиграции и свести с ней счеты по прибытии. На осуществление этой акции были затрачены огромные усилия, нужно признать, очень успешно сработавшей пропагандной машины. В фильме показана судьба странной выживающей семьи. В определенный момент Алексей говорит своей жене: «Как ты не понимаешь, я делаю все, чтобы спасти вас, ты не знаешь, что всех, с нами приехавших, расстреляли». На самом деле никого не расстреляли.

Ек. Б.: А как происходило на самом деле?

Н. К.: По прибытии всех распределяют по провинциальным городам и практически сразу, с лета 1949 года, начинают арестовывать. То есть были массовые посадки, очень быстрые, и часть посаженных, конечно, в лагерях погибла. После смерти Сталина практически все выжившие были реабилитированы.

Ек. Б.: А вся история коммуналки, и то, что Головиных поселили в такую квартиру, соответствует реальности?

Н. К.: Абсолютно. Хотя мало кто из реэмигрантов удостоился чести получить комнату в коммуналке — поскольку коммуналки распределялись по ордерам. Большинство было вынуждено снимать либо угол, либо комнату. Моя семья получила коммуналку с внедренным осведомителем, подготовившим арест моего отца. Так, как эта тема развивается в фильме «Восток — Запад». Вообще я уверен, что авторы сценария знакомы с книгой моей матери «Четыре трети нашей жизни». Некоторые сцены — оттуда, например, возвращение на теплоходе «Россия». На нем мы плыли из Марселя. Как го во ри ла ма ма, судь ба то гда слов но сде ла ла про щаль ный по да рок. Весь мор ской путь до Одес сы не то что кач ки, да же волн не ви де ли. Шли вдоль ита льян ских бе ре гов,

ми мо гре че ско го ар хи пе ла га — всю ду солн це, кра со та и вод ная гладь. За шли в Неа поль и по че му-то про сто яли там пол то ра дня, нам да же раз ре ша ли схо дить на бе рег. Кор ми ли от лич но: все гда све жие фрук ты, со ки, раз но об раз ные блю да. С ут ра вы хо ди ли на па лу бу, раз гу ли ва ли или уса жи ва лись в шез лон ги, слу шая му зы ку. Та кое чу дес ное мор ское пу те ше ст вие... Также и эпизоды в коммуналке кажутся просто фотографиями из её книги...

Ек. Б.: Это соответствует и вашим личным воспоминаниям?

Н. К.: Полностью. Я откровенно рад этому фильму, в нем на удивление почти нет «клюквы». Это, кстати, второй, после «Одного дня Ивана Денисовича»², западный фильм о советской действительности с очень малыми отклонениями в реалиях! Единственное отклонение от правды — это первая сцена с выстрелом в одесском порту. Такого не было, сходявших с трапа «России» так сразу не убивали. И наоборот, некоторые повороты сценария, которые могут показаться чисто киношными, надуманными, полностью соответствуют действительности. Например, заплыв Саши. Так уплывали. Правда не на пароход в открытом море, а из Батуми в Турцию. И настроенчески — это не противоречит правде жизни. Я могу о себе сказать. Я оказался в СССР в 1948 году, и потом долгие годы меня мучили фантазмы — как отсюда убраться. Если бы мне предложили тогда отпилить руку-ногу без анестезии, но за это вернуть во Францию — я бы согласился, ни минуты не сомневаясь. Или, например, линия французской актрисы, принимающей активное участие в спасении Марии, и вообще вся история с посольством, которая на первый взгляд кажется неправдоподобной. Могу засвидетель-

* «Один день Ивана Денисовича» — фильм режиссера Каспара Вреде по сценарию Рональда Харвуда, снимался и вышел на экраны Швеции в 1970 г. (Ред.)

ствовать, что было несколько армянских семей, одна семья русская, которых французские послы держали на своей территории по пять — шесть лет. Они там мыли полы в посольстве, всем надоели, но их не выдали. И постепенно отторговали у Советов их выезд. Я не назову фамилии, но я знал также одну женщину, поехавшую из Винницы в Варшаву, и там французский посол сжалился, она вернулась на Украину обладательницей французского паспорта. Авторы сценария по кусочкам многое сумели восстановить из той жизни.

Ек. Б.: Кстати, образ актрисы, которую играет Катрин Денев — собирательный. Луи Гардель, сценарист фильма, указывает на несколько прототипов: актрису Виларовского ТНР (Национальный народный театр Жана Вилара, часто тогда гастролировавший в Советском Союзе) и Симону Синьоре, к которой многие во время её поездок обращались с такого рода просьбами.

Н. К.: Если же говорить о каком-то сущностном упреке фильму, о моменте абсолютной неправды, я бы назвал удавшуюся попытку Алексея Головина внедриться, стать своим в Советском Союзе, чтобы выжить и спасти свою семью. Такого рода мимикрия — «я буду как вы, откажусь от прошлого, и вы меня за это помилуете» — насколько мне известно, никому не удалась. Я не хочу сказать, что таких желаний у людей не возникало, наоборот, это первая, элементарная реакция выживания — исчезнуть, не выделяться, стать как все. Александр Константинович Палеолог, представьте себе, какая фамилия, так вот этот человек в желании спастись писал из Симферополя моему отцу в Ульяновск письма, которые начинались со слов «Мой дорогой Игорь», продолжались переписанными текстами из «Правды» и кончались подписью: «Твой Саша». Это был тот же страх, что описан в «Крутом маршруте» Евгении Гинзбург. Тут не только «Правду» перепишешь! Я знал одного репатрианта, которого не посадили, но когда Сталин умер и посадки прекратились, он угодил в су-

масшедший дом — так этот страх из него вышел. Среди части моих сверстников это желание спастись и быть как все привело к тому, что мощным усилием воли они заставили себя забыть французский язык! Среди людей молодых мимикрия доходила до попыток вступления в партию, до яркого патриотизма. Но все тщетно. Партия и органы были настолько серьёзны и по-своему тождественны собственной вере, что такого новообращения они не принимали. Это как, знаете, Мефистофель требует у Фауста подписаться кровью, а не делать вид. Такого псевдообращения было недостаточно. И их все равно сажали, а если не сажали, то уж никак не подпускали к руководящим должностям, не признавали своими, и, конечно, никаких поездок за границу, даже в Болгарию. То есть всего того, что происходит в фильме с Головиным, быть не могло. Некоторым, правда, разрешили публиковаться, но держа на почтительной дистанции и еще более презируя.

Также и на счет пу ли одному из репатриантов прямо в порту — это бред. Все бы ло ко вар нее, изо щрен нее и не столь яв но. Ве ли кий фран цуз ский эс се ист Эрик Вейль* го во рил, что у ком му низ ма есть по ра зи тель ное ма ги че ское свой ст во — быть уэлл сов ским че ло ве ком-не ви дим кой. Те бя, как в филь ме ужа сов, по сте пен но оку ты ва ла, оп ле та ла пау ти на...

Мы при швар то ва лись в одес ском пор ту. Зав тра — 1 мая. Си дим, ждем. В каю ту вхо дит во ен ный в фор ме НКВД, про сит ма му от крыть су моч ку и от би ра ет три мод ных жур на ла: «Это за пре ще но». Нам го во рят: по еде те в Лю ст дорф, это не да ле ко. На при ста ни нас ждут гру зо ви ки, за ру лем — сол да ты. Нас при вез ли в на стоя щий ла герь с выш ка ми, со ба ка ми, с ко лю чей про во ло кой и ба ра ка ми.

Ек. Б.: Как относились к вернувшимся из Франции местные жители?

* Eric Weil (1904–1977) — французский философ-кантианец. (Ред.)

Н. К.: Со смесью презрения и сочувствия, но чаще всего, как и следовало в те времена ожидать, со «здоровой классовой неприязнью». Это сводилось к известному: «За что боролись, на то и ... Так вам и надо». Это высказывалось и созаклученными, с которыми реэмигранты оказывались в лагерях: «Вас не жалко. Вы сами сюда приехали, что ж вас жалеть?»

Ек. Б.: А как вы себя ощущали все эти годы? Русским? Французом? В фильме «Восток — Запад» маленький сын Алексея и Марии постепенно становится вполне советским мальчиком, и если бы мама вовремя не увезла его в Париж, неизвестно чем бы все закончилось.

Н. К.: У меня такого соблазна не было. Как я уже говорил, первые 10 лет, которые я в СССР отбыл или прожил, у меня было одно желание — уплыть. Даже без какого-то национального самосознания, русского или французского. Не обязательно во Францию, не обязательно на Запад, но обязательно — вон. На Луну! И так до моего ареста в 1957 году. После моей посадки начинается другой период, я только тогда по-настоящему вернулся в страну...

Ек. Б.: Вас посадили, потому что вы — сын белых эмигрантов, родились в Париже...

Н. К.: Нет, меня посадили за дело — в 1957 году сажали за дело.

Ек. Б.: Можно ли, хотя бы частично, отождествлять вашу маму, Нину Алексеевну, с героиней Сандрин Боннер?

Н. К.: Нет, у моей мамы не было желания во что бы то ни стало вернуться на Запад. Было у меня. Хотя антикоммунизм в ней присутствовал уже на пароходе — вот вы ее воспоминания прочтете, все поймете. Но героиня Сандрин Боннер — француженка, ей все здесь чуждое, а моя мама очень любила страну, людей, хотя потом все-таки вернулась во Францию и была рада, что вернулась. Мои родители вернулись вслед за мной, но масса людей остались доживать свой век в России.

Ек. Б.: Остались, потому что некуда было вернуться?

Н. К.: Нет, не совсем, многие после десталинизации нашли, как сейчас говорят, свою нишу. Жальче всего тех, кто в лагерях погиб. Хочется вспомнить, например, о Григории Николаевиче Товстолесе, я его хорошо знал, любил. Какой был человек! Евразиец, во время войны работал наборщиком в подпольной левой газете «Lettres Françaises», глубоко православный. Он оказался во второй или третьей группе высланных, но ему Сталин даже не дал возможности в Берлине отстояться. Там же посадили. За одно причастие к евразийцам, не вдаваясь в подробности, закатали не стандартные десять, а 25. Репатриировался он прямо в Тайшет. Был реабилитирован, и спустя полтора года скончался от приобретенного в лагере туберкулеза. Он был бездетный, бессемейный, от него ничего не осталось. Вот такой неизвестный солдат эмигрантской армии. А попросту — мученик. Знаете, мне недавно одна пожилая прихожанка в приходе, куда мы обычно с женой ходим, сказала: «Я не пойду смотреть этот фильм, потому что я знала Григория Николаевича Товстолеса. Помню, как он уезжал, с каким порывом...»

1999

Григорий Николаевич Товстолес
и Никита Кривошеин. Вильмуассон, 1942

Возвращается ли ветер на круги свои?

(14 июня 1946 и 1 апреля 2003)

В первое воскресенье после 14 июня 1946 г. по окончании службы толпа во дворе собора Святого Александра Невского в Париже была не как обычно благопристойно тихой, а вполне оживлённой. В четырёх местах большого двора продавались «Русские Новости» (просоветский еженедельник, издаваемый А.Ф. Ступницким). Спецвыпуск газеты вышел с большим портретом генералиссимуса И.В. Сталина, а на первой полосе крупным набором — текст Указа Президиума Верховного Совета СССР, смысл которого состоял в том, что белым эмигрантам, проживавшим во Франции, Бельгии и Италии, всё прощалось, и они могли, получив советское гражданство, вернуться на Родину. Указ готовился в глубокой тайне, а потому, ознакомившись с ним, все были совершенно ошеломлены. Русским эмигрантам сталинский Указ предлагал сделать свободный выбор и переосмыслить всё своё существование.

У авторов Указа была двойная задача: показать европейским правительствам и общественному мнению, что сонмы «перемещённых» лиц, старбайтеров, казаков, освобождённых из немецких лагерей для военнопленных солдат и офицеров Красной Армии, готовых на ВСЁ, лишь бы не оказаться снова в СССР, — есть изменники, враги Союзников, что их надо выдавать Советским властям и, главное, не верить их рассказам.

Вторая задача — как можно более полная «зачистка» белоэмигрантской неправоты и желая стать полезными, в победивший Советский Союз добровольно едут давние наши противники, остатки враждебных классов, кающиеся в преступном прошлом, то бишь белогвардейской

Экстренный выпуск

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 58-bis 22 JUIN 1946 Выходит по пятницам **Les Nouvelles Russes** Т-во ГОЛ ИЗДАНИИ «НОВОСТИ» Париж **PRUX DU NUMERO 5 frs** **ТОПОП А. Ф. СТУПНИЦКИЙ** Адрес Редакции и Конторы: 205, rue St-Honore — PARIS I. Тел.: OPERA 81-50 **Редacteur en chef A. Stoupitzky**

Советское правительство особым указом дает эмигрантам во Франции возможность восстановить их связь с Родиной

Ант 14 июня

Указ Президиума Верховного Совета СССР, который дает возможность восстановить связь с Родиной, имеет огромное историческое значение. Издавая этот указ, правительство Советского Союза, руководствуясь принципами справедливости, гуманности и солидарности, признало, что люди, покинувшие Родину в период гражданской войны, несут тяжёлые лишения и лишения своей Родины после ликвидации императорского режима. Им необходимо помочь в трудные дни жизни, помочь им восстановить связь с Родиной.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской Империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции.

1. Установить, что лица, состоявшие к 7 ноября 1917 г. подданными бывшей Российской Империи и в настоящее время находящиеся на территории Франции, могут восстановить своё гражданство СССР.

2. Лица, указанные в статье 1 настоящего Указа, желающие восстановить гражданство СССР, могут быть восстановлены в гражданстве СССР в том случае, если они в течение срока до 1 ноября 1946 г. обратятся в Президиум Верховного Совета СССР в Франции с соответствующими заявлениями, в которых должны быть приложены документы, удостоверяющие личность заявителя и его принадлежность к родному и подданству бывшей Российской Империи или к советскому гражданству.

3. Желания о восстановлении в советском гражданстве рассматриваются Президиумом СССР во Франции. В случае признания представленных заявителями документов, подтверждающих принадлежность заявителя к бывшей Российской Империи или к советскому гражданству, Президиум Верховного Совета СССР вводит в действие статью 2 настоящего Указа, восстанавливая в гражданстве СССР, могут быть приняты и заявления СССР на общих основаниях.

Продиктован Президиумом Верховного Совета СССР И. ШЕРШИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль, 14-го июня 1946 г.

ПИСЬМО ПОСЛА СССР, А. Е. БОГОМОЛОВА

Редактору газеты «Русские Новости» Г-ру Ступницкому

Спасибо большое за статью, посвящённую людям, которые в настоящее время находятся в Париже. Я думаю, что эта статья будет очень полезна для тех, кто хочет восстановить своё гражданство СССР.

В настоящее время я нахожусь в Париже. Я думаю, что эта статья будет очень полезна для тех, кто хочет восстановить своё гражданство СССР.

С уважением, А. Е. Богомолов.

С 14 июня является историческим днём для русской эмиграции. Из этого дня Указом, изданном в этот день, который даёт возможность восстановить связь с Родиной, им необходимо помочь в трудные дни жизни, помочь им восстановить связь с Родиной.

Авторитетное разъяснение

Осмысление в отношении гражданственности СССР лиц, утративших гражданство СССР, имеет огромное историческое значение. Издавая этот указ, правительство Советского Союза, руководствуясь принципами справедливости, гуманности и солидарности, признало, что люди, покинувшие Родину в период гражданской войны, несут тяжёлые лишения и лишения своей Родины после ликвидации императорского режима. Им необходимо помочь в трудные дни жизни, помочь им восстановить связь с Родиной.

ОТКЛИКИ В РУССКОМ ПАРИЖЕ

В Париже в этот день слыли на чтение. В центре этого дня, посвящённого «русским бывшим гражданам СССР», были проведены не только массовые собрания, но и «интересные» выступления. В центре этого дня, посвящённого «русским бывшим гражданам СССР», были проведены не только массовые собрания, но и «интересные» выступления.

Первая страница спецвыпуска газеты А.Ф. Ступницкого «Русские новости» с текстом Указа ПВС СССР от 14 июня 1946 г. с разъяснениями и комментариями

отребье... Желаемый пропагандистский эффект состоялся, хоть и длился не долго.

Русские во Франции во время войны проявили политическую активность куда большую (в относительных цифрах) чем коренное французское население. В составе Союзных Армий, в движении Сопротивления, в вооружённом подполье русских было очень много. Были и такие русские, которые встали на путь сотрудничества с оккупационными властями. Проявившееся в эти годы «оборончество» («My country, right or wrong», — «моя страна — права она или не права», немного психология героев великолепного телесериала «Штрафбат») могло легко перейти во Франции в воинствующий антикоммунизм, это именно Москва и хотела предотвратить.

Разработчики операции «указ» в значительной степени добились своего: заманенные на советскую территорию эмигранты (от 4 до 5 тысяч, не считая армян-репатриантов) были политически нейтрализованы, а большинство — арестовано. Многие из лагерей живыми не вернулись... У девяти десятых вернувшихся не было и тени коммунистических, «коммунизированных», как тогда говорили, настроений. Русские эмигранты поверили, что участие Советского Союза в антигитлеровской коалиции демократических держав, отмена «Интернационала» и замена на гимн Михалкова, возврат погон и открытие церквей — это всё и есть то, о чём мечтали их родители и они сами, т.е. конец большевизма и возврат к «национальному государству».

То, что в агитационной кампании, которая велась в Париже для внедрения этой схемы, принимали участие Симонов, Эренбург, Марецкая и другие не удивительно. Куда более досадно, мягко говоря, что всё это внушалось и специально приезжающими для этого из страны священниками, иерархами, в том числе и основателем ОВЦС. Русские люди в Париже не могли тогда осознать степень подневольности тогдашней Русской Церкви...

Те русские, кто отвергли дарованное Кремлём «прощение», встали на путь интеграции во французское общество, отказались от эмигрантских, «нансеновских» паспортов, получили французское гражданство и перестали «жить на чемоданах». Связью с Россией для многих из них стала, особенно после смерти Сталина, «антисоветская деятельность» — посылка в страну книг и периодики, перевозка рукописей, оказание денежно-материальной помощи пострадавшим от репрессий, работа на «вражьих голосах».

Действительно исторический для русской эмиграции выбор лета 1946 года был очень трудным, соблазнительным и для «евлогийанской» церкви, для её духовенства. Несколько священников приняли советское гражданство, поехали в Советский Союз. Репатририровалась, и оказалась в Средней Азии, в Ташкенте, где и закончила свои дни, знаменитый эмигрантский иконописец сестра Иоанна Рейтлингер. Поехал в Советский Союз отец Андрей Сергиенко и т. д.

Сам блаженной памяти митрополит Евлогий «определялся» трудно и не сразу — начал с того, что ненадолго перешёл под омофор Патриарха Алексия I, потом вернулся в лоно Вселенской Патриархии. Вместе с ним и многочисленная паства. Какое-то время на позициях советского патриотизма находились Н. Бердяев, А. Ремизов, иконописец Успенский, часть православных философов, объединившихся вокруг Свято-Сергиевского Института в Париже. Появившаяся на Западе «вторая» эмиграция в основном увеличила паству РПЦЗ. Замечательные пастыри и богословы владыка Антоний (Блум), владыка Василий (Кривошеин) и вместе с ними много православной интеллигенции и народа решительно сделали выбор верности Русской Православной Церкви, оставаясь при этом политически свободными. Ими двигала чудотворительно оправдавшаяся надежда на будущее освобождение Церкви, значит и страны.

Живые связи эмиграции со страной стали восстанавливаться и постепенно становиться всё более активными сразу же после начала десталинизации.

Здесь необходимо напомнить, что в течение десятилетий существования богоборческой власти в СССР неочевидную роль в поддержании и сохранении русской традиции в эмиграции сыграло Русское Студенческое Христианское Движение (Париж), журнал «Вестник РСХД», книжное издательство «УМСА-Press», а также организация «Помощь верующим в России» (во главе которой стоял ныне покойный Кирилл Ельчанинов, сын известного проповедника). Первоиздания и переводы на европейские языки рукописей А.И. Солженицына, Н.Я. Мандельштам, Ю. Домбровского, многих других писателей — это тоже заслуга «УМСА». Публикации богословских, литературных, философских текстов в «Вестнике РСХД», с опасностью вывезенных из Советского Союза, проникновение того же «Вестника» на московские и ленинградские «кухни» — неизбывная заслуга и достижение РСХД и главного редактора «Вестника» Н.А. Струве. Когда начались хрущёвско-ильичёвские гонения на Церковь, мобилизация западной общественности и СМИ в защиту Церкви — это тоже РСХД. Привоз в страну трудов Бердяева, о. Сергия Булгакова, Флоренского — заслуга Кирилла Ельчанинова и его помощников.

* * *

По ходу тех же десятилетий демографические процессы не приостановились: так часто показанное российским телезрителям русское кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа «разрослось», почти удвоилось площадью. К концу восьмидесятых исторических белых эмигрантов практически остались единицы.

Русский народ, в отличие от армян, евреев, китайцев,

долго не сохраняется в диаспоре. Русских тянет назад к себе, а если этого не происходит, то чаще всего третье или в лучшем случае четвёртое их поколение за границей сливается с окружающим населением и зримых признаков этнического и религиозного происхождения остаётся совсем мало. Интеграция во французскую жизнь, «ассимиляция», как говорят французы, выход из диаспорного сознания, всё более распространённые межконфессиональные браки, стирание из памяти умения читать и писать по-русски — вот то, что ускоренными темпами происходит с внуками эмигрантов. При этом они остаются православными. Чаще всего в России никогда не бывали, «Повестей Белкина» в оригинале не знают, но рецепт куличей и пасхи в обиходе остаётся... В эти же годы ускоренной интеграции революционный передел, начавшийся в Римско-католической Церкви после Второго Ватиканского собора, был настолько внезапен и резок, что очень многие католики разных поколений и в разных европейских странах стали переходить в более для них традиционную и «узнаваемую» конфессию, — православие. Эти факторы стали влиять на православное духовенство во Франции и иерархию Архиепископии Православных приходов русской традиции в Западной Европе. Участились службы на местных языках. Переводы служебных текстов были не удовлетворительными, часто не согласованными, разные в разных местах. Сами службы стали сокращаться: западному европейцу стоять четыре часа на ногах — несподручно... Нарушилась и манера хорового пения. Частое причащение без исповеди стало правилом в большинстве «модернистских» приходов. Посты стали символическими, часто иконостасы либо просто упразднились, либо по размеру сократились вдвое... Женщины получили доступ в алтарь. Список этих перемен не полон. Православный, прибывший в Западную Европу из Курска или Софии и оказавшийся в таком приходе, не всегда понимает, что находится в православном храме.

Сегодня можно говорить об агрессивном возврате «обновленчества», о масштабной попытке разработать и укоренить новое, — и в этническом, и в языковом отношении — «французское православие». Не будучи знатоком литургики, не берусь «научно» оценить это явление. Скажу просто, что для зрения, слуха, даже и совести (преданный долг памяти), этот литургический «новодел» трудно приедем!

Блаженной памяти архиепископ Сергей (Коновалов), почивший в Бозе два года тому назад, почувствовал всю опасность этих тенденций и приступил к переговорам с Русской Церковью, имея в виду хорошо продуманное и подготовленное сближение с ней.

Несколько раз побывавший в России владыка Сергей убедился в том, что, несмотря на трудно изживаемое «сергианство», Мать Церковь преобразилась. Произошло — насколько это возможно в реальности — отделение от государства. Возрождаются монастыри. Идёт интереснейшая издательская работа. Утверждена социальная доктрина. Продолжается работа по канонизации новомучеников... Катехизация детей, присутствие священников в воинских частях, в местах исполнения наказания... Неожиданный взлёт церковной жизни во всём её многообразии — совсем негаданный после 80 лет порабощения безбожной властью!

Вот что писал об этом главный редактор «Вестника РХД» Н.А. Струве:

«Православная Церковь в России сейчас восстанавливается из-под развалин оцепенения, перед ней огромная, непомерная задача: свидетельствовать в распадающемся обществе о Господе славы и любви, жертвы и всепрощения, о Христе распятом и воскресшем...

В условиях обретенной свободы намечается расхождение между теми, кто, смотря назад, хочет идеологизировать Благою весть, придать ей политическую и национальную окраску, и теми, кто во главе с Патриархом

Алексием, следуя заветам святителя Тихона, пытается держать курс церковного корабля выше политики, выше узко национальных задач, твёрдо стоя в Истине, но без огульного осуждения всех и вся» (Вестник РХД, № 166, 1992).

В каждом номере «Вестника» приводятся выдержки из Устава РСХД (1959):

«РСХД утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность русскому народу и к русской православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами, или решили связать свою жизнь с другой страной...»

Прошло совсем мало лет, и РСХД, и сам Н.А. Струве эти слова — можно прямо сказать — предали.

* * *

Вскоре после кончины владыки Сергея, 1 апреля 2003 г., в приходах Архиепископии появилось послание Святейшего Патриарха Алексия II. Патриарх предлагал начало переговоров с целью объединения в Поместную церковь Западной Европы всех приходов трёх русских православных юрисдикций. Во второй раз после Указа 1946 г. эмиграция, пятьдесят семь лет спустя, оказалась перед необходимостью «экзистенциального» выбора! Необходимость определить своё отношение к возродившейся России и к Матери Церкви — вот единственная аналогия между послевоенной ловушкой сталинского Указа и сегодняшним предложением равноправного разговора.

Эмигрантской интеллигенции после распада СССР постепенно пришлось отойти от функций «наставника», «преподавателя православной философии», помощника и спасителя по штатной должности. С каждым месяцем, прожитым после 21 августа 1991 года, появлялось мно-

гое, чему мы здесь, на Западе, могли научиться у Русской Церкви: глубокой, выношенной в полуподполье молитвенности, безупречно сохраненной богослужебной традиции. Вместо конспиративной перевозки трудов Флоренского стало возможным сесть и поехать молиться в чудом вновь обретенное Дивеево и другие монастыри, а внуки русских эмигрантов могут теперь учиться в Сергиевом Посаде.

Не берусь анализировать мотивы окружения владыки Гавриила (преемника владыки Сергия, бывшего католика, по происхождению фламандца, с трудом говорящего по-русски) и причины действий самого владыки. Видимо обновленчество взяло верх. На послание Патриарха официального ответа не было дано! В духовенстве была проведена кадровая чистка и перестановка почти по добрым старым правилам. Повсеместно, где только можно, расставлены заставы и «свои люди».

Та часть православных, которым церковный модернизм пришёлся не по духу, основали ОЛТР (Движение за Поместное Православие Русской Традиции).

На первом Круглом столе, проведенном ОЛТР в 2004 году, Н.А. Струве, ставший теперь одним из идеологов «модернизма» в Архиепископии и ярким противником РПЦ, в страстной речи сказал, что «Русская Церковь тяжело больна», что он «хорошо знаком с её иерархией, носителем страшных недостатков», и что «Архиепископия может только проиграть от сближения с ней...»

Буквально на днях владыка Гавриил выступал на православной бельгийской радиостанции. «Сохранение богослужебной традиции, — заявил он, — дело хорошее для Африки, мы же должны быть современными». В этой обстановке приходские советы ряда церквей сделали свой выбор, и эти церкви перешли под омофор Московской Патриархии. Совсем недавно это произошло с большим русским собором в Биаррице.

Православная общественность в Западной Европе вот уже второй год как живёт яростными спорами, доходящими до нескрываемой ненависти.

Прогнозы очень трудны, но далеко не невозможна победа тех, которые стремятся сохранить православную веру и Церковь в их унаследованной от предков подлинности.

Париж,
март 2005

* * *

PS. Когда эта книга готовилась к печати, ситуация с французским православием получила новое развитие, на что ваш покорный слуга поспешил отреагировать, поместив на сайте «Православие и мир» следующую статью.

Смена вех в Архиепископии Русских Православных Церквей в Западной Европе

Ещё не отзвучала «Вечная память», пропетая в сороковой день кончины епископа Гавриила Команского (де Вильдера), как 5 декабря вечером в парижском соборе святого Александра Невского на улице Дарю состоялось введение на кафедру его преемника, архиепископа Иова Тельмисского (Гечи).

«Аксиос!» — пожелаем молодому архиепископу, которому менее 40 лет, помощи Божьей, столь необходимой в духовном и административном окормлении особого церковного образования — Архиепископии Русских Православных Церквей в Западной Европе.

Обозначение «Русских» выделено у меня курсивом, так как за последние десятилетия, отчасти в силу чистой демографии, где сама эмиграция и представители её второго поколения сейчас наперечёт, отчасти в результате сознательного курса на дерусификацию.

Выборы владыки Иова состоялись 1-го ноября вечером на Внеочередной сессии Ассамблеи Архиепископии, а это — делегаты клира и мирян всех её приходо-в, под председательством митрополита Эммануила Галльского, экзарха Вселенского патриарха. Эти выборы и голосование, а также утверждение кандидатов состоялось в полном соответствии с Томосом Патриарха Константинопольского. Архиепископия неизменно напоминала о том, что она во всём придерживается положений и церковного Устав разработанных, Московским собором 1917–18 годов. Недавние выборы, предварительные консультации, процесс выдвижения кандидатов и само голосование прошли при полном соблюдении необходимой соборности, гласности и духа того, что принято называть церковной демократией.

На утверждение Святейшим Патриархом Варфоломеем и Священным Синодом был представлен список из трёх кандидатов: архимандрит Григорий (Папафомас), архимандрит Иов (Геча), архимандрит Симеон (Коссек). Этот список был составлен с учётом поправок, внесённых до того в Устав архиепископии. Поправки делали возможным выдвижение кандидатур монашествующих священников, не обязательно пробывших предыдущие пять лет в клире Архиепископии. На этом изменении Устава особенно настаивала Архиепископия, что и было учтено, принято и утверждено Святейшим Синодом Вселенского патриархата.

В начале Внеочередной сессии Ассамблеи митрополит Эммануил сообщил о том, что Константинополь, в полном соответствии с положениями Томоса — основного, «конституционного» документа «Дарю» — двоих кандидатов,

арх. Григория (Папафомаса) и арх. Симеона (Коссека) не утвердил. А для обеспечения реальности выбора Священный Синод представил две кандидатуры: архимандрита Виссариона (Комзиаса) и иеромонаха Михаила (Онищенко).

Делегаты Общего собрания обстоятельно обсудили эти три кандидатуры и, если не единогласно, то подавляющим большинством выразили предпочтение архимандриту Иову. Одновременно был, в полном составе, переизбран прежний Совет Архиепископии. Решение Ассамблеи было утверждено Священным синодом Вселенского патриархата. 30 ноября в Константинополе состоялась торжественная хиротония, проведённая патриархом Варфоломеем.

Итак, период «междоцарствия», доработка Устава, выдвижение кандидатур, подготовка и проведение выборов, взаимодействие с Константинополем — весь этот процесс безукоризненно соответствует как духу и букве решений Собора 1917–18 гг., так и Томосу, устанавливающему канонический порядок управления архиепископией.

Прежде чем кратко сказать об уже богатом жизненном пути владыки Иова, следует напомнить о том, что Архиепископия, созданная митрополитом Евлогием как временное образование (в ожидании освобождения России и её Церкви от богоборческого режима Советов), давно отказалась от замысла своих создателей, т. е. митрополита Евлогия и эмигрантов, посвятивших себя ускорению падения этих Советов, мыслителей «парижской школы богословия». Постепенно непровозглашенной задачей и мечтой Архиепископии стало создание Поместного православия, неканонического образования, в обход существующих Поместных церквей.

Владыка Иов (Игорь Владимирович Геча) родился в канадско-украинской семье в 1974 году. Рукоположен диа-

коном в Канаде в 1996 году. Монашеский постриг — в Виннипеге в 1996 году.

Степень доктора богословия была ему совместно присвоена Свято-Сергиевским институтом и Католическим институтом в Париже.

С 2003 до 2008 он священствует в Париже, член совета Архиепископии. В 2005–2007 — декан Свято-Сергиевского богословского института. Начиная с 2009 и до сих пор преподаёт литургику и догматическое богословие в Институте при Православном центре Вселенского патриархата в Шамбези (Швейцария). В 2009–2010 годах читает курс канонического права в университете им. Петра Могилы в Киеве. С 2012 года — приглашённый профессор Фрибургского университета. Свободно владеет русским, украинским, французским, английским и греческими языками.

Если судить по биографии, владыка Иов — преемник покойного владыки Сергия (Коновалова), занимавшего парижскую кафедру с 1993 по 2003 годы.

В своём первом пастырском послании от 1 ноября 2013 новый Архиепископ Телмисский говорит:

«Сегодня наш долг — быть верными этому наследию и продолжать служить единству православной диаспоры. Находясь в юрисдикции Вселенского Патриархата, мы должны, в духе постановлений IV-го Всеправославного Предсоборного Соплощения, самым тесным образом сотрудничать в этом пастырском служении с другими епархиями в Западной Европе в рамках Ассамблей православных епископов».

Казалось бы, положение само собой разумеющееся, настолько естественное, что напоминание о нём может показаться странным. Однако это на первый взгляд нейтральное напоминание оказалось остро необходимым на фоне полных нестроений церковной действительности, доставшихся в наследство владыке Иову.

Знатоки истории архиепископии, — как не подумать о

Николае Россе, — со временем обобщённо и полно обрисуют десятилетие правления покойного владыки Гавриила (Команского). Да и его ли лично это было правление?

Католический монах, фламандец, перешедший в православие, научившийся со временем церковнославянскому, но никак не разговорному русскому, мало понимающий эмиграцию, не говоря о России и её Церкви, он нуждался в помощи и в советах. А после того, как начал проявляться тяжелейший недуг (рак головного мозга), степень самостоятельности совсем съёжилась... Насколько могу себе представить владыку Гавриила, он не был одержим тщеславием или любовью к почестям. Наоборот, он хотел лучшего для своего церковного удела, а потому несколько поспешно провёл большое количество рукоположений коренных европейцев, призвание которых не состояло в том, чтобы числиться в Архиепископии «русских» православных церквей... И речь тут не о «филетизме», а о соблюдении традиции.

Само избрание владыки Гавриила состоялось после исторического предложения покойного патриарха Алексия II, содержащегося в его послании от первого апреля 2003 года: воссоединиться с Матерью Церковью и под её омофором создать независимую административно, кадрово, бюджетно, и проч. Митрополию русских православных церквей в Западной Европе. После сердечного сближения епископа Сергея (Коновалова), близкого к нему священства (из его окружения) с Русской Церковью и её предстоятелем, при уже начавшихся конкретных переговорах 1998–99 по объединению — письмо Святейшего было как нельзя ко времени.

Отношения с РПЦ получили новый импульс в 90-х годах прошлого века: встречи на разных уровнях и совместные служения увенчались сослужением правящего архиепископа Сергея (Коновалова) с Патриархом Алексием II в Успенском соборе Кремля (1995 г.). Начались пере-

говоры о возможном воссоединении с Церковью-Матерью, тема обсуждалась в феврале 2001 года во время визита во Францию митрополита Кирилла, когда он предложил предоставить экзархату, в случае его воссоединения с Московским патриархатом, статус автономии, подобный статусу Украинской церкви, с присоединением к нему приходов Западной Европы, находящихся в ведении Российской церкви.

Воссоединение в результате состоялось в 2007 году, но без Архиепископии, а с РПЦЗ, изначально стоявшей на позициях куда более далёких от РПЦ, чем Дарю.

А тогда, в 2003 г., Совет Архиепископии начисто отверг предложение Святейшего Патриарха Алексия и добился в мае того же года избрания владыки Гавриила. Был распущен, чтобы не сказать разогнан, «Евлогийский кружок», объединявший духовенство, стоящее за сближение с РПЦ. Брутальный отказ в рассмотрении предложения Святейшего практически обрёк все живые контакты с РПЦ и её Корсунской епархией с центром в Париже. После этого диалог с Московской патриархией сошёл на нет, а Архиепископия разделилась на два противоборствующих лагеря: сторонников идеи поместной церкви русской традиции, готовых принять предложение патриарха Алексия, и сторонников идеи французского православия.

С 2003 года, началась демонстративная череда недружественных действий по отношению к Московской патриархии. Вот лишь несколько примеров: Патриарх Алексий II, прибывший во Францию в 2007 году, был первым православным патриархом, который, находясь во французской столице с государственным визитом, не был приглашён служить на «рю Дарю».

Это не помешало авторам официального некролога о владыке Гаврииле отметить, что он в крипте кладбищенской церкви в Сент Женеьев де Буа обменялся с Алексием II несколькими фразами по-немецки... Смешно, кабы не грустно.

Эпизод «протокольно» ещё более корябющий: находящийся в Париже митрополит Иларион, председатель ОВЦС, был приглашён служить на «Дарю». Но накануне телефонным звонком предложение было отменено! Вскоре после этого ему пришлось сообщить о выходе из состава редколлегии журнала «Вестник РХД», (главный редактор — Н. А. Струве) — журнала, в 60–70 годы столь активно помогшего верующим в бывшем СССР.

Эти печальные факты, стали оформлением трагической размолвки, произошедшей по инициативе парижской группы левых интеллигентов, считающих себя элитой, единственными хранителями и владельцами «парижской школы богословия». Горделивое отстранение от суетной жизни не помешало этой группе довести здания и территорию Свято-Сергиевского института до аварийного состояния, а недавно — чуть не искалечить фрески великого Стеллецкого.

В ноябре 2006 года Правительство Российской Федерации подало иск во французский суд по восстановлению его единственным законным собственником Свято-Николаевского собора в Ницце. Юридическое объяснение ситуации было бы слишком громоздким, об этом много написано. В результате процессов, занявших целые семь лет, суд был выигран. Одновременно с подачей иска тогдашний посол России А.А. Авдеев лично предложил владыке Гавриилу совместно определить условия продолжения пребывания Архиепископии в храме. Последовал категорический отказ от каких-либо переговоров. А культурная ассоциация Ниццы (АСОР) по ходу процесса не пренебрегала ничем в своих кампаниях по очернению РПЦ.

За время семилетнего процесса в Ниццком Соборе по инициативе протоиерея Иона Гейта квази-административно была отлучена от причастия старейший секретарь культурной приходской ассоциации — Лидия Федоровна Плас. Лишь за то, что она помогла найти архивные документы, подтверждающие собственность России. Не-

счастливая женщина скончалась без исповеди и соборования. Так владыка Гавриил и его окружение изыскивали на Лазурном берегу нового Толстого...

Вот уже более года, как храм возвращён России, передан в пользование Корсунской епархии. Он оказался в таком прискорбном состоянии, что России пришлось ассигновать 20 миллионов долларов на его архитектурное спасение.

А замечательный собор в Биаррице (там тоже верующие безуспешно обращались в местный суд с просьбой вернуться в Русскую церковь), возведённый Россией в XIX веке, находится на грани административного закрытия: его посетителям угрожает камнепад... Архиепископия и тут отклонила любые контакты с РПЦ, но зато ввела плату за вход, как это было в Ницце.

В самой России, где процесс церковного строительства продолжает вызывать страстные споры и противостояния, ситуация во Франции, наверное, — не первая забота православных СМИ. Тем интереснее отметить, что отец Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского института, неоднократно бывавший в Париже, священник, знающий и любящий «парижскую школу богословия», говорит о том, что для Архиепископии самый естественный путь — воссоединиться с освободившейся Матерью Церковью.

Все эти годы по нарастающей шла кампания, направленная против РПЦ и нынешней России. Член Совета Михаил Соллогуб разместил несколько статей во французской «Фигаро» (о ненужности, например, строительства православного собора РПЦ в Париже!). Вестник РХД, сайт РСХД, ряд блогов в социальных сетях по-стахановски соревновались в хуле на РПЦ и её предстоятеля.

В 2013 году покойный владыка Гавриил и Совет Архиепископии провели ряд церковно-политических процессов с полным нарушением Положения о церковном суде. Пять старейших прихожан Дарю были отлучены! Их

вина в том, что они говорили правду. Среди них — Василий фон Тизенхаузен, многолетний секретарь епархии при владыке Сергии (Коновалове) и, в недавнем прошлом, секретарь Ассамблеи православных епископов Франции.

За прошедшие 10 лет правления Совета Архиепископии стало очевидным, что её приходы не сумели (возможно, не захотели по соображениям, близким к кастовым), принять массу приехавших из СНГ и других православных стран людей и помочь им. Не нашли общего языка и с огромным количеством молодых православных специалистов разных профилей, живущих в Европейском союзе. Большинство из них молится в приходах русской церкви, которых просто не хватает, а стены их не раздвинешь. Именно исходя из этого осуществляется масштабная программа строительства новых культовых зданий: большой собор в Париже (скоро будет заложен первый камень), Мадрид, Рим, Барселона, Страсбург, Берлин... — по всей Европе.

И ещё социально-религиозный фактор: в 60–70 годы — отчасти от неприятия решений Второго Ватиканского собора, отчасти из-за духовно-идеологического кризиса, достигшего апогея в 1968 году, приток коренных европейцев, обращающихся в православие, стал огромным. Они пополнили приходы Архиепископии. В наше время их поток иссяк, но приходы РПЦ продолжают вести активную миссионерскую деятельность.

Мы с Ксенией присутствовали в соборе святого Александра Невского на ул. Дарю, на службе «столования» владыки Иова. В переполненном храме доля моих сверстников (80 лет и более) нас поразила, молодых — единицы!

Мы услышали обращение-напутствие митрополита Эммануила Галльского, в храм пришёл кардинал Парижский Андре Вэнт Труа, представители всех православных церквей. Особо надо отметить участие в службе епископа

Корсунского Нестора. Тем более значимо это участие, что в своём слове новый архиепископ буквально привёл тот отрывок из своего первого пастырского послания, который мной выделен в начале этого текста: «необходимость крепить братские отношения с другими православными церквями, более интенсивно взаимодействовать в рамках Ассамблеи епископов».

Владыка Иов настойчиво напомнил о том, что его «выборы проходили в полном соответствии с традициями Архиепископии — положением Собора 1917 года и патриаршим Томосом». Закончил он «надеждой на начало новой главы, которая будет писаться именно соборно в истории столь дорогого нам церковного образования появившегося в Европе в результате победы большевистского путча в России».

Пожелаем владыке Иову помощи Божьей! О, как она ему нужна! Пожелаем сил и терпения в осуществлении задуманного обновления духа в Архиепископии. Нужна Божья помощь и в деле, не побоимся слова, спасения Свято-Сергиевского института (владыка Иов и об этом говорил, он к институту очень привязан), и в очень многом другом.

Аксиос!

8 декабря 2013 г.
Сайт «Православие и мир»
<http://www.pravmir.ru/smena-vexv-arxiepiskopii-russkix-pravoslavnyx-cerkvej-v-zapadnoj-evrope/>

И еще про ветер, который возвращается на круги свои. В начале я упоминал о спецвыпуске газеты Ступницкого с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1946 г., подписанный И. Шверником и секретарем Президиума Верховного Совета СССР А. Горкиным. Вот об этом втором такая история из моей жизни...

* * *

Гора с горой не сходятся, но...

Году в 1963–64-ом я, вернувшись из Мордовии, продолжал пребывать с паспортом, выданным на основании «Положения о паспортах и ст.ст. 39–40 УПК РСФСР» (попросту — с «волчьим»). Дорогу в Москве переходил по правилам уличного движения. А если выпил, то ловил такси. Уличных встреч с милицией избегал. Вернулся к письменным переводам, да и к синхронным тоже.

Звонок по телефону — бывшая однокурсница, работавшая по распределению в Интуристе, там, где было посольство США. Мы с ней вне института никогда не встречались, но контакт и охват бесед были у нас для сугубо студенческого общения на редкость хорошими.

— Я нашла твой телефон. Помоги. Для меня это дело ответственное, только на тебя полагаюсь. Группа французских юристов, приехавших знакомиться с нашими законами, будет принята Горкиным в Верховном Суде. Переведи, заплатим, сколько скажешь. (Тогда в Москве с французским языком качественных ремесленников было менее десяти.)

Первая моя реакция: «Кому ты предлагаешь? С моим паспортом нельзя».

А она: «Пройдешь в здание со всеми, никто не заметит и ничего не будет, не отказывайся».

В назначенный день прихожу к подъезду Верховного Суда СССР на ул. Воровского. В автобусе — человек 30, ни одной женщины по тогдашнему времени, все в костюмах — буржуи как есть.

* Александр Фёдорович Горкин (1897–1988) — советский государственный и партийный деятель. С января 1938 по 1953 г. — секретарь Президиума Верховного Совета СССР. В 1957–1972 гг. — Председатель Верховного Суда СССР. (Ред.)

В небольшой зал входит А.Ф. Горкин с помощником. Сажусь рядом. Правовая область была моим хобби, две книги юридические переложил до этого. И у меня получилось добиться того, чтобы насыщенные терминологией из различных областей юриспруденции выступления и обильные вопросы-ответы были переведены хорошо, так что перевод стал как бы незаметным, создало ощущение прямой беседы. То были годы «возвращения к социалистической законности», тема была даже интересной, и слушали внимательно. Это я не для похвалы, а чтобы объяснить последовавшее...

Перед уходом главный из делегации говорит: «Мы бывали во многих странах, но никогда ещё не слышали такого компетентного перевода, наша Вам благодарность».

Горкин, достаточно безликий, но не антипатичный, поворачивается ко мне и — что редко в устах советских сановников услышишь — объявляет: «И я Вас благодарю». У меня в голове: «А я тебя не благодарю, что ты меня в 49-ом в Ульяновск привёз...». А сам громко, абсолютно непродуманно и рискованно:

— Александр Фёдорович, можно у Вас попросить две минуты отдельно?

Остались в комнате он, помощник и я.

— Вот я Вас переводил на французский, а сам не вправе быть в этом городе...

И сжато пересказал ему историю моего приговора, утверждённого (что редко!) самим Пленумом Верховного Суда, т.е. им. Что меня дёрнуло? Вероятно, уверенность, что такая мизансцена не повторится более никогда, понимание, что хуже, чем звонок в милицию, быть не может, да и Горкин выглядел не антипатичным служакой.

— Мы Вашим делом займёмся. — Помощник написал свой телефон и фамилию. — Позвоните через три дня.

На мой первый звонок последовал ответ:

— Александр Фёдорович заинтересовался вашим

делом и очень хочет вам помочь. (Значит, интуиция меня не обманула, риск был не самоубийственным!) — Позвоните через неделю.

И снова... через неделю.

Последний звонок. Брутальная смена голоса, даже агрессивность:

— Александр Фёдорович ничего для вас сделать не может. Больше не звоните.

Система, расшатанная десталинизацией, осталась жизнеспособной и, хоть менее кровожадно, но умно самосохранялась. Советологам же на этом примере будет материал о соотношении судебной и исполнительной властей. Об Указе от 14 июне 1946 года, конечно же, я Горкину не напоминал. Можно полагать, что сей Указ был в его памяти лишь малой каплей во всежизненной Ниагаре завизированных им бумаг...

2013

Михаил Соколов
и Никита Кривошеин

О России и русском Зарубежье

Беседа с Михаилом Соколовым на «Радио Свобода»

Михаил Соколов: Сегодня в нашей студии гость из Парижа Никита Кривошеин, переводчик, журналист, в 1957-60 году — политзаключенный Дубравлага, член-учредитель движения «За поместное православие русской традиции в Западной Европе». В конце прошлой недели открылось новое здание солженицынской библиотеки «Русское зарубежье», и наш гость, Никита Игоревич Кривошеин, приехал в Москву из Франции тоже поучаствовать в этом событии. Мы поговорим о русской эмиграции и о ее восприятии современной России. Я хотел бы сказать несколько слов о семье нашего гостя. История ее описана Ниной Алексеевной Кривошеиной, урожденной Мещерской, в книге «Четыре трети нашей жизни», она издана впервые в основанной Александром Солженицыным Всероссийской мемуарной библиотеке в 1984 году, переиздана в 1999 году. И, Никита Игоревич, я так понимаю, что рукопись этой книги и другие документы вашей семьи теперь тоже в Архиве русского зарубежья, да?

Никита Кривошеин: Спасибо за то, что вы меня пригласили и дали возможность открытого микрофона. Рукопись этой книги нами была вчера передана архиву. По возвращению в Париж мы, возможно, попытаемся как-то разобрать и упорядочить то, что еще у нас остается от архива Кривошеиных и Морозовых. От архива Мещерских, к сожалению, почти ничего не осталось. И, безусловно, надеемся сами это привезти и передать Фонду русского зарубежья.

Для тех, кто нас слушает вне России, очень ответственно хотел бы сказать, что фонд, с которым мы давно общаемся и который замечательной курирует Наталья Дми-

триевна Солженицына, и очень хорошо практически руководит Виктор Александрович Москвин, стал наиболее правильным и надежным местом не гибели, не выкидывания, не исчезновения того, что хранится в чемоданах пожилых русских людей.

Есть структуры, которые на это также претендуют и в Германии, и в Соединенных Штатах, но как бы ни повернулась ситуация в России, даже если допустить не желаемые ни кем из нас пессимистические периоды ее развития, можно с уверенностью сказать, что этого уже больше никто не тронет, и это будет там. И это должно быть у молодых русских исследователей.

М. С.: Никита Игоревич, хотел вас спросить еще в связи с историей вашей семьи, чтобы слушателям стало интересно и понятно. Ваша мама бежала из советской России в 1919 году по льду Финского залива, отец ушел с армией Врангеля. На Гражданской войне погибли два старших брата. И оба ваших родителя были членами партии «младороссов»...

Н. К.: Нет, только мать.

М. С.: Мать все-таки, отец — нет. Но участвовали в движении Сопротивления. Отец был узником Дахау, Бухенвальда.

И вот в 1948 году семья вернулась в Советский Союз уже, в Советскую Россию, и Игорь Александрович Кривошеин был арестован, попал в ГУЛАГ.

И, как мне кажется, для обычного слушателя, который не глубоко погружен в историю, эта тема — тема возвращения — показана, скорее всего, только в одном фильме «Восток — Запад», фильме российско-французском. Вы этот фильм о возвращенцах видели? Отражает он судьбу таких, как вы?

Н. К.: Безусловно, да. Его сценарий в значительной степени вдохновлен «Четырьмя третями...» К сожалению, у его авторов не достало корректности дать хотя бы минимальную ссылку в титрах на то, откуда взялась эта мысль,

но не в этом дело. Фильм, конечно, исторически, по духу и событийно правильный. Впрочем, там есть одна принципиальная, абсолютная неверность — репатриант становится членом партии. Это было абсолютно исключено, ни один репатриант никогда не мог стать членом ВКП(б) и КПСС. Он мог хорошо жить, он мог продаться власти, он мог сотрудничать с органами, мог жить в Москве, публиковаться, но партбилет был для него исключен. Вот это — принципиальная неверность этого фильма.

М. С.: Скажите, а как вы оцениваете число людей, которых на этой волне советского патриотизма после войны, например, удалось, я бы сказал, выманить в Советский Союз из той же Франции?

Н. К.: На это сложно ответить... Надо считать и тех, которые были физически заманены, и тех, которые кинулись брать советские паспорта, но уже после 1947 — начала 1948 года Советы перестали их пускать.

Многие из них доживали с советскими паспортами до 1956 года, французские власти не хотели, чтобы они от них отделялись.

Многие, как Яков Горбов, как князь Сергей Оболенский, эти советские паспорта — по мере разворачивания «холодной войны» и информации, поступающей о сталинском СССР, — скандально сдавали.

Общее число трудно привести. Где-то около 5 тысяч приехало, не считая армянской репатриации. Точной статистики принявших советское гражданство и тех, кто репатриировались, до сих пор не опубликовано.

Могу назвать замечательного французского писателя Сергея Самарина, который взял советский паспорт и также его потом отверг. Могу назвать сына писателя Леонида Андреева, Вадима Леонидовича с советским паспортом. Только перед кончиной сумел от него отказаться. Трудная статистика...

Из этих пяти тысяч обретших «четвертую треть», то есть возвращение на Запад, очень мало.

М. С.: Ну, вот в их числе и ваши родители. Вам все-таки в 70-е годы удалось вернуться в Париж.

Н. К.: В 1971 году я вернулся в Париж, а моим родителям был ОВИРОм города Москвы вручен заграничный паспорт 13 февраля 1974 года, в день ареста Александра Исаевича Солженицына.

А до этого отцу намекали, поскольку он часть своего наказания в «шарашке» так называемой отбывал, встречался с Александром Исаевичем, и власть сочла за благо второй раз его не сажать, а тут же от него избавиться, благодаря чему и появилась эта книга. Никогда моя мать, живя в Москве, не дерзнула бы эти «Четыре трети...» перенести на бумагу.

М. С.: Да, книга очень подробная, и, собственно, она о многом рассказывает, о чем нельзя было рассказывать в Советском Союзе...

У нас звонок из Петербурга. Георгий, пожалуйста, ваш вопрос?

Слушатель: Здравствуйте. Я всегда питал особое уважение к переводчикам. В советское время они, кстати, гроши получали, хотя трудились немало. Недостаточно знания языка, а нужен особый талант, чутье для адекватного художественного перевода. Я хотел бы спросить, что вы переводили? Спасибо.

Н. К.: Я переводил очень мало литературы. Переводил мемуары Якира на французский язык, «Театр» покойного Андрея Амальрика, мемуары Озерова «С Туполевым в одной шарашке». Но это было для меня побочной деятельностью. Я никогда не мог жаловаться на трудные профессиональные условия, поскольку еще в СССР стал переводчиком синхронным, и, когда оказался снова во Франции, то эта профессия была в большом спросе и мне в этом смысле очень повезло.

М. С.: Вы работали, насколько я помню, и в ООН синхронным переводчиком.

Н. К.: Я работал очень много в системе ООН, в спецуч-

реждениях ООН, а последние 10 лет — в той международной организации, которая, очевидно, больше всего сделала для укрепления правовых основ в посткоммунистических странах, а именно — в Совете Европы.

М. С.: Никита Игоревич, я хотел еще вернуться к теме такой идеологической. Иногда кажется, что в эмиграции уже было прожито все то, что проживается нынешней Россией, я имею в виду идейные споры, разные концепции, особенно политические.

Вот это движение «младороссов», в котором участвовала ваша мать, оно пыталось соединить приятие достижений советской власти с отрицанием коммунистической идеологии — такой, знаете ли, советский монархизм.

Есть такое мнение, что нынешняя власть пытается что-то сделать подобное: прославлять достижения СССР публично, как делает президент Владимир Путин, горевать по распаду империи, пытаться вернуть унитарную государственность — такой вождизм без монархии. Путин даже играет роль своего рода верховного правителя. В то же время не возвращается ни коммунистическая, ни царистская идеология. Как вам такой взгляд на настоящее, связанное с эмигрантским прошлым?

Н. К.: Жителю Парижа, даже старающемуся как можно более пристально следить за событиями в стране, сложно отвечать на эти вопросы. Говоря о Владимире Владимировиче Путине, скажу, как я был поражен, услышав в последнем его обращении или послании (не знаю, как называется) к Федеральному собранию емкую, длинную цитату из Владимира Ильина, архив которого вчера был передан Фонду русского зарубежья*.

* 3 сентября 2005 г., во вновь открытом здании библиотеки «Русское зарубежье» состоялась церемония передачи библиотеке архива Владимира Николаевича Ильина (1891–1974). Архив насчитывает 47 ящиков самых различных документов; в их число входят монографии, лекции, воспоминания, переписка и музыкальные

М. С.: Ивана Ильина* или Владимира Ильина?

Н. К.: Владимира Ильина. Цитата, которая вам должна быть по сердцу, — о том, что государство не должно вмешиваться в жизнь и должно быть сведено к минимуму. В устах президента мне это понравилось. И это было очень неожиданно.

Вот три дня, как я в Москве после четырехлетнего отсутствия, и взгляд этот, конечно, взгляд гуляющего по улицам человека, так сказать, «зеваки».

Простите, если это или слишком поспешно или слишком дерзко, но я, возвращаясь к вашей идее царя и Советов, сейчас себе с трудом представляю настоящее Национальное собрание, какое заседает в Бурбонском дворце в Париже. Те передачи, которые я вижу из дома, скорее развлекательные, чем человекоправные.

В «Письме к вождям» Александра Исаевича Солженицына никогда отрицательно (он сторонник местной демократии — демократии земской, демократии волостной, губернской) не говорилось, никогда не отвергал он — это тоже, может быть, очень brutальное слово — некой авторитарности. По моему убеждению, — и убеждению, сложившемуся еще в те годы, когда я отбывал наказание как «особо опасный преступник», в исправительно-трудовых лагерях Дубравлаг в Мордовии, — права человека, категория прав человека, категория основных свобод не обязательно связана исключительно с парламентским управлением.

Что касается «младороссов», что касается «евразийцев», то надо попытаться себе представить желание выкинутых из страны, сбежавших из страны, спасая кожу,

композиции известного мыслителя Русского зарубежья. Архив преподнесли в дар наследники философа, сын Николай Ильин и дочь Елена Ильина-Гурдон, прибывшие для этого в Москву. (Ред.)

* Иван Александрович Ильин (1882–1954) — русский философ, в 1922 г. выслан за границу, жил в Германии, с 1938 г. — в Швеции. В современной России известен несравненно больше, чем В.Н. Ильин. (Ред.)

молодых, образованных людей, молодых офицеров, воспитанных в дворянских семьях, смысл бытия которых (это относится к моему отцу) состоял в служении, а они оказались вне служения. Будучи молодыми европейцами, они все-таки не были составной частью Европы, и им захотелось себе найти применение, им захотелось служить. И тут появились и «евразийцы», и «младороссы», и те, что в свое время назывались «нацмальчиками» (Национально-трудовой союз), которым тоже следует отдать должное. Не фантазмы ли это?

М. С.: Тем не менее, это было все использовано разными политическими силами — и советскими, и антисоветскими.

Н. К.: Кроме НТС. «Евразийцы» признали власть советов и кончили очень печально: кто на Колыме, кто в сотрудинках Первого главного управления ГБ. То же можно сказать о руководителе «младороссов», который в последние годы своей жизни в Соединенных Штатах, безусловно, оказался связанным с советским спецслужбами.

Повторяю, это — желание служить и поразительные переодевания по Станиславскому, поразительная бутафория, поразительные мизансцены Сталина и его команды в 1942–43 годах, когда исчез Интернационал, когда вернулись погоны, когда открылись церкви, когда стала проводиться внешняя политика отвоевания заливов и воссоздания «Единой, неделимой...» То, что эти люди дали себя... поддались убедительному этому переодеванию, я думаю, понятно и, безусловно, простимо.

М. С.: Еще один звонок у нас — Валентин из Рязани.

Слушатель: Здравствуйте. Я хотел бы сказать о том, что, конечно, в Фонде Солженицына вещи, по-видимому, очень серьезные, но моему поколению, видимо, не придется до них добраться и почитать их.

М. С.: Приходите в библиотеку на Таганке.

Слушатель: С удовольствием. Но в то же время меня удивляет наивность вашего гостя: он думает, что все так

установилось здесь, и это навеки останется. Один «случайный» пожар — и от этих ценностей ничего не останется. А вопрос у меня, не знаю, по адресу или нет. Меня вот уже лет 15 не то что мучает, а интересуется вопрос о группе ростовской молодежи антисталинской, которая была, по моему, в 1948 году или в 1949-м посажена. Что-нибудь о ней известно? Была книжка — и на этом все.

М. С.: Вы имеете в виду, наверное, все-таки воронежскую группу, в которую входил Анатолий Жигулин. Собственно, люди отсидели...

Слушатель: И ничего после этого не слышно о них, как будто в воду канули.

М. С.: Умерли люди, к сожалению. А «Черные камни» — книга осталась. В тех лагерях, в которых вы были, кого-то встречали или нет, Никита Игоревич?

Н. К.: Нет. Последние люди, которых я застал, это были студенческие посадки, сталинские, начиная с 1949 года. А что касается пожара, то и утром, и вечером сейчас по телевидению можно посмотреть, что происходит в Новом Орлеане. Иного «пожара», как я уже сказал, даже при неблагоприятном, не желаемом никем из нас развитии событий в стране (они представляются мне маловероятными, но нельзя этого исключать), этого места никому уже не захочется уничтожить.

М. С.: Кстати, и в Париже бывают пожары, в последнее время много было. Но современные технологии, по крайней мере, которые есть, позволяют проводить копирование всех материалов, создавать резервные копии.

Н. К.: Да, материалы очень хорошо защищены.

М. С.: И дай бог, библиотека, кстати говоря, я надеюсь, будет активно сотрудничать еще и с ГАРФом (Государственным архивом Российской Федерации), где огромный фонд Пражского архива, и люди смогут там работать.

Н. К.: И, как я слышал позавчера, Государственный архив ведет переговоры о передаче архива Национально-трудового союза.

М. С.: В общем, это хорошее сообщение. Кстати, вас не удивило такое внимание нынешней власти к открытию этой библиотеки, архива? Был даже глава кремлевской администрации Дмитрий Медведев.

Н. К.: И даже намечался сам президент.

М. С.: Ну, президент вам послание прислал. Это что, знак чего? Знак интереса к эмиграции как к политической силе или просто знак уважения к истории?

Н. К.: На меня произвели за последние годы очень большое впечатление две услышанные мною речи от неожиданных людей.

В 1992 году — от президента Ельцина в посольстве России во Франции. Это было первое его обращение к эмиграции, и в первый раз — это была импровизированная речь — прозвучал момент раскаяния и покаяния по отношению к содеянному, к нашим расстрелянным, к нашим убитым, к нашим замученным родственникам, к нашему ограблению и ограблению всей страной (и материальному, и не только).

То же, как ни странно и приятно, прозвучало (я совсем этого не ждал) в выступлении господина Лужкова на открытии фонда — момент виноватости и желания... как сказал сам господин Лужков: «Время раскидывать камни и время собирать камни».

Я в этом вижу свершение надежд. Я не думаю и никак не могу себе представить какого-то политического расчета в том, чтобы собрать 15 человек из «недобитого сословия», говорить им красивые слова, — очень сомневаюсь, что это было результатом какого-то политического расчета.

М. С.: Никита Игоревич, мне приходилось слышать такое мнение: если бы Ельцин в 1991-92 году призвал к участию во власти представителей Зарубежной России разных взглядов и разных волн (как это, кстати, сделала Прибалтика, Грузия, Армения), то моральная атмосфера во власти была бы иной.

Н. К.: Можно только сожалеть о том, что произошедшее в названных вами странах, в особенности в Чехии, в Венгрии, не произошло в России. В России не произошло декоммунизации, ни правовой, ни психологической.

И вот третьего дня мы с женой посетили замечательную выставку коллекции Третьякова в Историческом музее. При Историческом музее большая сувенирная точка, там масса китча, масса туристических пошлых поделок. Но я там увидел довольно большого размера медальон в золотой окаемке, под стеклом, с ценой 800 рублей, и на нем был изображен — мне трудно удержаться от ненормативной лексики — Феликс Эдмундович Дзержинский, «рыцарь русской революции».

И я не удержался повысить голос и сказал: «Как вам не стыдно выставлять, показывать и продавать палача русского народа?» Это ужасно! В переходах метро я люблюсь на тарелках и на шарфах, на майках Иосифом Виссарионовичем Сталиным — и мне это отвратительно!

М. С.: У нас есть звонки. Пожалуйста, Евгений из Воронежа, ваш вопрос?

Слушатель: Добрый день. Я услышал, что кто-то спросил о группе студентов, арестованных в 1948 году в Воронеже. Так вот, мой свояк, муж моей сестры, был в этой группе. Их арестовали, он сидел на Колыме, бежал оттуда в каком-то году, поймали его на границе в Таджикистане, добавили еще 25 лет. Но в 1953 году их реабилитировали. Он закончил этот же университет, но в 80-е годы умер.

М. С.: Евгений, если остались какие-то документы, воспоминания, мемуары, наверное, можно тоже в солженицынскую библиотеку это передать. Я думаю, что это примут с благодарностью. Спасибо вам за звонок. Елена Моисеевна из Москвы, здравствуйте.

Слушатель: Здравствуйте. Я хотела задать господину Кривошеину такой вопрос. Если он знаком с выходящей у нас политологической литературой, каково его мнение о книге Игоря Чубайса «Разгаданная Россия»? И если нет,

вернее, в любом случае — его собственный взгляд, какое направление политическое желательно для дальнейшего развития России, так сказать, от сегодняшней точки?

Н. К.: Спасибо за ваш вопрос. Я с книгой Игоря Чубайса не знаком. Я внимательно читал его последние публикации в журнале «Посев», и многое из того, что он пишет, мне очень близко.

Если говорить о том, какой бы хотелось видеть Россию, — прежде всего не бедной! Увы, повторяю, после четырехлетнего отсутствия я могу, гуляя по улицам русской столицы, много видеть того, что меня огорчает, то есть бедность.

Прежде всего не бедной. Во-вторых, свободной. И, в-третьих, — и это главное — правовым государством.

Для меня не так важна формальная парламентская демократия.

Конечно, законодательная власть должна быть. Конечно, законодательная власть должна быть самостоятельной.

Но недавно я по русскому телевидению смотрел, как судят судьи, как судят городских судей Москвы за коррупцию и взяточничество.

М. С.: Да, они махинациями с квартирами занимались.

Н. К.: Если судьи идут на коррупцию, ни о чем не может быть речи — ни о ликвидации бедности, ни о гарантии прав, ни о настоящих свободах.

Все должно быть на признании права. Сознание права было вытравлено Советами из русского народа. Из русского народа было вытравлено само правовое понятие собственности. Советские люди жили по принципу: «Ты здесь хозяин, а не гость, — тащи с работы каждый гвоздь». После этого — что возмущаться тому, как прошла приватизация. Нечего возмущаться. Это была ничья собственность, и в русских умах осталась ничья собственность. Человек не уверен в собственности — даже того помещения, в котором живет. Только когда укрепится право, когда появится понимание закона, соблюдение за-

кона, тогда Россия будет и небедной и свободной. А еще я бы очень хотел, чтобы Россия излечилась от унаследованного от товарища Сталина, от товарища Андропова имперского сознания, и это тоже будет помогать ликвидации бедности и укреплению свободы.

М. С.: То есть вы хотите, чтобы Россия сосредоточилась на внутренних каких-то проблемах, а то, что на ее границах, вот эти фантомные боли, оставила, так?

Н. К.: Трудно ответить какой-то одной формулой. То, что происходит на Кавказе, есть не у границ России, а внутри России. Франция мучилась годами с Алжиром, который также считался ее национальной территорией... В конце концов, там исламизм разбушевался (не без помощи Советов, между прочим), и Франция смогла своих солдат и гражданское население посадить на пароходы и переплыть Средиземное море — домой.

М. С.: Французы об этом жалеют теперь?

Н. К.: Конечно, нет. Наоборот, они жалеют, что этого раньше не было сделано.

М. С.: У нас звонок из Петербурга. Сергей, пожалуйста, ваш вопрос?

Слушатель: Добрый день. Я хотел спросить уважаемого гостя, как он смотрит на современный исход из России? Ведь — извините за такое сравнение — бегут, как мыши из горящего сарая. Смотрите, в Новом Орлеане уже 90 наших людей, и это молодежь в основном.

М. С.: Они там на практике были.

Слушатель: Я понимаю, но все же это практика с надеждой там остаться. А, во-вторых, в Скандинавию едет каждый второй, так сказать, в разведку, как бы там остаться. Вот вся массовая волна в Прибалтике — тоже практически эмигранты.

М. С.: В общем, четвертая волна эмиграции, Никита Игоревич. Видите их в парижской церкви на рю Дарю?

Н. К.: Я как раз это место хотел назвать. Это видно по парижским дворам, я уже не говорю об Испании, Порту-

галии. И нашему собеседнику надо сказать, что не только из России едут, едут из Украины, из Молдовы...

Я возвращаюсь к тому, что я сказал: хотелось бы видеть Россию небедной. Когда молодой специалист надеется на то, что его жалование, его оклад будет в Европе в 5, 6, 7 раз больше, молодому человеку, начинающему жизнь, очень трудно приписывать статью 58.1 А УК РСФСР «Об измене родине», и не надо этого делать.

Многие эти молодые специалисты набираются в Соединенных Штатах и в Европе профессионального опыта и, прожив там лет 5-10, кто как, постепенно возвращаются в Россию. Это не политическая эмиграция, а это такая же миграция, как была в начале XX века в Соединенные Штаты.

М. С.: Я ваш тезис приведу из одной вашей статьи: «Русский народ, в отличие от армян, евреев и китайцев, долго не сохраняется в диаспоре». Значит ли это, что Россия не имеет своего влиятельного лобби ни в Европе, ни в Америке? Вот эти люди, которые уедут, они все ассимилируются и о России забудут?

Н. К.: Хороший вопрос. И действительно, русский народ не диаспорный. Диаспорные народы очень яркие — армяне, евреи, китайцы, они могут столетиями, тысячелетиями быть в конфессионально-этнической чужеродной среде и самосохраняться. Русские люди очень быстро идут на заключение межконфессиональных, межхристианских браков, говорят, что они способны к языкам, очень быстро интегрируются. Но есть и очень утешительные моменты: среди приглашенных на открытие фонда было несколько человек — представителей третьего поколения первой эмиграции, людей православных, людей с Россией связанных. Но говорить о том, что это может быть каким-то российским, тем более современным, лобби или опорой, трудно, несмотря на желание и всех этих людей, и, конечно, мое слабыми силами чем-то помочь упорядочению России, обустройству России. Вот

пока речь идет об эмиграции... И, простите меня, чтобы я не забыл, это лучший русский, постсоветский документальный фильм об эмиграции — по книге Костикова «Не будем проклинать изгнание», фильм Михаила Димурова и Виктории Эпштейн. И если наши слушатели хотят лучше почувствовать русское зарубежье, призываю посмотреть его 26 сентября по телевизионной программе «Культура».

М. С.: Кстати, вот что вам пишут. «Предлагаю поехать на юг России, и тогда вы убедитесь, что ничего не изменилось», — пишет вам Сергей из Воронежа. Видимо, имеется в виду, то советскость в значительной степени осталась. Но мы с этим ведь и не спорим, собственно.

Н. К.: Мы с этим не спорим. Я скажу единственное: сколько я знаю (я могу всего не знать), нет узников совести.

М. С.: Ну, Ходорковский, знаете, для многих — это узник совести.

Н. К.: Для многих.

М. С.: Но не для всех.

Н. К.: Не для всех. И «Международная амнистия», которая все-таки какие-то критерии применяет, его к этой категории не причислила. Но узников совести, таких, какими были мы, сейчас нет, все люди свободны. В Интернете пишут что угодно. Люди приезжают в Париж или полюбоваться Римом — как угодно. А что Дзержинский и Сталин присутствуют, что Сталина водружают, ну, что же, по-моему, психиатрия очень правильно определила суть одного из самых худших типов психических заболеваний — это раздвоение личности. В этом раздвоении, увы, русский народ из-за отсутствия декоммунизации продолжает быть.

М. С.: То есть он живет этим прошлым, в то же время его отвергая. Ну, это вполне возможно. Кстати говоря, я обратил внимание еще на одну рецензию, которую вы писали, — на альбом «ГУЛАГ» польского фотографа Томаса Кижнава.

Н. К.: Да, замечательно! Прекрасный альбом!

М. С.: Я не знаю, обращаете вы внимание или нет, если вы там смотрите российское телевидение: как-то эта тема сходит все-таки со страниц прессы, а тем более с экранов. У вас нет ощущения, что появляется такой новый ревизионизм? Вот в Германии иные историки отрицают масштаб Холокоста, преступления нацистов, а тут — то же самое.

Н. К.: Я скажу: та же шизофрения. Когда я смотрю по русскому телевидению передачи во славу убийцы и палача генерала армии Судоплатова, мне делается тошно и больно. И противовесом в этом раздвоенном сознании появляются прекрасные исторические передачи Сванидзе, правдиво освещающие и объясняющие богоборческую суть большевизма.

М. С.: Хотя я в защиту публикации мемуаров Судоплатова скажу, что все-таки это исторический источник. Там, конечно, наврано много, но и факты есть интересные.

Н. К.: Простите, Михаил, я вовсе не против мемуаров. Я имел в виду документальный фильм, который был панегириком.

М. С.: Ну, да, есть у нас такая тенденция. Даже на НТВ есть такая программа «Тайны разведки», где прославляют разные подвиги чекистов, которые, якобы, были сделаны во славу отечества, а на самом деле это преступление было, — воровать идейных противников из Парижа, как это делалось с генералом Миллером...

Н. К.: Воровать и убивать.

М. С.: И убивать, конечно, это была их главная профессия. Я вот что еще хотел спросить, кстати. Ваш отец был участником Сопrotивления, были люди в эмиграции, естественно, которые поддерживали во время войны Власова, был НТС, который призывал не идти ни со Сталиным, ни с Гитлером. И вот буквально факт такой. В сегодняшней политической дискуссии, я вижу в Интернете, есть на территории одного из храмов в Москве па-

мятник. Там написаны имена «белых» участников Гражданской войны, или тех, кто был похищен ГПУ из того же Парижа, как раз Миллера и Кутепова, и тех, кто оказался на стороне нацистов и был выдан Сталину. Этот памятник подается как некий знак примирения. С другой стороны звучат голоса, и люди требуют этот монумент небольшой снести. Как вы к этой дискуссии относитесь?

Н. К.: До того, как к вам приехать, я в замечательном ресторане Фонда русского зарубежья обедал за одним столиком с графом Николаем Толстым, автором книги «Жертвы Ялты». Вы знаете, о чем идет речь. Это те казаки, те власовцы, те военнопленные, те оstarбайтеры, те перемещенные лица...

М. С.: Да и эмигранты, кого прихватили, тоже.

Н. К.: ...совершенно верно, в том числе и отец писателя Варшавского, которые были насильственно отправлены в СССР англо-американцами. Мой отец был в Сопротивлении. Для многих русских Вторая мировая война была отчасти продолжением Первой мировой и желанием как-то избавиться от позора Брестского договора, была продолжением Гражданской войны и желанием расквитаться с рабоче-крестьянской красной армией. Для многих, не понимающих сути национал-социализма (ведь многие пошли сотрудничать не столько с Власовым, а прямо с немцами, но потом раскаялись), это было попыткой освобождения страны. Вторая война как внутриутробная борьба двух отвратительных сиамских близнецов, неразрезанных, не могла не привести к человеческим трагедиям и человеческим преступлениям. Мой отец был очень большой англоман, и он встал на позицию «моя страна, права или не права», но раз идет это наступление, это для него было продолжением первой войны.

М. С.: Знаете, в нынешней России есть тысячи памятников красным — улицы и так далее — и почти нет белым. Колчаку, правда, памятник в Иркутске поставили. Нет и

мемориала примирения. Вот сегодняшнее сообщение агентства «Интерфакс», что останки генерала Антона Деникина и философа Ивана Ильина перезахоронят в Москве 3 октября — в некрополе Донского мужского монастыря. Как вам кажется, нужен все-таки такой памятник — мемориал примирения? В принципе, в Испании в результате гражданской войны был построен (кстати, силами лагерников-республиканцев) такой памятник, который был на самом деле памятником победы Франко, а потом превратился вот в этот мемориал. Это Долина павших, Долина скорби.

Н. К.: Где все поименованы алфавитно, без указания той стороны, на которой они погибли. Об этом надо мечтать. Надо надеяться, что это сбудется. Что касается переноса останков генерала Деникина и Ильина, дайте мертвым хоронить своих мертвых. Не надо транспортировать кости, по-моему.

М. С.: Ну, это желание было вроде как в завещании, и родственники решили...

Н. К.: Я понимаю. Вы упомянули адмирала Колчака. Мне было смешно узнать о том, что какой-то из областных судов (если я не ошибаюсь, екатеринбургский) отказал в реабилитации адмирала Колчака...

М. С.: Это Главная военная прокуратура.

Н. К.: Гоголь бы за такое событие дал рубль.

М. С.: Да, это достаточно странно, потому что, вообще-то, он был расстрелян по решению внесудебного органа, и даже по закону о реабилитации, который был в ельцинские времена принят, он должен быть реабилитирован автоматически, как репрессированный внесудебным органом. Хотя судебные органы времен советской власти, в общем, таковыми довольно трудно назвать. Я хотел бы еще обратить внимание нашего гостя, господина Кривошеина, вот на что. Год назад вы подписывали открытое письмо бывших политзаключенных уполномоченному по правам человека как раз о положении в местах заклю-

чения в нынешней России, о том, что там происходят издевательства, о том, что во многих случаях эта система превратилась в пыточный застенок. Вот год прошел, у вас есть ощущение, что есть какая-то реакция власти, уполномоченного?

Н. К.: Из бывших со мной сидельцев есть близкие мне друзья, как, например, Борис Павлович Пустынцев в Санкт-Петербурге, которые тщательно отслеживают положение в местах исполнения наказаний. Мы говорили с вами о величии России. По мне, я уверен, что со мной мало кто согласится, однако это так, великое государство — это государство не с межконтинентальными ракетами, это не государство, запускающее спутники, а государство, у которого найдется две таблетки аспирина заключенному, когда у того болит голова.

М. С.: У нас звонок из Москвы. Елена, пожалуйста, ваш вопрос?

Слушатель: Добрый день. Я уже задавала вам вопрос насчет будущего России, и я, конечно, всецело с вами согласна, и, думаю, все мы хотим или большинство, по крайней мере, хотело бы видеть Россию и небедной, и свободной. И в особенности мне близко ваше высказывание о критериях величия России. Но вот вопрос в том, насколько вам видится эта возможность в ближайшее время, скажем, при продолжении правления или при выдвинутом преемнике нынешнего президента, который, судя по всему, гордится своим происхождением из ЧК или из учреждения, продолжившего ЧК.

Н. К.: Вопрос ваш понятен. Ваши опасения разделяются и мною, разделяются многими. Вот книга моей матери называется «Четыре трети нашей жизни», и в этом уже есть такой момент неевклидовой антиалгебры, антиарифметики, можно сказать, сверхъестественный. И то, что рукопись моей матери, скончавшейся в 1981 году, в абсолютно брежневскую ночь застойную, вернулась в Россию, была опубликована в России, — есть доказательство (а

таких доказательств еще много), что надежда есть христианская добродетель. Иного я вам сказать не могу.

М. С.: Еще из Петербурга звонок. Владимир Сергеевич, пожалуйста.

Слушатель: Здравствуйте. На углу Кантемировской, Белоостровской и Карла Маркса есть такое здание, типа полукруга, и там было что-то вроде НИИ. И вот комсомольское собрание в этом здании где-то в 1963 году единодушно, единогласно проголосовало против резолюции об одобрении создания аппарата партийно-государственного контроля — по тем мотивам, что, ребята, если вы хотите управлять, то делайте это законно. Так вот, наблюдая этот самый беспредел сейчас, вот это вот мародерство, я думаю, что люди, вступая в человеческие отношения, должны выполнять правила этих человеческих отношений. И если они не боятся Бога, выполняя десять заповедей, то тогда приходит НКВД. И когда я смотрю на то, что сейчас происходит в Луизиане и Нью-Орлеане, когда полиция вынуждена стрелять, у меня возникают сомнения, можно ли навести порядок в России.

Н. К.: Сейчас 5 часов дня, скоро вечер, и не поминайте НКВД к вечеру, пожалуйста. И забудьте о нем. Давайте лучше думать, надеяться на правосознание и укрепление закона.

М. С.: Никита Игоревич, ваш дядя, Василий, был архиепископом Брюссельским, и он служил в Московской Патриархии. Как вы относитесь к тому процессу, который сейчас медленно, но идет, — вот это объединение Московской Патриархии с Зарубежной Церковью, или, как иные считают, поглощению второй первой?

Н. К.: Владыка Василий, царство ему небесное, был в лоне Русской Православной Церкви. А человек он был твердых белогвардейских убеждений и ярый антикоммунист, человек очень политический, кстати, богослов и политик. Он оставался в Русской Церкви — опять возвращаюсь к этому — в надежде и уверенности, что когда

богоборческий режим обрушится (он не знал, когда), Церкви нужны будут люди, не связанные сотрудничеством. Этот момент свершился, и можно, как Симеон, воскликнуть: «Ныне отпускающе, нам Господь подарил увидеть малокровное исчезновение богоборческого режима». Ну что ж, Зарубежная Церковь сейчас находится в переговорах со Священным Синодом, переговоры эти, насколько я знаю, идут не без труда, но продвигаются. С русской стороны их ведет замечательный иерарх владыка Иннокентий. И это абсолютно естественная вещь. Это не поглощение, это обговоренное, обдуманное возвращение русской Зарубежной Церкви в лоно Матери-Церкви при гарантиях соблюдения ее административной самостоятельности. Я бы мог только мечтать о том, чтобы Архиепископия русских церквей в Западной Европе под омофором Константинопольского Вселенского Патриарха последовала бы примеру Зарубежной Церкви и вслушалась бы, и услышала бы обращение к ней Святейшего Патриарха Алексия от 1 апреля 2003 года и не ушла бы в самоубийственно пагубное обновленчество.

М. С.: То есть борьба с этим обновленчеством — это задача вашего движения «За поместное православие»?

Н. К.: Нет, задача движения «За поместное православие» есть не борьба с обновленчеством, а борьба против дерусификации православия. Как ни говори, православие есть религия, конфессия, очень связанная этнически — и Сербская Церковь, и Болгарская Церковь. У католиков этого нет, у католиков есть одна Церковь. То, что сейчас происходит в Архиепископии, есть уход в импровизацию и в никуда.

М. С.: У нас есть еще с пейджера сообщение. «В вашем лице благодарим всех эмигрантов, кто не забывает родину. Из-под большевиков народ вышел ослабленным и с измененным сознанием. А главное — прервалась связь времен с вековой Россией. Уже нет крестьян, казаков, деревни — основы страны. Хотелось бы видеть

помощь эмигрантов в восстановлении этой связи», — пишет вам господин Архипов. Вот видите...

Н. К.: Спасибо, господин Архипов. Я знаю, что нет крестьян, я знаю, что еще не произошло рас-раскрестьянивание, что не появился класс фермеров, к которому мы стремимся, например, премьер-министр Столыпин и его министр сельского хозяйства Александр Васильевич Кривошеин. Я знаю, что казаки, пусть они на меня не обижаются, часто бывают ряжеными. Чем может эмиграция помочь? Хотя бы попытаться не дать бесследно раствориться в Лете, в забвении русской памяти. Этому мы себя и посвящаем благодаря сотрудничеству с Фондом русского зарубежья.

М. С.: Спасибо.

Сентябрь 2005

Никита Кривошеин
с отцом И.А. Кривошеиным.
Франция, 1938

«МЫ» и русский патриотизм

Беседа со студентами МГИМО

Мне очень приятно встретить в Москве, простите за банальность, племя молодое незнакомое. Вот уже около пятидесяти лет, как я живу синхронным переводом, а это профессия речи — по возможности точно передать в реальном времени чужое слово, и не только его звучание, но и смысл. Так что заранее прошу вашей снисходительности: у меня очень небольшой опыт слова собственного.

Когда-то, в советские годы, я переводил одно совещание, и какой-то номенклатурщик, казённым, деревянным языком вещал что-то важное про пятилетку, потом оторвал глаза от бумаги, посмотрел в зал и сказал: «А сейчас я скажу от себя». «От себя» он провещал нечто вполне незначительное и опять вернулся к бумажке. Ну так вот, в отличие от того номенклатурщика, я начну свою беседу именно с чтения текста. Он отмечен мной перед нашей поездкой в Москву для участия в открытии Центра Русского Зарубежья на Таганке. Это отрывок из «Архипелага ГУЛАГа» Солженицына:

«А еще в ту весну (1946 год, сразу после ареста Александра Исаевича) много сидело в камерах русских эмигрантов. Это выглядело почти как во сне: возвращение канувшей истории. Давно были дописаны и запахнуты тома Гражданской войны, решены её дела, внесены в хронологию учебников ее события. Деятели Белого движения уже были не современники наши на земле, а призраки растаявшего прошлого. Русская эмиграция, рассеянная жесточе колен Израилевых, в нашем советском представлении если и тянула еще где свой век, — то таперами в поганеньких ресторанах, лакеями, прачками, нищими, морфинистами, кокаинистами, домиращими полутрупами.

До войны 1941 года ни по каким признакам из наших газет, из высокой беллетристики, из художественной критики нельзя было представить (и наши сытые мастера не помогли нам узнать), что Русское Зарубежье — это большой духовный мир, там развивается русская философия, там Булгаков, Бердяев, Лосский. Что русское искусство полонит мир, там Рахманинов, Шаляпин, Бенуа, Дягилев, Павлова, казачий хор Жарова, там ведутся глубокие исследования Достоевского (в ту пору у нас совсем проклятого), что существует небывалый писатель Набоков-Сирин, что ещё жив Бунин и что-то же пишет эти двадцать лет, издаются художественные журналы, ставятся спектакли, собираются съезды землячества, где звучит русская речь, и что эмигранты-мужчины не утратили способности брать в жены эмигранток, а те — рожать им детей, значит наших ровесников.

<...> эта встреча открыла мне (а потом другие встречи подтвердили) представление, что отток значительной части духовных сил, происшедший в Гражданскую войну, увёл от нас большую и важную ветвь русской культуры. И каждый, кто истинно любит её, будет стремиться к воссоединению обеих ветвей — метрополии и зарубежья. Лишь тогда она достигнет полноты, лишь тогда обнаружит русская культура способность к неущербному развитию.

Я мечтаю дожить до этого дня».

Александр Исаевич, хоть и в библейском возрасте, был услышан Господом и дожил до этого дня. Открытие Фонда есть свершение его мечты.

Долго говорить о классификации эмиграции не буду, её пласты сейчас отсчитываются общепринято.

Первая волна, по словам Солженицына, «уходила от пули», вторая волна (он очень точно это определяет) — «от петли». Ведь, как вы знаете, генералы Власов, Краснов были в 1946 году в Москве именно повешены. А третья эмиграция, это эмиграция, начавшаяся в конце шести-

десятих годов, эмиграция, в основном, интеллигентская, которая, как говорит Солженицын, «оказалась на Западе для того, чтобы из комфортного далека оставшимся в стране соотечественникам рассказывать, как лучше бороться за свободу». Ну а что такое «четвертая эмиграция»? Четвертой волны, как четвертому Риму, не бывает. Сейчас Париж полон этой «четвёртой эмиграцией», и все западные столицы наводнены русскими, украинцами, белорусами... Но это уже не эмиграция, а челночная миграция, она чисто экономическая, эфемерная, и вы себе это представляете, может быть, даже лучше, чем я.

То, что возвращение русской мысли, которая была в изгнании, происходит сегодня, конечно же, есть Божия милость и Божие чудо. Никакой исторический детерминизм, никакой «исторический материализм» не могли календарно спрогнозировать конец Советов. Метафизически мы знали, что советский режим эфемерен и по самой своей сути не может быть долговечным, но представить себе не могли, что многие из нас доживут до 23 августа 1991 года, дня поражения и провала ГКЧП, и, если так можно сказать, малокровного конца Империи Зла. А для русской эмиграции это был подарок тем более негаданный.

Я родился в Париже семьдесят лет тому, в 1947 году семья наша вернулась в СССР, а затем случилась «четвёртая треть» нашей жизни, и вот уже более тридцати лет, как я спокойно живу во Франции.

Чистым наблюдением я пришёл к выводу, что русский народ не задуман для диаспоры. Есть народы, не скажу безусловно рожденные, но странно пригодные не то что для векового, а даже многотысячелетнего рассеяния. Могу назвать три таких народа: армяне, которые еще со Средних веков расселились по всему средиземноморью и далее по Африке, по Латинской Америке. Армяне из поколения в поколение живут вне родины и продолжают быть собой.

Евреи, рассеявшиеся еще до разрушения их Храма, — для них смешанный брак является чем-то приравненным к религиозному самоубийству, поэтому таких браков крайне мало. Так что эта диаспора тысячелетиями во всех краях земли продолжает оставаться верной себе.

И китайцы! Я это говорю, основываясь на личных наблюдениях, поскольку мы живем в Париже на самой кромке Китай-города. Мне пришлось много ездить по миру, и я видел в каждом большом европейском, американском или австралийском городе — Китай-город. Эти Китай-города четыре, пять, шесть и более поколений живут изолированно, не смешиваясь.

Если русские выдерживают четыре поколения такого несмешения, то это очень много. Лучше обстоят дела у таких меньшинств, как молокане в Канаде, впрочем, и у других сектантов в Соединенных Штатах, высланных из России после 1905 года. Пятое поколение — тот максимум, что русский народ в отрыве от своей страны может выстоять и не потеряться в смешении. Позвольте опять сослаться на Александра Исаевича: «Русский человек, оказавшийся вне страны, мечтает либо вернуться, сделать так, чтобы его дети вернулись, либо, если перед ним стенка, он учит язык, он осваивает специальность». Мой троюродный брат живет в Эльзасе, он по-русски не может спросить, который час и сколько что стоит. Моя бабушка была пятнадцатым ребенком в семье, и таких троюродных, таких четвероюродных у меня очень много. Большинство из них ассимилировано, их внуки и правнуки в лучшем случае крещены в православие, но по-русски уже не говорят. Из оказавшихся в эмиграции, старшее поколение и их дети, ещё по-русски очень хорошо говорили и писали, а уже их внуки если и говорят, то это знание языка чисто фонетическое, Достоевского и Толстого в оригинале они прочитать не могут.

И тут я бы хотел сделать вам комплимент. В своём журнале «Мы» вы стараетесь проникнуть в темы, которые

должны волновать всех, а не только ваших сверстников. Особенно это заметно по материалам журнала в связи с праздниками шестидесятилетия Победы России.

Как отличить инстинктивное и непродуманное чувство патриотизма, сознательно определить себя в своём отношении к своей стране? Именно этой теме посвящены последние два выпуска вашего журнала «Мы», а мы его в Париже с удовольствием получаем, распечатываем и, по мере сил, распространяем. Ваш журнал нам очень нравится.

Так что такое патриотизм? На это также сложно ответить, как и на все те главные, мироощущенческие, мировоззренческие вопросы, которые возникают перед каждым из нас в молодости, да и по всей жизни. Русского человека вопрос понимания патриотизма волновал всегда, этому не счесть примеров в литературе.

Что ж это такое — Мы? Патриотизм? Мы — это наше отношение к родине, к стране, вот этим определяется и складывается Мы.

Ведь «Мы» можно толковать двояко: «Мы» может быть замятинское, Мы — может быть «Мы» утопистов, «Мы» — Оруэлла. В его антиутопии «1984» очень ясно об этом говорится, «Мы» — «Прекрасного нового мира» Олдоса Хаксли. И, конечно же, абсолютно обезличивающее «Мы» марксистов-ленинцев! Эти книги должны стать для вас настольными и очень освоенными. И, конечно же, прекрасное эссе Альбера Камю «Письма немецкому другу», может, самый глубокий текст о сути патриотизма при тоталитарном строе.

Речь идет либо о том самом «Мы», в котором каждое «Я» жертвенно исчезает и растворяется, «Мы» строителей коммунизма, «Мы» коллектива, от которого нельзя отойти, а если отходишь, то это очень нехорошо и даже наказуемо.

Либо это «Мы» соборное (в христианском смысле), «Мы» — персоналистской философии Бердяева, или солидаристского видения общества.

Тогда это Мы, которое складывается добровольно из сущностно различных «Я». В каждом из нас есть «Мы» пасхи и кулича, в каждом из нас есть «Мы» (надеюсь, не у вас, но у людей на улице есть) ненормативной лексики, в каждом из нас есть «Мы» — выпитых бутылок (во мне, во всяком случае). Плохое «Мы» — это «Мы» Стаханова, это «Мы» тех, кто жили по критериям «классовой борьбы», это «Мы», обращенное в утопическое будущее, ради которого каждая составная этого «Мы» подавляет своё Богданное «Я».

А то «Мы», которое стоит на первой полосе, на первой странице, вашего интересного журнала, — это «Мы» каждого из вас, со своими вкусами: кто любит фламандцев, кто Баха, кто музыку XIX века и так далее.

Это не исключает ни пасхи, ни кулича, ни всего остального, о чем я сказал. Нам надо себя определить в нашем соотношении с тем местом, в котором мы живем, с языком, на котором мы говорим.

Чтобы не оставаться абстрактно-поучительным, попробую свою мысль конкретизировать. Уж так вышло в кривошеинской семье, что каждому из Кривошеиных пришлось определяться в этом «Мы», в выборе этого «Мы», пытаясь сохранить своё «Я».

В августе 1914 года началась война, мой дед Александр Васильевич Кривошеин еще был в должности министра (он подал в отставку в 1915 году), в эти дни он отсутствовал в столице. Двоё старших из пятерых сыновей Кривошеиных (уже студенты Санкт-Петербургского университета) получили от отца телеграмму: «На вашем месте я бы знал, что делать». Текст очень значительный. И сыновья сразу пошли в Пажеский корпус, записались на созданные тогда ускоренные курсы и были выпущены молодыми гвардейскими офицерами. Мой отец кончил войну, перешедшую в гражданскую, в чине штабс-капитана. Это было счастливое время! Всё, казалось бы, было на своих местах, всё воспринималось как бы само собой.

Спустя несколько жутких десятилетий отец мне неоднократно говорил: «Самое трудное — не в том, чтобы исполнить свой долг, а в том, чтобы знать, в чем он состоит». Вам это может показаться странным, поскольку Россия только начинает возвращаться в то состояние, когда вам будет нетрудно знать, в чем он состоит ваш долг.

Вернёмся к эмиграции. Три русских поколения, по крайней мере три, мучительно, труднейше, экзистенциально пытались определить, в чем же их долг. И, как вы увидите, ответы были самые разные, и подходить этически к этим мучительно изысканным ответам невозможно. В оценке качества, пригодности, правильности этих ответов остаётся только препоручиться Всевышнему — иного «Рассудителя» я тут не вижу.

Так вот, в это «легкое время» принятия решений двое братьев Кривошеиных пошли в Пажеский корпус, стали офицерами, оба успели побывать на фронтах Первой мировой войны, и настал февраль... У меня остались письма моего отца к деду, написанные в марте 1917 года, он там отчаивается начавшемуся на его глазах разложению и безразличию в армии, уже чувствует необратимость этого разложения. И вот настали очень долгие годы, когда пришлось лишиться компаса, лишиться критериев добра, зла, праведности и неправедности.

Очень быстро Россия проиграла кровавую Мировую, началась Гражданская, мой дед Александр Васильевич почувствовал, что его долг, когда он оказался в Москве в 1918 году, — начать плести нити и сети известного, вошедшего в историю антибольшевистского заговора, который назывался «Тактическим центром». Он скрывался в семейном Морозовском особняке, к нему ворвались туда чекисты с матросами. Они пришли за ним! Дед спросил их:

- Кого вы ищете?
- Кривошеина.

— Я его секретарь, — подошел к зеркалу и стал поправлять галстук.

— А где он?

— Только что вышел, — ответил дед.

— Беги, догоняй.

И дважды Александру Васильевичу этого повторять не пришлось — он побежал. Так он спас себе жизнь.

Потом у Самариных он скрывался в Переделкино, его переодели в крестьянское платье, и он на телегах доехал до Киева. Там были немцы, и когда он в этом крестьянском платье вошел в немецкий штаб, офицер вскочил, отдал честь и приветствовал: «Herr Krivoschein». Потом он перешел к Врангелю и посвятил себя попытке победить смертоносные силы красных. Когда стало очевидным, что эта перспектива отдалается, у него родилась идея, наверное, знакомая вам как попытка создать некий «Остров Крым», то есть попытка создания двух России: Крыма, обороненного Перекопом, и остальной России. И Крым был бы таким, каким стал Тайвань для коммунистического Китая.

Двое сыновей деда, Игорь (мой отец) и его младший брат Всеволод (будущий знаменитый богослов-патролог и архиепископ Брюссельский Василий), скрывались на стройках Ярославской железной дороги. Мой отец был десятником и тоже перебрался на юг к Врангелю. Владыка Василий написал замечательные мемуары о том, как он переходил фронт, был арестован красными, бежал, потом сражался у дроздовцев. Оба они осознали, в чём состоял их долг, и каждый знал, что его «Я» есть составная того, что осталось от нашего «Мы».

Но настал булгаковский «Бег». Выбор в Гражданской, братоубийственной войне был ужасен! Где же тут патриотизм, когда русский убивает русского, и хочет его убить, и радуется, когда убивает?! Где патриотизм, где «Мы»?!

В журнале «Звезда» опубликованы мемуары Михаила Горбова, называются «Война». Пожалуй, это самый страш-

ный текст, который я когда-нибудь читал о Гражданской войне. Прочитайте.

Один из пяти братьев — Василий Кривошеин — скончался от тифа на Гражданской. О судьбе Олега Кривошеина рассказал один из их двоюродных братьев. Он оставался в стране, стал энтомологом и, по случайности не арестованный, отдыхал в каком-то санатории в Сочи в 1938 году. И за соседним столом (а этот энтомолог с Олегом Кривошеиным был очень близок по гимназии, и в молодости очень дружил) выпивали отдыхающие чекисты, и он услышал разговор: «А помнишь, не все "белые" были подлецами, трусами — вот Олега Кривошеина мы поймали, всю ночь пытали, он ничего не сказал и в своей камере повесился...» Вот один кривошеинский конец.

Выживший на войне Всеволод ушёл с белыми, потом оказался в Константинополе, Париже и очень быстро решил уехать на Афон. Принял монашество на Святой Горе, стал патрологом. В 1947 году покинул Афон, оказался сперва в Оксфорде, потом в Бельгии. И перед ним тоже был выбор — выбор или пребывать в Церкви эмигрантской, зарубежной, или в Церкви Константинопольской, или же оставаться с Матерью-Церковью, с Русской Православной Церковью.

Уверяю вас, что до сих пор эмиграция продолжает мучиться этим выбором. В 30-40-е годы, когда перед владыкой Василием это распутье возникло, определиться было еще более трудно, чем когда-либо. И оставаться верным Русской Православной Церкви, «Сергианской» Церкви, Церкви поработанной — был труднейший выбор. И когда я спрашивал владыку Василия, почему же он почти своей репутацией пожертвовал, сделав в те годы определённый выбор, и отдал своё предпочтение РПЦ, а ведь он оставался в душе этим вольноопределяющимся белым офицером, ненавистником Политбюро, ненавистником ЦК, Че Ка, у него оказался очень четкий ответ: «Русская Церковь освободится, она не может не освобо-

даться. Мы не знаем, когда, в какой момент, внутри Церкви понадобятся незапятнанные люди, понадобится кто-то верный, и в то же время находящийся извне».

В восприятии нашего «Я», оно же часть «Мы», должна участвовать надежда.

Владыка Василий преставился в 1985 году, события горбачёвской перестройки его ещё не коснулись, о скоро предстоящем он не мог «знать». Но для себя, а может быть, и провидчески для нас, он давно сделал выбор монаха и патриота, выбор из самых нелёгких в период холодной войны. Пребывание в лоне Русской Православной Церкви не помешало владыке Василию оставаться при своих взглядах, он очень резко отвечал, скажем, владыке Питириму, когда тот по Би-би-си говорил: «Зачем Церкви в СССР катехизировать детей? Этим прекрасно занимаются в семьях. Зачем Русской Православной Церкви заниматься благотворительностью? Это все на себя взяло государство и лучше быть не может». Владыка Василий Кривошеин открыто с этим полемизировал, он открыто полемизировал с ректором тогдашней академии протоиереем Колчицким, рукоплескавшим высылке Солженицына. И в этом выборе ход мыслей владыки Василия может нам помочь. Что выше — «Мы» христианских ценностей или «Я» христианских ценностей? «Мы» христианских ценностей — это более трудная категория. Наше «Мы» не должно оставаться почвенным, племенным. Если степень «экзистенциальности» выбора доходит до экстремальности — и, кажется, нынешняя социальная доктрина Русской Православной Церкви это подтверждает, — христианские критерии должны быть приоритетными по отношению к биологическому, племенному.

Мой отец после Первой мировой войны, как я уже сказал, перебрался на юг, служил у Деникина, потом у Врангеля. Закончил штабс-капитаном, эвакуировался. Когда он поступал на физико-математический факультет Сорбонны, какой-то очень учтивый, вежливый чиновник в

его студенческий билет внес в графу «социальное положение» пометку (сам придумал, не спросив): «*Офицер русской армии в бессрочном отпуску*». И это романтическое определение в значительной мере соответствовало всей дальнейшей жизни отца. Первые пятнадцать лет вне страны отец был очень активен в Русском Общевоинском Союзе (РОВС), боевой антисоветской организации. А в 1940 году, несколько раз по инженерной работе побывав в Третьем Рейхе и увидев нацизм своими глазами, Игорь Александрович примкнул к эмигрантской группировке, называвшейся «оборонцы».

Он был не один в поиске и выборе честного пути, когда схватились между собой страшные сиаемские близнецы, нацизм и сталинизм, и начали в утробе истории жуткую драку. Я имею в виду сперва Пакт гитлеровско-сталинский, а потом так называемое «вероломное нападение». Подумайте, каково было русским людям — и в рассеянии, и внутри страны. Опять вспомним Солженицына, вспомним его «Архипелаг», великолепный образ «власовцев» — он их не осудил и не одобрил, он их жалел, сравнивая их с «конями, мечущимися в горячей степи». Выходит, Вторая мировая война для одних была продолжением Первой, для других — Гражданской. И оба восприятия — правомерны...

Трагическим самоопределением оказался удел не только народов России, но и (лет на двенадцать) немцев. Уже начав действовать в Соппротивлении, мой отец познакомился с офицером штаба Вермахта в оккупированной Франции майором Вильгельмом Бланке. Тот, в конце концов, признался, что все время ждёт возможности реально бороться с нацизмом. Оперативные сведения, переданные немецким антинацистом Бланке, оказались ценнейшими для Союзников. Как всегда бывает в таких ситуациях, провал был неизбежен: и Бланке, и Игорь Александрович были арестованы. После ареста отец увидел Бланке лишь один раз, избитого, на заседании Воен-

ного суда. Фактов он не отрицал, в последнем слове сказал, что милости не ждёт, что сознательно пошёл на самый тяжкий для военного человека поступок — измену, что сделал это для своего народа. Конечно же, он был расстрелян*. Вот страшный пример выбора своего «Мы», пример, обращённый в надежду на будущее...

Когда мне пришлось в конце пятидесятых быть в мордовских политлагерях, то я там застал людей, посаженных, как они сами объясняли, «за войну», в основном действительно военных преступников, сотрудничавших с немецкими комендатурами. Когда я спрашивал их: «Как же так, почему именно такой был для вас выбор? Почему немцы?», из их объяснений получалось, что для многих из них это было реакцией на жесточайшую коллективизацию, у многих родители погибли на их глазах от рук комиссаров.

Были, конечно, в те годы и люди, которые, оказавшись в окружении, оказавшись в плену или на оккупированных территориях, и не только, как говорят, из-за голодного пайка, побоев и большего комфорта, а по убеждению, не зная всех ужасов национал-социализма, подумали, что освободить страну от коммунистического ига можно и с Гитлером. Власовцы, как вы знаете, опомнились, и последними их действиями было освобождение Праги и бои с эсэсовцами.

Но были и тоже не принявшие советского режима, «оборонцы», как в стране, так и, преимущественно, в диаспоре. В начале войны они решили: «My country, right or wrong» («Моя страна, права она или не права»). Среди них были антикоммунисты, были люди, освобожденные из советских лагерей, которые, положив в карман, если так можно сказать, свои антикоммунистические, антисоветские чувства, сочли за долг и за благо защищать Россию. К ним относился мой отец.

* Подробнее об этой истории см. в очерке «Русский француз».

От таких экзистенциальных ситуаций мы должны просить Господа быть избавленными! Это выбор страшный. <...>

Эмиграция раскололась. Многие, взявшие советские паспорта, мучились потом, страдали, не знали, как от них избавиться. Например, Сергей Самарин, великолепный литератор и переводчик, не только взял советский паспорт, но и, по молодости, стал марксистом, читал Ленина.

Отец стал на путь советского патриотизма. Его (трудно так говорить об отце) можно понять. В 1943 году Сталин открыл церкви... А в дневниках Геббельса мы читаем его обращение к Гитлеру: «Мой Фюрер, почему Вы не поступаете, как Сталин? Сталин поступил очень умно — он вынул из шкафа с нафталином бородатого патриарха, вернул его на свое место. Вы тоже должны так сделать, вы тоже должны миловать католиков». Фюрер был таким богоборцем, что не прислушался к Геббельсу.

...Вернулись погоны вместо геометрических знаков, исчез гимн «Вставай, проклятьем заклеименный» и появились куплеты Михалкова. Мало кто помнит, на первых полосах газет уже не было обращения к «пролетариям всех стран» — это исчезло, а было написано «За нашу Советскую Родину». Поговаривали, что Сталин хочет отвоевать проливы. Воссоздавалась «Единая и Неделимая». Этих вот эмигрантов, по этому чувству «Мы», очень такому кожному, пошедших на эту сталинскую приманку, видимо, можно понять.

Если я спрошу любого из вас, какой был результат такого выбора в те годы, то уверен, что каждый даст правильный ответ. Три четверти репатриантов в течение приблизительно 24 месяцев по прибытии в СССР были благополучно упрятаны «органами». Отца в 1949 году из Ульяновска прямо повезли в Москву на Лубянку.

В 1992 году в архиве ФСБ мне дали возможность прочесть три тома его следственного дела.

Его упрекали во многом — в том, что он был в Сопротивлении и боролся с немецкой оккупацией, но делал это

с Лондоном вместе, а значит его приезд в СССР был не иначе как операцией английских спецслужб! Затем на Лубянке были не очень довольны тем, что Игорь Александрович не совсем умер в Бухенвальде и Дахау. И коль у него это так складно вышло, значит он, конечно, сотрудничал с Гестапо, иначе и быть не могло. А то, что он вернулся в СССР, то это чтобы опять шпионить...

Все эти сюрреальные обвинения постепенно отпали. Отца мучили не избиениями, а только бессонницей. После полутора лет следствия его ночью привели из Внутренней тюрьмы в следственные кабинеты, другой этаж, другой следователь... Заключенный сразу настораживается. Отец говорил, что это одна из самых потрясающих в его жизни сцен. Его привели в кабинет к генералу Рублеву (это известный в истории ЧК персонаж). На столе был чай, пирожки:

«Угощайтесь, Игорь Александрович, мы долго разбирались, тяжело разбирались — у Вас трудная жизнь, непростая. Мы пришли к выводу, что Ваш приезд продиктован исключительно патриотическими мотивами. Поэтому, я Вас с этим поздравляю, мы решили ограничиться возможным минимальным сроком. Совсем отпустить мы Вас не можем, это невозможно... Так что будет только 10 лет лишения свободы». Это был весь «процесс».

Отец оказался в так называемой «шарашке», инженерном лагере в Марьино-Марфино, сидел там с Копелевым, по выходе виделся с Александром Исаевичем. И тут уж у него насчет «Единой и неделимой», насчет погон, насчет «My country, right or wrong» немножко по-иному стало внутри себя расставляться — он вернулся к христианскому сознанию «Мы!».

Раз уж он оказался при таком режиме, то лучше постараться как-то эту страну освободить от Политбюро, ЦК и Совета Министров. И по мере своих слабых сил, общением с молодежью, потом, на более позднем этапе, рассказами, с учетом цензурных ограничений 1960-х годов,

о русском Сопротивлении во Франции, о матери Марии, о Борисе Вильде, об Анатолии Левицком, о Вике Оболенской и о многих других, он помог раскрытию этой части русской истории.

Позднее пришли годы самиздата, и на квартире моих родителей многое «хранилось, размножалось и распространялось» (это формулировка из Уголовного кодекса). В 1973 году, приблизительно в течение 15 суток, под матрацем у них хранилась рукопись «Архипелага ГУЛАГа». Не образно, а прямо, это было жизнеопасно, это грозило смертью. Они пошли на это пятнадцатидневное хранение ради патриотизма, забыв о «My country, right or wrong», а вернувшись к сознанию Сопротивления.

На этот раз обошлось, рукопись из квартиры ушла незамеченной. В день святого Никиты Новгородского, 13 февраля 1974 года, им выдали заграничный паспорт и настойчиво рекомендовали вновь удалиться во Францию.

Мне же, четырнадцатилетнему парижанину, привезённому в Ульяновск при жизни товарища Сталина, надо было суметь выжить и найти себя. Если я вам начну рассказывать об Ульяновске той поры, то мы с вами будем сидеть здесь до утра.

После Франции, в четырнадцать лет оказаться в сталинском Ульяновске, в переломанной, переворошенной после ареста отца квартире — это не просто. Этого никому не пожелаешь.

Русский я или нерусский, советский или несоветский? Может быть, только парижанин? В этом возрасте трудно определиться. И первой реакцией моей, когда я был привезён родителями в СССР, было желание отбыть. Уехать — как угодно! Если бы мне тогда предложили без хлороформа отпилить руку или ногу за возврат во Францию — пожалуйста. Арест и бессудный лагерь отца необратимо сделали из меня сознательного антикоммуниста, и никакой XX съезд не переубедил! <...>

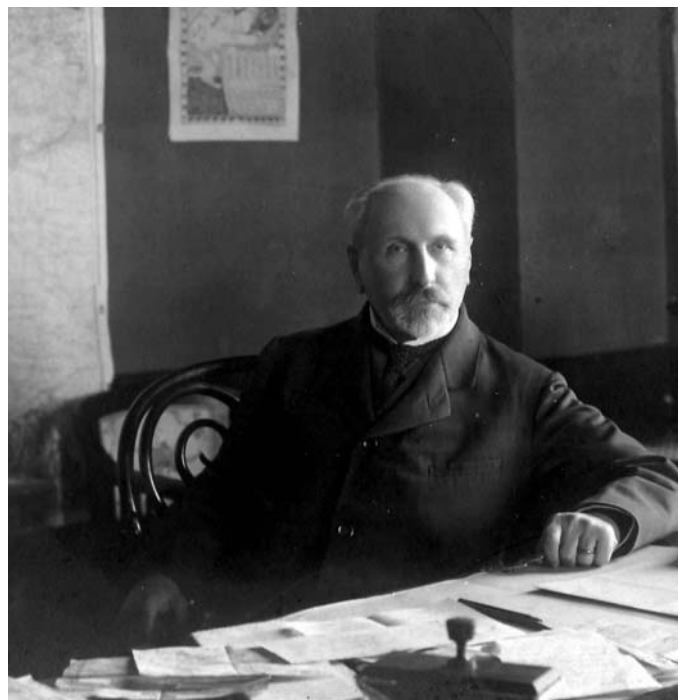
Я, естественно, оказался в мордовских лагерях. И там со мной произошёл настоящий внутренний переворот. В сталинском СССР, после Парижа, в Ульяновске, потом в Москве, я чувствовал себя пребывающим в большой аномальной массе. Неизбежно стало думать: «Все сумасшедшие — я нет, я сумасшедший — все нет». Настолько «инопланетной» была тогдашняя страна.

После Будапешта и Фестиваля ГБ подобрало около десяти тысяч человек по всему Советскому Союзу, таких как я, и арестовало. Вот как напугала их Венгрия! Всех этих молодых людей свезли в Мордовию. И именно там отпал вопрос, «кто сумасшедший, кто не сумасшедший». Это было около десяти тысяч в основном своих, нормальных людей. У меня в Мордовии нашлись лучшие друзья всей моей жизни, я, наконец, почувствовал свою репатриацию и перебазировку в СССР состоявшейся. Я понял, что я в живой стране с хорошим народом. После выхода из зоны посильно продолжал пытаться нанести ущерб режиму, тем же самиздатом и какими-то ещё малыми делами.

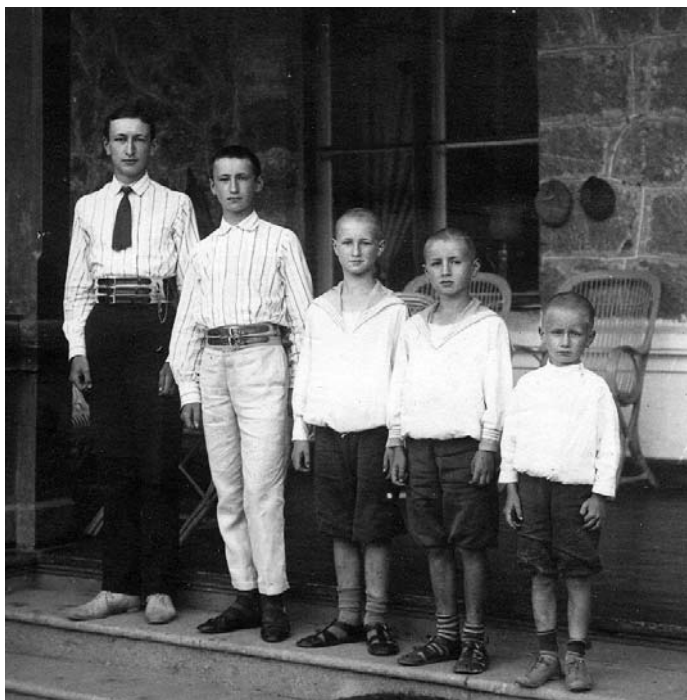
В результате чего я оказался одним из первых, на ком была обкатана техника полувывсылки (уже начиналась массовая еврейская эмиграция, 1971 год, после так называемого «самолетного процесса»). Полной высылке подверглись только Солженицын, Гинзбург, Буковский, Кузнецов и ещё несколько человек. Мне было сказано, что «руководство вам предлагает выехать из страны навсегда и просит это предложение и возможные последствия его отказа обдумать самым серьёзным образом». Понятно, что этот отказ, если бы он с моей стороны возник, недвусмысленно означал бы вторую «поездку» в Мордовию или на Урал, где тогда находился второй очаг политических лагерей. Мне ни психологически, ни физически (я это твердо знал), второго срока было не выдержать. И чтобы не оказываться в ситуации, когда пришлось бы о чём-то жалеть, а, может, идя по пути наи-

меньшего сопротивления, я согласился. В 1971 году я оказался в Париже. Сохранял связь с друзьями в России, старался им содействовать. Август 91-го оказался подарком Провидения, которому до сих пор не нарадуюсь. Мы хоть и медленно, и часто совсем не так, как хотелось бы, стали возвращаться к такому состоянию, когда знание того, в чём долг, снова станет естественным, перестанет быть мучительной «душеломкой»!

Октябрь 2005

Александр Васильевич Кривошеин

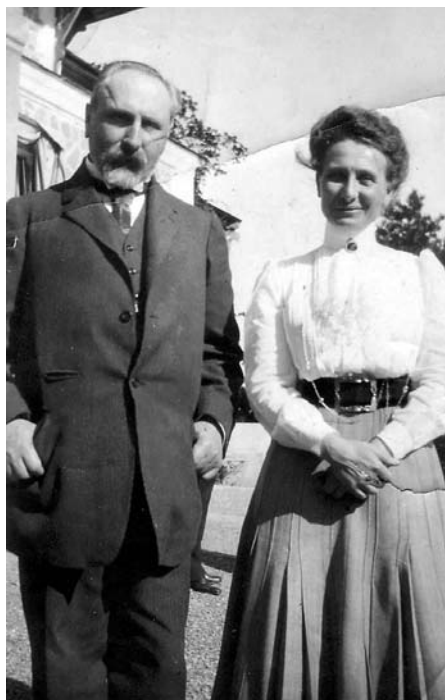
Пятеро братьев Кривошеиных

Игорь Кривошеин,
Крым, 1920

Василий Кривошеин.
Погиб в Гражданскую войну

Монах Василий
(Всеволод Кривошеин),
будущий архиепископ
Брюссельский
и Бельгийский

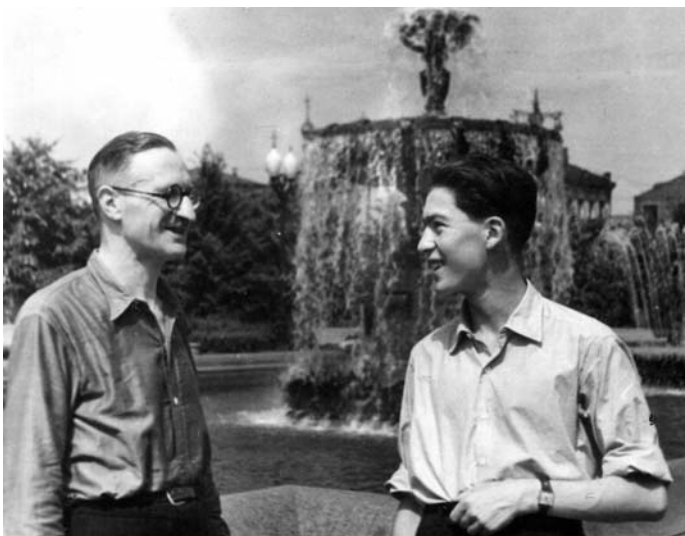
Александр Васильевич
Кривошеин с сестрой
Ольгой Васильевной.
Крым, 1920 г.

Олег Кривошеин.
Погиб в Гражданскую войну

Игорь и Всеволод Кривошеины.
Париж, 1922 г.

1 juillet 1954 Place Pouchkine lendemain de sortie Loubianka
 Отец и сын. Игорь Александрович Кривошеин освобожден????
 Москва, Площадь Пушкина, 1 июня 1954

Парадоксальные созвездия истории

Интервью Михаилу Соколову, «Радио Свобода»

М. С.: Сегодня мы беседуем с Никитой Игоревичем Кривошеиным в Париже.

Никита Игоревич, можно о вашем деде. Александр Васильевич Кривошеин был министром у Столыпина, министром земледелия. Они проводили земельную реформу. Это был на самом деле целый пакет преобразований, проведи которые, в общем-то, действительно, Россия чрез 20 лет от того периода, от 1906 года, была бы совершенно другой страной — конституционной, правовой монархией, с частными собственниками. Сейчас в российской исторической, скажем так, науке появилось ревизионистское очередное направление, которое считает, что все столыпинские реформы на самом деле были оторваны от земли, обречены и не могли дать результата. Как вам это видится?

Н. К.: Я знаю, что столетие реформы отмечалось как-то очень емко и не глухо, что даже в местах, которым эта реформа прямо предлагалась, то есть Восточная Сибирь, Хакасия, Дальний Восток, куда направлялись добровольные переселенцы, нашлись специалисты, молодые историки, которые увлеклись биографией Александра Васильевича; исследуют результаты переселения.

О том, что существует исторический ревизионизм, до меня тоже доходило. И видимо, это гораздо емче, потому что от этого ревизионизма до реабилитации путча октябрьского один волосок. Но надо, очевидно, обратиться к классикам марксизма-ленинизма. Вождь мирового пролетариата, у которого было ощущение тактического хода, прекрасно — и можно даже найти цитату из него — понимал, что успех столыпинских реформ привел бы его к тому, что он бы доживал в своем любимом британском музее.

М. С.: Есть еще один эпизод в биографии вашего деда, который не может не привлечь. Получилось так, что ему пришлось проводить вторую земельную реформу, уже будучи главой крымского правительства генерала Врангеля. Приходит на ум: а если бы он стал главой правительства не Врангеля, а Деникина на год раньше, и эта реформа была бы не только в северной Таврии и Крыму, а по всему Югу России, может быть, тогда история пошла бы по-другому?

Н. К.: Очень сомневаюсь. Именно неуспех столыпинской реформы, убийство ее автора и дали повод к тому, что, безусловно, предрешило ход Гражданской войны. И повтор реформы, как всякие повторы в жизни, будь они на Кубани, или в Крыму, или еще где, — это была бы лишь инерция, а не сама реформа. И если большевики одолели в Гражданской войне, то, конечно же, обещанием земли, которую крестьяне не успели получить в результате смены правительства и убийства Столыпина и которую большевики в недалекое время окончательно у них отняли.

М. С.: Скорее это вопрос о том, что надо делать реформы вовремя, а потом уже будет поздно.

Н. К.: Это абсолютно так. И делать реформы надо было не так, как намечалось оппозиционером нынешним в недавнем Советском Союзе — в какие-то пятьсот дней. И не так, как они были проведены, и, увы, сорваны в 1991 году, когда было все возможно. Это было глубокое убеждение Александра Васильевича, и он об этом несколько раз докладывал и говорил Государю, что половинчатость, незавершенность смерти подобна. Это относилось и к сельскохозяйственной реформе, и к внедрению конституционной монархии.

М. С.: Знаете, что еще удивляет современного читателя, привыкшего к властному аморализму и чиновничьему пренебрежению обществом, — это то, как ваш дед поступил со своими детьми, когда в 1914 году он фактически им сказал, что они должны идти офицерами

на войну, хотя в принципе они могли и не делать этого в тот момент.

Н. К.: Ваш вопрос напоминает мне разговор моей мамы Нины Алексеевны Кривошеиной с Александром Александровичем Угримовым, автором замечательной книги «Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту». Они обсуждали историю Авраама и Исаака. И Нина Алексеевна спросила: что бы было, если бы в кустах не застрял козленок? Тот подумал и ответил: «Тогда бы этой истории не было бы в Библии». То, о чем вы сказали, это была телеграмма Александра Васильевича своим старшим сыновьям в день объявления войны. (Манифест о начале войны был написан Иваном Ивановичем Тхоржевским, переводчиком Омара Хайяма и в эмиграции большим деятелем.) Телеграмма была: «На вашем месте я знал бы, что делать».

Все трое они пошли, поступили на ускоренные офицерские курсы Пажеского корпуса и были в предпоследнем выпуске.

Можно продолжить это отношение, ту же Авраамову историю, и подумать о том, как мой отец Игорь Александрович, оказавшись в оккупации во Франции, несмотря на наличие жены и малолетнего сына (меня тогда), не задумываясь, пошел в конспиративную организацию Сопротивления, что и привело его на грань гибели в Бухенвальде и Дахау и могло бы привести мать и меня туда же, если бы гестапо нас изыскало. Но мы успели и сумели скрыться. Я удивляюсь вашему удивлению.

М. С.: Почти премьер Российской империи, ее министр, Александр Кривошеин лично возглавляет заговор в 1918 году, становится одним из участников Тактического центра. Опять же, что мешало уклониться, не братья за оружие? Ведь в отличие от потом выдуманных чекистами заговоров, это действительно была реальная возможность попытаться захватить власть в Москве. Другое дело, удержали бы ее или нет.

Н. К.: Это была реальная возможность. Не далее как третьего дня я показал очень милой молодой женщине из православного журнала «Фома», который мне очень нравится, как бы связанную с Тактическим центром святыню. Мой дед попытался устроить побег Государя и его семьи при этапировании из Тобольска в Екатеринбург. Это не состоялось. Но в знак благодарности Государыня, которая, было время, не очень хорошо к нему относилась, а потом переменяла отношение, передала Александру Васильевичу медальон. И кстати тут вспомнить слова Государя непосредственно перед злосчастным подписанием акта о капитуляции на станции, лучше нельзя назвать, Дно. Он воскликнул: «Кажется, пора позвать Кривошеина». Вот конец реформы, вот знак их провала. Тогда он вспомнил. А Государыня через доверенных лиц передала Александру Васильевичу медальон, он 1903 года, когда была канонизация преподобного Серафима Саровского, с власами преподобного Серафима. Александр Васильевич его всегда хранил, он и поныне хранится в моей семье. И, конечно, три поколения Кривошеиных он спасал от всех злосчастий.

М. С.: Если вспомнить, Александр Васильевич умер в Берлине в 1922 году. Как-то он видел будущее уже в эмиграции? Конечно, я думаю, ему печально было смотреть на то, что происходит. Остались какие-то письма?

Н. К.: У меня глубокое чувство, его задним числом, ретроспективно легко принять: была Божья милость, Господь не дал Александру Васильевичу долгого пребывания в эмигрантском болоте. Не хочу никак, поймите, его сопоставлять с безобразным Керенским или с неславным Милюковым, которые были все-таки в достаточном долгожительстве и показали всю свою цену в том, что было, не полностью конечно, но было, эмигрантским болотом. Господь Александра Васильевича от пребывания в этом болоте избавил, призвав его: в 1922 году он скончался. На последних фотографиях он выглядит совершенно исто-

щенным. Но засвидетельствована фраза его на смертном одре — буквально: «России предстоит 80 лет мрака, отчаяния, крови и убийств, после чего она возродится и снова воссияет». Это физически зафиксировано, эта его фраза на смертном одре. И если по ней судить о его даре провидения, то так же можно экстраполировать успех намечавшихся им, но несостоявшихся реформ.

М. С.: Если говорить о вашем отце: Игорь Александрович Кривошеин участвовал в Белом движении, эмигрировал, получил образование и, тем не менее, не смог уклониться от политической деятельности в эмиграции. Вы с ним естественно беседовали, обсуждали это. Что его заставляло? Ведь, опять же, высокооплачиваемый инженер, знающий языки, во Франции мог жить очень неплохо. Учитывая, опять же, прогноз, что России предстоит 80 лет безвременья, можно было не ввязываться во многое.

Н. К.: Во-первых, не знаю, в какой степени этот прогноз тогда им был осознан. А потом, Игорь Александрович и многие люди его поколения, его формации не могли обойтись без этой сословной, я прямо скажу — сословной, необходимости подчиняться чувству службы, служения, служения-службы. Не в чеховско-гоголевском понимании. И у Игоря Александровича была попытка, и состоявшаяся попытка, нахождения духовно-чистого совершенствования себя в масонских ложах Шотландского обряда, но в первые годы эмиграции он состоял и активен был в РОВСе. Потом не поддался ни евразийской идеологии, которая, видимо, была, прости Господи, не очень умна, не поддался и идеологии младороссов, о которой можно просто сказать, что она была глупа, но которой абсолютно поддалась бедная моя мама, а Игорь Александрович на это не пошел. Однако уже к 1939-40 году он проникся именно европейским восприятием мира, учась в двух русских вузах и будучи абсолютно русским европейцем. Может быть, это нацизм, который был ему малоприятен,

может быть — неприятие надвигавшейся и очевидной Второй войны, видевшейся как продолжение либо Первой, либо Гражданской, либо их обоих, привел отца к очень малочисленной группе белых офицеров, ставших оборонцами. А далее — эта потребность в служении естественно ушла в Сопротивление, а после победы — в абсолютно некоммунистический и, простите за парадокс, не такой уж парадоксальный, как бы православный советский патриотизм. Но эта каша была во многих головах и душах.

М. С.: Никита Игоревич, если чуть-чуть вернуться назад, вот РОВС, что вы знаете об этом, что Игорь Александрович делал в Российском общевоинском союзе? Безусловно, это была организация, пытавшаяся сохранить кадровую армию в виде общественной организации, то есть оставить возможность ее возродить. Но кроме того она занималась и разведкой, и попытками послать своих людей в советскую Россию. В общем, это было активистское движение, настроенное на борьбу.

Н. К.: В советскую Россию так называемые «походники», насколько мне известно, шли не только от РОВСа, они уже шли и от первых солидаристов и еще от других организаций. Насколько мне известно, Игорь Александрович в этом направлении не принимал участия. А потом, когда состоялись похищения, мои родители с ужасом вспоминали, что по линии РОВСа были если не дружны, то просто бывали в квартире у Третьяковых, из которой от погони ушел советский агент генерал Скоблин, как раз из квартиры Третьяковых.

М. С.: Третьяков был руководителем Торгово-промышленного союза, там была конспиративная квартира, микрофоны советские были проведены в штаб РОВСа.

Н. К.: Совершенно верно. Мама моя об этом часто рассказывала. Я не знаю, какие причины побудили Игоря Александровича выйти из РОВСа еще до вступления, до присоединения к оборонцам. Может быть, все-таки исто-

рическая интуиция и ощущение имевшейся уже тогда неперспективности. Не берусь сказать.

М. С.: А масонство? Что было русским эмигрантским масонством в 30-е годы? Как это он объяснял? Дело в том, что кроме мистического масонства к моменту Февральской революции существовало так называемое политическое масонство, когда группы разных леволибералов объединились через масонские ложи, хотя роль их в самих событиях Февраля, безусловно, ничтожна.

Н. К.: Им сейчас приписывается абсолютно преувеличенная моторная роль. Нет, русское масонство, то масонство, о котором вы говорите, исходило не от английских лож, а от французских лож Великого Востока, который никогда близко к религиозной духовности и не подходил. От масонства он сохранил лишь символику и знаки узнавания и был левоинтеллигентским, корпоративским, тем, что Александр Первый называл «тайным обществом». Не революционным, но безбожным, явно безбожным. Культ Великого архитектора был чисто номинальным и ничего общего не имел с религией. Но был реформистским, на грани революционности. Во Франции Великий Восток играл и играет очень неблагоприятную и неблагоприятную роль. Нет, русское масонство было продолжением, если угодно, «безуховского». Вот складыванием, подгонкой правописания имени Наполеона под число зверя. Но собрались там люди, что называется, высшая интеллигенция. Доклады, которые я недавно перечитывал, очень хороши.

М. С.: Это ложа «Астрея»?

Н. К.: Ложа «Астрея» и еще одна — «Лотос». По возвращении во Францию, в семейную четвертую треть нашей жизни, в 1974 году в Париже, отец был встречен своими братьями-масонами с распростертыми объятиями.

Неправда все разговоры о том, что он посылался в СССР, якобы, как масон. Такие были публикации, на пятую публикацию я счел сыновним долгом ответить и на-

помнить о правде. Разговоры о том, что он посылался, и не он один, создавать в России, в Советском Союзе масонское правительство при товарище Сталине — это несколько парадоксально. Он вернулся в масонство. 30 лет, прожитых в СССР, его не отвадили от этого чувства братства и духовного поиска. Он был с детства и до последнего вздоха человеком глубоко верующим, глубоко православным. И дай Бог всем нам хоть чуть-чуть глубины его веры и православия, дай Бог быть похожими. Но он всегда считал русское масонство Шотландского обряда подспорьем в углублении православия. Так это или нет, ему на том свете судить. После его кончины его братья-масоны очень мечтали во мне увидеть его переплощение и замену в рядах. Но я на это не пошел.

М. С.: Никита Игоревич, как все-таки вы объясните, как можно совмещать масонство и православие? Честно говоря, я, сталкиваясь с разнообразными православными иерархами, вижу только одну позицию, независимо от того, в какой они юрисдикции, что это все несовместимо. А у вас есть какой-то ответ на это?

Н. К.: Абсолютно нет, совершенно нет. И он мог бы быть только изнутри. Я изнутри не в состоянии его дать. И по мне, православному человеку нет необходимости искать места, иные формы духовного поиска, чем те, богатейшие и свободные, предоставляемые Церковью. Это вопрос, который мне задали, который мне задавался, я задаю сам.

Может быть, в этом есть какой-то момент клубности, может быть, момент влечения к совместной такой интеллектуальной рабочей группе. Во всяком случае, в этом не было попыток смешаться с властью или как-то воздействовать на ход событий. Я это всегда извне воспринимал как поиск и нахождение знаний. Но я на ваш вопрос не в состоянии дать ответ и склонен согласиться с вашими церковными собеседниками.

М. С.: Я немножко верну вас опять назад — в 30-е годы XX века. Замечательная книга вашей мамы, которая опи-

сывает русскую эмиграцию и в том числе движение младороссов, оставляет, тем не менее, массу вопросов: как можно совместить лозунг «Царь и Советы»? Как люди, которые выросли в дворянской семье, которые видели Гражданскую войну, видели разорение России, пришли к этому?

Н. К.: Александр Львович Казем-Бек, которого я хорошо знал и помню прекрасно (он был в малом кругу наших друзей), позволял себе отвечать на этот вопрос очень просто: «Будет царь, а мы ему будем давать советы». А сама суть этой программы, если вспомнить европейские 30-е годы, если вспомнить корпоратизм, если вспомнить солидаризм, если учесть, что Александр Львович Казем-Бек ездил за благословением к дуче, чем вам дуче не царь?

М. С.: В Италии был король, но был и дуче.

Н. К.: Был король и был дуче. Ну что ж, а тут был Великий князь Игорь Владимирович, и при нем мог бы быть, или мечтал быть, дуче Казем-Бек.

М. С.: Оставалось придумать, что делать со Сталиным.

Н. К.: Оставалось придумать, что делать со Сталиным. И, кажется, на этот счет у Казем-Бека больших мыслей не было, кроме признания советского строительства, того, что и поныне соблазняет тех ревизионистов, с которых мы с вами начали, соблазняет безобразных ветеранов, которые шествуют по Тверской, тоскуя о всеобщем бесплатном образовании, тоскуя о районной поликлинике, о ДОСААФе и профсоюзной путевке.

М. С.: Эта их фраза: «Зато у нас были пятилетки, индустриализация...» и так далее.

Н. К.: Совершенно верно. Эти безобразные ветераны должны понять, это очень жестоко, то, что я говорю, но есть убитые заживо поколения — это вам не хуже чем верещагинская пирамида черепов в «Торжестве войны». Ими пожертвовали, они добровольно пошли на эту жертву, и только те из них, у которых было трудное мужество

ума, а я таких встречал, сказали: да, нами пожертвовали, я проклинаю большевизм. Остальные тоскуют о нем, как о счастливом детстве. Были бы не пятилетки, были бы не профсоюзные путевки, а Бог бы дал завершение столыпинской реформы и, простите за марксистское слово, ее надстроечное оформление. И тогда была бы Россия сейчас — это моя глубокая вера — уж куда почище Америки, зато в чем-то близкой к Японии по сочетанию старой культуры и современности.

М. С.: Нина Алексеевна ушла ведь от младороссов еще до краха этого движения. Значит, она тоже почувствовала какую-то фальшь. И та группа, в которой она была, насколько я понимаю, пыталась совместить монархизм и демократию?

Н. К.: Да, Царь и Советы — это был монархизм и демократия. А, собственно говоря, не состоявшиеся, только что мы говорили, реформы после 1905 года — это и были монархизм и демократия. Ничего тут, в конце концов, сложного: можно сесть на поезд и поехать в Лондон. Вот и все, и будет монархия и демократия. И во Франции, где мы сидим, монархическая традиция осталась в президентской конституции, всенародном избрании президента и в придаче ему почти сакральных полномочий. Нина Алексеевна не одна ушла от младороссов. Ушли Угримовы, ушел такой замечательный человек, как Михаил Горбов. Пусть, кто слушает, поищет в Интернете архивы одного из лучших русских журналов «Звезда» на фамилию Горбов и там текст «Война». Это, может быть, сжатый, лучше всякого Ремарка и Хемингуэя, вместе взятых, и Гойя туда же, текст о российской Гражданской войне, который я знаю. А Александр Львович Казем-Бек в 1941 году сел на паром и убыл в Соединенные Штаты.

М. С.: Но он немножко успел посидеть в концлагере перед этим во французском.

Н. К.: Да, я бы с ним обменялся лагерями, там было не скверно. А потом логически, как и евразийцы, о чем сам

Казем-Бек, конечно, не знал, он, простите за анахроническое слово, продался советским спецслужбам. И еще на церковном фоне к тому же! А по возвращении в Москву в «Правде» — не где-нибудь, большой почет — показывают, как Советы переоценивали эмиграцию. Аж в самой «Правде» поместили его покаяние, в котором была фраза: «Я торговал родиной оптом и в розницу». Он после кончины Иосифа Виссарионовича Сталина прибыл в Москву, а такие люди, как Булацель*, как Угримовы, как моя мама, с ним отказывались встречаться. Когда Ирину Николаевну Угримову привезли на Лубянку, в ее первое место, даже не оформляя во Внутреннюю тюрьму, привели в кабинет к министру МГБ Абакумову (там это было связано и с делом Даниила Андреева), первый вопрос Абакумова был: «Были ли вы знакомы с Казем-Беком?» Это июль-август 1949 года. Ирина Николаевна сказала: «Да». — «Ну так не удивляйтесь, что вы здесь». Именем Казем-Бека эти псы сажали.

М. С.: Вернемся в 1940-й год, оккупация, и вот то, что вы сами видели как юноша, ребенок. Как вы помните оккупацию?

Н. К.: Наверное, как время, одно из самых для меня противоречивых и лично формирующих, тем более, что это было у меня в возрасте от 6 до 10–11 лет. Я считаю, что я в жизни был свидетелем двух настоящих историче-

* 12 Сергей Александрович Булацель (1903–1970) — общественный деятель, в эмиграции с начала 1920-х. Во Франции учился на инженера-электрика, в 1930-е работал секретарем редакции парижской газеты «Бодрость», сотрудничал в «Вестнике Союза технических сил». Участвовал в движении младороссов и в Сопротивлении. Председатель редакционного отдела и редактор «Информационного бюллетеня» (1945) и «Вестника Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления» (1946–1947). Член Союза советских граждан. В 1947 г. был одним из представителей Содружества русских резервистов французской армии на торжественной церемонии перезахоронения останков русских, павших в ее рядах во Второй мировой войне. В том же году вернулся в СССР. Преподавал французский язык в Казанском суворовском училище. (Ред.)

ских событий — освобождение Парижа в августе 1944-го и кончина товарища Сталина в 1953-м. Что касается самой оккупации, то бывшим советским людям, конечно, не представить себе, что в 1942–43 году я по карточкам получал ребенком две плитки шоколада в месяц, почти по пол-литра молока в день. И все мы жаловались на голод и жизнь впроголодь, что не мешало появлению устриц и чернорыночной ветчины за новогодним столом. Город был абсолютно спокойным. В метро были афиши о расстреле заложников. Были огромные плакаты с призывами добровольно вступить в антибольшевистский легион. В каждой витрине были фотографии, первые рельефные, трехмерные фотографии, маршала Петена. Но жизнь шла своим чередом. И если бы не два ареста моего отца... Во-первых, 22 июня 1941 года, когда я открыл дверь и на меня были наставлены пистолеты трех гестаповцев, мне было 7 лет — это было неприятное детское воспоминание. И потом, когда уже в 1944 году отца взяли за участие в разведывательной сопротивленческой деятельности, а нам пришлось от гестапо скрываться. И приблизительно полтора года спустя — уже после Победы — я встретил из Дахау человека, который у меня до сих пор в глазах стоит в виде беременного дистрофического скелета на грани смерти. Если бы не эти семейные события... И да, конечно, упустил, тоже очень меня впечатлили в детстве приходившие к нам гости — друзья отца с огромной желтой звездой на пальто и на пиджаке. Это очень запомнилось. Если бы не эти моменты, я рассказываю то, что было и что запомнилось, оккупация могла бы показаться почти незамеченной. Бомбежки были воздушные и ночные, значит надо было вставать, одеваться и — в подвал. Это была война, а не оккупация как таковая.

М. С.: А почему русские взялись защищать Францию в Резистансе, в Сопротивлении, при том, что большая часть населения Франции не хотела себя защищать до опреде-

ленного момента и была вполне склонна пережить эту оккупацию, сотрудничать с нацистами и выжить?

Н. К.: Говорить о том, что вся Франция была готова сотрудничать с немцами — большое преувеличение. Сражаться Франция после страшного кровопускания 1914–17 годов почувствовала себя просто демографически, подсознательно не в состоянии. Это тоже понять как-то можно. А вспомните тогда, сколько лет, какого возраста была белая эмиграция? Это были молодые люди от 30 до 40 лет. И вполне естественно, что после пережитой Гражданской войны и ухода насильственного из страны и поражения в Гражданской войне они были — мы с вами, кажется, говорили об этом — еще полны этого дворянского желания служить, они были политически активнее, чем средний француз. Это неудивительно.

Вы говорили о том, что они сражались против немцев, да, была Оболенская, были Левицкие, был мой отец, были многие другие, был Николай Васильевич Вырубов, получивший Орден освобождения, один из редких русских. Но не надо забывать, что очень многие русские того же поколения повели себя по-иному... Представим себе этот конфликт Второй мировой — это парадоксальное созвездие, часть которого сочла 41-й год не продолжением Первой войны, а продолжением Гражданской, не представляя себе, конечно, полностью то, чем был национал-социализм, а скорее думая о какой-то открыточной вильгельмовской Германии. Эта часть эмиграции охотно пошла в Вермахт с тем же каким-то чувством, что было у власовцев — разделаться с большевиками. Этого было тоже немало, было и то и другое.

М. С.: Освобождение Парижа, каким оно было?

Н. К.: Освобождение Парижа было одним из самых больших в моей жизни праздников. Мне оно запомнилось тем, что я увидел, как танки бронедивизии Леклерка входили в Париж через Орлеанские ворота, я их застал недалеко от дворца Шайо. Экипаж одного из этих танков

был в пилотках с красной звездой. Я забрался на один танк, заговорил по-русски, но это были остатки испанских республиканцев, добровольно вступивших в деголлевские соединения. И был звон всех колоколов, ликование на улице. Это и в кино показано.

М. С.: Дальше: этот период с освобождения и до 1946-го, наверное, года. Некоторые считают, что Франция стояла на грани гражданской войны между коммунистами, которые хотели взять власть, и собственно деголлевцами. Это так или нет? И плюс еще были расправы с коллаборантами.

Н. К.: Правильно считают, кто так думает. Вы говорите о расправе с коллаборантами — это была учиненная вооруженными подразделениями французской компартии настоящая чистка — бесправная, бессудная, по сравнению с ней, может быть, меркнет то, что делал СМЕРШ, входя в бывшие под оккупацией города. СМЕРШ хоть как-то оформлял свои расправы и репрессии, а расстрелы во Франции, повешения происходили при абсолютном отсутствии любых юридических действий. Страна была на грани гражданской войны. И если мы сейчас пребываем, как вы видите, в благополучном Париже, то надо отдать должное Иосифу Виссарионовичу Сталину, который, договорившись с Черчиллем на кусочке салфетки, обедая в Ялте, о том, как поделена будет Европа, оставил Францию союзникам и соблюдал свое слово. Иначе гражданская война разразилась бы, и было бы море крови, как французы это умеют делать.

М. С.: Что теперь с памятью об этих событиях? Она прежита обществом?

Н. К.: К счастью, да. К счастью, это уже ушло в подсознание. Последние судороги памяти, пожалуй, были в 1970-е годы с выпуском очень известного документального монтажа, документальных лент «Грусть и сострадание», когда впервые было показано не лубочно-сопротивленческая героическая республиканская Франция, а

Франция разделенная, безразличная, частично сотрудничавшая, частично сопротивлявшаяся. В общем, было показано, как есть. Это был один из последних всплесков этой исторической судороги. Но Франция через это прошлое, к счастью, перешагнула и дружит по-настоящему с Германией.

М. С.: Вот эта высылка советских патриотов 1947-го года, активистов, вы ее связываете с этим состоянием борьбы гражданской войны?

Н. К.: Что же связывать? Это ноябрь 1947-го года, и это ответный жест, это было связано и с ликвидацией так называемого транзитного лагеря на востоке Франции в Дранси, куда советская репатриационная миссия свозила так называемых «перемещенных лиц», то есть тех, которые не хотели возвращаться в СССР. Этому надо было положить конец, это был лагерь, содержавшийся на территории иностранного государства — это неправильно. Ноябрь 1947 года совпадает с разгаром, по Ленину даже, революционных стачек всего севера, шахт и металлургии, когда эта революционная стачка могла перейти в штурм Елисейского дворца.

М. С.: По этой ситуации с репатриацией. Знаете, когда эти антимасонские товарищи, которые выдумывают разнообразные легенды, рассказывают, что ваш отец поехал в Советский Союз создавать масонское правительство. Кому-то это объяснение кажется верным, потому что с точки зрения обыденной логики постсоветского человека уехать без всяких гарантий из благодатной Франции в Россию, не быть высланным, как Угримов, еще кто-то, а именно уехать — это кажется приступом тяжелого безумия, к которому, собственно, нужно приложить какое-то объяснение.

Н. К.: Вы мне своим вопросом делаете «бо-бо», поскольку и когда Игорь Александрович отбывал «заслуженное наказание», сперва в шарашке, в Первом круге Марфинском, и потом какое-то время в лагере в Тай-

жете, и когда я отбывал наказание в Дубравлаге в Мордовии, этот вопрос формулировался не так учтиво, как ваш, а звучал: «Сами приехали, так вам и надо. Мы-то ни за что, а вы — сидите!» В этом всем виновато парадоксальное созвездие так называемой антигитлеровской коалиции. Это то, что я сейчас сказал, достаточно ясно.

М. С.: Когда цель, в общем-то, закрыла средства, потом начались трагические события и выдача людей, которые не хотели возвращаться с Запада.

Н. К.: Хотя об этом русская эмиграция во Франции знала, действовала так называемая репатриационная миссия под командованием потом вполне законно и правильно репрессированного своими же полковника Товадзе. Они среди бела дня в городе, где мы сейчас с вами беседуем, похищали людей. Многие белые эмигранты, в том числе, царствие небесное, покойный князь Андроников и его супруга, скрывали сбежавших военнопленных, не то что власовцев. Имеющий уши да слышит. А уже эта забравшаяся дурь, что созвездие антигитлеровской коалиции привело к дебольшевизации и к «Единой и Неделимой России», но уже большевизированной, что делать? Вот было помрачение сознания.

М. С.: Вот это движение советских патриотов, которое здесь оказалось, я так понимаю, что оно состояло из примерно двух частей. Одна часть — это были люди, достаточно цинично эксплуатировавшие эту возможность, типа Любимова, который служил до войны в «Возрождении», а потом служил, если я не ошибаюсь, в агентстве печати «Новости». А другая часть была, так получается, идеалисты?

Н. К.: Он служил не в агентстве печати «Новости», а начинал со Славянского комитета и Совинформбюро. И Любимов был идеалистом.

М. С.: Тоже идеалистом?

Н. К.: Конечно, да, конечно, тоже. Казем-Бек был по своему идеалистом. Оба они остались в этой убежденности Дня Победы: Суворов, Дмитрий Донской, «Единая и

Неделимая»... Зинаида Шаховская* называла это: «Моя Россия, перерядившаяся в СССР». В конце концов, это, может быть, оказалось правильным, и Александр Васильевич Кривошеин был прав, говоря о 80-ти годах. Но этот заморок после 85 лет, правда, исчез, произошло разворожение и что-то проросло то, что было под вечной мерзлотой.

М. С.: Была какая-то историческая польза от этого посева на русскую почву? Несколько тысяч человек пожертвовали собой, поехали в Советский Союз, может быть, значительная часть из них попала в лагеря. Но они потом, кто выжил и вышел, они влились в советскую интеллигенцию, они ее в чем-то изменили или нет?

Н. К.: Позвольте мне самого себя процитировать. Во-первых, вернуться к мистическому, я в этом убежден, понятию *ненапрасности доброй жертвы*, даже если невидимы ее последствия. Был замечательный документальный фильм французского автора Николая Жале «Заманенные Сталиным». Он был издан потом как книга с картинками. Жале попросил меня написать предисловие к этой книге. И прямо отвечая на ваш вопрос, я это предисловие заканчиваю утверждением: выжившие в Советском Союзе и не ставшие, а их тоже было немало, политическими проститутками, репатрианты, я в этом убежден, что это так, на какие-то месяцы, недели ускорили падение кровавого большевизма. Рассказом, присутствием, показом, что можно быть и другим, показом, что можно не ходить на демонстрацию. Много чего рассказывать. Распространением вокруг себя книг, образа иной жизни. Просто иным свидетельствованием.

* Зинаида Алексеевна Шаховская (1906–2001) — писатель, мемуарист, с 1920 г. в эмиграции, жила во Франции и Бельгии, в годы войны корреспондент английских газет, в 1968–1978 гг. главный редактор газеты «Русская мысль». (Ред.)

М. С.: Не был ли этот отъезд в СССР, не был ли он символом, с другой стороны, капитуляции? Что Белое движение и движение антикоммунистическое потеряло значительную часть — это тоже факт.

Н. К.: Вы абсолютно правы. Но я бы сказал, что эта капитуляция воспринималась не как собственная неправота в Белом движении, а как хронологическая ошибка, вера в то, что неизбежная и состоявшаяся дебольшевизация прошла, не как она произошла 22 августа 1991 года, а 9 мая 1945 года. Вот в этом было желание потропать ход дела.

М. С.: А у вашего отца эти иллюзии исчезли до того, как он был арестован?

Н. К.: Да, да и да. Ему понадобился год в безобразном городе Ульяновске 1949 года для того, чтобы по вечерам плакать, — и не от страха, поскольку он все равно знал, что его заберут, а от сознания неправоты. И это не помешало ему на смертном одре говорить то, о чем говорил Александр Васильевич. Моему папе как-то повезло, что он скончался в 1987 году и уже понимал, что это начало конца и воспринял это все-таки как подарок собственной правоты.

М. С.: А у вас, когда вы в 1956 году писали письмо в газету «Монд» в связи с советской интервенцией в Венгрию, какой был побудительный мотив? Вы думали, что можно чем-то ускорить перемены в Советском Союзе одним письмом, одним действием?

Н. К.: В конце концов, я сейчас выпью глоток виски — это будет малое действие, и это письмо было малым действием. Я имел в виду не перемены в Советском Союзе, я в них перестал верить, я в них верил несколько месяцев. Я в них верил от XX съезда — это, кажется, март 56-го года, до, очень просто, — 23 октября 1956 года. Вот те месяцы моей 73-летней жизни, когда я допускал перемены в Советском Союзе. После 23 октября я вернулся к настроению, владевшему мной до хрущевского доклада, ду-

мал о конце Советов, а не о переменах.

М. С.: Вы с отцом, когда вы вернулись из лагеря, вы обсуждали разницу между сталинским лагерем и лагерем хрущевским?

Н. К.: Да, конечно. В пользу хрущевского. Поскольку в сталинском лагере люди сидели ни за что.

М. С.: Почти все, но не все.

Н. К.: Не все, нет. Но большинство ни за что. Большинство так сидело. В Ульяновске на базаре слепые стояли с маленьким попугаем, который за рубль вытягивал билетик с судьбой. Вот попугай вытянул билетик «сидеть». И ничего хорошего сидеть по такому билету нет, потому что задаешься вопросом — к чему бы это все? А о хрущевском лагере, кстати, не надо думать, что это было место «Флагов на башнях», Беломорканала и перевоспитания трудом. Хрущевский лагерь под конец моего там пребывания был по своему ходу жизни очень неприятный. Но там было очень мало людей, сидевших ни за что. И вот это объединение людей, сидевших за что-то, потом легло в основу и так называемого демократического движения, и того, что я называю каким-то русским Резистансом, и национальных движений освободительных — все это было заложено в послесталинских лагерях, куда ГБ по недоумию свезло людей, которые иначе друг с другом не встретились бы.

М. С.: В ваших мемуарах я обнаружил одну тему, которую, мне кажется, очень важно было бы обсудить — это тема советской военной коллаборации. То есть рядом с вами были люди, которые были реальными военными преступниками. Они не просто служили нацистам, они были преступники.

Н. К.: Надо тут же провести черту разграничительную. Я недавно смотрел по русскому телевидению документальный фильм о генерале Власове, он не халтурный, он отвратительный. Это фильм, который мог бы быть изготовлен в 1960-е годы. Меня от него стошнило. Хотя было

много в литературе об этом движении. Лучше всего, замечательно сказано в «Архипелаге» у Александра Исаевича Солженицына: «Кони, мечущиеся в горящей степи».

Мне довелось как-то обедать с покойным Штрик-Штрикфельдом, он был одним из руководителей власовского движения, рижским немцем.

М. С.: Адъютант у Власова.

Н. К.: Он был в годах, но в уме. Это было, как и написано в книге Казанцева, «Против Гитлера и Сталина». Это были люди, которые Советов не принимали и которым был нацизм непонятен и чужд. И они искали меньшего зла и блага российского. Бог им судья. То, о чем вы сейчас говорите, — это другая категория. Я встречался с людьми, у которых было крови по шею, которые добровольно на Украине, на севере России шли в эйнзац-группы, шли в гестапо, шли в зондер-команды. Их во власовской армии вообще не было, они были в эсесовских войсках, либо вольнонаемными при оккупационной администрации. Ими двигала месть. Чаще всего это были люди молодые, которые были подростками, когда у них на глазах приезжали люди из города, их родителей сажали в вагоны и вывозили в Сибирь, их дома разрушали, с ними обращались хуже, чем со скотом. У них была животная реакция мести. Вот что ими двигало. Я не могу сказать, что это было красиво — это некрасиво. Люди, у которых было три-четыре класса грамотности, иные и писать не умели. Я с ними много беседовал потом. Часть из них понимала, что неправильно поступила, неправильно выбрала. Часть же оставалась в глубоком цинизме и в сознании ничтожества и истории, и всего окружающего, но все равно при своем чувстве мести.

М. С.: Это трагедия миллионов, потому что в разной форме, но с нацистами сотрудничало действительно огромное количество людей. Одни не могли не сотрудничать, другие, как вы говорите, мстили, у третьих были идейные соображения. Вот эта трагедия — она не пере-

жита и не изжита даже через художественное сознание, в отличие, например, от той же Европы. Потому что здесь, во Франции, или в Голландии появляется попытка художественно осмыслить, понять, донести до слушателя, до зрителя.

Н. К.: Я видел фильм «Свои», это интересный фильм. Потом фильм «Штрафбат».

М. С.: Правда, у Василия Быкова в повестях это есть. Тем не менее, это все не воспринимается, как, опять же, продукт и 1917 года, и всего, что было раньше, это воспринимается как житейские трагедии.

Н. К.: Мы возвращаемся к эмигрантскому парадоксу. Чем была Вторая мировая война, переименованная в Отечественную, на каких силах притяжения держалось противоположное созвездие так называемой антигитлеровской коалиции? Чем была, по сути, эта война? Продолжением Первой мировой или продолжением Гражданской, или и тем и другим?

М. С.: Пожалуй, что я вас еще хотел спросить — это о том травмированном постсоветском сознании, которое существует сейчас в России у многих. То есть люди совмещают в себе нелюбовь к ельцинизму и ностальгию к брежневским годам. Что может лечить — Церковь, литература?

Н. К.: Зеркало может лечить. А зеркало протягивает Церковь в виде исповеди, зеркало протягивает восприятие сказанного другими. И зеркало это — не бердяевское, а самое простое самосознание. Был ли я счастлив на безобразной вечеринке коллектива в день празднования советской армии в добротном безобразном советском ресторане или счастлив я сейчас, когда я могу слушать то, что говорят Михаил Соколов и Никита Кривошеин без заглушки, и могу быть свободным. Вот же зеркальце дает ответ.

М. С.: А вас радует то, что происходит воссоединение Русской и Зарубежной Церкви? Некоторых печалит от-

сутствие разнообразия, уменьшение количества свободы. Ведь одни воспринимают это событие экзистенциально, а другие политически.

Н. К.: Разграничьте экзистенциальность и политичность. И ни мой отец, ни я не оказались бы в лагерях, если вы нарисуете эту разграничительную черту. Исчезновения свободы в день Святого Вознесения никакого нет, а есть ее приумножение. Ибо та свобода, которая была сбережена в Русской Православной Церкви за границей, пополнит и обогатит молодую, обретенную в 1991-м свободу Русской Церкви. И этому можно исключительно и только радоваться. И отдать должное смотрению вперед Русской Православной Церкви, которая при частичном своем консерватизме сумела перенести труднейшее объединение с заграничной частью, пойдя для себя на глубокие жертвенные принципиальные уступки. Только надо отдать должное этому свершению.

М. С.: То есть это то, о чем мечтал ваш дядя, епископ Брюссельский Василий?

Н. К.: Он на том свете 17 мая день Святого Вознесения будет праздновать.

М. С.: Спасибо большое.

25 июня 2007

Александр Львович
Казем-Бек.
Москва, 1956

Александр Александрович
Угримов.
Москва

Фото вверху:
Александр Васильевич
Кривошеин – министр
земледелия, 1915 г.
(стоит слева от импера-
тора Николая II)

Фото внизу:
Александр Васильевич
Кривошеин – премьер-
министр правительства
ген. Врангеля в Крыму,
1920 (второй справа)

Нина Алексеевна
Кривошеина с сыном
Никитой. Париж, 1936

Нина Алексеевна
Кривошеина.
Ульяновск, 1948

Кривошеины
Никита, Нина Алексеевна,
Игорь Александрович.
Ульяновск, 1948

Последний репатриант

На II Международной конференции «Нансеновские чтения» в Санкт-Петербурге (27–29 октября 2008 г.) собрались вместе исследователи и «объекты» их исследования — люди, семейно и биографически связанные с репатриацией, с добровольным, сознательным возвращением политических эмигрантов в бывший СССР: Михаил Никитич Толстой, внук Алексея Толстого, один из организаторов петербургской встречи, я сам и еще несколько эмигрантов. В ходе заседаний один из выступающих вдруг «перекрестил» Льва Давыдовича Троцкого в эмигранты, что мне показалось парадоксальным. Почему тогда не сказать, что первый репатриант, к тому же более чем везучий, был Владимир Ильич Ленин? Его возврат из Цюриха оказался настолько успешным, что этот репатриант продолжает пребывать в центре Москвы и излучать вредные волны, а Санкт-Петербург (к сожалению, не только он) и поныне насыщен ленинской топонимикой.

Итак, кто репатрируется? Эмигрант. А кто есть эмигрант? Видимо, наиболее точное определение было дано А. И. Солженицыным: «Эмигрант — это тот, который строит свою жизнь так, чтобы смочь вернуться в страну исхода, или, в случае невозможности, ускорить время этого возвращения».

Начавшийся в 90-е годы прошлого столетия и с тех пор все нарастающий выезд на Запад молодых специалистов и рабочей силы из постсоветского пространства к предмету «эмиграция» не относится никак: это явление миграции, наподобие приезду поляков-шахтеров или испанцев в довоенную Францию. Молоканов и духоборов, высланных из империи и оказавшихся в Канаде, а также этнических немцев и евреев, покинувших Россию начала XX столетия и позже — СССР, также нельзя считать эмигрантами.

Они уезжали из России, «отряхнув прах от ног своих», заклеявшись и думать о возврате, невзирая на любые перемены в стране исхода. Психологически естественно, что сегодня они склонны отрицать реальность падения Советов, перед ними стоит задача ассимилироваться.

Еще из Солженицына: «Первая эмиграция уходила от пули, вторая от петли...». Советы сознательно с самого начала стали проводить политику заманивания тех, кого поражение в Гражданской войне заставило покинуть Россию, — для их последующего уничтожения или «обезвреживания». Призывы к возвращению обыгрывались мотивами ностальгии «по кусту рябины на дороге» (Цветаева), сопровождалась обещаниями «простить» участие в Гражданской войне, а то и посулами хороших окладов и почета «спецам». Люди ехали, их сажали. Движение репатриации, которое возникло вскоре после 1920-х годов, захватило многих. Его можно рассматривать как «откатную волну», а возвращенческим волнам можно вести счет, наподобие эмигрантских. Трагична судьба тех врангелевских солдат и офицеров, которые не сели по каким-то причинам на убывающие английские крейсера. Эти люди послушались письменных обещаний большевиков, данных в Крыму в 1920 году. Бела Кун и Розалия Землячка говорили: «Зарегистрируйтесь, вам все будет прощено». Поверило 5-6 тысяч человек. В Феодосии и Симферополе их всех расстреляли. Результат их страшной «репатриации» был построен на доверии к власти Советов. Именно тогда погиб единственный сын писателя Ивана Шмелева.

В середине тридцатых Советы окончательно установили по всему периметру государственной границы первую «берлинскую стену»: прекратили выдачу паспортов для частных поездок за рубеж. «Невозвращенчество» и репатриация стали процессами необратимыми.

Были и менее рискованные, замаскированные, психологические пути репатриации: остаться в эмиграции, как

родители, в «своем языке», религии, культуре, не слиться с чуждой страной. Отказ от ассимиляции помог этим людям сохранить веру и «русское» мироощущение до наших дней. Вплоть до первых послевоенных лет в Париже существовали Русская гимназия, выдаваемый ею аттестат был эквивалентен французскому бакалавру, в Версале был создан Кадетский корпус под покровительством Великого князя Гавриила Константиновича. Выпускникам предстояло, когда настанет час, освободить Отчизну от большевистского ига! Блестящее образование молодым русским предоставлял коллеж Св. Георгия, созданный бельгийскими иезуитами-униатами. Молодежные организации «Витязей» (военизированная), «Соколов», Русских скаутов, Христианского студенческого движения (РСХД) были активны, в них работали кружки, летние лагеря, хоры... И теперь выпускники гимназии, бывшие «Витязи», держатся вместе; им под 70 уже, но они по-прежнему двуязычны, многие часто бывают в современной России... Вот у кого «репатриация» оказалась и комфортной, и, часто, полезной для России. Но я убежден в том, что и трагическая волна послевоенных «возвращенцев», «резмигрантов», рассеянная по провинциям, по городам Сибири и Центральной Азии, своим простым присутствием, манерой бытия, рассказами, свидетельством, умением работать, хоть на неделю, но ускорила освобождение России, определило характер 21 августа 1991 года.

Это все — о пользе терпения. Но внутреннее репатрианство доводило и до парадоксов. Были русские французы, которые еще до начала Второй мировой войны, до победного шествия Красной Армии, становились марксистами-ленинцами, коммунистами. Это приносило им ощущение причастности к стране исхода, освобождение от состояния изгойства. Немало представителей второго поколения первой эмиграции вступило в ряды французской Компартии. Марина Влади и ее сестры были чле-

нами КПФ и, очевидно, тем гасили свой душевный дискомфорт. Покойный граф Степан Татищев, с любовью описанный Солженицыным в «Невидимках», будучи культурным атташе посольства Франции в Москве, оказал огромную помощь советскому «резистансу», но был, правда, недолгое время, убежденным членом КПФ.

Мало замечена во Франции и, к сожалению, не переведена в России книга Сергея Самарина «L'abolition («Упразднение»)*. Самарин принадлежал одному из последних выпусков Версальского корпуса, «сверххрусского» воспитания и культуры. Все это он упразднил и, отчасти чтобы досадить матери, перешел из православия в марксизм-ленинизм, вступил в КПФ, принял советское гражданство, стал убежденным сталинцем. В 1956 году он впервые смог поехать в Москву, переводчиком. Встретился там с Петром Трубецким и Александром Лермонтовым** — оба недавно вернулись из воркутинских лагерей. На обратном пути, в самолете, Самарин плакал. Вернувшись, он отказался от советского гражданства и опять обратился к Церкви.

Еще маршрут, не менее характерный для «переходного поколения». Вадим Андреев (один из сыновей писателя Леонида Андреева), женатый на дочери эсера Виктора Чернова, участник Сопrotивления. Вадим принял советское гражданство и стал рьяным сталинцем, работал в ООН. Будучи в Нью-Йорке, издал в Москве свои, модные тогда, лирико-патриотические воспоминания. Его первое посещение страны пришлось на 1957, тогда он встретился со старшим братом Даниилом, только что реабилитированным (громкое дело Даниила Андреева, Москва, 1949). Благополучно живя в Нью-Йорке, Вадим об аресте

* Роман недавно издан под заглавием «Крушение» (СПб., 2012). (Ред.)

** Оба репатрианты 1947 г., оба посажены, и оказались из первых реабилитированных. (Ред.)

своего брата, о лагерях даже не подозревал. А затем у него были встречи с А. И. Солженицыным, вместе с сыном Александром он помог вывозу рукописи «Архипелага». Последний раз я виделся с Вадимом в Женеве, вскоре после высылки Солженицына: «Никита, вы эти вещи знаете. Как мне избавиться от советского гражданства? Не хочется с ним умирать...»

Позволю себе порекомендовать исследователям истории эмиграции заняться «совпатриотической» периодической послевоенной Франции (газеты «Советский патриот», «Последние новости», советский журнал «Родина...»). Увлекательное, почти сюрреалистическое чтение... Некоторые модель «внутреннего комфорта» сохраняли почти религиозно. Можно назвать двух известных репатриантов: долго просидевшую Ариадну Эфрон, дочь Цветаевой, и расстрелянного в 1941-м Сергея Эфрона, а также Алексея Эйснера, мемуары которого публиковались в «Новом мире». В эмиграции Эйснер был диаконом, снял с себя сан, стал коммунистом, поехал воевать в интербригады в Испанию и по репатриации сразу же получил положенный «червонец» ГУЛАГа. Ни Эфрон, которая была на Воркуте, ни Эйснера, отбывавшего срок на Колыме, лагеря не «перевоспитали». Они освободились после 1954 года, вернулись в Москву. Эфрон так и умерла коммунисткой. Эйснер только в 1968 году, после Праги, признался друзьям: «Каким я был дураком».

Недавно известный российский режиссер и актер Михаил Козаков снял замечательный фильм «Очарование зла». Истосковавшиеся эмигранты приходили в советские представительства и говорили: «Нам хочется вернуться, нам хочется домой, мы здесь больше не можем». Их собеседники отвечали: «Нам трудно вам поверить на слово, докажите свой патриотизм на деле». Так, скажем, Сергей Эфрон «доказал» свой патриотизм, став сотрудником НКВД, причастным к убийству коминтерновского перебежчика Игнатия Рейсса (И.С. Порецкого). После ак-

ции Эфрон репатриировался и был расстрелян уже в СССР. Так и генерал Скоблин способствовал похищению генерала Евгения Карловича Миллера, предал РОВС, свою веру и присягу. Данное ему сотрудниками «ИНО» (внешняя разведка ГПУ) обещание вернуть на родину было почти сдержано: его посадили в «свой» самолет, который летел в Барселону (Испания была в то время под контролем интербригад и огромного количества чекистов). Говорят, по пути Скоблина из самолета выкинули (по другой версии, погиб или убит в Барселоне). Как бы там ни было, он исчез в темноте советской истории. А выданный Советам генерал Миллер оказался на Лубянке, был заприходован туда под фамилией Иванов. Можно допустить, что у него появилось какое-то ощущение «возвращения в страну»; в его деле сохранилось несколько заявлений на имя народного комиссара Ежова с мольбой и с офицерским честным словом, что «он не будет пытаться бежать или как-то проявлять себя», но умоляет об одном: «скрытно повести его на литургию, чтобы он мог помолиться в русской церкви». Вместо этого его повезли в крематорий Донского монастыря.

Были до войны и «знаковые» репатрианты, которых никто не тронул по возвращении в СССР (Эренбург, Алексей Толстой, генерал Игнатъев, Прокофьев, Куприн, Библин, Казем-Бек...). Они послужили остававшимся за границей белым эмигрантам своеобразной приманкой, но каждому из этих «образцово-показательных возвращенцев» пришлось свою цену заплатить...

Решение репатриироваться — уравнение сложное, в него входит много неизвестных составляющих. Часто это результат абсолютного неустройства — киноромантика вождения такси по Елисейским полям крайне неуютна. А потому думалось, что поближе к бывшему своему имению или родному городу в российской глубинке все равно заживется лучше, да и язык понятный. Оказалось же, что зашифрованный новояз «Правды» был совершенно невня-

тен. Во многом решение эмигрантов репатриироваться было результатом полной социальной неприспособленности, неосвоенного языка, отсутствия нужной профессии. Для офицерства и дворянства очень важным моментом в решении вернуться было желание снова служить и приносить пользу России. Вот и моему отцу думалось в 1946 году, что возвращение даст возможность быть полезным. Желание осталось неосуществленным. Отца почти сразу арестовали. Пользу России он принес, но не ту, что задумывал, не инженерную, а снова «сопротивленческую»! О том, как русские парижане готовились ехать в СССР (а советские чиновники напутствовали: «Лишнего не берите, всем сразу на месте обзаведетесь»), рекомендую посмотреть очень похожий на то, как было в действительности, фильм «Восток — Запад». Ехали в теплушках, начиная с Германии, а приехав, попадали в «фильтрационные лагеря».

Репатриация предполагает то, что Джон Ле Каре обозначал как «смена лояльности», а франкоязычный писатель-эмигрант Владимир Волков — как «retournement», «выворачивание наизнанку». Название одной из книг княгини Зинаиды Шаховской, — «Моя Россия, перерядившаяся в СССР» («Ma Russie habillée en URSS», 1958) — помогает понять психологический и даже идеологический «кульбит» репатриации. Маскировка СССР под Россию, начавшаяся в 1940 и завершенная в 1943 году, была из самых действенных инструментов обмана и заманивания «белых» русских. Особенно после Победы в 1945 году.

Исходная аксиома репатриации выражена английской максимой: «My country — right or wrong» — «Моя страна, права она или не права». Таков был подход Деникина к проблеме в 1942 году: когда к нему обратились нацисты с предложением сотрудничества, он решил: «Пусть большевистская, но родина — Россия, и мы отказываемся воевать против нее».

В зеркальном преобразении те же порывы ностальгической лояльности к России (лишь бы без большевиков) характеризуют и движение власовцев.

Наиболее трезвые добровольные репатрианты, но их было очень мало, понимали, что возвращаются в нелегитимный режим Советов. Тем не менее, хоть и в незаконный режим, но в родную землю все равно хотелось вернуться и ей послужить. Да, Сталин стал как бы восстановителем «Единой и Неделимой» России; он возвратил погоны, открыл церкви, прославил Суворова... Мало кто помнит, что во время войны газета «Правда» вдруг перестала выходить с призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», сменив его на «За нашу советскую Родину». Был распущен Коминтерн, сочинен «Союз нерушимый...» Эмиграция ликовала: вместо «Интернационала» исполняется новый, «настоящий» государственный гимн. Весь этот компаунд, весь этот набор символики тоже сыграл определенную роль в движении «возвращенцев», не говоря уж о том, что из СССР приезжали уговаривать эмигрантов такие знаменитости, как Илья Эренбург, Константин Симонов... Как говорится, «креста на них не было», они-то знали, в какой капкан заманивают наивных людей! Какой-то епископ, прости Господи, приезжал из СССР, уговаривал и обещал неприкосновенность — в то время, как митрополит Николай Крутицкий в частных беседах шептал: «Не езжайте...»

Есть и всегда пребывавший — и поныне не отмененный — принцип: аморальному приказу человек вправе не подчиняться. Принцип этот закреплен «Социальной доктриной» Русской Православной Церкви. Отношение человека к тоталитарной системе, к стране и к месту злодеяний — это вопрос трагический, то есть не имеющий однозначного удовлетворительного ответа.

Задачу коллективного возвращения ставили перед собой крупные политические объединения. РОВС проблему решал по-своему — надеясь на военное поражение Со-

ветов. А вот евразийцы стали совпатриотами: Святополк-Мирский вернулся в СССР, отбыл в ГУЛАГ и умер на Колыме (кстати, в наши дни евразийству удалось идеологически «репатриироваться», оно возродилось в среде современной русской интеллигенции).

Младороссы признали режим, выдвинув лозунг: «Царь и Советы». Их «вождь» Александр Казем-Бек оказался после войны сотрудником советских спецслужб и закончил жизнь благополучным референтом ОВЦС МП*. НТС, ставивший перед собой задачу свергнуть советский строй, свою репатриацию вполне осуществил уже после 1991 года. Многие его руководители вернулись в Петербург и Москву, до сих пор издают журнал «Грани», работает издательство «Посев».

Замечу, некоторые из репатриантов так и не захотели прозреть. Тому пример — книга Александра Угримова «Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту». Автор описывает, как полгода «ждал» ареста в Саратове: «Вот пришли меня арестовывать трое молодых людей с такими открытыми хорошими русскими лицами...» (Курсив мой. — Н. К.). То же странное состояние души и у одного из персонажей в замечательном фильме Демурова и Эпштейна об эмиграции и репатриации «Не будем проклинать изгнание»: добровольный «возвращенец» и «сиделец» Данзас, простодушно и со слезами на глазах говорит, что за возможность курить махорку и смотреть, как из газеты скручивается козья ножка, он готов был пребывать в ухтинских шахтах. Умом такого не понять, в такое можно только верить...

Пик возвращения пришелся на послевоенные годы, после опубликования Указа Президиума Верховного совета от 14 июня 1946 года. Этому периоду посвящены ярчайшие дневники Петра Ковалевского**. Я хорошо помню,

* См. о нем в очерке «Русский француз».

** «Дневники 1920–1922 гг.» опубликованы в России (СПб., 2001). «Дневники 1937–1948 гг.» вышли недавно («Пасхальный свет

какими галлюцинозами была охвачена эмиграция в 1946 году. Сошлюсь на собственный опыт. У меня с рождения над детской кроваткой висела цветная гравюра императора Николая II. Вернувшись из Дахау, мой отец снял ее и заменил черно-белой фотографией Сталина. Петр Ковалевский рассказывает, как митрополит Евлогий мечтал всю эмиграцию разом перебазировать в Советский Союз. Служились и молебны «за раба Божия Иосифа»... Известный эпизод: адмирал Вердеревский, Маклаков, Ремизов и другие были приглашены обедать к послу Богомолу и Молотову. Молотов звал переезжать: «Знаете, семья не без уroda, кто-то, может быть, вас и не поймет, но если у вас будут трудности, пожалуйста, пишите прямо мне». Жены арестованных репатриантов ему и писали...

Степень ослепления была велика. Патриотические настроения совпали во времени с другим явлением: десятки, сотни тысяч власовцев, перемещенных лиц, казаков, остарбайтеров делали все, чтобы не вернуться назад в СССР. Стоит ли напоминать о выдачах в Лиенце, когда молодые матери убивали своих младенцев и себя, когда люди вешались, чтобы насильно не оказаться погруженными союзниками в грузовики СМЕРШа... Спасшиеся от насильственной репатриации счастливики скрывались, их рассказам не верили, считали их изменниками...

Если это не трагедия, то кто Софокл?! Вспомню князя Константина Андроникова, который 9 мая 1945 года, когда Париж был увешен флагами пяти великих держав-победительниц, смастерил из простыни и раскрасил домашним красителем русский триколор и вывесил из окна. Он опережающе понял, кто на самом деле победил. Со своей будущей супругой они скрывали, прятали от групп полковника Тавадзе, начальника советской военной репатриационной Миссии, советских перебежчиков, буду-

щих ди-пи, «перемещенных лиц». А французы в это время терпели на своей территории и похищения белых эмигрантов, и заключения в лагерь Борегар, и насильственный вывоз ди-пи. Это длилось до ноября 1947 года, когда состоялась высылка группы эмигрантов, принявших советское гражданство, когда окончательно закрылся лагерь Борегар, что стало одним из событий начала холодной войны.

Репатриация как социальное явление закончилась, и будем надеяться — навсегда. Она закончилась с возвращением А. И. Солженицына в освободившуюся Россию.

Октябрь 2008

Бывшие политзаключенные Александр Исаевич Солженицын, Наталья Ивановна Столярова, секретарь Эренбурга, писатель Александр Александрович Угримов

Патриарх Алексий II на переговорах с президентом Франции Никола Саркози. Сзади стоят — митрополит Кирилл, иеромонах Савва Тутунов, Никита Кривошеин, кардинал Ечегорай. Париж, октябрь 2007

Из беседы на сайте «Православие.ру»

Михаил Киселев: Вы являетесь одним из основателей движения за Поместное Православие русской традиции в Западной Европе. Каковы цели и перспективы этого объединения?

Никита Кривошеин: Движение за Поместное Православие русской традиции (ОЛТР) образовалось во Франции как ответ на послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия II от 1 апреля 2003 года. В нем участвуют прихожане трех русских православных юрисдикций, существующих в Западной Европе. Вскоре после кончины архиепископа Евкарпийского Сергия (Коновалова; 1941–2003) главой Архиепископии приходов русской традиции в Западной Европе Константинопольского Патриархата был избран архиепископ Команский Гавриил (де Вильдер). В письме Патриарха Алексия предлагалось создание единой православной митрополии в Западной Европе. Это церковное образование объединяло бы все приходы русской традиции и находилось бы в каноническом общении с Русской Православной Церковью. Вскоре после избрания владыки Гавриила в его окружении сложилась группа ярых противников принципа единой митрополии. Один из них пошел на то, что на первом же круглом столе ОЛТР открыто заявил, что «Русская Церковь больна». Когда осенью 2007 года Патриарх Алексий II посетил Францию, он оказался первым православным предстоятелем, которого не пригласили в собор святого Александра Невского на рю Дарю. Что можно к этому добавить?

Ассоциация ОЛТР под председательством Серафима Александровича Ребиндера продолжает свою работу по разъяснению смысла письма Патриарха Алексия, проводит круглые столы. Поддерживает свой интернет-ресурс.

После подписания Акта об объединении двух ветвей Русской Церкви 17 мая 2007 года парижская Константинопольская архиепископия стала к Русской Церкви относиться еще более отрицательно, отчего сама оказывается все в большей изоляции. С Божией помощью цели, которые перед собой ставит ОЛТР, будут со временем достигнуты.

М. К.: В конце июня 2009 года в Брюсселе впервые прошел круглый стол «Русская Православная Церковь и соотечественники в Европе: опыт и перспективы сотрудничества», одним из участников которого вы были. На ваш взгляд, какие положительные моменты и проблемы существуют в среде русского рассеяния в нынешнем веке?

И. К.: На совещании в Брюсселе присутствовали архиепископы Марк Берлинский (РПЦЗ), Феофан Берлинский, Симон Бельгийский, множество клира, настоятели приходов Московского Патриархата в Европе, отец Георгий Рябых — заместитель председателя ОВЦС МП РПЦ; был представлен фонд «Русский мир», миряне, ассоциация ОЛТР. В принятом на круглом столе коммюнике упоминается о возможном финансовом участии России в поддержке православных, оказавшихся «за бугром».

Именно это положение удивило и даже рассердило создатели «антиклерикальных» неправительственных организаций и авторов, в последнее время приумножившихся среди интеллигенции. Приходится читать у этих публицистов, что Русская Церковь — это КПСС сегодня, что (не утрирую) Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл — это «М.А. Суслов» от Церкви, что Синодом заключен тайный договор с кремлевской администрацией, на основе которого губернаторы будут сжигать на кострах «вольтерьянцев» (которые прежде, скорее всего, выплачивали взносы в ВКП(б)/КПСС), а в школах будут засорять мозги детям баснями об Адамовом яблоке и о том, что свобода не «осознанная необходимость», а просто выбор между добром и злом. Эти публицисты накаляют атмос-

феру тем, что утверждают, будто бы именно по этому договору, без которого, мол, «путинской диктатуре» не прожить и недели, в московском суде слушается дело об оскорблении чувств верующих выставкой в Сахаровском центре, «со святым причастием в виде кока-колы и Микки-мауса».

Эта богохульная выставка была, прежде всего, оскорблением памяти веротерпимого А.Д. Сахарова. Для аналогии: Парижская апелляционная палата недавно утвердила решение суда первой инстанции о закрытии выставки немецкого художника, который показывал художественно препарированных мертвецов. Истцом была католическая ассоциация. Хотя мотивы решения, скорее, «человекоправные», потому как художник не смог получить предварительного «согласия» покойников красоваться на стендах. Суд допускает, что трупы были приобретены у китайского «НКВД», который этих людей расстрелял. Так что для «свободы креатива» есть судебные пределы и в секулярной Франции.

Читая в русских СМИ тексты «адвокатов светскости», как не вспомнить журнал «Наука и религия» и обязательку сдачи зачета по «научному атеизму». Приходят на ум и строки А.К. Толстого («Поток-богатырь»):

Там какой-то аптекарь, не то патриот,
Пред толпою ученье проводит:
Что, мол, нету души, а одна только плоть,
И что если и впрямь существует Господь,
То он только есть вид кислорода,
Вся же суть в безначалье народа.

Вместо того чтобы страшить читателей «новой инквизицией» и церковной цензурой, рекомендую этим авторам проехать пару раз в метро больших российских городов. И без дара к физиогномике толпы станет ясно, что население этих мегалополисов бесконечно далеко от религиозности, по сравнению с пассажирами лондонской или берлинской подземки. Россия сегодня — это

непаханая территория для христианского миссионерства. Именно о миссионерстве как о главном делании для Церкви неоднократно говорил Патриарх Кирилл.

Тем, кто сулит возврат к ненавистой «поповщине», не надо забывать, что в Британии англиканство — государственная религия и акты гражданского состояния регистрируются приходами. Что еще три года тому назад в удостоверениях личности граждан Эллады указание вероисповедания было обязательным. Что германский налогоплательщик обязан выбрать, какой конфессии он перечисляет свой налог (а если человек не верующий, то его налог пойдет гуманитарной организации).

У французов есть тюремные капелланы, духовники гимназий и больничные священники. Их статус прописан законодательством и ни в чем не ущемляет отделения Церкви от государства и школы. Наконец, на зеленых денежных знаках страны, ставшей эталоном народовластия (в глазах многих российских оппозиционеров), не только «следы грязи и крови», но и крупно написано: «Мы верим в Бога». На Ближнем Востоке, что в монархиях, что в странах, провозглашенных образцом парламентаризма, теократия на все сто! Здесь повсеместный запрет межконфессиональных браков, да и кладбищенский апартеид! Если бы не вето Ж. Ширака (он считал, что корни нашей цивилизации скрыты в первобытном искусстве), в Конституции ЕС упоминались бы «христианские корни европейской культуры». Этот документ тормозится ирландцами, но редакция «о корнях» скоро опять будет рассмотрена.

Попробую успокоить секуляристов, заранее скорбящих о своих налогах, которые пойдут на помощь православным заграничным приходам. На днях разговорился с двумя украинцами и татариним, занятыми здесь, в Европе, на полевых работах. Вечером ужинал в пиццерии: одну из официанток зовут Вика, свой язык она почти забыла, а новый еле выучила, счастья мало.

Татарину есть к кому склонить голову на плечо: мусульманская община его обласкает. Буддисту из Элисты тоже есть куда пойти: по всей Европе много молелен.

На дверях православных храмов висят сотни записок: «Женщина с двумя дипломами ищет любую работу», «Переводчик на все языки», «Ремонт квартир», «Уход за пожилыми», объявления о знакомствах.

Либо выброшенные бедностью, либо погрузившиеся в пустоту, встречаются эти несчастные около храмов. Они для них и клуб, и собес, и касса взаимопомощи, и неотложка. Чаще всего эти горемыки не подозревают, что на свете существует текст, начинающийся со слов «Отче наш...».

Обратиться в консульства им несподручно: многие из них такие же нелегалы, как таджики-строители в Москве. Сотрудники консульств загружены, редко кто из них филантроп по призванию. Свою задачу они выполняют: визово-паспортное обслуживание, юридическое содействие...

Большинство россиян вне страны спонтанно собираются вокруг православных храмов. Часто приходы становятся для них единственным адресом обращения за помощью.

Неужто соотечественники-агностики в России, те, кому безразличны судьбы своих неприкаянных соотечественников, не согласятся с тем, чтобы малая доля их подати потратилась на финансирование программ, упомянутых в Брюссельском коммюнике?

М. К.: Как вы оцениваете роль Русской Православной Церкви по окормлению нашей диаспоры в Европе? Что, на ваш взгляд, должно сделать Российское государство в этом направлении?

Н. К.: Задачам Русской Православной Церкви в Западной Европе имя — океан. Может быть, это и удивительно, но можно легко поставить знак подобия с тем, что происходит в метрополии.

«Старая» эмиграция на глазах исчезает, ее второго поколения в Париже больше, чем в других странах. Постсо-

ветских мигрантов, притом социально, этнически, образовательно безмерно разнящихся друг от друга, становится больше не по дням, а по часам. И так 20 лет подряд... Как и в России, большинство из них либо вовсе не воцерковленные, либо только Пасху знают. Богатых — мало, но много молодых специалистов, а в основном люди, приехавшие на трудные заработки.

Так что главное в церковной работе — это миссия. Как и в самой России.

Может быть, здесь легче, чем в России, установить первый контакт с людьми: приходы стали «естественным» местом, куда мигранты тянутся встретиться друг с другом, найти совет, помочь друг другу, познакомиться.

Трехсвятительский собор в Париже — и это, без сомнения, благодаря организаторскому таланту архиепископа Корсунского Иннокентия и настоятеля игумена Нестора (Сиротенко) — «вышел в передовые» по своим результатам. Прихожан так много, что хотелось бы раздвинуть стены храма. Здесь и дети белых эмигрантов, молодые ученые, украинцы, молдаване, грузины, женщины и мужчины из всех регионов России. Кружки по изучению Священного Писания, паломничества, лекции по христианской биоэтике, подготовка к таинствам. Помощь в освоении французского, в поисках работы, социальные консультации. Мне говорили, что и в Италии, и в Испании, и в Португалии приходы Русской Православной Церкви стремятся достичь такого же охвата. Нам необходимо больше священников, больше книг, больше средств!

Осенью, благодаря усилиям иеромонаха Александра (Синякова), под Парижем открывается духовная семинария. Вскоре должно быть принято решение о закладке строительства большого нового собора. Есть во Франции замечательный священник отец Алексей. Он от Русской Церкви окормляет православных в Иностранном легионе.

М. К.: В заключение беседы позвольте сердечно поздравить вас, уважаемый Никита Игоревич, с 75-летием

и с вручением высокой патриаршей награды — ордена святого благоверного князя Даниила Московского. Что бы вы хотели пожелать читателям сайта «Православие.ру»?

Н. К.: Церкви и православию я обязан тем, что хоть как-то сохранил себя: и в сталинском Ульяновске, и во Внутренней тюрьме на Большой Лубянке, и в мордовских лагерях, в последующих перипетиях и испытаниях.

Мои малые усилия вознаграждены слишком щедро, моя благодарность Церкви и Патриарху за награждение — велика. Радуюсь тому, что у Русской Церкви такой Предстоятель — миссионер, реформатор, верный Преданию и традиции, знающий и любящий Европу.

Хотелось бы, чтобы читатели «Православия.ру» помогли бы движению за возврат прежних названий городов, улиц, мест. За то, чтобы дети освобожденной страны не ходили бы в школу на 2-й Советской через площадь Свердлова и проспект Дзержинского и т.д. Чтобы с Красной площади уехало бы шукинское строение и его обитатель: миазмы, исходящие от убийцы царственных страстотерпцев и российских новомучеников, столь же токсичны для души нации, как и прежде.

Хотелось бы, чтобы Церковь чаще вспоминала о том, как Творец поручил Адаму уход за сотворенным, и чтобы она призывала верующих к большей природоохранной сознательности, к заботе о растениях, о воде, о животных. Вспомним святых Флора и Лавра, Сергия Радонежского и Серафима Саровского. Это сегодня необходимо для России!

Читателям «Православия.ру» желаю такой же милости и благожелательности судьбы, какие даны были мне. И, конечно же, частого чтения этого такого интересного и хорошо скомпонованного интернет-ресурса.

Александр Шморель

Об «уме, чести и совести нашей эпохи»

О книге протоиерея Георгия Митрофанова*, о катарсисе и арьергардных массовых перестрелках, ею вызванных, и об игре зеркал

На отца Георгия накинудись многие: как, он предлагает видеть во Власове трагическую фигуру, жертву сталинского режима? В этом предателе?

А вот в Германии две недели назад Бундестаг, все партии вместе, единодушно проголосовал за отпускную более чем тридцати тысячам немецких военных, расстрелянных и посаженных в годы Второй мировой войны «за измену присяге». Жертвами военных трибуналов вермахта и гестапо стали немцы в мундирах. У них на ремнях с пряжками готическим шрифтом было выбито «Gott mit uns» («С нами Бог»), и это несмотря на то, что Гитлер с окружением были «окультисты», как нам сегодня настойчиво напоминают. Эти реабилитированные сегодня военные вели пораженческую антинацистскую пропаганду, стремились попасть в плен, участвовали в саботаже. Как относиться к этим тридцати тысячам «германских власовцев», в большинстве не коммунистам? Как оценить решение фельдмаршала Паулюса: после пленения в 1943 году он и многие офицеры вермахта не за лучшую пайку, а по совести создали в СССР комитет «Свободная Германия», участвовали в пораженческой агитации в германских войсках?

Кто они, враги народа? Изменники родины? Ускользнувшие от бдительного гестапо «антинемецкие элементы»?

Русская эмиграция во время войны во Франции в большинстве своём встала на антигитлеровские позиции — почти все критики о. Георгия Митрофанова ссылаются на отказ Деникина сотрудничать с оккупантами. Но те же эмигранты сразу после окончания войны помогали бив-

* Протоиерей Георгий Митрофанов. «Трагедия России. "Запретные" темы истории XX века». СПб., «Моби Дик», 2009.

шим власовцам и «перемещённым лицам» скрываться от советских репатриационных миссий, которые за ними охотились и вывозили в СССР — на расстрелы и в лагеря. Например, огромную помощь этим несчастным оказала в Париже эмигрантская семья Курисов.

Смогут ли отыскать квадратуру этого порочного круга якобы православные, а на самом деле коммунисты-сталинцы, кинувшиеся охаивать отца Георгия Митрофанова, а заодно «литературного власовца» Солженицына и историка Николая Сванидзе за «внедрение в сознание масс пагубного западного либерализма»?

Эти авторы, увы, среди них есть и лица духовные (и не последние из духовенства), отказывают русской белой эмиграции в причастности к судьбе России, якобы ими добровольно утраченной. И упрекают представителей эмиграции в том, что их жизнь сохранилась без «целительных» лагерей и ссылок.

Буду им благодарен, если они скажут, как следует поступать немцам (да и нам, как оценивать ситуацию?) с Вильгельмом Пиком и Вальтером Ульбрихтом? Ведь их от прекрасной нацистской родины укрыл в Москве Коминтерн? Что думать о Томасе Манне, Бертольде Брехте и Марлен Дитрих, «сбежавших» в США? Изменники-невозвращенцы?!

Как немцам следует относиться к тем двум перебежчикам (кажется, коммунистам), которые 20 июня 1941 покинули свою часть, перешли границу и сообщили советским пограничникам о готовящемся нападении на СССР? Для «нас» они были герои, но, если не ошибаюсь, Сталин распорядился им не верить и в благодарность за информацию расстрелять...

Можно ли провести некую аналогию между «Молодой гвардией» и антинацистской организацией «Белая роза»? В этой группе состояли молодые интеллигенты: протестанты Ганс и Софи Шоль, православный Александр Шморель. Они распространяли антигитлеровские листовки,

были арестованы и казнены. Александр Шморель особо почитается Русской Православной Церковью за рубежом. Быть может, участники «Белой розы» заслужили ещё больших проклятия и забвения? Ведь они противостояли не противнику, а действовали против своей страны, такой, какой она тогда была. Исходя из христианского долга, как они его понимали.

Авторов, утверждающих, что у власовцев мотивы были только шкурнические, что ими двигало желание худшего для России, — легион. Немало околоцерковных сайтов, блогов, печатных СМИ дают им приют...

Отца Георгия самого едва ли не обвиняют в переходе на сторону врага: доводы наступающих нелепы, многословны и однообразны. Ограничусь лишь одной цитатой: «Да, это было страшно и не дай Бог нам увидеть что-то вроде раскулачивания, ГУЛАГа и воронок по ночам, но если бы этого не произошло, сейчас уже не было бы не только русского народа, но и многих других, примкнувших к нему лет 200 назад племён. *Большевики воссоздали страну после либерально-революционного погрома ценной жизни миллионов её сыновей и дочерей*».

Из сердоболия к автору этой фашистской и действительно «языческо-окультурной» белиберды не называю его имени, но он профессор...

Нацизм = человеконенавистничество. А Советы, при «ошибках, трудностях роста, перегибах и культе личности» — человеколюбивы? Если верить написанному: «Всё для человека, всё для блага человека» — конечно же. Побывать в Бутово — усомнишься. Или в расстрельных Крымской ЧК после эвакуации Крыма, или в Соловках и Суханово.

Гениальна сознательно замалчиваемая формулировка академика Вернадского о практике коммунистов: «классовый расизм»! Признать её правильность — и весь наш разговор (да и проводимая ныне в психотропных целях бесполезная попытка реставрации коммунистической идеологии) станет зряшным. «Ликвидация как класс», на-

чавшаяся при Ленине, это ли не жёлтая звезда и не Освенцим-Колыма? Две мои двоюродные тётки, не сумевшие эмигрировать, стали *по закону* лишенками в СССР: их морили без продовольственных карточек, не давали учиться, еле наметившихся женихов быстро арестовали и расстреляли. Их кузен дал показания на своего отца и необратимо спился. Когда меня в 57-м ЧК упрятало на Лубянку, то в порядке *отягчающего обстоятельства* написала в своих ксивах, что я «из дворян»... А серовско-кабуловские депортации малых этносов — это ли не жёлтая звезда? Оказавшийся в середине 1970-х в Париже состарившийся И. С. Черноуцан, многолетний, со сталинских времен, ответственный работник Отдела культуры ЦК КПСС по литературе, захотел познакомиться с моим отцом. После приветствия засмутился: «Игорь Александрович, скажите мне прямо: где было хуже, в Бухенвальде или в Тайшете?» Отец, он это умел, учтиво уклонился.

О смысле террора в обеих формациях:

При фюрере уничтожали евреев и цыган. Сажали коммунистов, социал-демократов, протестующих католиков, диссидентов, дворян, гомосексуалистов и сектантов. Номенклатура более или менее исчерпывающая. Бюргер, коли тихо жил, мог не бояться «почтальона или молочника» (слова Черчилля). «За болтовню» гестапо стало масово забирать, когда поражение стало очевидным.

Но вот лагерный куплет о Сталине:

Жил в железной башне Джугашвили,
 Псы его цепные сторожили....
 Без суда и без закона он убил три миллиона
 (это для размера. — Н. К.),
 И его живые полюбили.
 Но всему приходит свой конец:
 Умер наш учитель и отец.
 По нему поминки были,
 Сутки трупы хоронили,
 Тихо спи, за идеал борец.

Советский тоталитаризм отличался тем, что в придачу к ликвидации классов действовал алеаторно-массово, террор был слеп — и тем эффективен. Эффективен настолько, что и поныне объекты и жертвы «стокгольмского синдрома» находят много положительного в преступниках, державших в заточении *целых четыре поколения*. «Спасибо ж Вам за подвиг Ваш высокий, <...> За то, что Вы — такой, какой Вы есть...»* Это, увы, относится и к авторам текста, на который мы отвечаем. Видимо, вдохновляет их недостаточно напугавшая бескровность (почти) падения КПСС, а отсутствие подлинной декоммунизации вселяет надежды на очередное «светлое будущее».

Нацисты процарствовали неполные тринадцать лет, а последующая денацификация была радикальной и плодотворной.

Гитлер мечтал о тысячелетнем Рейхе и тем довольствовался, далее не заглядывал, да и во все стороны света тоже. Не помышлял подарить счастье Кубе или Гвинее, индоевропейского пространства ему для радости хватало. Советы были движимы вселенским мессианством: рисовали земной шар на своём гербе, коммунистическое общество замышлялось глобальным, не ограничивали они себя в долгожительстве ни до завершения его строительства, ни после. Приносимое ими всечеловеческое счастье означало конец истории.

* * *

Дело не в «защите» Власова, тем более Гитлера.

Война началась между социализмом расистским и социализмом универсальным («пролетарии всех стран...»). Отечественной она стала, когда народы России на себе почувствовали, что вермахт — вовсе не армия-освободительница от большевиков, а те же колхозы, Бабий Яр,

* Михаил Исаковский. «Слово к товарищу Сталину» (1945). (Ред.)

казни заложников и насильственные вывозы в Германию. Когда т. Сталин из инстинкта самосохранения стал во время войны открывать церкви, распустил Коминтерн и решился воззвать к Дмитрию Донскому и к «братьям и сёстрам», плюс погоны, новый гимн — всё это внушило и русской интеллигенции (Пастернак, Твардовский...), и многим простым людям надежду на декоммунизацию СССР после победы.

А Власов, его генералитет и офицерство, что ж, действительно персонажи трагические. Если вспомнить Софокла с Еврипидом: довольно быстро они осознали, что выхода нет, выбрать наименьшее зло не получилось. Это ли не трагедия?

В местах исполнения наказания (лагерь Дубравлаг) я застал последних пребывающих там рядовых из РОА. Чаще всего это были не очень грамотные крестьянские дети, у которых на глазах красные комиссары-горожане разрушали церкви, отнимали последнее у близких, раскулачивали, насаждали колхоз с поборами и недоеданием, потом шли аресты, теплушки и лагеря. А у других мобилизация, паническое отступление, окружение. О Треблинке они не знали.

Солженицынский образ власовской РОА, «коней, мечущихся в горящей степи», абсолютно точен. От соседей по бараку, рано состарившихся от сидения, я неоднократно слышал: «Что Гитлер, что Ус — один фуй». Вот и весь спрос. У меня эти сосидельцы вызывали, не боюсь сказать, сочувствие.

Власов — совсем не главный герой книги о «запретных темах». Главное — то, что именно книга священнослужителя о Георгия оказалась детонатором жесточайшей полемики, в которую вовлеклись самые разные круги, в том числе церковные. Решение дилеммы, кому быть верным, России или Советам, или им обоим в одном лице, частично (исчерпывающий ответ невозможен) дано в «Основах социальной доктрины Русской Православной

Церкви»: не должно христианину исполнять приказов, противоречащих вере и морали (цитирую по памяти). Действительно: правильный выбор по совести между добром и злом приоритетен по отношению к чувству этнической верности — тем более, когда свой этнос начинает заниматься антропофагией!

Задача этого текста — не миссионерская агитация за православие, оно в нём не нуждается.

Да, Церковь должна заниматься политикой. «Слесарю — слесарево» — так говорилось при диктатуре пролетариата. И она делала это даже в советские годы — священники, несмотря на запреты, с амвона говорили, что аборт — грех. Папа Пий XI издал энциклику *Mater et magistras*, в которой отлучил от Церкви коммунистов и голосующих за них. Святой Патриарх Тихон занимался политикой, отвергая большевиков. Патриарший местоблюститель Сергей, свободно, и до Сталина, призвав к защите Отечества, выступил как политик...

О полемике вокруг РОА и книге протоиерея Георгия Митрофанова сказали свое слово Синод РПЦЗ и архиепископ Марк Берлинский — это тоже церковное различение правды и неправды.

Пример этих жёстких экзистенциальных диспутов и попытка найти ответы на сложнейшие вопросы — это пример того, как церковное слово способствует химчистке, психотерапии, начавшихся давно: 5 марта 1953-го. И без книги о Георгия тема продолжала бы оставаться спящей инфекцией в коллективном сознании.

В постсоветском обществе, ещё поныне не протрезвевшем от большевизма и застоя, не излечившемся от страха, лишений и спровоцированного ими цинизма, Церковь (тоже всем перечисленным, увы, поражённая) всё же приблизилась к тому, что можно недемагогически обозначить как «ум, честь и совесть нашей эпохи».

Митрополит Антоний (Блум)
и архиепископ Василий (Кривошеин)

Владыка Василий, выдворение А.И. Солженицына и церковные иерархи

Несколько слов о дядюшке

В течение долгого времени архиепископ Василий был для меня некой абстрактной фигурой, знакомой только по фотографии, стоящей на нашем камине. Так было до его первого посещения СССР в 1956 году. В то время по своей молодости и легкомысленности я не воспринимал его приезд как нечто значительное, а потому уехал бродить по горам Кавказа...

В мордовском лагере я, к своему счастью, встретился с молодым священником, отцом Вячеславом Якобсом. В те времена «катакомбной церкви» почти уже не существовало, но вполне действовала конспиративная передача запрещённой литературы в лагерь, и таким образом о Вячеславе получил номер «ЖМП» со Словом архимандрита Василия, произнесенным при наречении в сан епископа*. Текст этот меня пронзил.

Афон, куда он поехал паломником в 1925 году и где остался послушником, сделал владыку Василия таким, каким он был: смиренным монахом, ведущим скромную жизнь, никак не мешавшую (скорее помогавшую) сохранять свободу мысли и слова. Несмотря на все сложности, с которыми ему пришлось столкнуться в Церкви, именно правда и любовь наставляли владыку Василия всю жизнь быть верным Московскому Патриархату.

Многих поражала во владыке поистине монашеская бедность. После его кончины нам в семью передали его

* См. также: Наречение и хиротония архимандрита Василия (Кривошеина) // Журнал Московской Патриархии. 1959. № 9. С. 27–32.

вещи, в том числе поразившие нас изношенные и заштопанные рубашки — видимо он никогда ничего себе не приобретал, кто-то ему штопал старые вещи. Для него никогда не существовало материальных ценностей, «практичным человеком» он никогда не был, плохо понимал в хозяйстве, а к деньгам был совершенно равнодушен. Единственное, что он берёт и собирал, так это свою библиотеку. Жил он одним: успеть сказать, написать, помочь людям, делать, что возможно, во благо Церкви.

Несколько парадоксальным для афонского аскета казалось мне его интенсивное жизнерадование, интерес к политике, любовь к беседе за приятным ужином с красным вином. Он всегда живо интересовался событиями в России — и не только церковными делами, но и политической атмосферой. Мне запомнились наши беседы об инакомыслящих, об А.И. Солженицыне. Воспоминания Архиепископа «Февральские дни в Петрограде в семнадцатом году» и «Спасённый Богом» были внимательно изучены Солженицыным в работе над «Красным колесом». Сам владыка и семья Кривошеиных вошли действующими лицами в главы «Марта Семнадцатого». До конца дней оставалась во владыке Василии и нежная привязанность к его братьям и ко мне, единственному племяннику. Конечно, монаху положено избавляться от всего мирского... Наверное, здесь все-таки сказалась некая память о петербургском комфортном детстве и отрочестве, об офицерской юности в Белой армии и дальнейшем студенчестве в Париже.

Мне рассказывали, но точного подтверждения у меня тому нет, что во время войны в одном из помещений русского Пантелеймоновского монастыря на Святой Горе висел портрет Гитлера. Чему удивляться: за каждым из монахов стояло мирское прошлое. Оно преследовало всю жизнь. Среди братии, как и во всей русской диаспоре, произошло разделение — между теми, кто искренне думал, что Германия может освободить СССР от больше-

визма и вернуть изгнанников в Россию, и теми, кто чувствовал: вопреки коммунистической диктатуре Россия ещё жива и призвана возродиться. Владыка Василий, конечно же, принадлежал ко второй группе.

Владыку, как и всех Кривошеиных, не миновала судьба заключённого. Он был пленён Красной армией, а по прошествии двадцати лет испытал на себе порядки островной греческой тюрьмы.

Выбор монаха Василия (Кривошеина) был очень непростым. Особенно если вспомнить, в каком разделении и даже взаимной вражде пребывали в те годы православные юрисдикции. Но я не раз слышал от него, что он никогда не жалел о своём выборе. Сошлюсь здесь на слова о. Георгия Чистякова из его работы «“Красный” антисоветчик» — к 100-летию со дня рождения архиепископа Василия (Кривошеина):

«Архиепископ Василий (Кривошеин) сознательно, причем еще до своего иерейского рукоположения, приняв решение принадлежать к Московской Патриархии, выбрал для себя особый и далеко не простой путь. И это в то время, когда можно было находиться во вполне “благополучной” юрисдикции Константинополя и таким образом быть независимым от Москвы, хотя и не прерывать с Патриархией и ее паствой евхаристического общения — как сделала основная масса русских в Европе, все, кто группировались вокруг парижского Свято-Сергиевского института и получали в нем образование.

Однако на деле всё было гораздо сложнее — и это сразу поймет каждый, кто читал воспоминания владыки Василия, — ничего советского в большинстве из них не было, а в Советской России на них смотрели как на белоэмигрантов, врагов, почти агентов ЦРУ, но, главное, как на матерых антисоветчиков. Выбор владыки Василия и митрополита Антония был прежде всего связан с тем, что они понимали: Церковь Христова и православная вера неизмеримо больше, чем любая политическая си-

стема и, главное, чем взгляды и страхи тех людей, что составляют ее земную часть. В Московской Патриархии они видели не ее задавленность и зависимость от большевистского режима, но каноническую юрисдикцию, которая на русской земле наследует тысячелетней церковной традиции».

В нашей семье всегда думали и верили в то, что владыка Василий был для нас неким «ангелом хранителем». В 1948 году мы оказались в СССР, без прав и защиты, подвергались репрессиям, и Владыка нас своими молитвами и самим существованием спасал и уберегал... Может быть, именно благодаря его личности и сану мой отец, освобождённый из ГУЛАГа, реабилитированный, смог получить разрешение проживать в Москве... Может быть, и я благодаря его молитвам был осуждён только на несколько лет лагерей, хотя грозило куда большим.

И в доказательство прозорливости владыки:

В один из его приездов в Москву мы ехали вместе с ним на машине ОБЦС по Софийской набережной. Был ясный летний день, и золотые купола кремлёвских храмов сверкали на солнце. Я обратил внимание дядюшки на этот великолепный вид, и он совершенно неожиданно мне ответил: «Да, ты прав. Это очень красиво, но наступит день, и нужно будет эти храмы переосвятить». И, помолчав, добавил: «Надеюсь, что ты доживёшь и увидишь это собственными глазами». Так оно и случилось.

После моего освобождения из лагеря и выезда в 1970 году из СССР, я часто и много встречался с Владыкой, что позволило зародиться между нами настоящей духовной близости, которая дополнялась и близостью семейной. Однажды я приехал в Брюссель, и во время нашего завтрака с ним я задал дядюшке вопрос, как он объяснит слова пророка Даниила, что есть «время, полу-время, и времена» (Дан. 12, 7). Владыка немедленно объяснил мне значение этого выражения. И в своей личной жизни Владыка всегда жил древним, но и умел предвидеть бу-

дущее, он обладал провидческим даром. Он никогда не отрекался от своей прошлой мирской жизни, и особенно от всего того, что он пережил в молодости. Десятилетиями работая над византийскими рукописями (а это сверхкропотливый труд!), он оставил нам богатейшее богословское наследие. Очень ценны и, пожалуй, уникальны его воспоминания о иерархах в сложный для Русской Православной Церкви период, а также мемуары о «боевой» молодости. Воспоминания о жизни до своего монашеского пострига он всегда подписывал мирским именем Всеволод Кривошеин. Эти свидетельства вошли почти слово в слово в солженицынское «Красное колесо», а сам Владыка выведен там одним из персонажей.

Будучи участником Белого движения и находясь под командованием генерала Деникина (прах которого ныне перезахоронен в России) дядюшка на всю жизнь сохранил верность своим убеждениям. Этим событиям Гражданской войны посвящены воспоминания Всеволода Кривошеина «Деятнадцатый год»*.

Всю свою жизнь архиепископ Василий оставался настоящим «бойцом». Я приведу только один пример. Мой покойный отец и я встречали Владыку в Москве в аэропорту «Шереметьево-2». Нас допустили дожидаться архиепископа в таможенном зале. Один из таможенников приблизился к Владыке и очень вежливо спросил: «Простите меня, но я должен задать Вам один вопрос: нет ли в Вашем чемодане «литературы»? Владыка совершенно не смутился и ответил: «Нет». Как только мы вышли из здания аэропорта и отделились, он тихо сказал мне: «Я ответил чистую правду. У меня нет никакой литературы в чемодане, но под рясой её много, и весит она непомерно».

* См.: Архиепископ Василий (Кривошеин). Воспоминания. Письма. Нижний Новгород. Изд-во Братства во имя св. Александра Невского. 1998. С. 29–197.

Можно многое вспомнить из жизни Владыки... Я же хочу выделить одну немаловажную черту его характера: он никогда никого не осуждал. Вместе с тем, он был непрекаем в вопросах веры, а в своих социальных и политических суждениях был непреклонен, но никогда не осуждал людей непосредственно. Наиболее резкое суждение, которое мне пришлось слышать из его уст, было: «Он, кажется действительно странный человек...»

И еще момент, странно провидческий, имеет непосредственное отношение к кончине архиепископа Василия. В могиле, которую он себе заранее приготовил в Брюсселе и в которой он, по воле Божией, не был погребён, покоится самый близкий его помощник — диакон Михаил Городецкий*. Владыка Василий умер у себя на Родине, в городе, где родился, и недалеко от церкви, где был крещён, совсем недалеко от семейного дома. Родившись в Петербурге, Владыка никогда не называл этого города Ленинградом, а говорил — «город на Неве». Можно сказать, что земными днями Владыки, кончиной его распорядилось Провидение, и теперь он покоится в родном Санкт-Петербурге.

И, наконец, благодаря тому, что я дожил до тех дней, когда кремлёвские храмы были переосвящены, я опять могу бывать в России достаточно регулярно. Каждый раз, когда приезжаю в Петербург, я посещаю Серафимовское кладбище, где покоится Владыка. На его могилу приходит много разных людей: со своими несчастиями и надеждами они молятся на могиле архиепископа Василия и, как многие мне рассказывали, он утешает их.

* Протоиерей Михаил Городецкий (1932–2003) — многолетний секретарь архиепископа Василия.

Выдворение А. И. Солженицына и церковные иерархи

Из переписки архиепископа Василия (Кривошеина)

7 января 1974 года в Париже, в издательстве ИМКА-Пресс, вышел в свет «Архипелаг ГУЛАГ», и тут же меры «пресечения антисоветской деятельности» Солженицына были обсуждены на заседании Политбюро. Вопрос был вынесен на ЦК КПСС, за выдворение высказались Ю.В. Андропов и другие; за арест и ссылку — Брежнев, Громыко, Косыгин, Подгорный, Шелепин и другие. Возобладало мнение Андропова.

12 февраля Солженицын был арестован, обвинён в измене Родине и лишён советского гражданства.

13 февраля писатель выслан из СССР (доставлен в ФРГ на самолёте).

16 февраля в «Правде» помещена заметка митрополита Крутицкого и Коломенского Серафима: «Отщепенцу — презрение народа»:

«Как митрополит Русской Православной Церкви, постоянно выступающий в защиту мира, считаю указ Президиума Верховного Совета СССР единственной правильной мерой в отношении А. Солженицына, — заявил корреспонденту ТАСС митрополит Крутицкий и коломенский Серафим. — Солженицын печально известен своими действиями в поддержку кругов, враждебных нашей Родине, нашему народу. Все его действия, по существу, направлены против смягчения международной напряженности и установления прочного мира на Земле...».

3 марта в Париже опубликовано «Письмо вождям Советского Союза»; ведущие западные издания и многие демократически настроенные диссиденты в СССР оценили «Письмо» как антидемократическое, националистическое и содержащее «опасные заблуждения»; отношения Солженицына с западной прессой также продолжали ухудшаться.

29 марта СССР покидает семья Солженицына.

Процитированная заметка из «Правды» вызвала телеграмму архиепископа Брюссельского и Бельгийского (Кривошеина), направленную Патриарху Пимену:

«Брюссель, 17 февраля 1974 г.

*Святейшему Пимену, Патриарху Московскому
и всея Руси,*

Чистый переулок, 5, Москва.

Глубоко огорчен высказываниями Высокопреосвященнейшего митрополита Крутицкого и Коломенского Серафима, оправдывающего репрессивные методы против большого русского писателя, неустрашимого борца за правду и свободу, и тем самым за подлинный христианский мир, Александра Исаевича Солженицына. Выступление Высокопреосвященнейшего Серафима вынуждает меня как архиепископа Русской Православной Церкви также высказаться, дабы не создалось впечатление, будто Владыка Серафим выражает мнение всего русского епископата. Заявляю поэтому, что я совершенно не согласен со всем содержанием высказываний митрополита Серафима, и с его оправданием репрессий, особенно против Солженицына. Подобные выступления причиняют тяжкий ущерб доброму имени Московской Патриархии».

С преданностью и любовью о Христе.

Василий, архиепископ Брюссельский и Бельгийский».

На эту телеграмму 3 марта последовал ответ Московского Патриархата, пересланный митрополитом Ювением:

«Ваше Высокопреосвященство!

Настоящим сообщая Вам резолюцию его Святейшества, Святейшего Пимена, Патриарха Московского и всея Руси, наложенную на Вашу телеграмму от 17 февраля с. г.

«Преосвященный Митрополит Серафим в своем высказывании о действиях Александра Солженицына правильно выразил мнение своих сограждан, на что имеет право каждый человек. Преосвященный Архиепископ

Василий в данном вопросе, как проведший большую часть своей жизни в эмиграции, не может быть вполне беспристрастным к тому, что происходит на его Советской Родине.

Патриарх Пимен”.

С любовью о Господе

*Председатель ОВЦС МП, митрополит Тульский
и Белевский Ювеналий»*.*

Комментарии, согласимся с редакцией «Русской мысли», опубликовавшей эту переписку 2 мая 1974 года, «нам кажутся излишними».

В семейном архиве Кривошеиных хранится переписка владыки Василия с митрополитом Антонием (Блумом)***, Петром Евграфовичем Ковалевским****, с братом Кириллом Кривошеиным***** и со мной (племянником Владыки), проливающая свет на описанные выше события.

* Цит. по: Церковь владыки Василия (Кривошеина). Составитель А. Мусин. Нижний Новгород, 2004. С. 340–341.

** Митрополит Антоний Сурожский, в миру — Андрей Борисович Блум (1914–2003) родился в Лозанне, детство провел в Персии, с 1923 г. — в Париже, окончил Сорбонну (1938). Пострижен в 1943 г. Автор многих книг, почетный доктор нескольких университетов.

*** Петр Евграфович Ковалевский (1901–1978) — брат епископа Иоанна (Ковалевского). Эмигрировал в 1920 г., жил в Ницце, затем в Медоне под Парижем. Старший иподиакон митрополита Евлогия (Георгиевского), в 1921 г. по его просьбе организовал «архиерейский штат церковнослужителей» и руководил его работой. Преподавал в лицее Мишле (1926–1941), в Свято-Сергиевском богословском институте (1925–1949), в Институте св. Дионисия (1970-е), в Русском научном институте, на русском отделении Сорбонны. Основатель Общества ревнителей патриаршества, член французского Общества друзей православия. Автор более 200 статей в русских и французских журналах и газетах.

**** Кирилл Александрович Кривошеин (1903–1977) — младший сын А.В. Кривошеина, родился в С.-Петербурге, в 1919 г. эмигрировал с матерью (Е.Г. Карповой), через четыре года в Париже окончил «Ecole Libre des Sciences Politiques», после чего более сорока лет служил в банке «Лионский Кредит». С начала войны воевал на линии Мажино, попал в плен. Был деятельным участником французского Сопротивления и награжден медалью Сопротивления. Много путешествовал, был большим знатоком искусства. Написал объемное исследование о жизни и деятельности отца, послужившее

1. Никита Кривошеин — архиепископу Василию

6 марта 1974

Дорогой дядя Гика!*

Искренне и глубоко рад Вашей реакции на заявление митр<ополита> Серафима. Ваш текст, по-моему, составлен достойно, веско, именно по-церковному, а не политически. Vous remettez les choses á leur place**. Благодаря Вашей телеграмме митр<ополит> Серафим перестает быть (не может рассматриваться) как «spokesman» — т. е. официальный голос русской Церкви в целом, исчезает гнетущее чувство, что Церковь благословляет чекистов. Спасибо Вам!

Теперь о распространении. Вполне понимаю, что в данное время, до получения ответа, дабы не нарушать церковного порядка, last but not least***, — до выезда родителей****, Вы не хотите предавать этот текст широкой гласности. Но текст уже стал известен очень многим, и тут нужно думать о правде, а остальное Господь рассудит. Да, все очень непредсказуемо! Очень трудно строить достоверные предположения: либо Ваше немедленное приглашение в Москву — это как реакция на телеграмму (зная, как там все медленно, то вряд ли. Но данное дело, заявление митр<ополита>Серафима, было проведено четко и молниеносно). Либо — приглашение «разошлось» с телеграммой. И это возможно. Либо — оно застряло на столе у Макареца*****. Или у оперативника,

материалом для солженицынского «Красного колеса», где А.В. Кривошеин и его сыновья выведены как действующие персонажи. К.А. Кривошеин скончался в Мадриде, похоронен под Парижем на кладбище в Севре.

* Семейное имя владыки.

** Вы расставляете все по местам (фр.).

*** Последнее по счету, но не по важности (англ.).

**** Разрешение на выезд во Францию Н.А. и И.А. Кривошеины получили 13 февраля. И.А. Кривошеин частично отбывал срок в Марфинской «шарашке» вместе с Солженицыным и оставался с ним в контакте позже, чем, очевидно, и объясняется его полувысылка на следующий день после ареста писателя.

***** П.В. Макарецов — сотрудник Совета по делам религий при Совете министров СССР.

ведущего нашей семьей (второе — наверняка!), и это выяснится, когда Вы будете в Москве.

Ведь то, что сказал митр<ополит>Серафим, было широко распространено ТАСС и остается единственным широко гласным. А потому Ваше решение о публикации Вы, наверное, примите, вернувшись оттуда. Отчасти en fonction* оттого, как и кто и в каких тонах с Вами будет (будут) беседовать.

Лично я думаю завтра показать Ваш текст Константину Андроникову** и послать его Никите Струве*** для передачи Александру Исаевичу, безусловно, оговорив, что пока это не для прессы.

С Александром Исаевичем у меня был короткий телефонный разговор. Он очень обрадовался известию о приезде родителей, сказал, что он их очень любит (в «Архипелаге» ведь он подробно приводит рассказ о деле со взяткой Мещерской-Гревс и как мама спасала своего отца****). Он очень был взволнован и закончил разговор со мной фразой: «Со мной случилась беда, мне необходимо передумать всю свою жизнь». Но этот факт (разговор) — между нами. Книга — превосходная!

У меня нет чувства, что мученичество духовенства и верующих в ней недооценено, духовенство присутствовало во всех потоках, об этом говорится несколько раз. Всего охватить просто невозможно.

Русского текста «Обращения к вождям СССР»***** еще не знаю, но рассердятся все — и монархисты (что же с Единой и Неделимой?), и либералы (в том числе я) — почему нужно отворачиваться от Европы? И радикалы — как же той же бригаде пыталелей предлагать отказаться

* В зависимости (фр.).

** Переводчик президента Франции В. Жискара д'Эстена.

*** Никита Алексеевич Струве (род. в 1931 г.) — славист, глава издательства «YMCA-Press», гл. редактор журнала «Вестник РХД».

**** А.П. Мещерского.

***** «Письмо вождям Советского Союза» (1973).

от марксизма и вдохновляться отныне лишь этическим самосознанием?! Но жду завтра оригинал.

Сегодня вечером должны звонить родители. Уговариваю их быть в Париже до Страстной. Очень опасаясь за мамино здоровье. Голоса у них бодрые. Приезд их несомненно радостен. Но есть и трагизм: отчасти самоотрицание, отчасти ужас межконтинентального путешествия в таком возрасте. Дай Бог все обойдется максимально гладко.

В субботу, безо всякой охоты, опять в Вену и Женеву. В Париже 23-го.

Да, Солженицын принял Д. Панина* на 20 минут и выгнал. Мне безусловно Панина жалко, ибо человек он по душе не плохой, но очень не умен, а посему фашиствует. Им не по пути.

Пожелайте от меня матери Екатерине скорой поправки**.

Вас же целую крепко,
Никита Кривошеин

2. Архиепископ Василий — Никите Кривошеину

9 марта 1974, Брюссель

Дорогой Никита!

Посылаю тебе письмо для «Le Monde» и прошу позаботиться о дальнейшем. Как видишь, текст совпадает с телеграммой. Но несколько усилен (в конце и т. д.).

Всего доброго,
арх<иепископ> Василий

* Дмитрий Михайлович Панин (1911–1987) — инженер, ученый, философ. В 1940 г. арестован, получил 5 лет, в 1943 г. — еще 10 лет. Сидел в Марфинской «шарашке» вместе с Солженицыным. В романе «В круге первом» выведен как Дмитрий Сологдин. В 1956 г. реабилитирован. Активно участвовал в правозащитной деятельности. В 1972 г. эмигрировал во Францию.

** Монахиня Екатерина (Ксения Полохова; 1906–1982), келейница владыки Василия.

3. Архиепископ Василий — К.А. Кривошеину

13 марта 1974, Брюссель

Дорогой брат Кира!

Я все эти дни, начиная с воскресенья, а на деле и несколько раньше, был болен. Ангина (болит горло), кашель, насморк, температура, слабость. Не выхожу на улицу. Сейчас благодаря лечению значительно лучше, но ещё не могу служить и писать, это меня стесняет в моей деятельности. Но жар прошел. Мне очень помогают прихожане.

Я написал письмо в газету «Le Soir», приложил французский перевод телеграммы Патриарху с некоторыми добавлениями (например, в конце: «Il est consternant de voir un haut dignitaire de l'Eglise approuver des mesures de violence contre un homme dont la seule faute est d'avoir dit la vérité»*). Сегодня получил ответ от директора «Le Soir», Mr. Corvilain: «J'ai bien reçu la lettre que Votre Excellence Révérendissime m'a adressé le 9 mars. J'en ai pris connaissance avec beaucoup d'intérêt. Nous allons faire connaître, dans une de nos prochaines éditions, que V. Exc. Rev. y exprime»**.

Я очень рад, не думал, что будет такой благоприятный результат. Как только письмо (целиком ли, выдержки или статья с письмом, или со ссылками... пока неясно, но это не важно) будет напечатано, то пришлю тебе номер газеты. Подобное письмо послал через Никиту в «Le Monde», он с помощью К. Андроникова попытается его издать в газете.

Интересно еще и другое, что по делу Солженицына выступили два епископа нашего Экзархата, а все

* Удручительно видеть, что церковный иерарх одобряет насильственные меры, примененные к человеку, единственная вина которого в том, что он сказал правду (фр.).

** Ваше Святейшество, я получил Ваше письмо от 9 марта и с огромным интересом ознакомился с ним. В ближайшем номере нашего издания мы его опубликуем (фр.).

«дарюшники»* молчат. Тем лучше, скажу я, пусть сами себя компрометируют. Им запретил выступать Константинопольский Патриарх, да и они очень духовно оторваны от Русской Церкви, ничего не хотят знать, а только живут своими местными проблемами, замкнуты на себе. Так что подлинная свобода сохранилась только в нашем Экзархате, а «дарюшники» служат греческим интересам (Константинопольский Патриарх из-за турок не захочет ссориться с Москвой).

Получил книгу и передал Ольге**. Моё мнение, что о Корнилию*** её вообще незачем посылать, бесполезно. Но раз имеется бракованный экземпляр, пошли, если хочешь. А вообще прекрати раздавать книгу любителям дармовщины, кроме, конечно людей способных написать и поместить рецензию.

М. Екатерину из-за своей хвори не видел уже 5 дней, она поправляется. Но очень медленно.

Обнимаю, твой брат
арх<иепископ>Василий

4. Архиепископ Василий — митрополиту Антонию

<Середина марта 1974>

Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Антонию, Митрополиту Сурожскому, патриаршему Экзарху в западной Европе от Архиепископа Василия (Кривошеина)

Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыко!

Получил Ваше письмо от 28 февраля с сопровождающими его приложениями (впрочем, я получил всего одну проповедь, а Вы пишете о двух). Постараюсь ответить

* Архиепископия Константинопольского Патриархата на ул. Дарю в Париже.

** Ольга Александровна Кавелина, двоюродная сестра владыки, жившая в Москве.

*** Архимандрит Корнилий (Фристедт; 1902–1982) — настоятель кафедрального собора Св. Николая в Брюсселе.

прежде всего на самое главное, то есть, конечно, на предполагаемую Вашу отставку от должности Экзарха*.

Конечно, я определенно против, хотя бы потому, что Вас нечем заменить** и некоторую пользу благодаря Вашей популярности среди западных инославных Вы несомненно приносите. Ведь что будет в случае Вашего ухода? Меня Патриархия никогда не назначит, да и я не соглашусь по возрасту. Владыка Петр*** совершенно не подходит, не пастырская личность, не русский, и к тому же большевизан (его назначение было бы началом советизации Экзархата, он уже сейчас дошел до того, что бывает в посольстве на праздник красной армии). Во всяком случае мы его здесь как Экзарха не примем, а будем просить о непосредственной зависимости от Патриархии. Нечего и говорить, что советский Экзарх еще менее приемлем. Нет у них ни одной подходящей личности, все они не разбираются в положении на Западе, сотрудничать с ними я не смогу и не желаю (хотя бы в вопросе о «Вестнике»). Придется тоже просить о непосредственной зависимости от Патриархии (по принципу: Москва далеко, Париж близко, значит, иго ее будет менее чувствительным).

Поражает отсутствие серьезных мотивов Вашей отставки. Вы выдвигаете два: 1) здоровье; 2) несогласие с линией Патриархии, особенно в вопросе об итальянских приходах. Относительно здоровья я скажу, что все мы болеем (возраст тоже болезнь, да к тому же неизлечимая), однако все ж таки терпим. Впрочем, я согласен, что возраст и болезнь являются единственными причинами, по которым епископ имеет право просить об освобождении от должности. Но к Вам это безусловно не относится, воз-

* 21 февраля 1974 г. митрополит Антоний подал прошение об отставке с поста Патриаршего Экзарха по состоянию здоровья.

** Митрополит Антоний предлагал на этот пост митрополита Берлинского Филарета (Вахромеева), Патриаршего Экзарха Средней Европы.

*** Архиепископ Петр (Люилье; 1926–2007).

раст у Вас детский, а то, что Вы в силах постоянно ездить в Голландию и Швейцарию, показывает, что у Вас еще достаточно сил. А если их не будет хватать, не путешествуйте так много, в этом нет крайней необходимости, кроме как в Париж, куда Вы, однако, не ездите.

Что касается «линии Патриархии», с которой Вы не согласны, то это не причина подавать в отставку (Вы не митрополит Николай Еремин)*. Ведите упорно свою линию, а если Патриархия будет недовольна, пусть она Вас увольняет без прошения, а сами не уходите. Я так понимаю образ действия архиерея. Это прежде всего относится к области экуменизма. Далее, насколько я могу понять, поводом к Вашей отставке было совсем не «дело Солженицына», а итальянские приходы. Вы меня удивляете: неужто из-за этих «бандитов» Вы хотите поднимать шум? Да они не стоят того! Почему нигде, где существуют западные приходы, не происходят столкновения с католиками, а только в Италии? Может быть, в Италии католики более лютые, но и итальянские «православные» тоже, вероятно, большие скандалисты. Поэтому очень хорошо, что Вы их отпустили на все четыре стороны, а еще лучше, что Румынская Церковь, как я слыхал, категорически отказалась их принять (знает, с кем имеет дело!). Но почему Вы обиделись на Патриархию, что эти приходы отняли от Вас и подчинили митрополиту Ювеналию? Надо было радоваться, что Вас освободили от «бандитов», тем более, что по состоянию Вашего здоровья это для Вас большое облегчение, не надо путешествовать. Ведь и у меня отняли Голландию (хотя и признали, что я был прав), а я только сказал: «Слава Тебе, Господи, освободили меня от “бандита” Дионисия!**» А Вы обижаетесь, как митрополит Николай Еремин, когда у него отняли Роттердам и Женеву.

* Митрополит Корсунский (Николай Еремин; 1892–1985) — экзарх Московской патриархии в Западной Европе.

** Епископ Дионисий (Лукин; 1911–1976) — с 1966 г. епископ Роттердамский, викарий архиепископа Василия (Кривошеина).

Еще одна причина, почему Вы не должны уходить от должности Экзарха. Вы не злой человек, никого не душиите, с Вами можно жить. А это то, что мы ожидаем от Экзарха. Да к тому же знаете языки, можете эффективно говорить. Все эти качества не так часто встречаются.

Все эти рассуждения носят, однако, чисто теоретический характер: я глубоко убежден, что после Ваших выступлений о Солженицыне Патриархия ни в коем случае не примет Вашей отставки, ибо в противном случае начнется крик, что Вас уволили за защиту Солженицына и компании. Этого как Патриархия, так особенно Совет по делам религии, смертельно боятся. Своим «солженицынским» молебном Вы очень упрочили Ваше положение как Экзарха, если только Вы сознательно не перейдете известных пределов (чтобы «красиво пасть»)*.

Теперь о Солженицыне. Я рад, что мы в один день, 17 февраля, не сговорившись между собою, каждый по велению своей архиерейской совести, выступили: Вы — молебном о «людях доброй воли», я — телеграммой Патриарху. Это для меня очень отрадно и духовно и практически в смысле взаимной поддержки, хотя между нашими выступлениями большая разница. Вы, вероятно, будете несогласны, но я скажу прямо, как думаю: Ваше выступление политическое, в широком смысле этого слова и в хорошем его смысле, мое церковное. Поводом Вашего молебна была высылка Солженицына, целью молитвенная поддержка его и всех «инакомыслящих» и политических заключенных в России (Буковский** и т. д.). Поводом моей телеграммы было не изгнание Солженицына как таковое, а выступление митрополита Серафима против него. Если бы митрополит Серафим не выступил, и я,

* На заседании 5 апреля 1974 г. Священный Синод РПЦ постановил освободить митрополита Антония от должности.

** Владимир Константинович Буковский (род. в 1942 г.) — один из основателей диссидентского движения в СССР, начиная с 1963 г. неоднократно арестовывался, последний раз в 1971 г. В 1976 г. обменен на Луиса Корвалана. Живет в Англии.

вероятно, не считал бы полезным и возможным вмешаться, при всем моем сочувствии Солженицыну. Правда, это сочувствие, ярко выраженное в моей телеграмме, придает и ей «политический» характер, но это не на первом месте. Главная моя цель — забота о добром имени Московской Патриархии. Я не отвергаю избранного Вами политического пути, он может быть рассматриваем как дополнительный к «церковному», вопрос только в том, насколько он полезен для Церкви в России в данный момент (а на Западе этот путь будет весьма популярным). Я знаю, что в России многие независимые церковные деятели, как о. Всеволод Шпиллер*, против поддержки Церковью оппозиционного движения, а среди массы верующих такая линия вызвала бы непонимание и осуждение. А что молебен о Солженицыне в глазах советских властей является политическим актом, показывает пример панихид о жертвах гонений и террора митрополита Евлогия в Лондоне в 1930 году. Так вынужден был их характеризовать митрополит Сергей***. И так их характеризует Успенская*** в недавно изданной от имени Экзархата брошюрке, сильно повредившей нашей Церкви во Франции. (В последней глубине ни евлогианские панихиды, ни «солженицынские» молебны не уместаются в понятия политического акта, но мы должны честно признать, что оба богослужения явления аналогичные.)

Другое мое возражение, на первый взгляд противоположное и для меня очень существенное, может быть названо риторическим термином *captatio benevolentiae*****.

* Всеволод Дмитриевич Шпиллер (1902–1984) — протоиерей; с 1920 по 1950 г. — в эмиграции.

** Будущий патриарх.

*** Лидия Александровна Успенская, рожд. Савинкова-Мягкова (1906–2006) — жена иконописца и богослова Л. А. Успенского, в 1930-е — секретарь Пражского французского института, с 1939 г. — в Париже. Писала на церковные темы. Была известна своими просоветскими взглядами.

**** Снискание расположения (*лат.*)

В древних учебниках риторики рекомендовался при составлении просьб высоким особам следующий прием: прежде чем начать излагать просьбу, поместить несколько льстивых фраз с целью благоприятно расположить, «уловить» его «благорасположение». Я не говорю, чтобы Вы так примитивно и утилитарно сознательно применяли этот прием, но такая тенденция была проявлена Вами на Соборе 1971 года и вызвала у меня глубокое разногласие с Вами. Вы считаете, что «уловите благорасположение» советских людей, и они будут Вас лучше слушать, если Вы будете восхвалять им советские порядки, социалистическое строительство, выявлять чувства советского патриотизма и т. д. А я считаю наоборот, Вы их тем только оттолкнете, не говоря о том, что восхваление советских порядков как основанное на извращении действительности недопустимо. Так, в Вашем выступлении в последний день Собора Вы говорили, что как русский человек Вы гордитесь советскими достижениями, разделяете гордость советских людей, но так как в Англии много западных православных, то с них нельзя требовать таких же советско-патриотических чувств, и Вы просите, чтобы подобных мест не было бы в резолюции Собора, хотя «как русский» Вы их приемлете.

Я был вынужден ответить на это, что я русский, а не иностранец, *но именно как для русского это восхваление советских достижений для меня неприемлемо*. Пишу об этом, потому что в Вашем письме к митрополиту Ювеналию Вы идете еще дальше. Вы молились «за Советский Союз» (почему не сказать «за Россию», если вообще на эту тему Вы считаете возможным говорить), «за его правительство (не против него)» (не верю, что искренне; даже в Москве, когда молятся за властей, никто не крестится, а когда «да тихое и безмолвное житие поживем» — крестятся и кланяются). Несогласен я и с модным экуменическим лозунгом, что нельзя молиться «против», а только «за». А как же на Пасху мы поем: «Да воскреснет Бог, и да

расточатся врази Его» и т. д.? Но дальше уже идет утверждение, находящееся в кричащем противоречии с действительностью: «Всем известно, что в самой России существует сильное, все возрастающее движение людей, принимающих социалистический строй, готовых принимать участие в строительстве нового мира... но с ужасом вспоминающих... сталинские времена». Неверно: людей, принимающих социалистический строй и видящих все зло в Сталине, становится все меньше. Кроме Роя Медведева*, я никого не знаю, кто бы так думал: прекрасная октябрьская революция, прекрасный Ленин, прекрасный коммунизм, а вот Сталин все испортил! Да и Медведев уже перестал так говорить, а: «И у Ленина были ошибки, и в революции не все было прекрасно, но до Сталина все еще было сносно». На примере Солженицына мы видим, какую эволюцию проделали в России русские люди: Солженицын был марксистом, поклонником Ленина, а потом все это отверг, ибо понял, что дело не в «сталинских временах», даже не в Ленине, хотя он и главный виновник, а в октябрьской революции, в марксизме-коммунизме и самом социалистическом строе. Все возрастающее число людей в России начинает все больше и больше это понимать. Боюсь поэтому, что Ваши слова о «социалистическом строе» и «строительстве нового мира» не встретят понимания и сочувствия среди верующих и мыслящих людей в России.

Мое общее отношение к «политике» в Церкви следующее: я в принципе не против участия Церкви в политической жизни. Церковь — всеобъемлющий организм, политика часть жизни, христианство судит обо всем; естественно поэтому Церковь высказывает политические суждения и выражает их в действии, но, конечно, эта

* Рой Александрович Медведев (род. в 1925) — советский и российский публицист, доктор педагогических наук, политический деятель, некоторое время связанный с диссидентским движением.

политическая сторона не должна никогда доминировать, как это часто случается сейчас на Западе. И главная задача Церкви не в этом. Так в принципе, а в конкретной исторической жизни в применении этого принципа многое зависит от исторических обстоятельств. Так, сейчас, в условиях безбожной тоталитарной диктатуры, когда Церковь борется за само свое существование и не может в России иметь свою собственную самостоятельную линию, а части Церкви за рубежом не могут свободно высказывать свои взгляды из опасения повредить Церкви на родине, наиболее правильной церковной линией является полное воздержание Церкви от политических высказываний и действий. Этим исключаются участие Русской Православной Церкви во всех видах «борьбы за мир», во многих политических и социальных секциях Всемирного совета Церквей, с одной стороны, политические открытые высказывания зарубежных церковных деятелей Московской Патриархии — с другой. Одно совершенно недопустимо — ложь!

Теперь снова о «Солженицыне». Я слышал, что Вы опубликовали письмо в «Таймс», еще не видел текста, постараюсь достать. Со своей стороны, я переделал мою телеграмму в «Письмо в редакцию» (с небольшими дополнениями и, конечно, без упоминания о телеграмме) и послал в редакции «Ле Монд» и «Ле Суар» (самая большая бельгийская газета). Посмотрим, напечатают ли? Саму телеграмму публиковать пока не буду, это было бы некорректным по отношению к Патриарху. Но показывать телеграмму, давать ее текст Вы можете свободно, кому хотите, только чтобы не печатали.

Приглашен уже после отправки телеграммы митрополитом Ювеналием приехать в Москву в качестве гостя 14–28 мая. Буду очень рад с Вами встретиться и поговорить в Брюсселе 23–24 марта, как Вы пишете, только точно сообщите заранее, в какие часы и когда приезжаете.

У меня несчастье: заболела м. Екатерина, артроз правого колена, с трудом ходит по комнате с палочкой. Вообще очень переутомлена. Временно помещена в старческом нашем доме.

Прошу Ваших святых молитв и остаюсь с любовью о Христе.

Архиепископ Василий (Кривошеин)

5. Архиепископ Василий — К.А. Кривошеину

20 марта 1974, Брюссель

Дорогой Кира!

Посылаю тебе вырезку из газеты «Le Soir» от 18–19 марта с моим письмом о митр<ополите>Серафиме. Из «Таймса» мне сообщили, что помимо своего выступления в «Правде» от 16 февраля м<итрополит> Серафим поместил еще 1 марта текст с нападками на Солженицына в «Times»!

В ответ на это владыка Антоний (Блум) опубликовал в «Times» от 7 марта свой ответ. Вполне удачный и сильный, в общем сходный по духу с моим текстом в «Le Soir». В том же «Таймсе» от 6 марта очень хороший ответ Дим<итрия> Дим<итриевича>Оболенского*. Перешло тебе копии этих обоих текстов.

Патриархия вообще смущена заявлениями митр<ополита> Серафима. Характерно, что ни в одном из изданий патриархии (Бюллетень и проч.) высказывания м<итрополита> Серафима не упоминаются. По-видимому, кто-то толкнул м<итрополита> Серафима выступить помимо Куроедова** — Макарецва.

* Дмитрий Димитриевич Оболенский (1918–2001) — британский историк-медиевист.

** Владимир Алексеевич Куроедов (1906–1994) — председатель Совета по делам Русской православной церкви (1960–1965) и Совета по делам религий (1965–1984) при Совете министров СССР.

Глеб Рар* пишет, что рецензия о твоей книге** будет дана им в «Посеве» и Аркадий Столыпин*** напишет большой текст о твоей книге в «Гранях»****.

Обнимаю, твой брат
арх<иепископ>Василий

6. К. А. Кривошеин — архиепископу Василию

24 марта 1974, Париж

Дорогой брат, владыко,

получил твое письмо и вырезку из «Le Soir». Прекрасно! Нужно было это сказать.

Зато я считаю, что лучше воздержаться от публикации письма в «Монде». Конечно, Советы все это уже знают, уже все изучено по «Le Soir». Но мне кажется, что если продолжать, то это будет иметь характер организованной кампании против них, а ввиду отъезда Игоря и Нины Алексеевны <Кривошеинных> лучше этого не делать. Тем более, что ввиду ухудшения американо-советских отношений (см.: «Монд», 24–25 марта) уже сокращен выезд евреев из СССР.

Мое мнение, я не думаю, что митр<ополит> Серафим сделал «свой жест» без ведома Куроедова. Скорее сам Куроедов настоял на этом заявлении.

Обнимаю,
Кира

* Глеб Александрович Рар (1922–2006) — русский зарубежный журналист, церковный историк, церковный и общественный деятель, член Народно-трудового союза, многолетний председатель Свято-Князь-Владимирского братства.

** Имеется в виду книга К.А. Кривошеина об отце: «А.В. Кривошеин. Его значение в истории России начала XX века» (Париж, 1973).

*** Аркадий Петрович Столыпин (1903–1990) — писатель и публицист, с 1920 г. в эмиграции, жил во Франции, занимался русской и французской журналистикой. Сын премьер-министра России П. А. Столыпина.

**** Ежеквартальный журнал, основан 20 июля 1946 в Германии Е.Р. Романовым, одним из руководителей НТС.

7. Никита Кривошеин — архиепископу Василию

25 марта 1974

Дорогой дядя Гика!

Простите за долгое неписание. Письмо Ваше догнало меня лишь в Женеве, уже поздно было что-то оттуда предпринимать (правда показал тамошней корреспондентке «Монда», она сказала, что будет звонить в редакцию). Здесь же дядя Кира закликает меня ничего не предпринимать, пока родители не выехали. Не знаю, насколько причинно-следственные (с'est le mot!) связи здесь очевидны, но он столь настойчив, что я не решаюсь ему перечить... Вы моё мнение знаете, я целиком с вами согласен.

Телеграмму Вашу я показывал широко, и решительно у всех людей церковных ее текст вызвал и вздох облегчения и 100 % одобрение редакции. В «Le Soir» тоже вышло очень удачно, эту «кашу» маслом «мондовским» не испортишь, но дядя Кира категоричен.

Константин Андроников думает, что Ваш майский визит (если таковой состоится?) в Первопрестольную будет нелегким. В субботу снова еду в Вену на неделю. Говорил с родителями. Голоса бодрые, намечаемые даты прибытия в Париж между 16 и 20 апреля, прямо в Пасху. Надеюсь, Вы сможете приехать их встретить.

Первые недели они будут жить у Элизабет де Фонтенэ. Дай Бог всё пройдёт без шероховатостей.

Как Вы? Как мать Екатерина? Когда в Париж?

Целую Вас крепко, Ваш

Никита К.

8. Архиепископ Василий — Никите Кривошеину

26 марта 1974, Брюссель

Дорогой Никита!

По ряду соображений считаю нецелесообразным помещать мое письмо в «Монде», достаточно, что оно было

уже в «Le Soir». Поэтому прошу остановить это дело. Пошлю Кире ряд документов (между прочим, реакцию «Новостей» и моё второе письмо в «Le Soir»). Они не секретные. Их можно показывать и переписывать, но я считаю, что это должно быть переопубликовано только в религиозных изданиях, а не в политической прессе. Хорошо бы опубликовал «Вестник РСХД» Н. Струве.

Обнимаю, твой дядя

арх<иепископ>Василий

9. Архиепископ Василий — К. А. Кривошеину

26 марта 1974, Брюссель

Дорогой Кира,

я совершенно с тобою согласен и сам думал о том тебе написать, что помещать мое письмо в «Le Monde» было бы сейчас неблагоприятно, вполне достаточно уже тех публикаций, которые есть. Я написал Никите, чтобы он приостановил это. Но другое дело — в специализированных религиозных изданиях вроде «Вестника» Н. Струве. Если они захотят, то я не возражаю. Считаю, что наше священство и клирики, да и православные люди должны знать правду. Пересылаю тебе целый список с копиями того, что было опубликовано. Очень интересное письмо вл<адыки>Антония от 7 марта в «Таймсе», замечательно написано. Я с ним много говорил об этом деле, и мы, по сути, только вдвоем выступаем и проявляем то, как это было на самом деле. А вот есть ли такие ответы и реакции священников в России? Этого пока не знаю.

Интересно, что агентство АПН «Новости» очень быстро, всего через 6 дней, опубликовало реакцию на мой текст. Видно, они быстро снесли с Москвой и получили «резолюцию» от митр<ополита> Ювеналия. Представляю, как тяжело самому вл<адыке> Ювеналию было все это пересылать, писать и объяснять...

Владыка Антоний был здесь у меня. Мы с ним провели

несколько дней вместе, и он мне рассказал, что был в Цюрихе, в течение пяти часов беседовал с Солженицыным.

Солженицын благодарит меня за телеграмму Патриарху и через нашего цюрихского епископа Серафима передал мне, «что ему очень важно было такое услышать от русского Епископа». Кроме этого, вл<адыка> Антоний служил молебен о Солженицыне, об этом ВВС передавало по радио на Россию. Там о моей телеграмме и молебне очень многие слышали благодаря ВВС и теперь на радио (так мне сказали) они получают письма. Но митр<ополит> Ювеналий по телефону запросил вл<адыку> Антония «в чем дело?». Вл<адыка> Антоний переслал ему без утайки все документы, но дальнейшей реакции до сих пор не было.

Я не утверждаю, что мит<рополит> Серафим по собственной инициативе выступал, но давление на него было скорее оказано со стороны КГБ, а не со стороны Куроедова. Впрочем, это все одни «интуитивные» предположения.

Был здесь и Бувевский* на какой-то конференции в Лувене. Говорил я с ним о Солженицыне. Он обо всех публикациях знает. Я дал ему читать «Архипелаг ГУЛаг», взять с собой в СССР он побоялся, но четыре ночи не спал. Прочитал всю книгу! А потом мне говорит: «Все, что в ней написано, правда, но знаете, но видите ли... я не против, я не осуждаю Солженицына... но знаете, но видите и т. д.», — все уваливал и собственного мнения не высказал. В этом весь Бувевский, он всегда такой (все, что о Бувевском, строго конфиденциально). Он сказал, что меня приглашают приехать («визу дадут, и это приглашение к Вашей телеграмме не имеет никакого отношения, сейчас не сталинские времена»). Но я не совсем уверен, что это так.

* 17 Алексей Сергеевич Бувевский (1920–2009) — сотрудник Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии, доктор богословия.

Здоровье м. Екатерины резко улучшилось. Ходит свободно по комнатам без палки. Но всё же останется ещё некоторое время в старческом доме. Там очень хороший уход.

Обнимаю, твой брат
арх<иепископ>Василий

10. Архиепископ Василий — П.Е. Ковалевскому

18 апреля 1974, Пасха
Воистину Воскресе!

Благодарю тебя за поздравления и взаимно и сердечно поздравляю со Светлым Праздником. Христос Воскресе!

Молитвенно желаю тебе мира и радости о Христе Воскрешем, а также сил телесных и здравия для твоих трудов.

Царствие небесное Вл. Мефодию!* Я его лично мало знал. Но отзывы о нём слышал хорошие, хотя у него, как говорят, были некоторые заскоки (упрямства и т.д.)

Посылаю тебе некоторые материалы в связи с выступлением митр<ополита> Серафима Крутицкого и Коломенского и моей реакции на это выступление (телеграмма Патриарху Пимену, мое заявление в брюссельскую газету «Le Soir» и проч.). Я знаю, что Зинаида Шаховская ничего не хочет публиковать о Церкви, если это не по ее вкусу, но попробуй все же поместить в «Рус<ской> мысли» мое заявление в «Le Soir» или телеграмму Патриарху (заявление полнее и лучше. Но его нужно перевести на русский). Вообще, можешь послать все.

На будущей неделе (22–26 апреля) я буду в Париже, и, если ты хочешь узнать подробности, можешь позвонить ко мне в Экзархат и придти поговорить. Буду рад тебя видеть.

С любовью о Господе Воскрешем,
Василий, архиепископ Брюссельский и Бельгийский

* Епископ Мефодий (Кульман; 1902–1974) — епископ экзархата Константинопольского патриархата.

11. Архиепископ Василий — К.А. Кривошеину

4 мая 1974, Брюссель

Дорогой Кира!

Поздравляю тебя, прости, что с некоторым запозданием, с днем твоего рождения и с твоим семидесятилетием, хотя, по-моему, это еще не достаточный возраст, чтобы его особенно отмечать. Начиная с 75-ти уже можно.

Не писал тебе отчасти из-за невыяснения некоторых вопросов в связи с моей поездкой. Во-первых, сейчас только выяснилось, от нашего прихожанина, только что вернувшегося из Москвы, что в Патриархии меня ждут. В связи с этим я был вчера, 3 мая, в здешнем консульстве для хлопот о визе. Виделся только с двумя девицами, принимавшими прошения. Я их помню по прежним посещениям, и они, вероятно, меня помнят. Это хорошо, что не нужно было идти к консулу и прочему начальству для объяснений. Приняли спокойно-любезно, как ни в чем не бывало, ничего не спрашивая. Заполнил анкету, приложил фотокопию приглашения Патриархии. Подал вместе с паспортом. Срок две недели, маршрут «Москва—Загорск—Ростов—Вологда—Ленинград—Новгород—Москва». Ответ: «Будет готово 10 мая», — то есть через неделю (нормальный срок), за четыре дня до отъезда. Думаю, что из слов «будет готово» можно заключить, что виза будет дана и что никаких осложнений в связи с ней в консульстве не предвидится, но, конечно, совершенно уверенным быть нельзя никогда. Как бы то ни было, пошел из консульства в «Аэрофлот» и задержал место на 14 мая.

Выбор маршрута объясняется следующим: 1) из Патриархии просят заранее указать, куда я намерен ехать, это им удобнее; 2) «археологическим» интересом такой поездки, все это древние города; 3) в Новгороде или Ленинграде надеюсь повидаться с Вл<адыкой> Никодимом*,

* Митрополит Никодим (Ротов; 1929–1978) — председатель ОВЦС в 1960–1972 гг.

он там почти все время живет; 4) «камуфляжным» характером такой «археологической» поездки: а значит, приехал не ради каких-то «шпионских» целей, а чтобы посмотреть древние церкви; 5) в Вологде надеюсь встретиться с арх<имандритом?> Михаилом*, но я не уверен, что в Вологду меня пустят! Я не слышал, что там бывают иностранцы. Посмотрим!

Другие новости: партия митр<ополита> Алексия Таллинского** — митр<ополита> Серафима Крутицкого*** выдвигает Экзархом архиепископа Питирима****, и ему самому очень хочется им стать, но митр<ополит> Никодим и митр<ополит> Ювеналий противятся, пока успешно; на последнем заседании Синода вопрос о назначении Экзарха в Париж отложен на неопределенное время. <...>

В Патриархии очень недовольны митр<ополитом> Антонием (Блумом) за то, что он подал в отставку сразу после своего выступления в пользу Солженицына. Они усматривают в этом не то хитрость (поставить Патриархию в невозможность принять отставку, дабы не создавать впечатление, что его увольняют за его выступление), не то желание уйти с шумом, как «жертва преследования».

Я много сам об этом думал и сейчас склонен считать, что такие суждения о митр<ополите> Антонии несправедливы. У него было много трудностей с Патриархией (например, в том, что он совершенно забросил Париж), в другом, в том, в чем он прав (когда в угоду Ватикану у него отняли православные итальянские приходы), в общем Вл<адыка> Антоний был на Патриархию обижен, здоровье его было действительно плохое, а выступление

* Можно предположить: будущий архиепископ Михаил (Мудьюгин; 1912–2000).

** Митрополит Таллинский и Эстонский Алексей, будущий патриарх Алексей II (Ридигер; 1929–2008).

*** Митрополит Серафим (Никитин; 1905–1979) — в 1971 г. назначен митрополитом Крутицким и Коломенским, постоянным членом Священного Синода.

**** Митрополит Питирим (Нечаев), 1926–2003. Глава издательского отдела Московской патриархии.

митр<ополита> Серафима оказалось той каплей, которая переполнила чашу, и он подал в отставку. Это он давно предполагал сделать, но все откладывал. Напрасно!

Прочитал сегодня в «Русской мысли» мою телеграмму Патриарху и т. д. («Московский Патриарх и дело Солженицына»). Это для меня довольно неожиданно, в газету я не обращался, а посылал в свое время материалы Петьке Ковалевскому, но не думал, что он сумеет поместить их в «Р<усской> м<ысли>». Тем лучше, что ему это удалось без того, чтобы мне не пришлось кланяться З. Шаховской. То, что они напечатали не письмо в «Le Soir», а телеграмму, уже не имеет сейчас никакого значения... Ведь мит<рополит> Ювеналий в своем письме в «Le Soir» упоминает о моей телеграмме, но не приводит ее текста, а просто цитирует резолюцию Патриарха. Тем самым он дает мне право публиковать телеграмму, без которой эта резолюция совершенно непонятна читателям. Не я, а митр<ополит> Ювеналий первый пустил официальные документы в печать. <...>

Твой брат арх<иепископ> Василий

2012

Александр Исаевич Солженицын

Кирилл Александрович Кривошеин.
Париж, 1970-е годы

Архиепископ Брюссельский и Бельгийский Василий (Кривошеин)

Владыка Василий и Игорь Кривошеины в аэропорту «Шереметьево»

Никита Игоревич Кривошеин.
У памятника Ф.М. Достоевскому.
Баден-Баден, 2013

P. S. Русский француз

Автобиографический очерк

I

Детство моё до начала войны 1939 года было очень счастливым, почти похожим на детство моего тёзки в книге безобразного Алексея Толстого. Три большие комнаты в двухстах метрах от Сены напротив Эйфелевой башни. Комфорт, нечастый для тех лет, тем более в русских парижских жилищах. Мой отец блестяще закончил Сорбонну и стал одним из лучших специалистов Франции по бытовым электроприборам. К моему рождению он был совладельцем завода «Лёмерсье», где был ведущим инженером. Так что в нашей квартире уже тогда были холодильник, электрические отопители с термостатом и всяческая другая «продвинутая» утварь. Я был единственным, к тому же поздно рождённым, сыном. И как бы вершиной перевёрнутой демографической пирамиды: один от двух сестёр Мещерских и пяти братьев Кривошеиных. Такой скудный приплод, быть может, доказывает правоту марксовской доктрины о «вымирающем словии». Нине Алексеевне было 39 лет, когда я прибыл в эту юдоль слёз, — тем же путём, что и Кесарь. В то время подобное вмешательство считалось жизнеопасным. Нина Алексеевна мне потом часто заявляла: «Когда я тебя рожала, то чуть не умерла». Уж не знаю, насколько педагогично это было повторять мальчику, а особенно подростку, во время нашего ульяновского ада (не гипербола).

Клиника, где я появился на свет, помещалась в пригороде Булонь.

У меня сменилось много советских паспортов, где эта топонимия всячески уродовалась. Видимо, паспортисткам она была не по вкусу: в одной «корочке» было прописано «Булань», в другой — «Бупонь».

До сих пор сохранилась метрика о моём крещении. Она заполнена тушью, с твёрдыми знаками и ятями. Писарской вязью, старорежимным почерком, русский священник о. Николай Митрофанов вписал моих восприемников и меня, обозначив как «потомственного дворянина Симбирской губернии». Знал ли он, что через четырнадцать лет крестимый окажется в «своём» губернском городе, с названием, изуродованным похуже родного муниципалитета.

Для получения первого паспорта, в шестнадцать лет, в первое ульяновское отделение милиции я представил свою «бупонскую» метрику. Требовалась и справка с места работы или учёбы. Я снабдился осьмушкой серой бумаги с плохо читаемой печатью, заполненной от руки фиолетовыми чернилами и с кляксами. Выходило, что я «работаю токарем второго разряда на заводе № 650 МЭП СССР». Дотошность чиновничьего корпуса, созданного во Франции Наполеоном, делает свидетельство о рождении очень удобным документом для астрологов: в нём указано, что я испустил первый крик в 20 часов 16 минут по парижскому времени.

Молча и долго рассматривал меня капитан милиции, которому я вручил эти две несопоставимые ксивы.

Давно потеряв звездочётный гороскоп, заказанный на меня мамой в первый год моего бытия, но наверняка парижский гадальщик не узрел и намёка на ульяновские приключения.

В гражданской метрике я обнаружил один момент, преопределивший мою судьбу почище всякого Нострадамуса. В православии родители довольствуются для своих чад выбором одного покровителя небесного и считают это достаточным. Во французских удостоверениях личности перечисление имён, получаемых при рождении, занимает две строки: Жан-Поль-Филипп-Рене... Звучит достаточно поэтично. У католиков это отчасти, чтобы не обижать предков и родни, а отчасти, потому что страхо-

вание на Западе всегда было более распространено, чем в России. Французы предпочитают при крещении поручать опеку новорожденного по крайней мере двум святым, самое большое шести.

Мои восприемники, Наталия Алексеевна Энтель (рожд. Мещерская) и Кирилл Александрович Кривошеин, крестили меня в честь св. Никиты Новгородского. И ещё в память Никиты Александровича Мещерского, любимого мамино двоюродного брата, который долгое время ошибочно считался расстрелянным Советами. В Булонском ЗАГСе отец меня записал *Никита-Александр* (через дефис). Мотивы — Никита имя русское, так пусть у мальчика впрок будет и французское имя «Александр», и это ему во Франции поможет чувствовать себя более или менее как все.

В 1934 году французский закон предоставлял возможность иностранцам объявлять своих детей, родившихся на территории страны, гражданами Франции. У моих родителей, впрочем, как почти у всех русских эмигрантов, были «нансеновские» паспорта, и они считались лицами, утерявшими подданство Российской Империи. Но Игорь Александрович решил: «Никита будет русским!». В 1934 году рассчитывать на падение Советов было равносильно желанию провести отпуск на Сатурне... Второе имя, второй покровитель мне никогда не пригодились.

* * *

Сорок пять лет спустя, в 1976 году французские власти предложили Игорю Александровичу, политэмигранту-«повторнику» из СССР, стать гражданином Франции. Событие редкое и большой почёт! В семидесятые годы даже самый дерзкий советолог не решился бы строить прогнозы насчёт падения режима в «самой счастливой стране мира». Игорь Александрович опять отклонил пред-

ложение. Значит ли это, что речь идёт о веровании, о тючевском «в Россию можно только верить»? Можно считать, что да. Это тем более очевидно, что на смертном одре один из последних членораздельных вопросов (предыдущий вопрос относился к состоянию здоровья нашего бультерьера Урчи), заданных мне отцом, был: «А как ты всё-таки относишься к России?»

Со своим двойным именем я на всю жизнь обречён был на культурную и языковую раздвоенность, обречен был стать «русским французом». Но могу допустить, что Игорь Александрович, с молодости воспринявший благодаря своему масонству всяческие символы и мистику, подумал о втором имени как о магической защите от дурного навода и злой судьбы.

II

У Мещерских, в маминой семье, рождались только девочки, и в 1915 году мой дед Алексей Павлович подал на Высочайшее Имя прошение передать в будущем фамилию по женской линии. Государь прошение удовлетворил в начале семнадцатого...

Старшая сестра моей матери и моя крестная Наталья Алексеевна, в замужестве Энтель, скончалась бездетной. Первая её эмиграция была в Сербию. Гитлера они с мужем, естественно, ненавидели, но когда в 1945 году стала слышаться советская артиллерия, они, не задумываясь, погрузились в германский обоз и удалились в Баварию. И правильно сделали, а то ведь могло получиться, как с Василием Витальевичем Шульгиным.

Он отчасти по возрасту, отчасти по тогдашнему патриотизму остался в Белграде. В конце шестидесятых годов Шульгин встречался с моим отцом во Владимире (в тамошней «крытке» он долго сидел), и вот достоверный его рассказ: «К концу первой недели входа Красной армии в Сербию звонят мне в дверь. Открываю, на пороге не-

сколько советских офицеров, в руках — огромные пакеты со снедью. “Вот, пришли навестить и отдать должное знаменитому человеку!” — представились они. Улыбчивые и симпатичные, я пригласил их, накрыли на стол, развернули продовольственные пакеты. Старший предлагает: “Давайте выпьем!” “Я, — говорю, — совсем не пьющий”. — “Ну, за Победу, одну рюмку! Вы должны!” Не посмел отказаться. Следующее моё воспоминание — гул двигателей самолёта, летящего на Лубянку».

Шульгин человек исторический. А вот папа встретил в 1954 году в лагере, в Тайшете, очень симпатичного, когда-то состоятельного француза, страстного любителя живописи. В 1952 году, как только это стало возможно, он устроил себе туристическую поездку в Вену — посмотреть тамошних Веласкесов и Веронезе, во вновь после войны открывшемся музее. Вечером он вышел из гостиницы, походить по городу. Сам того не заметив, оказался в советском секторе. Рядом с ним притормозил джип («Виллис», как тогда называли эти машины). Он получил сильный удар по голове, потерял сознание... Затем — оказался в Тайшете, с приговором в 25 лет за шпионаж. Это я рассказал только о двух курьёзных похищениях, а было их по всей Европе очень много, и не только «своих» умыкали.

Так что при подобных арестах да посадках и любая рожаемость сословия — в удивление. Наша семья пережила много арестов многих своих членов.

У моего деда Александра Васильевича Кривошеина было пять сыновей: Василий, Олег, Игорь, Всеволод, Кирилл, а уже в третьем поколении приплоду — один я.

Старший сын Василий был убит эпидемией тифа в конце Гражданской войны. Обещал стать талантливым математиком. У второго, Олега, было призвание к философии и богословию. Третий, Игорь, — офицер, инженер (мой отец), с ним он больше всех дружил, фотография Олега всегда стояла у нас в Париже на камине. Четвёртый,

Всеволод, довольно молодым принял постриг, провёл 28 лет на Афоне, стал видным патрологом, архиепископом. Пятый, Кирилл, мой крёстный — закоренелый холостяк, боевой офицер, награждён французской «Медалью Сопrotивления», известный экономист, отсидел в немецком лагере для военнопленных и опубликовал к концу жизни замечательную книгу о своём отце. (Компьютер мой прямо сейчас стоит на террасе квартирki у Средиземного моря, в испанском курорте Даймуз. Это место завещал мне Кирилл и подарил тем самым моим близким и мне немало счастья. Приобрёл он Даймуз в 1968 году по наущению замечательного культуроведа Владимира Вейдле.)

* * *

Олег Кривошеин сражался в Добровольческой армии, считался пропавшим без вести на Кубани. История его гибели стала нам известной только в конце шестидесятих годов. Вот как это произошло.

Большинство папиных двоюродных братьев и сестёр не сумели эмигрировать. Пусть это не покажется странным, но со многими из них, сумевшими выжить, мы встретились и сблизились только после смерти Сталина, когда они перестали бояться зачумлённых «заграничных» родственников. Это сейчас все кому не лень ищут родных за границей и пытаются найти дворянские корни, а раньше... Жизнь в СССР людей из «недобитого сословия» заслуживает отдельного рассказа. Да и выражение это не придуманное, относилось оно и ко мне: в декабре 1957 года в следовательский кабинет на Лубянке зашёл майор Медведев, спросил моего следователя, указав на меня: «Даёт показания?» — «Да нет, отказывается».

Медведев обернулся ко мне, сделал вид, что плюёт, и вякнул: «Жалкий недобиток!»

* * *

Все же после 1953 года у «недобитого поколения» страх общения с нашей семьей стал сходить, постепенно восстановились родственные связи, хотя у некоторых этот несчастный период затянулся вплоть до перестройки.

Среди наших же дедов по ходу «воссоединения семьи» был Геннадий Николаевич Лихачёв. Благородной осанки горбун, с вечным мундштуком, со свойственной почти всем нам слабостью к водке и, как многие, холостяк. После революции было не до женитьбы, а барышням не до замужества. Так вот, только в конце шестидесятих, после пятнадцатилетней дружбы, Геннадий Николаевич вывел моего отца погулять и рассказал, что в 1938 или в 39, уже когда Берия был в НКВД, но частичная чистка «ежовских» кадров ещё не закончилась, он получил от заповедника, где работал, путёвку в Сочи. Однажды вечером, в столовой дома отдыха он оказался за соседним столом с компанией пьянствующих ростовских чекистов. Пили они здорово и под это дело вспоминали боевые подвиги. Один из них неожиданно сказал: «А среди белых были храбрые. Помнишь, как мы взяли Олега Кривошеина. Весь день пытали, ничего не сказал, а ночью в камере повесился...» Геннадий Николаевич вида не подал, что услышал, вышел из столовой, вернулся в свою комнату. Все эти десятилетия НИКОГДА и НИКОМУ слова не сказал. Только в шестидесятые его прорвало в первый раз. После этой прогулки мой отец заболел. А мне рассказал спустя ещё два года.

Сам Геннадий Лихачёв репрессии и ареста избежал умной интуицией: пошёл учиться на факультет естественных наук, специализацией взял энтомологию, проявив особый научный интерес к паразитам, бытующим на летучих мышах. Знатоков этих на весь мир именно «кот заплакал», и Советы, зная, что для престижа страны такой

учёный полезен, о его принадлежности к «недобитому словию» «забыли».

Репрессирован не был — слова отвратительные, закодированные, придуманные после десталинизации, так, чтобы значение было замутнённым.

III

Страх — состояние, связанное со временем и его продолжительностью, а как вспомнить этот страх без попытки отсчёта времени?

Страх, связанный с арестами, тюрьмой, расстрелом, лагерем, ставшими этапами семейной жизни, я начал ощущать в семь лет. Первый раз это случилось поздней осенью 1939 года, в лесу у французской реки Шер, в трёхстах километрах от Парижа. Группа человек в тридцать русских парижан, пожилые и дети, бежали в лес под немецким артобстрелом. То был один из немногих боёв «странной войны». Гул становился частотнее выше, потом переходил в визг, потом падение снаряда, в нескольких метрах от меня, взрыв чернозёма, а я лицом в земле. Спасал нашу группу мой отец. Заслышав знакомый вибрирующий звук снаряда, он кричал: «Ложись!» Мы замирали, а потом отец командовал: «Встать! Бежать!» И так мы достигли спасительного леса, где с провиантом и питьём прошли сутки. Отцу тогда впервые после Гражданской войны пригодились боевые навыки. И это было только началом. Из всех окружавших меня в лесу сверстников я плакал больше всех. Этот первый страх остался надолго, и он был связан с осознанием собственной телесной хрупкости.

Первый «очный» для меня арест отца произошёл около десяти часов утра, в воскресенье 22 июня 1941 года. Испытанный в то утро шок остался по возрасту, в аудио-визуальной сфере, скорее похожей на стоп-кадры кино.

Мне было без месяца семь лет. В это воскресенье мы

поднялись позднее обычного, стояла солнечная погода и было намечено пойти на литургию в Собор Александра Невского на рю Дарю, полчаса пешком от нашего дома. Отец полежал в ванне, вышел в мохнатом халате, включил приёмник. Почти сразу после того как нагрелись лампы, услышал речь Гитлера. Завывающая громкость его голоса, шероховатость фраз остались в моей памяти до сих пор. По мере слушания отец изменялся в лице, сказал: «Это война». И кинулся к телефону. Он довольно долго говорил с разными людьми, потом переоделся, надел пальто и собрался куда-то идти. Я был один в гостиной и ближе всех к входной двери, когда надо мной прогремел звонок. Видимо от сильного нажатия звук его остался в моей памяти на всю жизнь, и я даже сегодня мог бы воспроизвести его. Я кинулся открывать дверь и почему-то не спросил: «Кто там?» Передо мной трое, один в форме Вермахта, на меня наставлен пистолет, громкие слова по-немецки, из которых я услышал свою фамилию! Я стал отступать в комнату. Вышел отец, они пистолет на него: «Хенде-хох!» Он высоко поднял руки, один из троих подошёл к нему сзади и всего обшарил. Короткий обмен несколькими фразами по-немецки... и потом у отца в руках появляется не то маленький чемодан, не то портфель. Он наклоняется меня поцеловать и говорит что-то вроде «веди себя хорошо» или «слушайся маму». Из окна мы видим, как отец садится в серую машину...

Не берусь расчленить своё состояние на составные: удивление, желание понять, что произошло, растерянность, страх. Скорее всего, это был страх, но совсем другой, не тот, который я испытал у реки Шер. Именно этот страх всегда будет не то что определять, а всегда присутствовать в наших отношениях с Игорем Александровичем.

Страх друг за друга, страх больше никогда не увидеть любимого человека, невозможность ему помочь, собственная бессильность перед роковыми обстоятельствами. И линия нашей судьбы, и определённое поведе-

ние отца, его выбор, от которого зависела и моя жизнь, старательно подзаряжали это состояние долгие десятилетия. У отца страх исчез со смертью — он её по-христиански не боялся, и перед тем, как она наступила в августе 1987 года, у него были только выплески страха из памяти: «Никита, несколько раз звонили в дверь, но я сумел не открыть и спрятался. Это тебе и мне приносили повестку в КГБ... Я её не взял».

22 июня Гестапо арестовало во Франции тысячи русских, в том числе и Игоря Александровича. В этот день нападения на СССР немцы решили провести профилактические посадки по всей Франции. По спискам, найденным немецкой комендатурой в Парижской полицейской префектуре, были арестованы наиболее активные, независимо от их программных установок, русские эмигранты. В их число входили и священники, и таксисты, и интеллигенция... Отца, как и других арестованных, поместили в транзитный лагерь Компьень. Евреи — из задержанных — в этом лагере были размещены в особой, отгороженной колючей проволокой зоне. Их ждала геноцидная участь. Русские содержались в лагере без допросов и судов, а скорее на всякий случай, для устрашения. Спустя три месяца все были выпущены, чуть ли не с извинениями. Русская эмиграция жила ещё под сильным шоком случившегося и не понимала, как ей следует отнестись к войне. Немцы же наивно полагали, что русские все как один сочувствуют антибольшевистской кампании. Игорь Александрович уже к 1940 году сделал свой выбор и примкнул к малочисленной группировке «оборонцев», тех, кто решил оборонять свое отечество от возможного фашистского вторжения. «Оборонцы» — группа, отделившаяся от РОВС в тридцатые годы. Они считали своим долгом поддержать СССР как прямого наследника исторической России.

Компьеньский лагерь был транзитным и подведомственным Вермахту. Его начальником был капитан по фа-

милиии фон Нахтигаль, а вокруг меня его звали не иначе как «Соловей», как в переводе на русский звучит его фамилия. С первого дня заключения русских в лагерь Нахтигаль разрешил посещения родственников и продовольственные передачи. Еврейская зона управлялась не им, но Соловей был в курсе и смотрел сквозь пальцы, как русские наладили тюремный механизм «коня заделать» (верёвочный перенос провианта) и делились, чем могли, с еврейской частью лагеря. Нахтигаль ни на кого не повышал голос, характер у него был ровный, более того, он охотно разрешил устройство в одном из бараков «самодельной» церкви. Русские сколотили из подсобных материалов подобие алтаря и нарисовали, как получилось, иконы. Священники, а их было в Компьене немало, церковь освятили и начали служить. Среди них был отец Константин Замбрицкий. После войны о. Константин стал ярким советским патриотом — настолько, что стал публично на колени, когда советский консул вручал ему красную книжцу. На радужной волне победных настроений он репатриировался в СССР с женой Ольгой Алексеевной Игнатъевой. Я помню, как по делам Комитета помощи лагерю Компьень мама водила меня к Игнатьевым. При Ольге Алексеевне жила её почти столетняя мать. Тогда я впервые увидел, как дамы при встрече целовали руку старушке графине, потом этот обычай совершенно исчез.

Отец Константин в 1947 году с женой оказались в Москве и совершенно не ожидали, что генерал-полковник А.А. Игнатъев, родной брат Ольги Алексеевны, не пустит её с мужем-попом дальше порога. Агент Советов, написавший лживую книгу воспоминаний, которую в среде советской интеллигенции называли не иначе как «Пятьдесят лет в струю», сходу перепугавшись, открестился от родственников. Замбрицких направили в Кострому, а там поселили в сырой подвал. У Ольги Алексеевны был сильный туберкулёз, который развился. Вскоре не стало и о. Константина.

После освобождения русского контингента Компьенский лагерь продолжал существование как транзитный, только в нём ожидали этапирования в концлагеря Германии французы, а Нахтигаль продолжал свою линию на возможно мягкий режим содержания узников.

Моё сознание рано освоило, что немцы враги и должны уйти из Парижа. Карта фронта в моей детской с флажками на булавках, постоянное слушание родителями сквозь глушилку Би-Би-Си и Москвы дополняли картину вражеской агрессии. Выставлять напоказ такую карту не рекомендовалось — за это сильно наказывали, а когда у немцев дела пошли совсем плохо, то арестовывали и отправляли в лагерь. Однажды родители объявили мне, что придёт необычный гость и что с ним нужно быть особенно вежливым. Родители пригласили Нахтигалья к нам домой! Они, как и несколько других русских семейств, побывавших в лагере Компьень, пригласили коменданта к пяти часам на чашку чая. К этому времени Игорь Александрович вполне уже состоял в антинацистском подполье и активно помогал матери Марии.

Гость прибыл, как положено, в руках у него была кожаная палочка — стек, пил чай, говорил по-французски с акцентом. С его разрешения я взял его серую армейскую фуражку с распластанным оловянным одноглавым орлом и старательно его рассматривал.

Лагерная буколика долго продолжаться не могла, всё дошло до высокого начальства. В наказание за халатность Соловей был переведён в боевую часть на Восточном фронте. Там он выжил, но после поражения Рейха союзники в его личном деле обнаружили должность «начальник лагеря» и арестовали. Его должен был судить Нюренбергский трибунал, каким-то четвёртым или пятым процессом. Компьенские русские все как один изготовили к этому трибуналу петицию с обстоятельным рассказом об отношении к ним Нахтигалья в 1941 году. Нюренбергские судьи никакого состава преступления,

кроме факта занимаемой должности, в деле Соловья не обнаружили, а потому оправдали его подчистую.

С тех пор прошло пятнадцать лет, меня арестовали в Москве, а 30 апреля 1958 года я этапом прибыл в Дубравлаг. Примерно за два месяца до этого, на седьмом отделении лагеря в Сосновке, развернулась зонная забастовка на целую неделю. На разборку и наказание приезжал известный ГУЛАГовский генерал, он подавлял восстания в Воркуте и Караганде...

В первой стадии переговоров с забастовщиками принимал участие отрядный начальник, лейтенант Кукушкин, свежий выпускник эмвешешного училища. Я смутно помню его внешность, — скорее щуплый, тихий. То ли на него произвели впечатления допросы эков, то ли шок от неожиданных методов дознания, то ли от самой службы — факт тот, что чем-то Кукушкин проникся и стал нам помогать. Он выносил письма заключённых за зону, более того — стал получать на свой адрес переписку и приносить её в лагерь, чьим-то родственникам по просьбе заключённых позвонил, кому-то помог с продовольственными посылками... Всё это долго продолжаться не могло и раскрылось! Кукушкина с позором уволили, но состава преступления не нашли, ибо с поличным не поймали. Так что под суд он не попал. Последующие годы он перебивался кое-как и по разным городам навещал освободившихся за эти годы эков.

Так что обе Империи Зла совершенства не достигли, что видно из рассказа о Соловье и Кукушкине.

IV

Возвращаясь в мою парижскую комнату, где карта висела, не удержусь немного рассказать о самом начале памяти. У единственного долгожданного ребёнка и любящих друг друга родителей начало жизни могло быть только очень хорошим. Счастье наше было долгим, до достиже-

ния моих пяти лет, то есть до 1939 года, начала Второй мировой войны. Мне и сейчас Господь дал радость, просыпаясь в свои семьдесят, видеть в поле зрения «четырёх членов семьи».

Итак! Плюшевый медведь, он служил для нестрашного засыпания. Размера малого, теперь облезлый. В аукционных каталогах «Кристи» его сверстники-соплеменники котируются очень высоко, так мало их уцелело, а знал бы аукционер биографию моего зверя, взял бы ещё большую стартовую цену. Бедолага чуть не погиб утром двадцатого сентября 1949 года при обыске, сопровождавшем арест отца в Ульяновске. Мишка повергся вскрытию брюшной полости с помощью ножниц. Нина Алексеевна сумела ему в тот же день так наложить швы, что только знающий человек может заметить. Плюшевому зверю не везло в его отношениях с советской властью. Недавно обнаружил в папке, куда не заглядывал тридцать лет, протокол описи вещей при обыске, проведённом 27 августа 1957 года в комнате, которую я снимал в доме 20 по Метростроевской улице в Москве. Чуть ли не третьей линией, но всё-таки после пишущей машинки марки «Urania» идёт: *«статуэтка Медвежонок — матерчатая...»* Но в хрущёвский оттепельный сезон обошлось без вспарывания.

Далее... Октябрьский путч вместе со многим другим рассеял и собрание картин моего деда Александра Васильевича. Сохранилась у нас открытка, пейзаж Яна Брейгеля Младшего, а сама картина исчезла, нет её ни в музеях России, ни у частных коллекционеров. Чью избу украшает этот голландский пейзаж? А может, он пошел на растопку чьей-то печи?

Осенью 1954 года Вася Бруни познакомил меня с полуслепым поэтом и переводчиком Константином Абрамовичем Липскеровым, начинавшим когда-то как живописец, ученик Юона, и всю жизнь увлекавшимся Востоком. То ли переводами Низами и Саади, то ли ещё

как, он стал обладателем дивных картин (аж свой Фрагнар у него висел!). Константин Абрамович чуть ли не с третьей фразы после нашего знакомства сказал: «Как жалко, что Вы не появились у меня на той неделе, я продал замечательный портрет работы Павла Кузнецова, а на нём была табличка *«Из коллекции А.В. Кривошеина»*, я бы Вам картину отдал. После того как узнал его лучше, я понял, что это были слова, сказанные не ради светской вежливости.

В нашей парижской квартире висит мужской портрет: романтический, высоколобый молодой человек, очень породистый, с брыжами. Дважды, с интервалами в двадцать лет, эксперты Третьяковки атрибутировали его письму Тропинина или его мастерской. Этот благородный юноша вернулся в семью как бы своим ходом. В 1925 году, мои родители только повенчались в Париже, им позвонил незнакомый голос. Стал Игорю Александровичу задавать много анкетного порядка вопросов: фамилия, имя, отчество, год и место рождения... На энный вопрос отец удивился:

— В чём дело? Кто вы?

— Вам следует меня простить, мне было необходимо удостовериться в том, что я беседую с тем, кого я давно разыскиваю. Дело в том, что с 1919 по 21 годы я был консулом Дании в Петрограде. Нашёл у антиквара понравившийся мне русский портрет и приобрёл его. На обратной стороне рамы была наклейка, говорящая о том, что он принадлежал Вашему отцу. Мне сразу стало ясно, что предмет у вашей семьи был отобран, и я стал разыскивать его обладателей. Вот так я нашёл Вас и, если позволите, сейчас привезу Вам портрет!»

Так что не зря говорят: протестанты — люди высокой честности.

Тропинин наш, после «воссоединения с семьёй» в Париже, совершил с нами в 1948 году возвращение в СССР, где подвергся тяжёлым телесным повреждениям, пуще

плюшевого медведя. В день обыска и ареста отца в Ульяновске золочёная, чуть точёная его рама была в трёх местах переломана. Тут Нине Алексеевне было не справиться и пришлось дожидаться возможности столичной реставрации. Вернулся Тропинин в Париж в 1974 году одновременно с родителями, но не вместе. Семейную ценность в дипломатическую почту поместил Степан Николаевич Татищев, культурный советник одного из европейских посольств в Москве. Человек этот войдёт в историю благодаря всему тому, что он сделал для русского антикоммунистического Сопротивления. Солженицын в своих «Невидимках» посвятил ему целую главу.

Константин Абрамович Липскеров, датский консул, Степан Татищев — из того легиона хороших людей, с чьей и Божьей помощью спаслись Кривошеины.

Ещё один предмет.

Базальтовый XV века тибетский паломник с посохом. Он ныне в поле зрения моего утреннего просыпания. Паломник телесно сросся с нашей семьёй. В левой руке, прижав к груди, паломник несёт собственное сердце, в другой руке посох.

Когда 18 декабря 1919 года моя мама Нина Алексеевна решила бежать через лёд Финского залива, в правом кармане её шубы был этот тибетский паломник. Она ни при каких обстоятельствах и никогда с ним не расставалась, что клятвенно обещала своему кузену Всеволоду Богданову, который передал ей этого божка. Сам он остался в Петрограде, был вскоре арестован и расстрелян...

К семейным «предметам» не отношу иконы. Одна — преподобного Никиты Столпника. На обороте бумажного образа, напечатанного в Киеве в 1911 году, трогательная биографическая справка о преподобном и потускневшая чернильная надпись старым стилем: «В благословение младенцу Никите Кривошеину сия икона, освящённая у живоносного гроба Господня в Святое Христово Воскресенье, 30 марта 1936 года».

* * *

Тоже, сколько себя помню, при всех наших «путешествиях» не расставались мы с великой святыней — ладанкой преподобного Серафима Саровского. На одной стороне этого серебряного медальона выгравировано: «Власы преп. Серафима», а на другой стороне «Преподобный Серафим помогай мне». Как он оказался в семье? Медальон с мощами принадлежал Государыне Александре Фёдоровне со времени канонизации Саровского чудотворца, пушкинского современника. В 1918 году Александр Васильевич Кривошеин, мой дед, вёл заговор — устроить побег царской семье при этапировании из Тобольска. К сожалению, замысел не удался, но Государыня в знак благодарности сумела со связным передать моему деду этот медальон. Может быть, поэтому нет ничего сверхъестественного в том, что и родителей и меня несколько раз обошла неминуемая смерть. Как обеднены иконоборцы, мусульмане, иудеи и ветхозаветные протестанты, сами себе запретившие высшее Богоподобие: портретную живопись, прежде всего иконную. Остробрамская Богоматерь в Вильнюсе, Лурд во Франции, Саров, Дивеево... — в этих благодатных и веками намоленных местах рукотворные изображения Божества содержат искорку Его, и присутствие это осязаемо. А те, кто говорят о магии, язычестве и амулетах, пусть осознают себя обеднёнными!

В дополнение, ещё один предмет семейного культа...

На камине гостиной, рядом с фотографией Олега в овальной раме, всегда стоит серебряный складень, тяжёлые створки его украшены перламутром, внутри икона благословляющего Спасителя. На обороте выгравировано: «Дорогому Александру Васильевичу Кривошеину от сослуживцев по Главному Управлению Землеустройства и Земледелия 1908–1915». Подарок трудового коллектива уходящему в отставку министру.

Над моей белой детской кроваткой с бортами из плетёной соломки висела цветная литография с гусарской атакой: сабли наголо и пенящиеся кони. Много гравюр с гвардейскими мундирами. А над этим рядом — большой портрет Государя. После войны к этому добавился генералиссимус Сталин. Его усатая рожа была вырезана из эмигрантской газеты и заполняла свободное пространство среди гравюр вплоть до 1948 года.

* * *

Только сейчас пытаюсь понять и объяснить себе те странности, казалось — несовместимости, царившие в умах русского дворянства. Как могу, сам себе объясняю, что было не только верование, была определяющая сама суть сословия, тем более в его гвардейской ипостаси, — *необходимость служить* «За Веру, Царя и Отечество!»

В эмигрантской среде спорили о причинах революции и о будущем устройстве России. И правые, и левые — все проклинали большевиков. У меня, родившегося в Париже, не было, как было у родителей, сознания реальной России, мои сверстники и я унаследовали только религиозное и «культурное», неосязаемое представление о ней. Но и те, кому Россия представлялась каким-то мифом, были тем более преданы ей.

Когда Англия и Франция объявили войну Германии в 1939 году, было ясно, что Советский Союз будет в неё неизбежно вовлечён и что не только сталинский режим, но и само существование России (хоть и советской) окажется под угрозой. Многое определилось после появления книги Гитлера «Mein Kampf», в которой он говорил, что русский народ принадлежит к низшей расе, что его следует беспощадно покорять, а территорию аннексировать.

Вторжение в СССР для эмигрантов стало «моментом истины». Мой отец, его брат Кирилл и многие другие русские вступили в Соппротивление или пошли воевать во

французскую армию. Многие, всё же меньшинство, решили, что возобновилась война гражданская и надо помочь Вермахту добить Советы...

V

В довоенные вечера было мамино чтение вслух перед сном, а иногда многосерийные импровизации про «трёх китайцев рыболовов». У Нины Алексеевны была гладкая причёска, волосы с модным голубым отливом, полупрозрачный портсигар, и дым от сигарет был в тон подсинённости волос. Чтение книг не эмигрантских, а советских — купленных у братьев Каплан, единственных книготорговцев Парижа, снабжаемых Международной Книгой, — запомнилось не только по интонациям стихов «Крокодила» Чуковского, но и зрительно, по заклеенным мамой белой бумагой некоторых картинок, сочтённых слишком советскими. После того как моя двоюродная бабушка Ольга Васильевна Морозова научила меня читать по-русски, я отодрал белые маскировочные листы с «Крокодила». Что скрывалось под ними? Оказалось, что мама не хотела, чтобы осквернённое название её любимого города и новая символика попадалась бы на глаза сыну.

В 1938 году мы с мамой идём на Елисейские Поля — посмотреть первые фильмы моей жизни: «Белоснежка и семь гномов», «Бэмби». Как не похожи эти ленты на то, что я увидел после войны. В 1946 году мама по воскресеньям стала меня водить на просмотры фильмов, организованные Союзом Советских Патриотов: «Радуга», «Свинарка и пастух», «Два бойца».

* * *

Кириллицу я освоил поздно; война отвлекла Нину Алексеевну от полноценной педагогики. Когда мне исполнилось восемь лет, к нам из пригорода приехала Ольга Ва-

сильевна, сестра моего деда по отцовской линии. Она была, более чем их мать Елена Геннадьевна, воспитательницей пятерых братьев Кривошеиных. Отец обожал Ольгу Васильевну. Эвакуироваться из Крыма с братом, ставшим главой Правительства Юга России у неё не получилось, и в начале двадцатых её упрятали на Лубянку. В те годы действовала пешковская контора по торговле людьми под названием «Красный Крест». Наша семья была одной из тех немногих, которые располагали в первые годы эмиграции какими-то деньгами. Это были средства от морозовского состояния, давно помещенные за границей. Благодаря этому Ольга Васильевна была выкуплена и приехала во Францию.

* * *

Золотые часы на цепочке, белая кружевная ленточка на шее, чёрное платье, стройная прямая выправка фигуры, тщательная причёска. Кто-то при ней дерзнул упомянуть Блока, мне запомнилось её реакция: «Для меня русская поэзия кончается на Тютчеве».

Как-то, мне было около восьми лет, она строго сказала моему отцу: «Игорь, я не потерплю того, чтобы твой сын не умел читать по-русски!» И я был ей препоручён на несколько недель. Она жила в Севре, в небедном русском старческом доме, с русской обслугой, с домовою церковью и огромным парком.

Вот тут-то я и познал на собственной шкуре, чем было дореволюционное воспитание, приводившее к необходимости служить. Дома у родителей тоже было строго, а тут! Ранний подъем, неспешное обливание ледяной водой, долгие молитвы вслух, занятия на много часов подряд без отвлечения, вечерние молитвы, ранний отход ко сну, молчание за столом. Пусть возможный читатель этих строк проникнется сочувствием к восьмилетнему французскому мальчику! Говорил я по-русски хорошо, азбуку

скорее знал, но читать вслух и объяснять прочитанное мне предстояло не книжки-малышки, не любимого Шарля Перро в русском переводе, а ни много ни мало «Юрия Милославского» господина Загоскина, в красной обложке с золотым обрезом, с «ятями», «ерами» да «і». В тексте — слова вроде: кокошники, бояре, стрельцы, терема, татари... — всё равно, что осваивать абракадабру. Страницы были физически сплошь в разводах от моих слёз. Ольга Васильевна приказывала: «Не плакать!» Желание выйти из парка и погонять за решёткой мяч немедленно пресекалось. Я затаился и стал вынашивать способ возмездия.

Первая попытка — запер Ольгу Васильевну в комнате на ключ и побежал играть в футбол. Тётя Оля строго говорила и удвоила порцию чтения.

Впервые в жизни я целиком оказался во власти жажды отомстить!

Изобретение и осуществление мести шло от лукавого, не в бытовом понимании, как желание выпить, а в самом прямом — от силы Зла. К счастью для себя, не могу вспомнить, кто нашептал мне выдумку этой мести, надеюсь только, что выдумка была не собственной.

В те годы наш парижский пятиламповый приёмник ежевечерне настраивался то на Би-Би-Си, то на московские короткие частоты, где звучал советский гимн. Напомню, что михалковские вирши ещё не заменили тогда собой куплетов Потье: «...мы свой, мы новый мир построим... кто был ничем, тот станет всем». Я, конечно, слов этих не запоминал, а вот напев вполне освоил. Вредоносное детское подсознание видимо знало, что куплетики эти могут пригодиться. Подхожу к ненавистному «Юрию Милославскому» и как бы между прочим насвистываю рефрен «Интернационала». Ольга Васильевна побелела, её хватил серьёзный сердечный приступ, позвали врача. В тот же вечер отца вызвали из Парижа. При Ольге Васильевне меня больно и сильно выпороли и увезли домой.

Насвистывание «Интернационала» не превратило меня в борца за дело мира и прогресса.

Читать кириллицу мне понравилось, я сунулся в родительский книжный шкаф. Взял две книжки наугад, прочёл, как смог, и они запомнились. То были ахматовские «Чётки» и «Tristia» Мандельштама в берлинском издании «Петрополис». Два сборника, вытянутые наугад в Париже, оказались впрок через много лет, но уже в СССР.

В 1957 году, по ходу допроса в кабинет зашёл майор Медведев, тот, что меня «недобитком» обозначил. Сказал: «А ваша двоюродная бабушка была одной из наших первых клиенток». Тут мне вспомнился рассказ отца о том, как в 1950-м коллеги Медведева предъявили Игорю Александровичу схему родственных связей до четвёртого колена такой точности, на которую он сам был не способен.

В Ульяновске моя мама познакомилась с Надеждой Яковлевной Мандельштам. В своей «Второй книге» она меня даже безымянно озарила славой, написав: «Один человек, сидевший в хрущёвских лагерях, рассказал мне...» Я часто посещал Надежду Яковлевну в её пятиэтажке весной и летом 1970 года. Это было незадолго до моего возвращения в Париж. Помню, что она меня сильно обидела, заметив, что во мне отсутствует необходимая тонкость для того, чтобы правильно заваривать чай. А это не так! Во всяком случае, что касается заварки. Она со мной была, сколько могла, откровенной. Однажды застал её пьющую днём полстакана коньяка. На неё это было совсем не похоже, всё равно, что я бы по вечерам вливал в себя тот же «плохо заваренный» чай. Тогда за границей выходила ее «Вторая книга» воспоминаний, и она очень боялась ареста, говорила, что сразу умрёт, если за ней приедут. За несколько дней до моего отбытия она попросила меня устроить ей вызов в Израиль. Удивление моё было трудно скрывается: «Что Вы там будете делать?» — «В первый же день пойду и прикреплю Распятие

к Стене Плача!» — «Но Надежда Яковлевна, Вы лишитесь жизни! Вас умиртвят на месте!» Она холодно сказала, что так твёрдо решила и чтобы я действовал. В первую неделю пребывания в Париже позвонил в Израиль, сообщил просьбу и необходимые данные Надежды Мандельштам. Мне несколько раз перезванивали, уточняли, удивлялись. Такой «олим» («репатриант»), был важен для израильских властей, так что приглашение было передано ей в кратчайшие сроки. Надежда Яковлевна оперативно подала документы в ОВИР.

До того как она получила ответ (а каким бы он был, можно только гадать), в Москву из частной загранпоездки вернулась Наталия Ивановна Столярова, бывший секретарь Ильи Эренбурга. Узнав о намерениях Надежды Яковлевны, она приехала к ней, обругала её и силой усадила в свой «Москвич». Она привезла Надежду Яковлевну в Колпачный переулок, где вместе с ней вошла в чекистский кабинет. По её требованию и наущению Надежда Яковлевна сказала, что *«отказывается от намерения выезжать и просит перестать рассматривать её документы»*. Эти события мне были пересказаны Степаном Николаевичем Татищевым, и не верить нельзя. Могущий судить да судит! Так поныне к Стене Плача никто не прикрепил Распятия, даже помолвившийся там Иоанн Павел II. Но я уверен, что желание Надежды Яковлевны сбудется — тому найдутся свидетели, поколения, которые будут жить в конце времён.

* * *

Возвращаясь к книжной полке моего детства и странно вытянутым наугад книжкам. Мог бы я тогда предполагать, что в 1952 году в Москве у Константина Абрамовича Липскерова проведу долгий вечер с Анной Андреевной Ахматовой! Почти весь ужин речь между нами шла о том, в какие инстанции писать, в *какие советские приёмные*

пытаться попасть, чтобы способствовать вызволению: в её случае — сына, в моём — отца. Темы эти увлекательны, но на протяжении вечера не бесконечны, и в результате от пенитенциарной области Анна Андреевна перешла к проклятиям в адрес толстовского «Воскресенья». У неё были манеры и величавость эмигрантских «grandes dames» моего детства. Несколькими годами позже, когда НАШИ были уже вне лагерей, Анна Андреевна через Льва Копелева несколько раз просила, чтобы я её посетил. Я воздерживался, думая: «Чем я могу быть интересен такому человеку?» И поныне этой юношеской ложной скромности паче гордыни себе простить не могу.

Даже сегодня с трудом представляю, какой шок для подростка был странный перескок от «Юрия Милославского» к двум акмеистическим сборникам Ахматовой и Мандельштама, в дополнение к заклеенным страничкам Чуковского, к замене портрета Государя на товарища Сталина, и от кадров «Белоснежки» к просмотрам «Свинарки и пастуха». Ну а потом! В 1947 году родители меня определили в среднюю школу «Союза советских граждан» в Париже. Среди преподавателей было немало тех, кто начинал работать ещё в русских гимназиях — историк Одинец, поэт и литератор Кнорринг, поэт Лавров. Из моих однокашников были Ольга Чавчавадзе (Некрасова), Андрей Волконский. На первичную организацию ВЛКСМ набралось бы с трудом, зато неподдельного сталинско-монархического горения хоть отбавляй. В довесок несколько раз в неделю ездил к Надежде Владимировне Угримовой, нагонять чтение и письмо. Её учебниками были «Война и мир» и почти так же непонятная мне книга Тургенева «Записки охотника». К русской письменности я вернулся вплотную по приезде в СССР. В сентябре 1948 года я стал посещать школу в Ульяновске. Писал по-русски, вся страница в ошибках. Преподаватели поначалу входили в репатриантское положение ученика, но за написание «Бог» с заглавной буквы снижали оценку. Зато,

как оказалось, я прочёл русских книг намного больше, чем мои одноклассники, а через полгода перечёл «Записки охотника».

VI

Зимой 1942 года почти еженощно английские самолёты бомбили парижскую промышленность. Внезапное просыпание, спуск в убежище с раскладным стулом, долгий сиренный отбой, частые по утрам, во время школьных занятий тревоги от налётов.

Преподавательница-монашка научила восьмилетний контингент хором беспрестанно читать молитву Богородице. Православного аналога у этой молитвы нет: «Святая Матерь, Матерь Божия, молись за нас, несчастных грешников, теперь и в наш смертельный час». Патриотизма и боевого духа от этого речитатива не прибавлялось. Другая преподавательница, кольцо с гербом, сама из Эльзаса с немецкой фамилией, начинала каждый урок с открытых проклятий «бошам» и призывами к Резистансу. Ничего с ней не стало. О противоречиях, в которые погрузилась оккупированная Франция, было принято молчать, и только недавно табу сломалось. В моём организме осталась от тех лет память детской проголоди и моих капризов, когда в зный раз на столе была только картошка. Но в редкие праздники были устрицы, никогда не исчезало красное вино, по карточкам 125 граммов шоколада в месяц и каждый день около стакана голубоватого обезжиренного молока. Много пищевых заменителей, химический сахар, вместо кофе — цикорий. Единственная рыба — противный для французов сом. Одежда плохая, но была. Недовес и авитаминоз у сверстников и у меня присутствовал ярко. Противоречия не только в съестном, они были вокруг. По городу — двуязычные афиши, левая часть с очень красивой готической вязью, сверху имперский орёл. Это списки накануне расстрелянных заложников, и от этих изящных

афиш шёл ужас. Двухязычные надписи были всюду, и в метро с запретами плевать и курить. Иногда на улице встречались люди с большими жёлтыми звёздами на левой части пиджака или пальто. Несколько раз бывал в нашей квартире с такой звездой милый и мало улыбочивый человек по фамилии Штерн, хворый — был избит в комендатуре так, что спустя несколько лет от этих побоев умер, но в лагеря вывезен не был. Что значит «еврейство» — было мне по возрасту непонятно, но родители объясняли, что этих людей следует жалеть.

Во Франции тогда возник настоящий культ Петэна, с песнями, повсеместными изображениями и заучиванием цитат из его текстов. В витринах часто стереоскопические, трёхмерные фотографии маршала, он глазами следит за прохожими. Полно плакатов «Записывайтесь во вспомогательные части Вафен СС», «Восточный фронт ждёт добровольцев!», «Вступайте во французскую лигу борьбы против большевизма». Париж тех лет — безавтомобильный, изредка такси-рикши, малолюдный, незагрязнённый.

Частые с Ниной Алексеевной походы в кино, тогда это были годы расцвета французского кинематографа, и об этом впервые открыто признано и написано только в девятые годы. И ещё ничем не стеснённое хождение в церковь на рю Дарю.

В родительской квартире много посетителей, разговоров, обрядовое слушание радио по вечерам: Би-Би-Си, Москва... В частной школе разговоры учителей, что скоро ожидается высадка союзников. Всё это вело к моей ранней политизации. Состав нашего домашнего воздуха, сильно охлаждённого морозами, не по дням, а по часам насыщался электричеством.

Игорь Александрович в 1942 году окончательно отошёл от чисто филантропических усилий, предпринимаемых совместно с матерью Марией и «Комитетом помощи заключённым» Компьеньского лагеря. Он уже вёл актив-

ную разведывательную работу по нескольким направлениям, посильно включившись в деголлевский Резистанс: добывал сведения по промышленному направлению. Отец был главным инженером на заводе, который выполнял немецкие военные заказы. Помню, как он ездил на десять дней в Берлин и привёз мне оттуда пряников, а для Лондона — несколько ценнейших сведений, переданных радистами.

О том, что удалось сделать Игорю Александровичу в годы войны, есть немало эмигрантских и советских публикаций.

Награждённый Медалью Сопротивления, отец мало рассказывал о себе, о войне, о лагере, не столько из-за конспирации или скромности, сколько потому, что большая часть личного, событийного ему казалась малоинтересной. Многолетние его усилия по популяризации русского Сопротивления в шестидесятые годы в Москве ничем не нарцисстичны — это было для него новым политическим направлением — посильная реабилитация белой эмиграции.

Одна из редких военно-лагерных тем, к которым Игорь Александрович возвращался часто, с любыми собеседниками, был момент «истины», момент вербовки В. Бланке. (Подробнее эта история изложена в изданных отцом и мамой в 1946–47 годы двух выпусках «Вестника участников Сопротивления». — Н. К.) Тот был одним из руководителей снабжения общезащитного штаба Вермахта и отец с ним познакомился по профессиональной линии. Несколько раз они вдвоём обедали в хороших ресторанах, и Бланке неизменно говорил о том, что национал-социализм — это уродство и несёт гибель для его страны, что только его скорейшее тотальное поражение может спасти Германию. Игорь Александрович говорил, что тот момент, когда он ответил на антифашистские сеговования Бланке, что готов предоставить ему возможность реализовать антинацизм, так как сам сотрудничает с ан-

глийской разведкой, был из самых рискованных во всей его жизни: будь собеседник провокатором — ещё одно поражение и неизбежный страшный конец. Но очередной обед обернулся совсем иначе: немецкий майор оказался настоящим борцом против национал-социализма, стал приносить Игорю Александровичу ценнейшие сведения, документы Верховного командования Вермахта во Франции. Их встречи были всегда как бы случайными, всегда в разных местах Парижа, лёгкие касания рук, и плёнки попадали к Игорю Александровичу. Вербовка состоялась, количество и качество переданной информации были такими, что и отцу, и главному его связному Кириллу Кривошеину принесли офицерские звания во французской армии и Медали Сопrotивления.

Отец много раз предлагал Бланке вознаграждение, но тот категорически отказывался! Единственная его просьба — после победы Союзников, а он был в ней уверен, это вид на жительство и работу в Англии или Швейцарии, до завершения денацификации. Года через полтора он был раскрыт, арестован и расстрелян теми, от кого стремился избавиться свою страну.

В 1987 году, через несколько месяцев после смерти отца, я получил от Исторического Музея в Берлине просьбу передать им имеющиеся у нас материалы о герое немецкого Резистанса Вильгельме Бланке.

Вербовке Бланке и разведывательной работе, как это хорошо понимал отец, не могло не сопутствовать ожидание логически неотвратимого ареста. После ареста Бланке стало совершенно ясно, что очередь дошла и до него.

Чувство опасности, в котором постоянно пребывал отец, уже давно висело в воздухе нашей квартиры на rue Жан Гужон. Необходимость служения и долга взяли в Игоре Александровиче верх над статусом отца семейства. Это совершенно не означало, что он хотел из меня сделать нового Исаака на жертвеннике долга и антинацизма. Часто родители стали уединяться в одной из не-

топленных комнат. Их голоса были такими громкими, каких я не слышал ни до этого, ни, пожалуй, после.

Вскоре у нас с Ниной Алексеевной началась полуконспиративная жизнь. Полтора года мы скрывались в арендованном домике дальнего пригорода Вильмуассон, между Сент-Женевьевским православным кладбищем и русским сиротским домом отца Бориса Старка. Игорь Александрович к нам приезжал редко и только на велосипеде. Эта местность на юге от Парижа сильно всхолмленная. Как-то раз отец усадил меня на раму своей «лошадки», и мы поехали в центр городка, на почту. На обратном пути был очень крутой склон, отец не притормаживал и к середине спуска мне стало жутко так, что этого было не скрыть. Отец повелительно сказал: «Сомной ты никогда не должен бояться!»

Игорь Александрович восемнадцати лет от роду принес присягу «Вере, Царю и Отечеству». От Царя и Отечества он явственно отошёл в середине тридцатых, перестав быть членом РОВСа. Верой, какую я редко у кого видел — простой, без тени условности, он был жив до последнего часа.

Но необходимость *служить* была настойчива. И настолько, что жизнь быстро богатеющего французского инженера, преуспевающего русского эмигранта, при высоко масонском доброделии и мистическом поиске — оказалась с изъяном. Антинацизм своим негативизмом насытить сполна не мог. Как случилось, что у такого человека, каким был Игорь Александрович, белый офицер, воевавший против красных в рядах Врангеля, разведчик и Сопrotивленец, выживший в Бухенвальде, произошло признание советского режима, тогдашнего Интернационала?! Хоть это произошло с Эфроном, Клепининым, Святополком-Мирским, с «красным дьяконом» Алексеем Эйснером, с Кириллом Хенкиным и с небольшим количеством других русских эмигрантов, я не могу поставить в одну шеренгу к ним Игоря Александровича. У

человека веры и верности, каким был мой отец, признание сталинского советского режима — немыслимо. Какие миражи, какие рассуждения, какие «узнавания» («и сладок нам лишь узнаванья миг»), какая дезинформация, какое желание принять грезу за действительность сыграло роковую роль в судьбе Игоря Александровича после войны? Ведь не триумфальные же гастроли МХАТа с Тарасовой в роли Анны Карениной, и чистки конца тридцатых годов с ликвидацией самых одиозных большевиков и изгнание Троцкого? Может быть, это началось давно, ещё до войны, когда «комбриги и комвзводы» вновь стали «лейтенантами и генералами», но кубы и ромбы оставались? А может быть, величавое противостояние мухинской колхозницы в русском платье германскому орлу на Всемирной выставке 1937 года? Неужели пригрезилась «Единая и Неделимая», когда начались аннексии Курляндии и Эстляндии вкупе с Кишинёвом? О том, как отец воспринимал период Риббентроповского пакта, он мне никогда не говорил. Что меня удерживало расспросить — сам не знаю, а вопросы к отцу множатся в моей голове до сих пор.

* * *

По мере постепенного оформления у отца этой неимоверной метаморфозы, я продолжал в Париже играть с Аником Чеканом, внуком только что похищенного генерала Миллера, в нашу квартиру приходили побеседовать однополчане конногвардейцы, и над моей кроватью по-прежнему оставался висеть портрет Государя Императора, со своей грустной полуулыбкой.

Как всякий ребёнок, я нечётко представлял «структуры», державшие родительский брак. И это почти по всем силовым полям, которые продержали семью более золотого полувека арестов и разлук. Игорь Александрович к старости говорил, что всегда полагался на мамыны критерии распознавания добра и зла.

Моё толкование: она задурила голову мужу своим почти преступным по глупости увлечением младороссами и их главой Александром Львовичем Казем-Бекем. Но и в Нину Алексеевну с детства, родителями, гимназией, укладом всего государства Российского была встроена необходимость *служить*, конечно, в высшем понимании этого назначения. Здесь речь не может идти, как у Грибоедова, о «прислуживании», о лизоблюдстве. Это предназначение *служить* вошло в поры и укрепилось, и держалось у русского человека на протяжении нескольких веков, и это стало чуть ли не главной несущей опорой сверхпрочного родительского брака.

Сам глава младороссов А.Л. Казем-Бек в Гражданской войне участия не принимал. Согласиться с тем, что страна, из которой он, интеллектуальный, блестящий молодой человек, был вывезен родителями, стала Империей Зла было — дискомфортно. Признать, что большевики хорошие, — невозможно.

В те годы Великий князь Кирилл Владимирович делил время между Биаррицем и Бретанью. Он почти легитимно претендовал взойти на русский престол. Хороший царь, хорошая страна, но замороженная Советами. А коли так, то вернуть положение к тому, что грезилось, в России должны были младороссы, ведомые их главою Казем-Бекем. До учреждения «Младоросской партии» Александр Львович получил в Риме личную аудиенцию у Муссолини, бывал и в Германии, где вращался в некоторых эшелонах национал-социалистического аппарата. Установки младороссов были по многим параметрам сродни тем, которыми питались евразийцы, тоже не нашедшие мужества признать, что на их родине образовалась Империя Зла. Как для одних, так и для других, мечтой было не свержение советского режима, а оказание ему содействия на пути «исправления». У младороссов был лозунг — «Царь и Советы». На просьбу истолковать, как это возможно осуществить, Казем-Бек разъяснял: «Будет Царь — Кирилл

Владимирович, — а мы будем давать советы». И это в тридцатые годы, в разгар страшных сталинских посадок и чисток! И на этой липе чуть не погорели мои родители, и я за компанию! За эту бодягу в общие могилы советских лагерей, с биркой на большом пальце ноги и с разможенным деревянным молотком черепом, полегли многие и неглупые, прекраснородушные русские эмигранты. «Великая идея» младороссов: воцарился Кирилл, номенклатура власти не менялась, православие заменяло коммунистический интернационализм, продолжалась индустриализация, РККА признавалась, как теперь говорят, преемницей вооружённых сил Империи, а Казем-Бек, при Кирилле, становился вождём уже не только младороссов, а всей страны. Далее предполагалось восстановить Империю территориально, не без помощи держав Оси. Невозможно представить, как весь этот бред воспринимался сотрудниками ИНО (предшественник на Лубянке Первого Главного Управления). Вся эта младоросская самодеятельность не могла не устраивать карьерно чекиста Э.П. Берзина и его людей. Те из них, кто с начала тридцатых годов до конца войны «пасли» партию младороссов, наверняка получили немало званий и наград. Разработка Казем-Бека велась ими настолько успешно, что к июню сорок первого глава младороссов партию распустил, царственная семья от него тоже отказалась, а сам Александр Львович через Испанию перебазировался в США, уже в качестве агента НКВД. И всё это он провернул очень ловко, пока охмурённые им энтузиасты продолжали рисковать собой во французском Резистансе, потом брали советские паспорта, потом отбывали сроки в ГУЛАГе... А Казем-Бек между тем поставлял информацию советским органам и вольготно преподавал в американском колледже. Вскоре после смерти товарища Сталина ФБР стало к нему подбираться, в Америке ему стало жить неуютно и он, от греха подальше, через Цюрих перелетел в Москву, где был встречен с почестями. Почти

сразу же опубликовал на второй полосе «Правды» целый покаянный подвал, содержащий фразу: «...я торговал Родиной оптом и в розницу». Автор этого покаяния оказался по возвращении в Москву наиболее подходящей кандидатурой на должность старшего референта ОВЦС (отдела внешних сношений Русской Православной Церкви). В этой должности Александр Львович оставался до конца своих дней, а скончался он незадолго до того, как сдох СССР. Говорят, что своими огромными знаниями он принёс немалую пользу Владыке Никодиму (Ротову) в его сближении с Западной Церковью. Но всё это уже случилось после смерти Сталина, а в 1949 году арестованную на Николиной Горе младоросску Ирину Николаевну Угринову привезли с дачи прямо в кабинет к министру Абакумову:

— Казем-Бека знали? Ну так не удивляйтесь, что вы у нас.

И ей, и сестре, и мужу, и теще — всем дали, кому десять, кому восемь, кому пять... Их детей ждал детприёмник МВД.

Лето 2004

Париж, 1991

Нина Алексеевна Кривошеина
с сыном Никитой.
Париж, рю Гужон, 1934

Carte de séjour (как по-русски
назвать документ?)
Нина Алексеевна Кривошеина, 1947

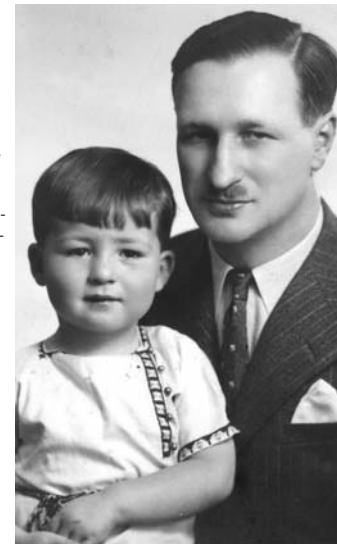
С плюшевым мишкой
«для нестрашного засыпания»
29 февраля 1936

Никита Кривошеин.
С бультерьером Урчи

Выписка из метрической книги
Епархиального Совета Западно-Евро-
пейской Русской Православной Церкви
за 1934 год о крещении сына Никиты,
родившегося в семье штабс-капитана
Л.-Гв. Конной артиллерии, потомствен-
ного дворянина Симбирской губернии
инженер-электрика Игоря Александрови-
ча Кривошеина и его жены Нины
Алексеевны, урожденной Мещерской,
оба православного вероисповедания,
подписанная митрофорным прото-
иереем Василием Тимофеевым.
Восприемники – потомственный дворя-
нин Симбирской губернии Кирилл Алек-
сандрович Кривошеин и жена полковни-
ка Л.-Гв. Саперного полка Наталья
Алексеевна Энтель (ур. Мещерская),

С отцом. 1938

Нина Алексеевна
с сыном Никитой.
1936

Александр Львович
Казем-Бек, глава
Младоросской партии

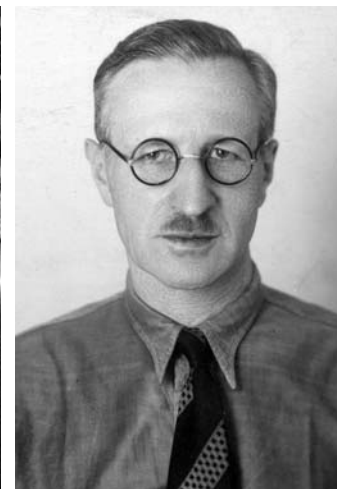
Нина Алексеевна, Наталья
Алексеевна Мещерские,
Иван Ершов.
Гурзуф, 1910

Наталья Алексеевна
Энтель, старшая сестра
матери Н.А. Кривошеина
Нины Алексеевны

Кирилл Александрович
Кривошеин, участник
Сопротивления.
Париж, 1960-е годы

Игорь Александрович
Кривошеин, участник
Сопротивления.
Москва, 1954
sortie Loubianka - ?????

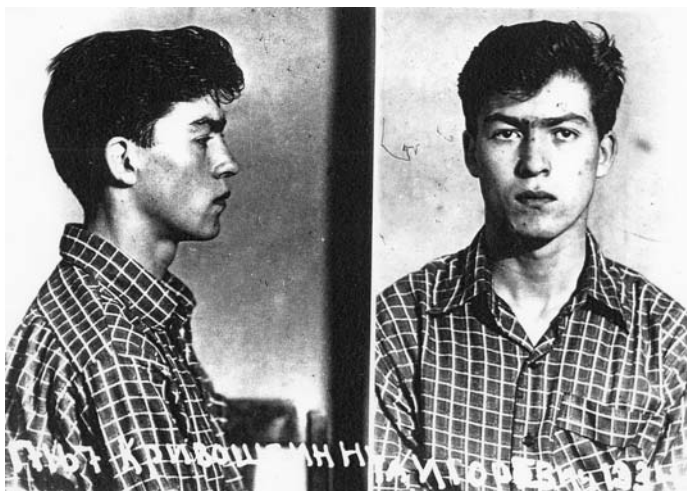
Нина Алексеевна, Наталья Алексеевна
Мещерские, 1929

Мать Нина Алексеевна
Кривошеина
(ур. Мещерская).
Париж, 1974

Игорь Александрович Кривошеин.
Лубянка, 22 сентября 1949

Никита Игоревич Кривошеин.
Лубянка, 26 августа 1957

Ульяновск. Год???????

Никита Кривошеин
Portchinskaya Orlinkova, 1961
ПОДПИСЬ РАСШИФРОВАТЬ!!!

Н. Кривошеин. «Одиночество и сосредоточенность». Международная конференция в Монако

Никита Игоревич Кривошеин. Работа синхронного переводчика, мастера, без которого международные конгрессы потеряли бы свою амбициозность

Аллея С.С. Прокофьева. Николаина Гора, 1992

Андрей Волконский, СССР, 1964

Ксения Игоревна, Никита Игоревич Кривошеины и Владимир Буковский. Кэмбридж, 2002

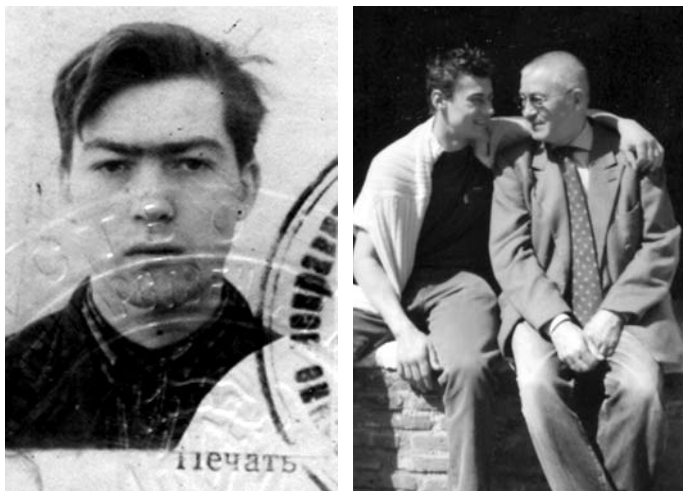

Фото со справки
об освобождении
Никиты Кривошеина
от 10 февраля 1960 г.

Toulouse 2001
ПОДПИСАТЬ!!!

VGBIL 1970 Anna Voronko Gerard Abensour Kemenova Sossinsky
Подписать по-русски фото!!!!!!!

ПОДПИСАТЬ!!!
2014

Никита Игоревич Кривошеин с супругой
Ксенией Игоревной Кривошеиной,
2014

Никита Игоревич Кривошеин и
ПОДПИСАТЬ ВСЕХ!
Редакция журнала «Звезда».
Санкт-Петербург, 23 декабря 2002

А

- Абакумов Виктор Семёнович**, министр государственной безопасности СССР (1946–1951) – 82, 109, 271, 377
- Авдеев Александр Алексеевич**, посол РФ во Франции (2001–2008) – 177, 211
- Агаянц Иван Иванович**, генерал-майор Первого главного управления – 81
- Аденауэр Конрад**, первый федеральный канцлер ФРГ (1949–1963) – 79
- Александр (в миру Дмитрий Игнатьевич Синяков)**; иеромонах, с 2008 года ректор Русской духовной семинарии в Париже – 302
- Александр II**, Российский император – 32
- Александра Федоровна**, Российская императрица, супруга Николая II – 7
- Алексий II (в миру Алексей Михайлович Ридигер)**, митрополит Таллиннский и Эстонский, Патриарх Московский и всея Руси (1990–2008) – 203, 209–210, 238, 297, 341
- Алигер Маргарита Иосифовна**, советская поэтесса – 152
- Амальрик Андрей Алексеевич**, диссидент, писатель – 222
- Амилахвари Дмитрий (Димитрий Зедгинидзе-Амилахвари)**, князь, подполковник Иностранного легиона, герой французского Сопротивления. Погиб 24 октября 1942 г. во втором сражении при Эль-Аламейне – 177
- Андреев Александр Вадимович**, внук Л. Андреева, сын В.Л. Андреева и О.В. Черновой. В 1968 г. вывез из Советского Союза рукопись книги А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» – 289
- Андреев Вадим Леонидович**, сын Л.Н. Андреева, брат
- Д.Л. Андреева, русский поэт, прозаик – 221, 288
- Андреев Даниил Леонидович**, сын Л.Н. Андреева, русский поэт и писатель, автор мистического сочинения «Роза Мира» – 271, 288
- Андреев Леонид Николаевич**, русский писатель – 221, 288
- Андроников Константин Ясевич**, князь, французский дипломат, религиозный писатель, кавалер ордена Почётного легиона, личный переводчик де Голля, Помпиду, Жискара д'Эстена – 10, 145, 165–169, 276, 294, 323, 325, 336
- Андроников Марк Константинович**, сын К.Я. Андроникова, друг Н.И. Кривошеина – 168
- Андроникова-Гальперн Саломея Николаевна (Ивановна)**, тётя К.Я. Андроникова. В её доме в Петербурге до революции был литературный салон, собиравший замечательных поэтов того времени – 166
- Андропов Юрий Владимирович**, генсек ЦК КПСС (1982–1984), председатель КГБ СССР (1967–1982) – 230, 319
- Антоний (в миру Блум Андрей Борисович)**, митрополит Сурожский, патриарший экзарх в Западной Европе (1965–1974) – 11, 199, 315, 321, 326–327, 329, 334, 337–338, 341
- Арон Раймон (Реймон Клод Фердинанд)**, академик, французский философ, политолог, социолог и публицист – 19
- Афонский Николай Петрович**, с 1925 г. – регент собора св. Александра Невского в Париже, с 1950 г. – Покровского собора в Нью-Йорке – 14
- Ахматова Анна Андреевна**, русская поэтесса – 166, 367–368

Б

- Баррон Джон (John Barron)**, американский публицист, автор монографии «КГБ» – 81
- Баталов Алексей Владимирович**, советский актёр – 180
- Бах Иоганн Себастьян**, немецкий композитор – 246
- Беклемишев Владимир Николаевич**, сосед Кривошеиных в Шклове под Могилёвым, рос вместе с Олегом, Игорем, Всеволодом Кривошеиными, советский учёный-зоолог – 137–138, 143
- Беко Жильбер**, французский певец, композитор, пианист и актёр – 98
- Бенуа Александр Николаевич**, русский художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства». В Париже работал над эскизами театральных декораций и костюмов. Художник и автор-постановщик спектаклей в балетной антрепризе С. Дягилева «Ballets Russes» – 242
- Бердяев Николай Александрович**, русский христианский и политический философ – 14, 165, 188–189, 199–200, 242, 245
- Берзин (Берзиньш) Эдуард Петрович**, деятель ВЧК-ОГПУ-НКВД, один из организаторов и руководителей системы ГУЛАг – 376
- Берия Лаврентий Павлович**, советский государственный и политический деятель, с 1941 года заместитель Председателя Совета Министров (Совнарком до 1946 года) Союза ССР Иосифа Сталина, Генеральный комиссар госбезопасности, член Государственного комитета обороны СССР (1941–1944), заместитель председателя ГКО СССР (1944–1945). Входил в ближайшее окружение И.В. Сталина. Курировал ряд важнейших отраслей оборонной промышленности – 20, 122, 351
- Билибин Иван Яковлевич**, русский художник, книжный иллюстратор и театральный оформитель, участник объединения «Мир искусства». В 1936 г. возвращается в Советскую Россию и преподаёт во Всероссийской Академии художеств, продолжает работать как иллюстратор и художник театра – 290
- Бланке Вильгейм**, майор Вермахта, поставлял разведанные И.А. Кривошеину – 251, 371–372
- Блок Александр Александрович**, русский поэт – 7, 364
- Бобков Филипп Денисович**, деятель органов государственной безопасности СССР, участник Великой Отечественной войны. Начальник 5-го управления КГБ СССР (1969–1983), заместитель Председателя КГБ СССР (1983–1985), первый заместитель Председателя КГБ СССР (1985–1991). Генерал армии (1987). Руководил борьбой с диссидентским движением, созданием осведомительных сетей в среде творческой интеллигенции, предотвращением бегства граждан СССР за рубеж и «невозвращения» их оттуда, розыском и изъятием «самиздатовской» литературы – 173
- Богат Евгений Михайлович**, корреспондент «Литературной газеты» в Париже – 152–153
- Богданов Всеволод**, кузен Нины Алексеевны Кривошеиной – 360
- Богомолов Александр Ефремович**, советский дипломат, Чрезвычайный и полномочный посол СССР во Франции (1944–1950) – 294
- Богопольская Екатерина**, корреспондент газеты «Русская мысль» – 185
- Бодлер Шарль Пьер**, французский поэт и критик – 92

- Бодров Сергей Владимирович**, советский и российский кинорежиссёр, сценарист, продюсер, сосценарист фильма «Восток-Запад» – 186
- Бодров Сергей-младший**, российский режиссёр, актёр, сценарист, актёр в фильме «Восток-Запад» – 186
- Боннер Сандрин**, французская актриса. В 1999 году снялась в фильме «Восток-Запад» режиссёра Режи Варнье – 185–186, 194
- Босх Иероним**, нидерландский художник, один из крупнейших мастеров Северного Возрождения – 76
- Брежнев Леонид Ильич**, советский государственный и партийный деятель, генеральный секретарь ЦК КПСС (1966–1982), Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1960–1964, 1977–1982) – 179, 319
- Брейгель Ян (Младший)**, нидерландский (фламандский) художник – 358
- Брехт Бертольд**, немецкий драматург, поэт, прозаик, театральный деятель, теоретик искусства, основатель театра «Берлинер ансамбль» – 306
- Броз Тито Иосип** (партийный псевдоним Тито, впоследствии псевдоним и фамилия соединились), лидер и президент Югославии (1945–1980), маршал – 21, 81
- Бродский Иосиф Александрович**, русский и американский поэт, эссеист, драматург, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 г. – 59–60
- Бруни Василий Львович**, сын художника Л.А. Бруни и Н.К. Бруни-Бальмонт – 358
- Бруни Иван Львович**, художник, сын художника Л.А. Бруни и Н.К. Бруни-Бальмонт – 137, 142–143
- Бруни Марьяна** – 142
- Бруни Нина Константиновна**, дочь поэта К.Д. Бальмонта. Жена Л.А. Бруни, мать семерых детей. Рано овдовев, работала корректором, переводчиком. В 1940-е годы у неё в квартире останавливались многие бывшие заключённые – 115, 137, 141, 153
- Буевский Алексей Сергеевич** – 338
- Буковский Владимир Константинович**, писатель, политический и общественный деятель, учёный-нейрофизиолог. Один из основателей диссидентского движения в СССР. В общей сложности в тюрьмах и на принудительном лечении провёл 12 лет. В 1976 г. советские власти обменяли Буковского на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана, после чего Буковский переехал в Великобританию. Стал одним из организаторов кампании по бойкоту московской Олимпиады-80 – 139, 256, 329
- Булацель Сергей Александрович** – 271
- Булгаков Сергей Николаевич**, русский философ, богослов, православный священник, первый декан Свято-Сергиевского Богословского института в Париже – 165, 200, 242
- Булганин Николай Александрович**, советский государственный и военный деятель, член Политбюро ЦК КПСС (1948–1958), Маршал Советского Союза – 40
- Бунин Иван Алексеевич**, русский писатель, поэт, первый русский лауреат Нобелевской премии по литературе (1933) – 149, 242
- Бухарин Николай Иванович**, советский политический, государственный и партийный деятель. Член Политбюро ЦК ВКП(б) (1924–1929). Академик АН СССР (1929). По делу «Анτισоветского

правотроцкистского блока» в 1938 г. приговорён к смертной казни – 32

Быков Василь Владимирович, белорусский советский писатель и общественный деятель, участник Великой Отечественной войны – 281

Бэтел Николас, лорд, автор англ. книги о выдаче «перемещённых лиц» после Второй мировой войны – 78

В

Ваган, з/к, армянин, репатриант из Лиона – 94, 98–99

Вандакуров, з/к, к. с.-х. наук – 96

Варнье Режи́с, французский кинорежиссёр, сценарист и актёр. В 1999 году снял фильм «Восток-Запад» – 185–188

Варшавский, писатель – 234

Василий (в миру Всеволод Александрович Кривошеин), архиепископ Бельгийский и Брюссельский МП РПЦ; воевал в Добровольческой армии, участвовал в деятельности Русского христианского студенческого движения, принял постриг на Афоне, с 31 мая 1960 г. архиепископ Брюссельский и Бельгийский. Учёный-патролог – 7, 10, 15, 137–138, 184, 199, 237, 248–250, 258–259, 282, 294, 312, 313–326, 328, 334–343, 349

Вейдле Владимир Васильевич, литературовед, культуролог, историк культуры русской эмиграции, поэт. Преподавал в Свято-Сергиевском Богословском институте. На «Радио Свобода» вёл рубрику «Беседы о словах» – 350

Вейль Эрик, французский философ-кантианец – 193

Веласкес Диего Родригес де Сильва, выдающийся испанский живописец, портретист – 98, 349

Вердеревский Дмитрий Николаевич, контр-адмирал – 189, 294
Веркор (наст. имя Жан Марсель Брюллер), французский писатель, художник-иллюстратор. В 1952 г. был избран на пост председателя Национального комитета писателей Франции, однако в 1956 г., возмущенный подавлением восстания в Венгрии, подал в отставку (сборник эссе «Заявление об уходе», или «П. П. К.»). В феврале 1957 г. Веркор опубликовал эссе «Почему я ухожу» – 25, 108
Верн Жюль Габриэль, французский географ и писатель, классик приключенческой литературы, один из основоположников научной фантастики – 105

Вернадский Владимир Иванович, русский и советский естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель XX века. Академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, один из основателей и первый президент Украинской академии наук. Создатель многих научных школ. Один из представителей русского космизма; создатель науки биогеохимии – 307

Веронезе Паоло Кальяри, один из виднейших живописцев венецианской школы – 349

Вилар Жан, французский театральный режиссёр и актёр, в 1951–1963 гг. стоял у главе Национального народного театра (TNP) – 192

Вильде Борис, лингвист и этнограф в Музее человека в Париже, участник французского Сопротивления, редактор газеты Résistance («Сопротивление»). Расстрелян 23 февраля 1942 г. – 153, 255

Виноградов Леонид Аркадьевич, поэт, входил в ленинградскую группу неподцензурной поэзии, получившей название «филологи-

ческая школа», или УВЕК (по первым буквам фамилий участников: Владимира Уфлянда, Виноградова, Ерёмкина и Сергея Кулле) 65–66

Виньи Альфред Виктор де, граф, французский писатель, представитель французского аристократического консервативного романтизма – 94

Влади Марина, французская актриса и певица русского происхождения – 287

Власов Андрей Андреевич, генерал-лейтенант, участник Битвы за Москву. Командовал 2-й ударной армией, в ходе Любанской наступательной операции в 1942 г. попал в немецкий плен и пошёл на сотрудничество с немцами, возглавив военную организацию коллаборационистов из советских военнопленных и эмигрантов – Русскую освободительную армию (РОА). Казнён в СССР в 1946 г. – 233–234, 242, 279–280, 305, 309–310

Волков Владимир, франкоязычный писатель из семьи белоэмигрантов первой волны – 291

Волконский Андрей Михайлович, однокашник Н.И. Кривошеина по школе при «Союзе советских граждан» в Париже. В 1947 г. семья вернулась в Москву.

Учился в Московской консерватории (класс Ю. Шапорина), с 1956 г. выступал как органист и клавиесинист, стал одним из пионеров возрождения интереса к старинной музыке. С 1972 г. жил на Западе – 5, 368

Ворошилов Климент Ефремович, советский военачальник, государственный и партийный деятель, участник Гражданской войны, один из первых Маршалов Советского Союза – 40

Врангель Пётр Николаевич, русский военачальник, участник Рус-

ско-японской и Первой мировой войн, один из главных руководителей (1918–1920) Белого движения в годы Гражданской войны. Главнокомандующий Русской Армии в Крыму и Польше (1920). Генерального штаба генерал-лейтенант (1918) – 220, 248, 250, 262, 283, 373

Вреде Каспар, финский режиссёр, актёр, сценарист, продюсер. Режиссёр фильма «Один день Ивана Денисовича» – 191

Вырубов Василий Васильевич, российский земский и государственный деятель, товарищ министра внутренних дел Временного правительства (при премьер-министре князе Г.Е. Львове в 1917 г.). Эмигрировал в Париж, где с конца 1918 г. представлял правительство адмирала А.В. Колчака, участвовал в Версальском конгрессе, подведшем итоги Первой мировой войны. В 1945 г. входил в правление Объединения русских эмигрантов для сближения с Советской Россией. Один из инициаторов создания «Золотой книги русской эмиграции» (1950-е) – 177

Вырубов Николай Васильевич, сын В.В. Вырубова, меценат, общественный деятель. Вступил в Первую дивизию военных сил Свободной Франции, созданную де Голлем в 1940 г. в Лондоне, кавалер Креста освобождения, командор ордена Почётного Легиона. В послевоенные годы работал в ООН, занимаясь беженцами и репатриантами – 176–178, 181, 273

Г

Гавриил (в миру Гуидо де Вильдер), епископ Константинопольской Православной церкви, архиепископ Команский, управ-

- ляющий Западноевропейским экзархатом русских приходов Константинопольского Патриархата (2003–2013) – 204–205, 209–212, 297
- Гавриил Константинович**, великий князь – 287
- Гагарин Юрий Алексеевич**, первый космонавт – 101–102, 105
- Гаккель Сергей**, священник Русской Православной Церкви, ведущий религиозных программ Русской службы Би-би-си, помощник и близкий друг митрополита Антония Сурожского – 153
- Галансков Юрий Тимофеевич**, русский советский поэт, диссидент – 59
- Гардель Луи**, французский писатель и киносценарист, соавтор сценария картины «Восток-Запад» – 192
- Гасюнас**, з/к в Явасе, бывший литовский майор – 43–44
- Гаяна**, старшая дочь м. Марии (Скобцовой). В 1935 г. уехала в СССР и меньше чем через два года умерла в Москве от дизентерии – 148, 158
- Гebbельс Пауль Йозеф**, государственный и политический деятель нацистской Германии, рейхсминистр народного просвещения и пропаганды – 253
- Георгий (Митрофанов, Георгий Николаевич)**, священник РПЦ, протоиерей; преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии; церковный историк, публицист и кинокритик – 305–306, 311
- Георгий (игумен Филипп; в миру Юрий (Георгий) Анатольевич Рябых)**, священнослужитель РПЦ, заместитель председателя ОВЦС (2009–2011). С 2011 г. – настоятель прихода Всех Святых в Страсбурге, представитель Московского Патриархата при Совете Европы – 298
- Георгий (Чистяков Георгий Петрович)**, священник РПЦ, филолог, историк. Последователь протоиерея Александра Меня, автор статьи о владыке Василии (Кривошенине) «“Красный” антисоветчик» – 315
- Гинзбург (Галич) Александр Аркадьевич**, российский и советский поэт, сценарист, драматург, автор и исполнитель собственных песен, в 1974 г. эмигрировал – 59, 256
- Гинзбург Евгения Соломоновна**, автор книги воспоминаний «Крутой маршрут», одной из первых, рассказывающих о сталинских репрессиях в СССР – 192
- Гитлер Адольф**, вождь (фюрер) нацистской фашистской Германии – 177, 188, 233, 252–253, 280, 305, 309–310, 314, 348, 353, 362
- Глобке**, германский юрист и государственный деятель, в конце 1930-х возглавил управление по гражданству прусского министерства внутренних дел, комментатор расовых законов в Германии. При жизни его нацистское прошлое скрывалось при поддержке ЦРУ и БНД. Занимал пост государственного секретаря в ФРГ, был советником Конрада Аденауэра – 81
- Гоголь Николай Васильевич**, русский писатель – 235
- Годунов Борис Николаевич**, заведующий редакцией, автор книги «Де Голль – агент гестапо», б. советник посольства СССР во Франции – 105
- Гойя, Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусьентес**, испанский художник и гравёр – 76, 270
- Голоиков Алик**, з/к в Явасе – 171
- Голль Шарль, де**, французский генерал, во время Второй мировой войны стал символом французского Сопротивления. Основатель и первый президент Пятой

Республики (1959–1969) – 105, 164–165, 167, 169, 177

Гольдман Марк Соломонович, инженер, журналист, правозащитник. В 1956–57 гг. член подпольной студенческой марксистской группы «Союз патриотов России» («кружок Краснопевцева»), в 1958 г. осуждён на 6 лет лагерей – 92–94

Горбаневская Наталья Евгеньевна, русская поэтесса, переводчица, правозащитник, участница диссидентского движения в СССР. Участница демонстрации 25 августа 1968 г. против введения советских войск в Чехословакию. В 1969 г. арестована, год пребывала на принудительном лечении в Казанской спецпсихбольнице и в институте им. Сербского. В 1975 г. эмигрировала в Париж – 19

Горбов Михаил Николаевич, белоэмигрант, держался в стороне от политических кругов русской эмиграции. Перед смертью написал воспоминания о своём участии в Гражданской войне на стороне белых – 248, 270

Горбов Яков Николаевич, писатель, литературный критик, редактор. Участник Мировой и Гражданской войн, с 1920 г. в эмиграции – 221

Городецкий Михаил, протоиерей, духовный сын и секретарь архиепископа Василия (Кривошеина) – 318

Горянин Александр Борисович, журналист, писатель, историк – 152

Грибоедов Александр Сергеевич, русский дипломат, поэт, драматург, пианист и композитор – 375

Громыко Андрей Андреевич, министр иностранных дел СССР (1957–1985), председатель Президиума Верховного Совета СССР (1985–1988) – 319

Губерман Игорь Миронович, советский и израильский писатель, поэт, автор афористичных и сатирических четверостиший-«гариков» – 53

Гудзенко Родион Степанович, художник, член ленинградской неконформистской художественной организации «Арефьевский круг». Общался с французскими туристами, продавал им работы, был арестован в 1956 г. и осуждён «за антисоветскую агитацию и пропаганду» – 28, 67, 69, 171

Гумилёв Николай Степанович, русский поэт Серебряного века, создатель школы акмеизма, переводчик, литературный критик, путешественник, офицер – 60

Гюго, Виктор Мари, французский писатель, глава и теоретик французского романтизма – 94

Д

Демуров Михаил Михайлович, оператор, сценарист, режиссёр, соавтор док. фильма «Не будем проклинать изгнание» – 232, 293

Денёв Катрин, французская актриса – 185–186, 192

Деникин Антон Иванович, генерал, политический и общественный деятель, писатель, мемуарист, публицист и военный

документалист. Один из основных руководителей Белого движения на Юге России (1918–1920) – 235, 250, 262, 291, 305, 317

Даниэль Юлий Маркович, русский поэт, прозаик, переводчик, диссидент. В 1965 г. арестован и в 1966 г. приговорён за свои публикации к 5 годам лагерей (вместе с другом Андреем Синявским: «процесс Синявского – Даниэля») – 59

Делонэ Вадим Николаевич, русский поэт, писатель, диссидент, участник демонстрации 25 авгу-

ста 1968 г. на Красной площади в Москве против ввода советских войск в Чехословакию, за что осуждён на срок в лагере – 59

Денио Жан-Франсуа, б. министр, член Французской Академии – 167

Дзержинский Феликс Эдмундович, революционер, по происхождению польский дворянин, советский государственный деятель, глава ряда наркоматов, основатель ВЧК – 22, 25, 132, 228, 232, 303

Дионисий (в миру Михаил Александрович Лукин), епископ Роттердамский (РПЦ), викарий архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Кривошеина) – 328

Дитрих Марлен, немецкая и американская актриса и певица – 306

Дмитрий Иванович Донской, князь Московский (с 1359) и великий князь Владимирский (с 1363). В его правление Московское княжество стало одним из главных центров объединения русских земель, одержав ряд побед над Золотой Ордой – 188, 276, 310

Домбровский Юрий Осипович, русский прозаик, поэт, литературный критик – 200

Достоевский Федор Иванович, русский писатель и мыслитель – 43, 242, 244

Дягилев Сергей Павлович, русский театральный и художественный деятель, один из основоположников группы «Мир Искусства», организатор «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева» – 242

Е

Евлогий (в миру Василий Семёнович Георгиевский), митропо-

лит, управляющий русскими православными приходами Московской Патриархии в Западной Европе (с 1921); с февраля 1931 г. – в юрисдикции Константинопольского Патриархата (Западноевропейский экзархат русских приходов) – 147, 161, 199, 207, 294, 321, 330

Еврипид (Эврипид) – древнегреческий драматург – 310

Екатерина (Полюхова), монахиня, келейница владыки Василия (Кривошеина) – 324, 326, 334, 336, 339

Ельцин Борис Николаевич, первый президент Российской Федерации – 227

Ельчанинов Кирилл Александрович, преподаватель Богословского института в Париже, долгодлительный председатель РСХД, основатель и 1-й руководитель фонда «Помощь верующим в России». Сын о. Александра Ельчанинова – 200

Ерёмин Михаил Фёдорович, поэт, входил в ленинградскую группу неподцензурной поэзии, получившей название «филологическая школа» – 65

Ж

Жале (Жалло) Николая, французский журналист и режиссёр, в 2001 г. снял фильм «Заманенные Сталиным» о французах и русских эмигрантах, добровольно приехавших в СССР после Второй Мировой войны, и не сумевших вернуться обратно во Францию – 277

Жанно, з/к, армянин, репатриант из Лиона – 98–99

Жаров Сергей Алексеевич, основатель и в течение шестидесяти лет дирижёр и композитор Хора Донских казаков Сергея Жарова – 242

Жданов Андрей Александрович, государственный и партийный деятель СССР в 1930–1940-х гг. – 109

Жигулин Анатолий Владимирович, советский российский поэт и прозаик, автор автобиографической повести «Чёрные камни» (1988) – 226

Жискар д'Эстен Валери, президент Французской Республики (Пятая республика) (1974–1981) – 323

З

Загоскин Михаил Николаевич, русский писатель, драматург, автор исторических романов, директор московских театров и московской оружейной палаты – 365

Землячка Розалия, российская революционерка, советский партийный и государственный деятель, один из организаторов красного террора в Крыму в 1920–1921 гг. против бывших солдат и офицеров армии П.Н. Врангеля и мирного населения – 286

И

Ибрагимбеков Рустам, сосценарист фильма «Восток-Запад» – 186

Игнатьев Алексей Алексеевич, генерал-лейтенант, брат О.А. Игнатьевой, автор мемуаров «Пятьдесят лет в строю» – 290, 355

Игнатьева Ольга Алексеевна, графиня, жена священника Константина Замбрицкого – 355

Игорь Владимирович, великий князь – 269

Ильин Владимир Николаевич, русский философ, богослов, литературный и музыкальный критик, композитор. С 1919 г. в эмиграции. С 1925 г. профессор Бого-

словского православного института в Париже – 223–224

Ильин Иван Александрович, русский философ, писатель и публицист, сторонник Белого движения и последовательный критик коммунистической власти в России, идеолог Русского общевойскового союза (РОВС) – 224, 235

Ильин Николай Владимирович, сын В.Н. Ильина – 224

Ильина-Гурдон Елена, дочь В.Н. Ильина – 224

Иннокентий (в миру Валерий Фёдорович Васильев), архиепископ Виленский и Литовский. С 6 октября 1999 г. по 24 декабря 2010 г. – епископ Корсунский (Трехсвятительский собор в Париже) – 238, 302

Иоанн (в миру Евграф Евграфович Ковалевский), епископ и глава неканонической «Французской Кафолической Православной Церкви» с титулом епископ Сен-Денийский. В 1967 г. отлучён от Церкви Архиерейским собором РПЦЗ – 321

Иоанн Павел II (до интронизации Кароль Юзеф Войтыла), папа римский с 16 октября 1978 г. по 2 апреля 2005 г. – 367

Иоанна (в миру Юлия Николаевна Рейтлингер), монахиня, иконописец, реэмигрантка – 199

Исаковский Михаил Васильевич, русский советский поэт – 309

К

Кавелина Ольга Александровна, двоюродная сестра вл. Василия и И.А. Кривошеиных – 326

Каганович Лазарь Моисеевич, советский государственный и партийный деятель, один из организаторов сталинских репрессий – 40

Кадар Янош, генеральный секретарь Венгерской Социалистиче-

ской Рабочей Партии (1956–1988), премьер-министр Венгерской Народной республики (1956–1958, 1961–1965) – 74

Казанцев Александр Степанович (1908–1963), в годы войны активно принимал участие в создании власовского Освободительного движения народов России, автор первой книги о власовском движении (1952) – 280

Казем-Бек Александр Львович, лидер движения «младороссов», белоэмигрант, публицист, педагог, церковный журналист, богослов. В 1957 г. получил советское гражданство – 6, 269–271, 276, 282, 290, 293, 375–377, 380

Кальма Н. (настоящее имя Анна Иосифовна Кальманок), советская детская писательница – 152

Камю Альбер, французский писатель и философ, близкий к экзистенциализму – 25, 141, 245

Каплан, братья, книготорговцы в Париже – 363

Кардель Эдвард, югославский политический деятель, коммунист, антифашист. Один из теоретиков рабочего самоуправления в Югославии – 21, 32

Карпова Елена Геннадиевна, жена А.В. Кривошеина, мать пятерых братьев Кривошеиных – 321, 364

Каутский Карл, немецкий экономист, историк и публицист, теоретик классического марксизма – 32, 91

Керенский Александр Фёдорович, министр-председатель Временного правительства (1917), один из лидеров российского политического масонства – 264

Кижнав Томас, польский фотограф, автор альбома «ГУЛАГ» – 232

Кирилл Владимирович, великий князь, второй сын великого князя

Владимира Александровича, третьего сына императора Александра II и великой княгини Марии Павловны; двоюродный брат Николая II. В 1924 г., в эмиграции, самопровозгласил себя Императором Всероссийским Кириллом I, с чем не согласилась часть Императорской семьи, в том числе, вдовствующая Императрица Мария Фёдоровна, великие князья Николай и Пётр Николаевичи – 375–376

Кирилл (Гундяев), Патриарх Московский и всея Руси (в миру Владимир Михайлович Гундяев), советский и российский религиозный деятель, епископ Русской Православной Церкви; с 1 февраля 2009 г. – Патриарх Московский и всея Руси, предстоятель Русской Православной Церкви, правящий архиерей Московской епархии – 210, 296, 298, 300

Киришон Владимир Михайлович, драматург, деятель РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей), был в числе наиболее радикально настроенных коммунистических литфункционеров – 155–156

Кишкис Станислав, католический священник – 10, 15, 34–35, 38, 40, 42–44, 49, 51–52, 54–55, 57, 97

Клепинин Николай Андреевич, писатель, историк, старший брат священника Димитрия Клепинина, соратника матери Марии. В 1937 г. Клепинины и Эфрон бежали в СССР, в 1941 г. арестованы и расстреляны – 373

Кнорринг, поэт, литератор, преподаватель в школе при «Союзе советских граждан» в Париже – 368

Ковалевский Петр Евграфович, историк, религиозный деятель, был старшим иподиаконом митрополита Евлогия (Георгиевского). Преподавал латинский язык в

- Свято-Сергиевском богословском институте, историю Церкви в Институте святого Дионисия. Активный член Русского студенческого христианского движения (РСХД) – 293–294, 321, 339, 342
- Козаков Михаил Михайлович**, советский, российский и израильский режиссёр, актёр театра и кино – 289
- Козовой Вадим Маркович**, русский поэт, эссеист, переводчик и истолкователь французской поэзии XIX–XX вв. Писал на русском и французском языках – 10, 59, 66, 69, 135, 170, 171–174, 175
- Козовая (Емельянова) Ирина Ивановна**, русская писательница-мемуаристка. В 1960 г. была вместе с матерью арестована по обвинению в контрабанде валюты и осуждена на три года, освободилась в 1962 г. Отбывала срок в Озерлаге Иркутской области и в Мордовии в Потьме, где заочно познакомилась с Вадимом Козовым, за которого потом вышла замуж – 135, 171, 174
- Колчак Александр Васильевич**, русский военный и политический деятель, флотоводец, учёный-океанограф. Адмирал (1918). Участник Русско-японской войны. Во время Первой мировой войны командовал минной дивизией Балтийского флота (1915–1916), Черноморским флотом (1916–1917). Вождь Белого движения во время Гражданской войны. Верховный правитель России (1918–1920), Верховный главнокомандующий Русской армией. Один из крупнейших полярных исследователей своего времени, участник ряда русских полярных экспедиций – 234–235
- Колчицкий, Николай Фёдорович**, протоиерей, настоятель московского Богоявленского патриаршего собора в Елохове (с 27 декабря 1924 г.); управляющий делами Московской Патриархии (1941–1960) – 250
- Кондратов Александр Михайлович**, советский и российский лингвист, журналист и поэт – 65–66
- Константин Замбрицкий** (иеромонах Стефан), протоиерей, состоял в юрисдикции митрополита Евлогия (Георгиевского). В 1941 г. арестован фашистами и заключён в лагере близ города Компьень, где в одном из барачков оборудовал православную церковь. С 1945 г. – активный участник «Союза Советских патриотов». В 1946 г. перешёл в юрисдикцию Московского Патриархата, в 1948 г. вернулся в СССР, где в 1949 г. принял монашество в Троице-Сергиевой Лавре с наречением имени Стефана – 355
- Копелев Лев Зиновьевич**, критик, литературовед, диссидент и правозащитник. В 1945 г. был арестован за резко критические отзывы о насилии над германским гражданским населением. Приговорён к 10 годам заключения за пропаганду «буржуазного гуманизма» и за «сочувствие к противнику». В «шарашке» Марфино встретился с Александром Солженицыным, стал прототипом Рубина в его книге «В круге первом» – 86, 153, 158, 254, 368
- Корвалан Луис**, чилийский политик, Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили (1958–1989), обмененный на Владимира Буковского в процессе обмена политзаключённых – 134, 325
- Корнблюм Рита Эммануиловна** (Рита Корн), вдова В. Киршона, литератор, мемуарист – 155–156
- Корнблюм Юрий**, мл. сын Р.Э. Корнблюм и В.М. Киршона – 155

Корнилий (Фристедт), архимандрит, настоятель Св.-Николаевского собора в Брюсселе (1960–1982) – 326

Корнилий (в миру Вячеслав Васильевич Якобс), митрополит Таллинский и всея Эстонии, председатель Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. С мая 1957 по сентябрь 1960 года (будучи священником – о. Вячеславом) отбывал заключение в Дубравлаге (Мордовия) по обвинению в хранении православной литературы и беседах с верующими на религиозные темы – 10, 15, 136, 140–141, 143, 313

Костиков Вячеслав Васильевич, дипломат, журналист и писатель, автор книги «Не будем проклинать изгнание» – 232

Коста-Гаврас, греческий и французский режиссёр и сценарист русского происхождения, автор «левых» фильмов на острые политические темы – 71

Косыгин Алексей Николаевич, советский государственный и партийный деятель, Председатель Совета Министров СССР (1964–1980) – 315

Красильников Михаил Михайлович, поэт, один из пионеров неофициальной культуры. 7 ноября 1956 г. арестован за выкрикивание антисоветских лозунгов во время демонстрации. Осуждён по ст. 58-10 на 4 года. В 1957–1960 гг. находился в Дубравлаге в Мордовии, где вместе с Л.Чертовым и другими составил рукописные альманахи «Троя» и «Пятиречье» – 57, 60–67

Краснов Пётр Николаевич, генерал Русской императорской армии, атаман Всевеликого Войска Донского, военный и политический деятель, писатель и публицист. Во время Второй мировой

войны занимал пост начальника Главного управления казачьих войск Имперского министерства восточных оккупированных территорий. 28 мая 1945 г. вместе с 2,4 тысячами казачьих офицеров был выдан британским командованием советской военной администрации. Этапирован в Москву, повешен в Лефортовской тюрьме 16 января 1947 г. – 242

Краснопевцев Лев Николаевич, советский диссидент и историк. Будучи аспирантом и секретарём комитета ВЛКСМ исторического факультета МГУ, основал и возглавил подпольный марксистский кружок (1956–1957). По «университетскому делу» были арестованы девять человек, включая Льва Краснопевцева, Николая Покровского, Леонида Ренделя, Вадима Козового, Марата Чешкова. Политзаключённый (1957–1967) – 17, 24, 74, 91–94

Кривошеин Александр Васильевич, дед Н.И. Кривошеина, российский государственный деятель. Главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908–1915). Председатель правительства Юга России (1920) – 73, 239, 246–248, 257, 259, 261–264, 277–278, 283, 349, 358, 361

Кривошеин Василий Александрович, старший сын А.В. Кривошеина, изучал математику, умер от тифа в конце Гражданской войны – 249, 258, 349

Кривошеин Всеволод Александрович, см. **Василий (Кривошеин)**, архиепископ Бельгийский и Брюссельский

Кривошеин Игорь Александрович, отец Н.И. Кривошеина, один из 5-ти сыновей А.В. Кривошеина, офицер, инженер, герой фр. Сопротивления, узник нацистских и советских концентрационных

лагерей – 5, 7, 107, 129, 142, 149–156, 158–159, 161, 192, 220, 248, 251, 254, 258–259, 263, 265–266, 275, 308, 335, 347–349, 353–354, 356, 359, 362, 364, 366, 370–374, 379, 381–383

Кривошеин Олег Александрович, один из 5-ти сыновей А.В. Кривошеина, изучал философию и богословие, погиб в Гражданскую войну – 137, 249, 258–259, 349–351, 361

Кривошеин Кирилл Александрович, младший из 5-ти сыновей А.В. Кривошеина, связник И.А. Кривошеина в Сопротивлении – 258, 321, 343, 347, 349–350, 362, 372, 379, 381

Кривошеина Ксения Игоревна, жена Н.И. Кривошеина, русско-французская художница, иллюстратор, ювелир, публицист – 16, 136, 213, 385, 387

Кривошеина Нина Алексеевна, ур. Мещерская, жена И.А. Кривошеина, мать Н.И. Кривошеина, автор воспоминаний «Четыре трети нашей жизни», была членом партии «младороссов» – 5, 126, 150–151, 194, 219, 264–265, 270, 283–284, 335, 345, 358, 360, 363, 370, 373, 378–381, 383

Кузнецов Алексей Александрович, ближайший помощник А.А. Жданова, Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии в 1945–1946 гг. Арестован 13 августа 1949 г. по «Ленинградскому делу». Расстрелян – 156

Кузнецов Павел Варфоломеевич, художник – 259

Кулле Сергей Леонидович, поэт, входил в состав неофициальной поэтической группы «УВЕК» (Уфлянд – Виноградов – Ерёмин – Кулле) – 65

Кун Бела, венгерский и советский коммунистический политический деятель и журналист. В марте

1919 г. провозгласил Венгерскую советскую республику, просуществовавшую 133 дня. В 1920 г. был назначен председателем Крымского ревкома. Организатор и участник массовых казней в Крыму – 286

Куприн Александр Иванович, русский писатель. Семнадцать лет провёл в Париже, в мае 1937 г. вернулся в СССР – 290

Куроедов Владимир Алексеевич, генерал-лейтенант КГБ, председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР (1960–1984), начальник 4-го отдела (кураторство над Церковью) Пятого управления КГБ СССР – 334–335, 338

Кутепов Александр Павлович, генерал от инфантерии (1920), участник Белого движения, первопоходник. В 1928–1930 гг. – председатель Русского общевойсковых союз (РОВС) – 234

Кушев Евгений Игоревич, поэт, диссидент. Судим вместе с В. Буковским и В. Делоне. В 1974 г. с семьей эмигрировал из СССР – 59

Л

Лавров, поэт, преподаватель в школе при «Союзе советских граждан» в Париже – 368

Ландау Лев Давидович, выдающийся советский физик-теоретик, академик АН СССР, лауреат Нобелевской премии по физике (1962) – 67

Ле Карре Джон, английский писатель, автор шпионских романов – 291

Левицкий Анатолий Николаевич, французский антрополог из русских эмигрантов первой волны. Работал в парижском Музее Человека. Вместе с Борисом Вильде и Ивонн Оддон основал в 1940 г.

первую ячейку движения Сопротивления, которая издавала газету «Резистанс», давшую название всему движению. Арестован по доносу и расстрелян 23 февраля 1942 г. в Форте Мон-Валерьян – 153, 255, 273

Леклерк (Жак Филипп Леклерк, граф де Отклок), французский генерал, в 1944 г. командовал французскими войсками во время высадки союзников в Нормандии – 273

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич, создатель первого в мировой истории социалистического государства – 19, 21–22, 33, 180, 253, 275, 285, 308, 332

Лермонтов Александр, репатриант из Франции в 1947 г. – 288

Липскеров Константин Абрамович, русский поэт, переводчик, драматург – 358, 360, 367

Лихачев Геннадий Николаевич, родственник Кривошеиных – 351

Лосский Андрей Николаевич, правнук Н.О. Лосского, сын диакона Николая Лосского. Профессор литургического богословия Свято-Сергиевского богословского института в Париже – 167

Лосский Николай Онуфриевич, выдающийся представитель русской религиозной философии – 167, 242

Лужков Юрий Михайлович, мэр Москвы (1992–2010) – 227

Лумумба Патрис, первый премьер-министр Демократической Республики Конго после провозглашения её независимости в июне 1960 г., национальный герой Заира, убит в 1961 г. – 101

Любимов Лев Дмитриевич, русский журналист, писатель, публицист. Эмигрант. После войны примкнул к Союзу русских патриотов и вернулся в СССР. Автор книги воспоминаний «На чужбине» (1963) – 187, 276

Людовик XI, король Франции (1461–1483) – 106

М

Макаренко Антон Семёнович, советский педагог и писатель – 73

Макарецв Петр Власьевич, член Совета по делам Русской Православной Церкви; впоследствии – заместитель председателя Совета по делам религий при СМ СССР – 322, 324

Маклаков Василий Алексеевич, российский адвокат, политический деятель. Член Государственной думы II, III и IV созывов. Эмигрант – 294

Максимов Дмитрий Евгеньевич, литературовед, писатель – 152

Маленков Георгий Максимилианович, советский государственный и партийный деятель, соратник И.В. Сталина, участник антипартийной группы – 40

Мандельштам Осип Эмильевич, русский поэт, прозаик, эссеист, переводчик и литературный критик – 366, 368

Мандельштам Надежда Яковлевна, русская писательница, мемуарист, лингвист. Жена Осипа Мандельштама. Автор мемуаров «Вторая книга» – 200, 366–367

Манн Томас, немецкий писатель, эссеист, лауреат Нобелевской премии по литературе (1929) – 116, 306

Марецкая Вера Петровна, советская актриса театра и кино – 198

Маритэн Жак, французский философ, теолог, основатель неотолизма – 45

Марк (в миру Михаэль Арндт), архиепископ; с 1982 г. – управляющий Берлинской и Германской, а с 1986 г. – Великобританской и Ирландской епархиями РПЦЗ – 298, 311

Маркавьячус, священник-иезуит, з/к – 43

Маркс Карл, немецкий философ, социолог, экономист, писатель. Его работы сформировали в философии диалектический и исторический материализм, в экономике – теорию прибавочной стоимости, в политике – теорию классовой борьбы – 22, 33

Марьян Борис, поэт, з/к – 59

Матисс Анри, французский художник и скульптор – 22

Мать Мария (в миру Елизавета Юрьевна Скобцова), монахиня Константинопольского Патриархата (Западноевропейский Экзархат русской традиции) русского происхождения. Поэтесса, мемуаристка, участница французского Сопротивления. Казнена в газовой камере Равенсбрюка 31 марта 1945 г. – 6, 10, 145, 146, 147–157, 158, 188, 255, 356, 370

Медведев Дмитрий Анатольевич, председатель Правительства Российской Федерации (с 2012 г.), президент РФ (2008–2012) – 227

Медведев Рой Александрович, публицист, писатель-историк, автор многих политических биографий, представитель левого крыла диссидентского движения в СССР – 332

Мейснер Дмитрий Иванович, публицист, мемуарист, автор воспоминаний «Миражи и действительность» – 187

Меньшиков Олег Евгеньевич, советский и российский актёр театра и кино, театральный режиссёр – 186

Мефодий (в миру Владимир Николаевич Кульман), епископ, викарий Западноевропейского экзархата русских приходов Константинопольского патриархата – 339

Мещерский Алексей Павлович, дед Н.И. Кривошеина по линии матери, крупный российский предприниматель, инженер. Организатор концерна «Коломна – Сормово», один из организаторов и директоров Международного коммерческого банка в Петербурге, «русский Форд» – 323, 348, 379

Мещерский Никита Александрович, двоюродный брат Н.А. Кривошеиной (ур. Мещерской), матери Н.И. Кривошеина, советский филолог-русист – 347

Миллер Евгений Карлович, генерал-лейтенант, руководитель Белого движения на севере России в 1919–1920 гг., председатель Русского общевоинского союза (РОВС) после похищения советской разведкой ген. Кутепова – 233–234, 290, 374

Милюков Павел Николаевич, русский политический деятель, историк и публицист. Лидер Конституционно-демократической партии, министр иностранных дел Временного правительства в 1917 г. – 264

Микоян Анастас Иванович, советский государственный и политический деятель – 156–157

Микоян Серго Анастасьевич, сын А.И. Микояна, советский и российский историк и публицист – 156

Митрофанов Николай, священник, крестил Н.И. Кривошеина – 346

Миттеран Франсуа, один из лидеров социалистического движения, президент Франции (1981–1995) – 24

Михаил (в миру Михаил Николаевич Мудьюгин), архиепископ Вологодский и Великоустюжский, богослов, деятель экуменического движения – 341

Михалков Сергей Владимирович, советский писатель, поэт, басно-

писец, драматург, военный корреспондент, автор текстов гимнов Советского Союза и гимна РФ – 198, 253

Молотов Вячеслав Михайлович, советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР (1930–1941), министр иностранных дел СССР (1939–1949, 1953–1956) – 21, 169, 189, 294

Мольер (Жан-Батист Поклен) французский комедиограф XVII века, создатель классической комедии, актёр и директор театра – 5, 98

Монтан Ив, французский певец-шансонье и актёр – 98

Морозова Ольга Васильевна, двоюродная бабушка Н.И. Кривошеина – 259, 363–365

Москвин Виктор Алексеевич – 220

Муссолини Бенито, итальянский лидер Национальной фашистской партии (НФП), диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр (1922–1943) – 375

Н

Набоков Владимир Владимирович (лит. псевдонимом Сирин), русский и американский писатель, поэт, переводчик, литературовед и энтомолог – 242

Надь Имре, венгерский политический и государственный деятель. Премьер-министр Венгерской Народной Республики, инициатор резких изменений в политическом курсе, которые вызвали введение сил Организации Варшавского договора в Венгрию (восстание 1956 г.) – 26, 109

Наполеон I Бонапарт, император французов в 1804–1815 гг., полководец – 65, 177, 346

Нахтигаль, нем. капитан, начальник лагеря в Компьене – 355–356

Некрасов Виктор Платонович, русский советский писатель, диссидент и эмигрант, лауреат Сталинской премии второй степени (1947) – 180

Нестор (в миру Евгений Юрьевич Сиротенко), игумен, настоятель Трёхсвятительского собора в Париже, с 2010 г. – епископ Корсунский – 302, 214

Нечаева Варвара Васильевна – 101

Низами Гянджеви, крупнейший средневековый поэт-романтик в персидской эпической литературе – 358

Никодим (в миру Борис Георгиевич Ротов), митрополит Ленинградский и Ладожский, председатель Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии (1960–1972) – 340–341, 377

Николай II Романов, последний император Российской Империи. Отрёкся от престола в ходе Февральской революции 1917 г. Расстрелян в июле 1918 г. вместе с семьёй и приближёнными – 294

Николай (в миру Степан Павлович Ерёмин), митрополит Корсунский, Экзарх Московской Патриархии в Западной Европе – 328

Николай (в миру Борис Дорощевич Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский. Председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата с 1946 г. – 292

Носович Софья Владимировна, сестра милосердия в Русской армии генерала П.Н. Врангеля, в эмиграции с 1920 г., участница движения Сопротивления во Франции – 148

О

Оболенская Вера Аполлоновна (в 1940 г. стала участницей подпольной организации под псевдонимом **Вика**), русская княгиня, героиня движения Сопротивления во Франции – 151, 255, 273

Оболенский Дмитрий Дмитриевич, британский историк, филолог, медиевист, византинист, историк Церкви – 334

Оболенский Сергей Сергеевич, князь – 188–189, 221

Обушенков Николай, историк-ревизионист, з/к – 75

Одинец Дмитрий Михайлович, историк, преподаватель в школе при «Союзе советских граждан» в Париже – 368

Оруэлл Джордж (настоящее имя – Эрик Артур Блэр), английский писатель и публицист, автор антиутопического культового романа «1984» – 64, 245

Островский Николай Алексеевич, советский писатель, автор романа «Как закалялась сталь» – 179

П

Павезе Чезаре, итальянский писатель и переводчик – 67

Павлова Анна Павловна, русская балерина – 242

Палеолог Александр Константинович, юрист, общественно-политический деятель. В годы Второй мировой войны вступил в Сопротивление, находился в немецких лагерях. В послевоенные годы генеральный секретарь Союза советских патриотов. В 1947 г. арестован и выслан в СССР, в начале 1970-х вернулся в Париж – 192

Панин Дмитрий Михайлович, русский инженер, публицист, философ. В «Марфинской шарашке» познакомился с А. Солженицы-

ным, который позднее изобразил Панина под фамилией Сологдин в романе «В круге первом» – 324

Парташников Анатолий Михайлович (Прат Нафтали), з/к, дело киевской группы социал-демократов 1956 г. – 28, 91

Пастернак Борис Леонидович, русский писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе (1958) – 109–110, 189, 310

Паулус Фридрих, гитлеровский генерал-фельдмаршал, командующий 6-й армией, окружённой и капитулировавшей под Сталинградом – 305

Перро Шарль, французский поэт, писатель и критик, автор «Сказок матушки Гусыни» – 365

Петр (Л'Юилье), архиепископ Нью-Йоркский и Нью-Джерсийский Автокефальной Православной Церкви в Америке – 327

Петэн Анри Филипп, французский маршал, глава коллаборационистского правительства Виши во время Второй мировой войны – 370

Пий XII, римский папа (1939–1958). В 1949 г. предал анафеме коммунистических лидеров Чехословакии – 311

Пик Вильгельм, немецкий коммунист, один из основателей германской компартии, деятель Коминтерна – 306

Пикассо Пабло, испанский художник, скульптор, график, театральный декоратор, керамист и дизайнер – 173

Пимен (в миру Сергей Михайлович Извеков), Патриарх Московский и всея Руси (1971–1990) – 320–321, 339

Питирим (в миру Константин Владимирович Нечаев), митрополит Волоколамский и Юрьевский, возглавлял Издательский отдел Московской Патриархии (1963–1994) – 250, 341

Плеханов Георгий Валентинович, теоретик и пропагандист марксизма, философ, видный деятель российского и международного социалистического движения.

Входил в число основателей РСДРП, газеты «Искра» – 32

Плющ Леонид Иванович, математик, публицист, участник правозащитного движения в СССР – 19

Подгорный Николай Викторович, Председатель Президиума Верховного Совета СССР (1965–1977) – 319

Подрабинек Александр Пинхосович, российский правозащитник, журналист и общественный деятель – 180

Погодин (Стукалов) Николай Фёдорович, советский сценарист и драматург. Автор трилогии «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты» и «Третья патетическая». Главный редактор журнала «Театр» (1951–1960) – 73

Полторацкий Николай Алексеевич, в эмиграции во Франции состоял в ставропигиальном Братстве Святителя Фотия. В 1948 г. вернулся в СССР по приглашению Московской Патриархии – 161

Померанцев Владимир Михайлович, писатель. Его статья «Об искренности в литературе» (1953), которую А. Твардовский опубликовал в журнале «Новый мир», стала заметным документом периода «оттепели» – 42

Порецкий Натан Маркович (Рейсс Игнатий Станиславович), деятель ЧК-ОГПУ-НКВД, разведчик, невозвращенец. Убит спецгруппой НКВД в Швейцарии – 289

Потье Эжен, французский революционер, анархист, автор слов гимна «Интернационал»; член Первого интернационала и участник Парижской коммуны 1871 г. – 365

Прокофьев Сергей Сергеевич, русский композитор, пианист и дирижёр. В 1918 г. выехал на заграничные гастроли, которые затянулись на восемнадцать лет. В 1936 г. вернулся в СССР – 290

Пустынцев Борис Павлович, советский диссидент, переводчик и режиссёр дубляжа, российский правозащитник. Политзаключённый (1957–1962) – 51, 56, 132, 134, 234

Путин Владимир Владимирович, президент Российской Федерации (2000–2008 и с мая 2012 г.) – 223

Пьяде Моше, деятель югославского партизанского движения, генерал-майор, один из ближайших соратников Иосипа Броз Тито, после Второй мировой войны – государственный деятель Сербии и Югославии – 32

Р

Райт-Ковалёва Рита (урождённая Раиса Яковлевна Черномордик), русская советская писательница и переводчица – 152

Рар Глеб Александрович, русский зарубежный журналист, церковный историк, член Народно-трудового союза – 335

Рахманинов Сергей Васильевич, русский композитор, пианист-виртуоз и дирижёр – 242

Ребиндер Серафим Александрович, граф, член-учредитель и председатель Движения за поместное православие русской традиции (OLTR) в Западной Европе – 297

Рейтлингер Ю.Н., см. Иоанна, монахиня

Ремарк Эрих Мария, немецкий писатель – 270

Ремизов Алексей Михайлович, русский писатель – 189, 199, 294

Рендель Леонид Абрамович, выпускник Исторического

факультета МГУ, преподаватель истории. В 1957 г. арестован и осуждён по «университетскому делу» (дело Краснопевцева) – 171
Риббентроп Иоахим фон, министр иностранных дел Германии (1938–1945), советник Адольфа Гитлера по внешней политике – 52
Роб-Грийе Ален, французский прозаик, сценарист, режиссёр, идеолог «нового романа» – 107
Романов Е.Р., член руководства Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС), один из основателей журнала «Грани» – 335

Рощин Николай (Фёдоров Николай Яковлевич), известный в эмиграции писатель. В годы фашистской оккупации Франции участник Сопротивления. О Сопротивлении мемуары «Парижский дневник». В 1946 г. вместе с первой группой репатриантов вернулся в Советский Союз – 187
Рубин Анатолий, з/к, мастер бокса Белоруссии – 28, 93–94
Руссо Жан Жак, французский писатель, мыслитель – 14

С

Саади, персидский поэт-моралист, представитель практического, житейского суфизма – 358
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович, русский писатель, рязанский и тверской вице-губернатор – 138
Самарин Сергей Сергеевич, французский писатель, переводчик, после войны получил советский паспорт, намереваясь вернуться в Россию. В 1956 г., во время советского вторжения в Венгрию, он вернул паспорт и во второй раз оказался в статусе эмигранта. Автор романа «Крушение», где создан образ эмиграции – 188, 221, 253, 288

Саррот Натали, французская писательница, родоначальник «нового романа», адвокат – 107
Сахаров Андрей Дмитриевич, советский физик, академик АН СССР, один из создателей первой советской водородной бомбы. Впоследствии – общественный деятель, диссидент и правозащитник. Лауреат Нобелевской премии мира за 1975 г. За правозащитную деятельность был лишён советских наград и премий и был выслан из Москвы – 154, 299
Сванидзе Николай Карлович, российский тележурналист, телеведущий, историк, либеральный общественный деятель – 178, 233, 306
Святополк-Мирский Дмитрий Петрович, русский литературовед, критик, публицист. Участник Евразийского движения. В 1932 г. при содействии Горького переехал в Советский Союз. В 1937 г. арестован, приговорён к 8 годам лагерей, в 1939 г. умер в лагере под Магаданом – 293, 373
Серафим (в миру Владимир Миронович Никитин), митрополит Коломенский и Крутицкий – 11, 319–320, 322–323, 329, 334–335, 338–339, 341–342
Серафим Саровский, преп. – 7, 40, 264, 303, 361
Сергиенко Андрей, священник, настоятель храма Иоанна Богослова в Медоне. В 1948 г. вернулся в СССР – 10, 145, 160, 161–163
Сергий (в миру Сергей Алексеевич Коновалов), архиепископ Евкарпийский, управляющий Западно-европейским экзархатом русских приходов Константинопольского Патриархата. С 1994 г. ректор Свято-Сергиевского православно-богословского института в Париже – 202–204, 208, 213, 297

- Сергий Радонежский**, преп. – 303
- Сергий (в миру Иван Николаевич Страгородский)**, митрополит, местоблюститель патриаршего престола, впоследствии Патриарх Московский и всея Руси – 311, 330
- Сезанн Поль**, французский художник-живописец, представитель постимпрессионизма – 22
- Сеземан Василий Эмильевич**, российский, литовский, советский философ-неокантианец, профессор Каунасского и Вильнюсского университетов. Узник ГУЛага – 46
- Симон (в миру Владимир Николаевич Ишунин)**, архиепископ Брюссельский и Бельгийский, временно управляющий Гаагско-Нидерландской епархией – 298
- Симона Синьоре**, французская актриса кино и театра – 192
- Симонов Константин Михайлович**, русский советский писатель, поэт, общественный деятель – 189, 198, 292
- Скоблин Николай Владимирович**, участник Первой мировой и Гражданской войн. Начальник Корниловской дивизии, генерал-майор Белой армии (1920). Во Франции был завербован ГПУ НКВД РСФСР. Выполняя советское задание, в сентябре 1937 г. участвовал в похищении председателя РОВСа генерала Е.К. Миллера. Погиб или убит в 1938 г. (или 1937) – 266, 290
- Смит Хедрик**, американский журналист и тележурналист, корреспондент и редактор-издатель «Нью-Йорк Таймс», автор книг об СССР – 20
- Соколов Михаил**, автор и ведущий еженедельной программы «Радио Свобода» – 183, 218–219, 261, 281
- Солженицын Александр Исаевич**, русский писатель, публицист, общественный и политический деятель, живший и работавший в СССР, Швейцарии, США и России. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1970). Диссидент, активно выступавший против коммунистических идей, политического строя СССР и политики его властей – 46, 67, 107, 141, 181, 183, 200, 219–220, 222, 224–225, 241–243, 250–251, 256, 280, 285–286, 288–289, 295, 306, 310, 314, 319–320, 322, 324–325, 328–330, 332–334, 338, 341–342, 360
- Сосинский Владимир Брониславович**, писатель, литературный критик – 152
- Софокл**, афинский драматург, трагик – 294, 310
- Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович**, руководитель Советского государства с конца 1920-х до самой своей смерти в 1953 г. – 6, 10, 20, 22–23, 65, 79, 91, 107–109, 137, 141, 156, 163, 180, 186, 188, 190, 193, 195, 197, 199, 225, 228, 230, 232–234, 253, 255, 268–269, 271–272, 274, 277, 280, 292, 294, 306, 308, 309–311, 332, 350, 362, 368, 376–377
- Станиславский Константин Сергеевич**, русский театральный режиссёр, создатель знаменитой актёрской системы – 225
- Старк Борис Георгиевич**, протоиерей, служил в Никольском храме при Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа близ Парижа. В 1952 г. вернулся на родину – 373
- Стаханов Алексей Григорьевич**, советский шахтёр, новатор угольной промышленности, основоположник Стахановского движения – 246
- Столыпин Аркадий Петрович**, сын П.А. Столыпина, французский писатель и публицист – 335
- Столыпин Пётр Аркадьевич**, премьер-министр России (1906–1911) – 92, 239, 261–262, 335

- Столярова Наталья Ивановна**, дочь известной эсерки Натальи Сергеевны Климовой. В 1934 г. уехала в СССР, в 1937 г. была арестована, провела в заключении почти девять лет. Работала личным секретарем И.Г. Эренбурга – 295, 367
- Струве Никита Алексеевич**, французский русист, издатель и переводчик. В 1978 г. возглавил издательство YMCA-Press. В 1991 г. в Москве открыл издательство «Русский путь». Главный редактор журнала «Вестник русского христианского движения» – 200, 202–204, 21, 323, 337
- Ступницкий Арсений Федорович**, юрист, журналист. После войны – главный редактор газеты «Русские новости» в Париже – 197, 214
- Суворов Александр Васильевич**, русский полководец, генералиссимус, не потерпевший ни одного поражения в своей военной карьере – 276, 292
- Сувчинский Пётр Петрович**, русский музыкант, музыкальный писатель и организатор, публицист, входивший в круг евразийцев – 172
- Судоплатов Павел Анатольевич**, советский разведчик, сотрудник ОГПУ–НКВД–НКГБ, генерал-лейтенант МВД СССР. Убил лидера ОУН Евгения Коновальца, организовал убийство Льва Троцкого – 82, 233
- Суслов Михаил Андреевич**, советский партийный и государственный деятель. Член Политбюро, Президиума ЦК КПСС, Секретарь ЦК КПСС (1947–82), идеолог партии – 45, 298
- Т**
- Тарасова Алла Константиновна**, советская российская актриса театра и кино, педагог. С 1925 г. в труппе МХАТа, директор театра (1951–1955) – 374
- Татищев Степан Николаевич**, граф, проживал в Париже, культурный атташе Франции в Москве (1971–1974). Много делал для защиты верующих в СССР. Принимал участие в передаче за границу рукописей А.И. Солженицына, за что был выслан из СССР и объявлен «персоной нон грата» – 288, 360, 367
- Твардовский Александр Трифонович**, советский писатель и поэт, главный редактор журнала «Новый мир» (1950–1954; 1958–1970) – 109, 189, 310
- Тельников Владимир Иванович**, переводчик, педагог; входил в подпольный кружок «Союз революционного ленинизма», политзаключённый (1957–1963); распространитель самиздата, передавал правозащитную информацию западным журналистам; в эмиграции жил в Великобритании, работал на Би-би-си – 17, 50–51, 69, 95–97, 109, 127–128, 134, 171
- Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс**, раннехристианский писатель и теолог – 42
- Тихон (в миру Василий Иванович Беллавин)**, Патриарх Московский и всея России (1917–1925) – 203, 311
- Товадзе**, полковник, нач. советской военной репатриационной миссии в Париже – 276
- Товстолес Григорий Николаевич** – 195
- Тодт Фриц**, рейхсминистр вооружения и боеприпасов фашистской Германии (1940–1942), обергруппенфюрер СА – 85
- Толстой Алексей Константинович**, русский писатель, поэт, драматург. Совместно с братьями Жемчужниковыми создал паро-

дийный образ Козьмы Пруткова – 299

Толстой Алексей Николаевич, граф, русский, советский писатель – 285, 290, 345

Толстой Лев Николаевич, русский писатель и мыслитель, один из величайших писателей мира – 244

Толстой Михаил Никитич, внук писателя А.Н. Толстого – 285

Толстой Николай (Толстой-Милославский Николай Дмитриевич), граф, британский историк, политик и писатель русского происхождения, автор книги «Жертвы Ялты» – 78

Третьяков Павел Михайлович, российский предприниматель, меценат, собиратель произведений русского изобразительного искусства, основатель Третьяковской галереи – 228

Третьяков Сергей Николаевич, российский предприниматель, политический деятель. Председатель Экономического совета Временного правительства (1917). Эмигрировал во Францию, деятель Российского торгово-промышленного и финансового союза. С 1929 г. тайно сотрудничал с ОГПУ–НКВД. Расстрелян в немецком концлагере Ораниенбург в 1944 г. – 266

Трещалины, семья в Малоярославце – 53, 141

Тропинин Василий Андреевич, русский живописец и портретист – 359–360

Трофимов Виктор, один из лидеров подпольного кружка «Союз коммунистов-ленинцев», политзаключённый (1957–1963) – 17, 24, 95, 109, 127–129, 135, 171

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович, деятель международного коммунистического движения, один из организаторов Октябрьской революции 1917 г. и один

из создателей Красной армии. Один из основателей и идеологов Коминтерна, деятель советского правительства. С 1923 г. – лидер внутривластной левой оппозиции. В 1929 г. выслан за пределы СССР. Был смертельно ранен агентом НКВД в 1940 г. в Мексике – 285, 374

Трубецкой Петр, репатриант из Франции в 1947 г. – 288

Тургенев Иван Сергеевич, русский писатель, поэт, переводчик – 126, 128, 368

Тхоржевский Иван Иванович, русский поэт и переводчик. Главный переводческий труд – рубаи Омара Хайяма – 263

Тютчев Фёдор Иванович, русский поэт, дипломат, публицист – 364

У

Угримов Александр Александрович, эмигрант, герой французского Сопротивления, затем входил в Союз советских патриотов, после возвращения в 1948 г. в СССР шесть лет лагерей, автор воспоминаний «Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту» – 46, 57, 263, 270–271, 275, 282, 293, 295

Угримов Александр Иванович, до революции известный агроном, в 1922 г. с семьёй был выслан за границу – 151

Угримова Ирина Николаевна, жена Александра Александровича Угримова, театральная художница. В 1948 г. с семьёй вернулась из Франции в СССР. Через полгода вся семья оказалась под арестом. Ирина Николаевна приговорена к 8 годам ИТЛ – 57, 271, 377

Угримова Надежда Владимировна, жена Александра Ивановича Угримова – 368

Успенская Лидия Александровна, ур. Савинкова-Мягкова, жена

Л.А. Успенского. В эмиграции в Париже – 330

Успенский Леонид Александрович, русский иконописец, богослов, автор труда «Богословие иконы Православной Церкви» – 199, 330

Ульбрихт Вальтер, деятель компартии Германии. Руководитель ГДР, Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии (1950–1971) инициатор строительства Берлинской стены – 306

Уфлянд Владимир Иосифович, русский советский поэт, прозаик, художник 59, 65–66

Ф

Фальк Роберт Рафаилович, российский еврейский живописец, художник еврейского театра на идише – 42

Фельдман Алик («Аякс»), з/к по делу киевской группы социал-демократов – 28, 58, 91–92, 94, 99

Феофан (в миру Олег Иванович Галинский), архиепископ Берлинский и Германский – 298

Филарет (в миру Кирилл Варфоломеевич Вахромеев), с 1990 г. митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси. Архиепископ Берлинский и Среднеевропейский, Патриарший Экзарх Средней Европы (1973–1978) – 327

Флоренский Павел Александрович, русский православный священник, богослов, религиозный философ, учёный, поэт – 165, 200, 204

Фра Беато Анджелико, итальянский художник эпохи Раннего Возрождения, доминиканский монах – 173

Фрагонар Жан Оноре, французский живописец и гравёр – 359

Франко Франсиско, испанский военный и государственный деятель, генералиссимус, правитель Испании (1939–1975) – 81, 235

Франциск Ассизский, католический святой, учредитель названного его именем нищенствующего монашеского ордена – 40

Х

Хайям Омар, персидский поэт, философ, математик, астроном, астролог – 263

Хаксли Олдос, английский писатель, автор известного романа-антиутопии «О дивный новый мир» – 245

Харвуд Рональд, британский писатель, драматург, сценарист фильма «Один день Ивана Денисовича» (Швеция, 1970) – 191

Хемингуэй Эрнест, американский писатель, журналист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1954 г. – 270

Хенкин Кирилл Викторович, русский писатель, журналист и переводчик – 373

Ходорковский Михаил Борисович, российский предприниматель, общественный деятель – 232

Хоххут Рольф, немецкий драматург – 72

Хрущёв Никита Сергеевич, Первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964), председатель Совета министров СССР (1958–1964) – 23, 30, 40, 109, 128–129, 164

Ц

Цвейг Стефан, австрийский писатель, критик, автор множества новелл и беллетризованных биографий – 110

Цветаева Анастасия Ивановна, русская писательница, младшая сестра Марины Цветаевой – 161

Цветаева Марина Ивановна, русский поэт, прозаик, переводчик – 104, 161, 286, 289

Ч

Чавчавадзе Ольга (Некрасова), училась вместе с Н.И. Кривошеиным в школе при «Союзе советских граждан» в Париже – 368

Чекан Аник, внук генерала Е.К. Миллера – 374

Чернов Виктор Михайлович, русский политический деятель, революционер, один из основателей партии социалистов-революционеров – 288

Черноуцан Игорь Сергеевич, литератор, партийный работник. Муж поэтессы Маргариты Алигер – 308

Чертков Леонид Натанович, российский поэт, прозаик, историк литературы, переводчик, политзаключённый, участник лагерного самиздата – 59, 64, 66, 69, 108

Черчилль Уинстон, премьер-министр Великобритании (1940–1945, 1951–1955) – 188, 274, 308

Чешков Марат Александрович, историк Вьетнама, специалист по развивающимся странам, политолог. Участник диссидентского кружка Льва Краснопевцева. Политзаключённый (1957–1963) – 17, 28, 75–76, 94, 117

Чубайс Игорь Борисович, российский философ и социолог, автор многих научных и публицистических работ – 228–229

Чуковский Корней Иванович, русский, советский писатель, поэт, переводчик, лит. критик – 363, 368

Ш

Шаламов Варлам Тихонович, русский прозаик и поэт, автор

рассказов о советских лагерях – 66, 97

Шаяпин Федор Иванович, русский оперный и камерный певец – 242

Шаховская Зинаида Алексеевна, русская литератор и мемуаристка, сестра архиепископа Иоанна (Шаховского) – 277, 291, 339, 342

Швейцер Александр Давидович, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, профессор, один из создателей советской школы переводчиков-синхронистов – 16

Шелепин Александр Николаевич, советский комсомольский, партийный и государственный деятель – 319

Ширак Жак, президент Франции (1995–2007) – 173, 300

Шмелёв Иван Сергеевич, русский писатель, публицист, православный мыслитель, с 1923 г. в эмиграции в Париже, где прожил 27 лет – 286

Шмидт Пауль-Отто, переводчик Министерства иностранных дел Германии (1924–1945), официальный переводчик Адольфа Гитлера (с 1935). Арестован союзниками в 1945 г., освобождён в 1948 г. С 1952 г. – ректор Мюнхенского института иностранных языков и переводчиков – 52

Шморель Александр Гугович, один из основателей немецкой студенческой группы Сопротивления «Белая Роза», действовавшей в Третьем рейхе. Казнён в Мюнхене в 1943 г. Причислен к лику святых РПЦЗ – 304, 306–307

Шолохов Михаил Александрович, советский писатель и общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1965) – 103

Шольц Ганс, активист Сопротивления нацистскому режиму в Германии. Вместе со своей сестрой

Софи Шолль и несколькими другими студентами Мюнхенского университета он создал группу «Белая роза», разбрасывавшую листовки. В 1943 г. Софи и Ганс Шолль были арестованы по обвинению в государственной измене и казнены на гильотине – 306
Шолль Софи, см. Шоль Ганс – 306
Шпиллер Всеволод Дмитриевич, протоиерей; проповедник. Участник Гражданской войны в составе Добровольческой армии, эмигрировал в 1920 г. Вернулся в СССР в 1950 г. – 330
Штрик-Штрикфельд Вильфрид Карлович, русский и немецкий офицер. В 1941–1945 гг. был переводчиком и офицером германской армии. Ближайший соратник и друг генерала А.А. Власова – 280

Э

Эйзенхауэр Дуайт Дэвид, американский государственный и военный деятель, генерал армии, Верховный главнокомандующий экспедиционными силами после открытия Второго фронта, руководил англо-американскими силами при высадке войск в Нормандии 6 июня 1944 г. 34-й президент США (1953–1961) – 47
Эйснер Алексей Владимирович, русский поэт, переводчик, прозаик. В 1936 г. защищал Республику в Испании, был адъютантом командира 12-й Интернациональной бригады генерала Лукача (писатель Матэ Залка). В 1940 г. вернулся в СССР, вскоре был арестован и приговорён к 8 годам лагерей, потом в «ссылке навечно» в Карагандинской области. В 1956 г. реабилитирован, вернулся в Москву. С 1963 по 1968 г. трудился над книгой воспоминаний «Двенадцатая Интернацио-

нальная», в сокращённом варианте её напечатал «Новый мир» (1968, № 6) – 289, 373

Энтель Наталья Алексеевна (ур. Мещерская), старшая сестра Н.А. Кривошеиной (ур. Мещерской), тетья Н.И. Кривошеина, его крестная – 347–348, 379, 380–381

Эпштейн Виктор, режиссёр и сценарист док. фильма «Не будем проклинать изгнание» – 232, 293
Эренбург Илья Григорьевич, русский, советский прозаик, поэт, переводчик, публицист, общественный деятель. В 1921 г. уехал за границу. Был близок к левым кругам французского общества, активно сотрудничал с советской печатью. В 1940 г. вернулся в СССР. В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом газеты «Красная звезда» – 20, 189, 198, 290, 292, 367

Эфрон Ариадна Сергеевна, переводчица, мемуарист, художница, искусствовед; дочь Марины Цветаевой и Сергея Эфрона. Провела 8 лет в исправительно-трудовых лагерях и 6 лет в ссылке, реабилитирована в 1955 г. – 289

Эфрон Георгий Сергеевич, сын Марины Цветаевой, автор, переводчик и постоянный персонаж дневников самой поэтессы (Мур, так она называла сына сама). Был ранен в бою 7 июля 1944 г. и направлен в полевой медсанбат. Больше сведений нет, и могила его неизвестна – 161
Эфрон Сергей Яковлевич, российский публицист, литератор, офицер Белой армии, марковец, первопоходник, евразиец, агент НКВД. Муж Марины Цветаевой, отец её детей – Ариадны, Ирины и Георгия (Мура). Приговорён по ст. 58-1-а УК к высшей мере наказания и расстрелян в 1941 г. – 104, 289–290, 373

Ю

Ювеналий (в миру **Владимир Кириллович Поярков**), митрополит Крутицкий и Коломенский с 1977 г., постоянный член Священного Синода РПЦ. Епископ (с 1972 г. митрополит) Тульский и Белёвский (1969–1972), председатель Отдела внешних церковных сношений (1972–1981) – 320–321, 328, 331, 333, 337–338, 341–342
Юон Константин Фёдорович, русский советский живописец, мастер пейзажа, театральный художник, теоретик искусства – 358

Я

Якир Иона Эммануилович, военачальник времён Гражданской войны. Расстрелян в ходе Сталинской чистки (1937). Посмертно реабилитирован (1957) – 113
Якир Пётр Ионович, российский советский историк, участник правозащитного движения. Сын И.Э. Якира – 222
Ярошенко Александр, поэт, политзаключённый – 59, 66

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловия

Жорж Нива 5

Сергей Чапнин 9

Камерная молитва
(от автора) 14

I

Мемуарная проза

Быть русским
в 1956 году 19

Блаженный
Августин 29

«Проснулись Игорь
и Антон...» 59

«Долг памяти», или
«Смотри, жидёнка
приморили...» 71

Сурдокамера 101

Разработчик 121

Первая Пасха
в «Большой зоне» . . 137

II**Прислушиваясь к слову
и памяти...**

Мать Мария в Советском
Союзе 147

Воспоминания
об отце Андрее
Сергиенко 161

Памяти Константина
Ясевича
Андроникова 165

Вадим Козовой 171

С чего начинается
ветеран 177

III**Выступления, интервью,
публицистика**

Восток — Запад, или
Четыре трети нашей жизни
(интервью Екатерине Богополь-
ской, «Русская мысль») . . . 185

Возвращается ли ветер
на круги свои? 197

О России и русском
Зарубежье
(беседа с Михаилом Соколовым
на «Радио Свобода») 219

«Мы» и русский патриотизм
(беседа со студентами
МГИМО) 241

Парадоксальные
созвездия истории
(интервью Михаилу Соколову,
«Радио Свобода») 261

Последний репатриант 285

Об общем и частном
(из беседы на сайте
«Православие.ру»). 297

Об «уме, чести и совести
нашей эпохи» 305

Владыка Василий,
выдворение А.И. Сол-
женицына и церковные
иерархи. 313

P.S. Русский француз
Автобиографический очерк 345

Именной указатель 388

Никита Кривошеин
Дважды Француз
Советского Союза

Мемуары / Выступления / Интервью / Публицистика

Ответственный редактор – А.И. Стариченков
Художник – С.Б. Трофимов
Корректоры – Н. Лукиянова, Е.Ю. Рогова
Технический редактор – В.В. Кременецкий

Подписано в печать 10.02.2016. Формат 84x108/32
Печать офсетная. Объем 13 печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 280.

ООО Издательство «Христианская библиотека»,
603086, г. Нижний Новгород, ул. Стрелка, д. 4-а, оф. 20.
Тел. (8-831) 277-64-75

Отпечатано в АО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@r-d-p.ru
www.r-d-p.ru

Воспоминания Никиты Кривошеина дороги тем, что это взгляд на мир глазами русского европейца. От них веет добротой, смиренным принятием всего того, что пришлось пережить. Это мужественное, честное и в то же время доброе и деликатное свидетельство о тех страницах истории России и русского народа, которые пропаганда — и советская, и нынешняя — стремится вычеркнуть из нашей памяти. В этих воспоминаниях есть цельный образ прошлого, которому дана нравственная оценка. Так можно без стыда подводить итог своей жизни. Сохранение исторической памяти невозможно без нравственного усилия, без воспитания души. К этому нас и побуждает чтение воспоминаний Никиты Кривошеина.

